И 126/2030

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

ВЪ

ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ,

СНАРЯЖЕННОЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ОТДѢЛЪ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

СОБРАННЫЯ

Д. ЧЛ. П. П. ЧУБИНСКИМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

ЧЛ.-СОТР. П. А. ГИЛЬТЕБРАНДТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
12182-52

ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗ

ОТЪ КОММИССІИ

ПО СНАРЯЖЕНІЮ

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

ВЪ

ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ.

Мысль о снаряженіи Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край возникла въ 1862 году. По докладу управлявшаго тогда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретаря А. В. Головнина, Государь Императоръ, 8-го сентября 1862 года, Высочайше повелѣть соизволилъ передать изъ суммъ Министерства въ Русское Географическое Общество десять тысячь рублей для отправленія непремѣнно въ 1863 году означенной экспедиціи.

Получивъ извѣщеніе о таковой Монаршей волѣ, Совѣтъ Общества, въ засѣданіи своемъ 21-го сентября 1862 года, положилъ просить членовъ своихъ А. К. Гирса, П. П. Семенова и А. И. Бутовскаго, войдти въ ближайшее разсмотрѣніе сущности задачи предполагаемой экспедиціи.

Избранная Коммиссія внесла въ Совѣтъ нижеслѣдующія свои соображенія: 1) о предметѣ изысканій экспедиціи; 2) объ области, на которую должны распространяться ея дѣйствія; 3) о времени, въ теченіе котораго должны быть совершены ея труды, и 4) объ ея составѣ.

Относительно предметовъ изслѣдованія Коммиссія полагала, что въ общихъ чертахъ задача экспедиціи должна обнимать слѣдующіе предметы: 1) изслѣдованія о народностяхъ Западно-Русскаго края, и именно — о племенныхъ различіяхъ, выражающихся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, объ относительной численности племенъ края, важнѣйшихъ этнографическихъ границахъ и пр.; 2) изслѣдованія о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ и степени его религіозной и нравственной культуры; 3) изслѣдованія хозяйственнаго быта различныхъ племенъ Западно-Русскаго края и степени ихъ матеріальнаго благосостоянія.

*

Въ составъ области, на которую должны распространяться изслѣдованія экспедиціи, по предположенію Коммиссіи, должны были входить девять губерній, располагающихся въ трехъ групахъ: Бѣлорусской (губерніи Витебская, Могилевская и Минская), Литовской (губерніи Виленская, Ковенская и Гродненская) и Украинской (губерніи Кіевская, Волынская и Подольская).

Касательно времени, въ которое должна быть произведена экспедиція, Коммиссія, въ виду живого интереса задачъ, подлежащихъ изслѣдованію, полагала необходимымъ пріурочить собственно собраніе матеріаловъ на мѣстахъ къ непродолжительному, по возможности, періоду времени, напримѣръ, къ сроку одного года.

Наконецъ, относительно личнаго состава экспедиціи, Коммиссія полагала необходимымъ поставить во главу ея трехъ лицъ и поручить каждому изъ нихъ или изслѣдованіе одного изъ трехъ вопросовъ, составляющихъ предметъ экспедиціи, на пространствѣ всего Западно-Русскаго края, или же изслѣдованіе одной изъ трехъ территоріальныхъ группъ, по всѣмъ вопросамъ экспедиціи, и сверхъ того, къ каждому изъ этихъ трехъ лицъ придать по особому помощнику.

Сообразно съ таковымъ планомъ Коммиссія полагала, что Высочайше дарованная сумма въ десять тысячь рублей можетъ быть достаточна только на путевыя издержки членовъ экспедиціи, и что на изданіе ея трудовъ потребуется ассигнованіе особыхъ средствъ.

Вышеизложенныя соображенія Коммиссіи были вполнѣ одобрены Совѣтомъ, при чемъ, въ дальнѣйшемъ обсужденіи плана экспедиціи, выяснилось то именно обстоятельство, что составъ экспедиціи долженъ быть опредѣленъ не территоріальными подраздѣленіями области ея изслѣдованій, а вопросами, входящими въ ея задачу. Согласно съ этимъ принципомъ, Совѣтъ озаботился пріисканіемъ лицъ, на которыхъ можно было бы возложить труды по экспедиціи. Для спеціально-этнографической части ея, то есть, для изслѣдованія преимущественно племенныхъ отношеній, Совѣтъ остановился на д. чл. А. Ѳ. Гильфердингѣ; изслѣдованія народнаго быта въ отношеніи религіозномъ онъ полагалъ возложить на д. чл. М. О. Кояловича; изслѣдованія же статистическія и по предмету хозяйственнаго быта предполагалось поручить д. чл. А. Б. фонъ-Бушену, съ назначеніемъ ему трехъ помощниковъ, изъ числа лицъ, служащихъ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ.

Въ концѣ 1862 года всѣ означенныя лица уже заявили о своемъ согласіи принять на себя порученія Общества и внесли въ Совѣтъ его свои предположенія относительно предстоящихъ имъ занятій. Для обсужденія

этихъ программъ и составленія изъ нихъ общей инструкціи, была образована особая Коммиссія изъ членовъ Совѣта, членовъ, избранныхъ Отдѣленіями Этнографіи и Статистики, и всѣхъ лицъ, которыя должны были принять участіе въ экспедиціи. Но обнаружившимся вслѣдъ затѣмъ въ западныхъ провинціяхъ Имперіи политическимъ волненіямъ суждено было остановить мирное предпріятіе науки, и Общество принуждено было отложить отправленіе предположенной имъ на 1863 годъ экспедиціи до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Съ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ Западно-Русскаго края, Совѣтъ Общества, въ началѣ 1865 года, нашелъ возможнымъ снова возбудить вопросъ объ осуществленіи этнографическо-статистической экпедиціи въ эту часть Имперіи, и по полученіи заявленій отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаря П. А. Валуева и Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края Генералъ-Адъютанта К. П. Кауфмана о томъ, что съ ихъ стороны не встрѣтится препятствій къ исполненію означеннаго предпріятія Общества, приступилъ снова къ подготовительныхъ мѣрамъ по этому предмету.

Въ засѣданіи соединенныхъ Отдѣленій Этнографіи и Статистики 19-го января 1867 года программы, представленныя въ 1862 году дд. члл. А. Б. фонъ-Бушеномъ, А. Ѳ. Гильфердингомъ и М. О. Кояловичемъ, были подвергнуты новому обсужденію. При этомъ обнаружилось, что именно этнографическое изученіе Западно-Русскаго края должно лечь въ основаніе статистическихъ въ немъ изслѣдованій; что поэтому первоначальною задачей экспедиціи должно быть проведеніе этнографическихъ границъ между племенами, обитающими въ краѣ; что затѣмъ бытъ каждаго племени долженъ быть изученъ въ отдѣльности, въ главныхъ чертахъ, а по предмету статистики главное вниманіе должно быть обращено на экономическія отношенія разныхъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не выясниться и то обстоятельство, что измѣнившіяся политическія обстоятельства Западно-Русскаго края должны оказать необходимое вліяніе на тѣ задачи, которыя предстоятъ экспедиціи; что вслѣдствіе того спеціальное изслѣдованіе религіозной стороны народнаго быта не представляется особенно необходимымъ, но что, напротивъ того, должно быть обращено вниманіе на разнообразныя отношенія еврейской части мѣстнаго населенія къ другимъ элементамъ сего послѣдняго. Вышеизложенныя мысли было признано необходимымъ положить въ основаніе всего плана экспедиціи, а для разработки таковаго плана, и затѣмъ, вообще для снаряженія экспедиціи образовать особую Коммиссію изъ слѣдующихъ лицъ: дд. члл. А. И. Артемьева, П. О. Бобровскаго, А. Б. фонъ-Бушена, А. Ѳ. Гильфердинга, В. В. Григорьева, М.

О. Кояловича, В. И. Ламанскаго, Е. И. Ламанскаго, В Д. Левшина, П. П. Семенова, С. П. Щепкина, Ю. Э. Янсона и секретарей Отдѣленій Этнографіи Л. Н. Майкова и Статистики М. Н. Раевскаго [1]).

Въ этомъ составѣ Коммиссія въ теченіе весны 1867 года выработала нижеслѣдующій планъ экспедиціи: Выполненіе всей вообще задачи экспедиціи должно состоять: 1) въ этнографическомъ изученіи собственно Русскаго населенія, 2) въ изслѣдованіи быта Литовцевъ и Латышей, 3) въ изученіи Еврейскаго населенія, 4) въ исчисленіи всѣхъ племенъ, обитающихъ въ Западно-Русскомъ краѣ по вѣроисповѣданію и народности, и 5) въ статистическомъ изученіи экономической жизни Западно-Русскаго края. Сообразно съ такимъ планомъ, въ томъ же 1867 г. Коммиссія, за отказомъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, лицъ, прежде назначавшихся въ экспедицію, пріискала другихъ изслѣдователей, именно чл.-с. С. В. Максимова, принявшаго на себя этнографическое изученіе Бѣлорусскаго племени въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и бывшаго секретаря Могилевскаго Статистическаго Комитета Н. Я. Дубенскаго, на котораго были возложены статистико-экономическія изслѣдованія во всемъ Западно-Русскомъ краѣ.

Программы занятій обоихъ этихъ изслѣдователей были опредѣлены по соглашенію ихъ съ Коммиссіей, на основаніи записокъ, внесенныхъ въ нее обоими командируемыми лицами.

По силѣ этого соглашенія, задача г. Максимова была заключена главнымъ образомъ въ томъ, чтобы опредѣлить племенную границу Бѣлорусскаго племени, и затѣмъ, охарактеризовать этнографическій типъ Бѣлоруссa въ отличіе отъ типовъ Великоросса и Малоросса. Задача эта выполнена изслѣдователемъ въ теченіе двухъ его поѣздокъ по Сѣверо-Западному краю въ 1867 и 1868 годахъ; затѣмъ, часть любопытныхъ его наблюденій была сообщаема имъ въ засѣданіяхъ Общества, а полный отчетъ имѣетъ быть внесенъ и можетъ быть отпечатанъ въ теченіи 1873 года.

Въ кругъ занятій Н. Я. Дубенскаго должны были войдти слѣдующіе предметы: 1) исчисленіе населенія Западно-Русскаго края по племенамъ и вѣроисповѣданію, и 2) изученіе экономической жизни населенія, въ зависимости отъ условій природы края, а также подъ вліяніемъ тѣхъ реформъ, которыя произведены въ краѣ въ послѣдніе года. Для изученія этихъ предметовъ г. Дубенскій провелъ въ Западно-Русскомъ краѣ болѣе полутора года,

[1]) При открытіи дѣйствій означенной Коммиссіи предсѣдателемъ ея избранъ П. П. Семеновъ. Въ послѣдствіи, въ занятіяхъ Коммиссіи, по приглашенію ея, приняли участіе дд. члл. Н. И. Костомаровъ, Ѳ. Ѳ. Миллеръ и чл.-с. П. А. Гильтебрандтъ. Дѣлопроизводство въ Коммиссіи возложено было на д. чл. Л. Н. Майкова. Секретари Общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ и затѣмъ графъ К. Ѳ. Литке также принимали постоянное и дѣятельное участіе какъ въ занятіяхъ Коммиссіи, такъ и вообще въ организаціи всей экспедиціи.

начиная съ іюня 1867 года. Но разъѣзды его простирались далеко не по всѣмъ предѣламъ того района, который подлежалъ его изслѣдованію. Какъ это обстоятельство, такъ и другія, устраненіе которыхъ было выше средствъ Общества, были причиною, что занятія г. Дубенскаго не увѣнчались успѣхомъ, не смотря на достаточную подготовленность его къ исполненію возложеннаго на него порученія. Вслѣдствіе этихъ причинъ, Коммиссія, принявъ отъ г. Дубенскаго нѣкоторые собранные имъ сырые матеріалы, должна была отказаться отъ надежды получить отъ него полный отчетъ.

Въ виду этихъ непредвидѣнныхъ случайностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая преслѣдовать задачу экспедиціи, Коммиссія съ признательностью приняла въ 1869 году предложеніе своего сочлена, д. чл. П. О. Бобровскаго, составить статистико-экономическій очеркъ Сѣверо-Западнаго края, а таковую же задачу, по Юго-Западному краю, положила поручить тому лицу, которое вообще будетъ приглашено для выполненія задачи экспедиціи въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской.

Старанія Коммиссіи найдти лицъ для изученія Литовцевъ и Латышей въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а также для изученія населенія Юго-Западнаго края, увѣнчались успѣхомъ въ томъ же 1869 году. Весною этого года Коммиссія избрала для выполненія первой задачи кандидата С.-Петербургскаго университета Ю. П. Кузнецова, а для выполненія второй задачи — бывшаго секретаря Архангельскаго Статистическаго Комитета П. П. Чубинскаго. Предметы и кругъ изслѣдованій обоихъ этихъ лицъ, по бывшему примѣру, были опредѣлены по соглашенію командируемыхъ съ Коммиссіей и на основаніи внесенныхъ ими самими предположеній.

Въ частности, г. Кузнецову вмѣнено было въ обязанность опредѣлить границы Литовскаго и Латышскаго племенъ въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края, исчислить количество того и другаго на основаніи списковъ населенныхъ мѣстъ, изслѣдовать мѣстные оттѣнки въ средѣ Литовскаго племени, и вообще, по возможности, всесторонне изучить бытъ Литовцевъ и Латышей Сѣверо-Западнаго края, не упуская притомъ изъ виду и экономической стороны этого быта. Г. Кузнецовъ понынѣ еще продолжаетъ свои изслѣдованія; представленіе имъ отчета было замедлено особенною трудностью коротко ознакомиться какъ съ языкомъ, такъ и съ бытомъ малоизвѣстныхъ народностей, подлежавшихъ его наблюденію. Но трудолюбіе этого изслѣдователя, а равно и сообщаемыя имъ извѣстія о ходѣ его работъ, оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что отчетъ, ожидаемый отъ него въ 1873 году, вполнѣ удовлетворитъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть къ нему обращены.

Планъ занятій г. Чубинскаго былъ почти такой же, какъ и планъ г. Кузнецова, но съ тою разницей, что его изслѣдованія имѣли быть обра-

щены одинаково на всѣ народности, обитающія въ Юго-Западномъ краѣ. Какъ подробности этого плана, такъ и ходъ его работъ съ 1869 по 1871 годъ изложены въ особомъ предисловіи изслѣдователя къ издаваемымъ нынѣ его трудамъ. Съ своей стороны, Коммиссія не могла не цѣнить той неутомимой энергіи, съ которою г. Чубинскій велъ свои изслѣдованія, а равно, въ интересахъ экспедиціи, призывалъ другихъ лицъ къ участію въ нихъ.

Результаты трудовъ г. Чубинскаго начали поступать въ Общество съ половины 1870 года. Коммисія постоянно подвергала ихъ разсмотрѣнію какъ въ своей средѣ, такъ и чрезъ особыхъ спеціалистовъ по предмету этнографіи. Большая часть поступившихъ матеріаловъ и изслѣдованій заслужили полное одобреніе тѣхъ лицъ, которыя ихъ разсматривали; нѣкоторые же отдѣлы были признаны излишними или же подлежащими переработкѣ. Тѣмъ не менѣе въ исходѣ 1871 года Коммиссія признала возможнымъ приступить къ изданію трудовъ г. Чубинскаго, при чемъ положила поручить наблюденіе за печатаніемъ ихъ д. чл. Н. И. Костомарову и чл.-с. П. А. Гильтебрандту [1]). Предварительно печатанія всѣ труды г. Чубинскаго были сгруппированы въ слѣдующіе семь томовъ:

Томъ I-й (два выпуска): Общее предисловіе. — Легенды, загадки, пословицы, колдовство.

Томъ II-й: Сказки миѳическія и бытовыя.

Томъ III-й: Народный календарь.

Томъ IV-й: Пѣсни обрядовыя.

Томъ V-й: Пѣсни бытовыя.

Томъ VI-й: Волостные суды.

Томъ VII-й (два выпуска): Евреи, Поляки. — Статистика Малорусскаго населенія; обзоръ малорусскихъ говоровъ; жилище, пища и одежда Малороссовъ.

Наблюденіе за печатаніемъ томовъ III, IV и V поручено д. чл. Н. И. Костомарову, а за печатаніемъ остальныхъ чл.-с. П. А. Гильтебрандту.

---

[1]) Приводимъ относящееся сюда мѣсто изъ журнала засѣданія Коммиссіи по снаряженію экспедиціи въ Западно-Русскій край, 4-го октября 1871 года: «Н. И. Костомаровъ предложилъ Коммиссіи свои услуги для печатанія подъ его редакціей пѣсенъ Юго-Западнаго края, собранныхъ П. П. Чубинскимъ, при чемъ онъ готовъ присовокупить къ этому собранію и тѣ пѣсни, которыя записаны имъ самимъ въ той же мѣстности. Коммиссія съ глубокою благодарностью приняла предложеніе г. Костомарова и опредѣлила: препрводить къ нему для приготовленія къ печатанію тѣ части трудовъ г. Чубинскаго, въ которыхъ помѣщены пѣсни.

Въ засѣданіи Коммиссіи 27-го ноября 1871 года П. А. Гильтебрандтъ прочелъ письмо свое на имя П. П. Семенова, съ изложеніемъ тѣхъ основныхъ правилъ, которыми онъ думаетъ руководствоваться при поручаемомъ ему Коммиссіей изданіи этнографическихъ трудовъ г. Чубинскаго. Письмо это, переданное предсѣдателемъ [1]) на обсужденіе Коммиссіи, дало поводъ къ установленію слѣдующихъ правилъ, которыя г. Гильтебрандтъ имѣетъ принять въ руководство при поручаемомъ ему изданіи этнографическихъ трудовъ г. Чубинскаго.

1. Редакторъ, согласно желанію автора, обязанъ сглаживать шероховатости въ текстѣ г. Чубинскаго, не позволяя себѣ однако никакихъ измѣненій въ изложеніи, которыя клонились бы къ измѣненію сообщаемыхъ авторомъ фактовъ.

2. Правописаніе должно быть принято не этимологическое, а фонетическое, дабы соблюсти всѣ разнообразные говоры и иногда малѣйшія мѣстныя измѣненія произношенія; при томъ въ произношеніи словъ слѣдуетъ строго держаться рукописи, возлагая на нее отвѣтственность. Въ частности, главныя основанія правописанія должны быть слѣдующія:

а) малорусское твердое *е* обозначается великорусскимъ *е*.

б) мягкое *е* обозначается повсемѣстно, т. е. и на концѣ словъ, наприм. *мое, твое*, черезъ *є* согласно съ начертаніемъ древнимъ.

в) для выраженія малорусскаго *ю*, выражаемаго въ рукописи г. Чубинскаго чрезъ *йо, ьо*, слѣдуетъ употреблять *ё*.

г) гласные звуки, начинающіе слово, не должны имѣть предшествующаго *й*, какъ принято было въ рукописи г. Чубинскаго.

д) буква *ъ* должна быть употребляема постоянно.

е) для твердаго *г* должна быть употребляемо старинное написаніе *кг*.

ж) слова: весилля, кохання — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выговариваются — какъ весилле, въ другихъ весилье, а потому придерживаться рукописи.

з) звукъ *щ* означать буквою *щ*, а не *шч*, какъ дѣлаетъ г. Чубинскій.

«Имѣя въ виду на будущее время ускорить ходъ печатанія этихъ трудовъ, Коммиссія предположила сосредоточить въ рукахъ одного лица, спеціально знакомаго съ Западно-Русскимъ краемъ, наблюденіе за изданіемъ трудовъ г. Чубинскаго. А. Ѳ. Гильфердингъ, М. О. Кояловичъ и Л. Н. Майковъ указали на П. А. Гильтебрандта, какъ на лицо, занимавшееся этнографическими и историческими изысканіями въ Западно-Русскомъ краѣ и изучавшее мѣстныя нарѣчія, и которое могло бы принять на себя вышеупомянутый надзоръ. Коммиссія поручила означеннымъ членамъ своимъ вступить въ сношеніе съ г. Гильтебрандтомъ и, въ случаѣ согласія его, установить правила редакціи и затѣмъ передать ему, для окончательнаго приготовленія къ печати, тѣ томы трудовъ г. Чубинскаго, которые, не заключая въ себѣ пѣсенъ, не будутъ печататься подъ наблюденіемъ г. Костомарова».

[1]) За отсутствіемъ П. П. Семенова, предсѣдательствовалъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

и) звукъ *и*, острый, тонкій, опредѣлительный, иногда вмѣсто *ѣ*, также въ надежныхъ флексіяхъ, обозначается чрезъ *і;* но, во всякомъ случаѣ, согласно съ обозначеннымъ въ рукописи мѣстнымъ произношеніемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ говорахъ въ этихъ случаяхъ слышится довольно твердое *и*.

і) звукъ *и*, средній между *і* и *ы*, обозначается чрезъ *и*.

к) звукъ *у*, средній между чистымъ *у* и *в*, обозначается $\widehat{y}$.

л) дифтонги *уы*, *оу* обозначаются $\widehat{уы}$, $\widehat{уо}$.

м) въ возвратномъ мѣстоименіи *ся*, приставляемомъ къ глаголу, *с* удерживается и тамъ, гдѣ въ рукописи *тьця*, слѣдуетъ писать *ться*, гдѣ въ рукописи *тця* или ця, слѣдуетъ писать *тся;* гдѣ же въ рукописи одно *ця* — безъ *т* — тамъ его удержать, наприм. бъеця; то же самое слѣдуетъ и относительно *се*.

н) краткій союзъ *й* долженъ стоять отдѣльно.

3. Къ каждому отдѣлу этнографическаго труда г. Чубинскаго имѣетъ быть составленъ указатель — во-первыхъ, мѣстностей, и во-вторыхъ предметовъ и реченій.

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ,

СОБРАННЫМЪ П. П. ЧУБИНСКИМЪ.

Императорскому Русскому Географическому Обществу угодно было возложить на меня изслѣдованіе Юго-Западнаго края въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ.

Отправляясь въ экспедицію, я изложилъ передъ Коммиссіей по снаряженію экспедиціи въ Западно-Русскій край соображенія, которыми я считалъ долгомъ руководствоваться при изученіи ввѣреннаго моему изслѣдованію Юго-Западнаго края. Сперва я указалъ на необходимость раздвинуть предѣлы изслѣдованія, не ограничиваясь Юго-Западнымъ краемъ въ административномъ смыслѣ, но присоединяя сюда южныя части Гродненской и Минской губерній, западныя Люблинской и Сѣдлецкой и сѣверо-восточную часть Бессарабіи. — Коммиссія утвердила этотъ районъ изслѣдованій.

Затѣмъ, по выслушаніи моего доклада о необходимости не только изучить составъ населенія края и взаимныя отношенія элементовъ, составляющихъ населеніе, но и собрать возможно большее количество матеріаловъ, касающихся этнографіи господствующаго въ краѣ населенія, тѣмъ болѣе, что населеніе это представляетъ разновидности (на нѣкоторые отличительные признаки

Украинцевъ, Полѣщуковъ и Подолянъ я тогда же указалъ), — Коммиссія признала нужнымъ собраніе этнографическихъ матеріаловъ о господствующемъ племени, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поручила мнѣ прослѣдить разновидности и собрать этнографическіе матеріалы, не руководясь предвзятою идеею о трехъ главныхъ разновидностяхъ, такъ какъ, при ближайшемъ и подробномъ изслѣдованіи, разновидностей могло оказаться больше.

При этнографическомъ изслѣдованіи можно дѣйствовать двоякимъ путемъ: или свои субъективныя впечатлѣнія изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая, такимъ образомъ, возможность всякому видѣть народъ независимо отъ впечатлѣній наблюдателя.

Я избралъ второй методъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) До сихъ поръ не было произведено полнаго всесторонняго этнографическаго изслѣдованія о Малороссіянахъ. Собиратели матеріаловъ касались одной какой-либо стороны народной жизни; наиболѣе полны — сборники пѣсень разныхъ лицъ, а также сборникъ пословицъ Номиса. Относительно вѣрованій, обрядовъ, примѣтъ, гаданій, нашептываній, заклинаній, игръ и забавъ, юридическихъ обычаевъ, бытовой обстановки и оттѣнковъ говоровъ — собрано весьма мало матеріаловъ. Матеріалы эти разбиты, разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались недоступными.

2) До сихъ поръ изъ значительной части изслѣдованнаго мною района не было почти никакихъ этнографическихъ матеріаловъ; такъ, напримѣръ, изъ Холмской Руси, изъ Подлясья Сѣдлецкой и Гродненской губерній, изъ Пинскаго и Мозырскаго уѣздовъ Минской губерніи, не было почти никакихъ матеріаловъ, а изъ Волыни и Подоліи было матеріаловъ мало, такъ что о населеніи всѣхъ поименованныхъ мѣстностей нельзя было составить хотя бы приблизительнаго понятія. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей собрано мною, а равно и получено отъ разныхъ лицъ весьма значительное количество матеріаловъ.

3) Я старался собирать матеріалы еще и потому, что многіе памятники народнаго творчества вымираютъ; народъ ихъ забываетъ. Если бы М. А. Максимовичъ и другіе собиратели матеріаловъ не записали историческихъ думъ и пѣсенъ, то многія изъ нихъ были бы навсегда утрачены. То же могло бы произойдти

со многими обрядами, повѣрьями, сказками, легендами и даже обычаями; поэтому-то пропускать какую-либо черту народнаго творчества или народнаго быта я считалъ непростительнымъ.

Руководясь всѣми этими соображеніями, я старался собирать сколь возможно болѣе этнографическихъ матеріаловъ, а равно привлечь къ сотрудничеству возможно-большее число дѣятелей.

Еще до начала работъ по экспедиціи, я, прибывъ въ Кіевъ, озаботился, прежде всего, изданіемъ программъ, которыя могли бы вызвать отвѣты лицъ, знакомыхъ съ бытомъ народа.

Обнародованы были слѣдующія программы: а) обще-этнографическая, составленная Географическимъ Обществомъ и имъ же ранѣе изданная; б) программа повѣрій и суевѣрій, составленная г. Ефименкомъ и тоже ранѣе изданная Обществомъ; в) программа для собираній матеріаловъ по языку, составленная г. Новицкимъ; г) программа экономическихъ свѣдѣній и д) программа по обычному праву, составленныя мною.

Программы эти были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ трехъ губерній Югозападнаго края и въ епархіальныхъ Каменецъ-Подольской губерніи. Независимо отъ этого, оттиски программъ были разосланы въ количествѣ до 500 экземпляровъ разнымъ лицамъ, которыя, по ихъ положенію, могли бы сообщить многія, весьма интересныя свѣдѣнія.

Что касается до статистическихъ данныхъ, то я считалъ наиболѣе важнымъ предметомъ изслѣдованія — теперешнее экономическое положеніе крестьянъ Югозападныхъ губерній, состояніе промышленности и еврейскій вопросъ въ краѣ. Относительно этихъ данныхъ я обратился къ содѣйствію статистическихъ комитетовъ и мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Затѣмъ, пригласивъ для письменныхъ занятій молодаго человѣка И. А. Чередниченка, я отправился въ поѣздки по краю.

Въ первую поѣздку я направился по нагорной при-Днѣпровской полосѣ, чрезъ уѣзды: Кіевскій, Каневскій и Черкасскій, по долинѣ р. Роси черезъ Каневскій и Черкасскій, а также чрезъ Таращанскій, Сквирскій, Васильковскій и изъ Бердичевскаго уѣзда переѣхалъ въ Житомірскій уѣздъ Волынской губерніи. Отсюда отправился по долинѣ р. Случи чрезъ Новоградъ-Волынскій и Старокон-стантиновскій уѣзды въ Подольскую губернію чрезъ уѣзды: Проскуровскій, Ушицкій и Каменецъ-Подольскій. Изъ Каменца-По-

дольскаго я отправился въ Бессарабію и объѣхалъ Хотинскій у. и затѣмъ слѣдовалъ черезъ Ушицкій, Проскуровскій и Каменецъ-Подольскій уѣзды, вблизи Австрійской границы. Далѣе отправился черезъ уѣзды: Староконстантиновскій, Кременецкій, Дубенскій и Владиміръ-Волынскій Волынской губерніи, въ Грубешовъ Люблинской губерніи. Отсюда черезъ уѣзды: Грубешовскій, Томашевскій, Замостьскій, Красноставскій, Люблинскій, Любартовскій, Влодавскій, Холмскій и Бѣльскій въ Брестъ-Литовскъ. Оттуда черезъ Брестъ-Литовскій и Кобринскій уѣзды Гродненской губ. въ Волынскую чрезъ уѣзды: Ковельскій, Луцкій, Ровенскій, Новоградъ-Волынскій, Житомірскій и Радомысльскій Кіевской губ. возвратился въ Кіевъ.

Во вторую зимнюю — поѣздку я направился черезъ Радомысльскій у. Кіевской губерніи; Овручскій Минской губ.; Слонимскій, Пружанскій, Кобринскій Гродненской губ.; по сѣверной окраинѣ Волынской губ. чрезъ уѣзды: Ковельскій, Луцкій, Ровенскій Овручскій и чрезъ Радомысльскій Кіевской губ. возвратился въ Кіевъ.

Въ третью поѣздку — лѣтомъ 1870 г. — я отправился черезъ Переяславскій и Золотоношскій уѣзды Полтавской губерніи; черезъ Черкасскій, Чигиринскій, Звенигородскій и Уманьскій Кіевской губерніи; Гайсинскій, Ольгопольскій, Балтскій, Ямпольскій, Могилевскій, Летичевскій, Литинскій, Винницкій и Брацлавскій уѣзды Подольской губерніи; Липовецкій, Сквирскій, Васильковскій и Кіевскій и возвратился въ Кіевъ. Въ третьей поѣздкѣ, кромѣ г. Чердениченка, сопутствовалъ мнѣ В. Х. Кравцовъ.

Такимъ образомъ, районъ моихъ поѣздокъ граничитъ на сѣверъ съ Припетью и Бѣловѣжскою пущей, на западъ съ р. Вепремъ, на юго-западѣ съ Австрійской границей и р. Прутомъ, на югѣ съ Новороссійскимъ краемъ, на востокѣ и ю.-в. — съ Днѣпромъ, заключая въ себѣ губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую и части губерній Минской, Гродненской, Люблинской, Сѣдлецкой, Полтавской и Бессарабской области.

Въ поѣздкахъ моихъ я старался не упустить изъ виду ни одной изъ сторонъ народной жизни, въ особенности обращалъ вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя наименѣе были обслѣдованы. Такъ, я вездѣ слѣдилъ за фонетическими и грамматическими особенностями говора, измѣненіями въ бытовой обстановкѣ; изъ памятниковъ народнаго творчества — я обращалъ вниманіе особенно на обрядовыя пѣсни и сказки миѳическаго содержанія; описывалъ обряды, разсматривалъ и выбиралъ рѣшенія волостныхъ судовъ;

собиралъ свѣдѣнія, касающіяся экономическаго состоянія крестьянъ, о заработной платѣ, промышленности, о значеніи евреевъ въ краѣ, и проч.

Обрядовыхъ пѣсенъ записано мною до 4,000. Родины, крестины и похороны записаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сватьба описана болѣе чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ; сказокъ записано до 300. По программѣ о говорахъ сдѣланы записи болѣе чѣмъ въ 60 мѣстахъ; изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1,000 рѣшеній. Почти повсемѣстно дѣлались записи о заработныхъ платахъ, о характеристическихъ занятіяхъ, степени урожая, вліяніи крестьянской реформы на экономическій бытъ народа; о лѣсной торговлѣ, табаководствѣ, шелководствѣ, винодѣліи и проч.

Масса собраннаго матеріала, а равно и сообщеннаго мнѣ, — громадна, благодаря сочувствію, встрѣченному экспедиціей въ краѣ. Приведеніе въ порядокъ этой груды матеріаловъ, въ особенности подборка варіантовъ, требовали многихъ рабочихъ рукъ, а потому, кромѣ г. Чередниченка, работавшаго подъ моимъ руководствомъ съ самаго начала экспедиціи, мною приглашены съ конца марта 1870 года В. Х. Кравцовъ, П. И. Раевскій и В. И. Ильяшевичъ, а съ начала ноября и К. П. Кардашъ.

Я уже упомянулъ о составленной И. П. Новицкимъ программѣ по языку; имъ же сообщено въ распоряженіе экспедиціи болѣе 5,000 пѣсенъ (считая въ томъ числѣ и варіанты), собранныхъ имъ и доставленныхъ ему разными лицами; кромѣ того, онъ принялъ на себя трудъ приготовить къ изданію бытовыя пѣсни.

А. Ф. Кистяковскій разработалъ уголовныя рѣшенія волостныхъ судовъ и сообщилъ историческій очеркъ этого суда.

В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ извлеченіе изъ процессовъ (около 100) прошлаго вѣка о колдовствѣ.

Н. В. Лисенко положилъ на ноты мотивы сватьбы и другихъ обрядовыхъ пѣсень м. Борисполя.

В. Ф. Симиренко обогатилъ труды экспедиціи альбомомъ фотографическихъ снимковъ типовъ и бытовой обстановки.

Работы исполнены фотографомъ Я. К. Темненкомъ.

Статистическіе комитеты и мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія сообщили почти всѣ тѣ свѣдѣнія, за которыми я обращался. Кромѣ того, Подольскій статистическій комитетъ предоставилъ въ распоряженіе экспедиціи сборникъ г. Дымин-

скаго, заключающій въ себѣ до 2,000 пѣсень, считая въ томъ числѣ и варіанты.

Экспедиціи оказали важное содѣйствіе присылкою матеріаловъ слѣдующія лица:

Профессоръ Кіевской Духовной Академіи (прежде бывшій учитель Кременецкой семинаріи) Н. Петровъ доставилъ весьма обширный сборникъ повѣрій и обрядовъ, относящихся къ праздникамъ, составленный на основаніи матеріаловъ, собранныхъ по его указанію учениками Кременецкой семинаріи.

Г. Залюбовскій сообщилъ сборникъ сказокъ, игръ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ.

Г. Дыминскій — сборникъ повѣрій, загадокъ и вообще этнографическихъ матеріаловъ.

Священникъ с. Браилова, Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи, о. Димитрій Струцинскій доставилъ весьма обширный и интересный сборникъ вѣрованій, суевѣрій и легендъ.

Учитель Тывровскаго народнаго училища, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, г. Воронецкій составилъ, по порученію мироваго посредника г. Гремберга, обширный сборникъ народныхъ вѣрованій, обрядовъ и прочихъ этнографическихъ матеріаловъ. Особенно обширны нѣкоторые отдѣлы, какъ, напримѣръ, отдѣлъ, касающійся міра духовнаго.

Священникъ с. Якушинецъ, Винницкаго уѣзда, о. Даміанъ Чернецкій, доставилъ также весьма обстоятельный сборникъ вѣрованій и легендъ.

Учитель Бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ Сѣдлецкой губерніи, г. Андріевскій, прислалъ сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ учениками этихъ курсовъ.

Учитель народнаго училища Липецкой слободы, Харьковской губерніи, г. Столбинъ, доставилъ обстоятельные отвѣты по всѣмъ программамъ экспедиціи.

Благочинный 5-го благочинія Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи, доставилъ сборникъ повѣрій и суевѣрій.

Студентъ Университета Св. Владиміра И. С. Ждановъ записалъ сватьбу, вмѣстѣ съ мотивами, положенными имъ на ноты, и до ста обрядовыхъ пѣсенъ.

Учитель въ мѣстечкѣ Городлѣ, Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи, г. Ѳедоренко, доставилъ отвѣты на программу о вѣрованіяхъ.

Воспитанникъ Кременецкой семинаріи, г. Ящинскій, записалъ сватьбу и игры въ м. Полонномъ, Новоградволынскаго уѣзда. Матеріалы эти сообщены были экспедиціи профессоромъ Кременецкой семинаріи г. Хойнацкимъ.

И. Н. Касьяненко, житель с. Иванькова, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи, доставилъ подробные отвѣты по программѣ о говорахъ и нѣкоторыя повѣрья, относящіяся къ праздникамъ.

Л. В. Ильницкій сообщилъ разные этнографическіе матеріалы.

Крестьянинъ Радомысльскаго уѣзда Савченко сообщилъ разные матеріалы.

Мордохай Іоніевичъ Поленковскій доставилъ обширное и весьма интересное собраніе этнографическихъ матеріаловъ, касающееся обрядовъ, повѣрій, праздниковъ, занятій и юридическаго быта Евреевъ.

Изъ вышепомѣщеннаго списка лицамъ, предоставившимъ свои труды въ мое распоряженіе, нельзя не заключить о томъ сочувствіи, которое возбудила въ Юго-Западномъ краѣ этнографическо-статистическая экспедиція. Не меньшимъ сочувствіемъ пользовалась экспедиція и со стороны начальствующихъ лицъ въ краѣ, и вообще, со стороны всѣхъ тѣхъ, которые, по своему положенію, могли оказывать содѣйствіе оной.

Во главѣ этихъ лицъ мы съ глубокою признательностію ставимъ имя Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора, князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, который, съ самаго начала, принялъ экспедицію подъ свое благосклонное покровительство и не переставалъ слѣдить съ участіемъ за ея успѣхами. Энергическое содѣйствіе оказывали экспедиціи преосвященный Михаилъ, епископъ Холмской греко-уніатской епархіи, и преосвященный Подольской губерніи Леонтій. Съ благодарностью назовемъ мы также имена начальниковъ губерній Кіевской и Подольской, Михаила Константиновича Катакази и князя Ивана Васильевича Мещерскаго. Не могу также не упомянуть о содѣйствіи секретаря Подольскаго Статистическаго Комитета К. М. Пенскаго, редактора газеты „Кіевлянинъ“ В. Я. Шульгина и мировыхъ посредниковъ: — 1-го уч. Литинскаго уѣзда О. И. Гремберга, 3-го уч. Луцкаго уѣзда Г. Н. Бѣляева, 2-го уч. Житомірскаго уѣзда В. Г. Гловачевскаго и 4-го уч. Луцкаго

уѣзда О. И. Пошиленко. Поименованные гг. мировые посредники благосклонно сообщили экспедиціи этнографическія свѣдѣнія по своимъ участкамъ.

Обиліе полученнаго мною матеріала, при значительномъ даже числѣ работавшихъ лицъ, таково, что не могло не отразиться на качествѣ самихъ работъ и породило нѣкоторые, почти неизбѣжные недостатки, о которыхъ считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

1) Нѣкоторыя лица сообщали экспедиціи матеріалы, излагая ихъ по-русски. Я старался передавать ихъ такъ, какъ они сообщены, допуская нѣкоторую шероховатость изложенія, лишь бы избѣжать передѣлокъ.

2) Нѣкоторыя вѣрованія могутъ показаться субъективными, не характеризирующими всего народа. Но исключать эти вѣрованія я не счелъ себя вправѣ. Это дѣло дальнѣйшей разработки. Критика изданнаго матеріала можетъ отдѣлить общее отъ частнаго. Я полагаю, что народное міровоззрѣніе не представляетъ собою законченнаго цѣлаго; разнообразныя вліянія отражаются въ народномъ міровоззрѣніи. Въ немъ живутъ и преданія сѣдой старины, и наблюденія обыденной жизни, и свѣдѣнія, перешедшія отъ высшихъ классовъ, оттѣненныя, конечно, общимъ характеромъ умственнаго склада народа.

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются такіе недостатки, какъ наприм. повторенія однородныхъ вѣрованій, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Это произошло потому, что рукопись постоянно пополнялась новыми матеріалами, и при отрывочности ихъ, трудно было избѣжать повтореній, въ особенности, если принять во вниманіе спѣшность работы. Независимо отъ этого, я старался приводить сходныя вѣрованія, записанныя въ разныхъ мѣстностяхъ, дорожа всякою, даже мелкою особенностію; при этомъ трудно было избѣжать повторенія тождественныхъ вѣрованій. Я полагалъ, что полнота матеріаловъ выкупаетъ недостатки въ редакціи.

4) Въ духовныхъ пѣсняхъ, а также въ духовныхъ колядкахъ, встрѣчаются слова и выраженія, лишенныя смысла. Дѣло въ томъ, что пѣсни эти сочинены книжниками. Усвоивъ ихъ, народъ передѣлалъ слова и выраженія по свойству своей фонетики. Многія изъ нихъ для него были непонятны, а потому онъ не могъ ихъ замѣнить другими; ему осталось только произносить ихъ свойственно своему разговорному языку. Вслѣдствіе этой передѣлки и

произошло нарушеніе смысла. Я старался передавать эти пѣсни, какъ поетъ ихъ народъ. Большинство этихъ пѣсенъ сочинено уніатскими монахами — василіанами (базиліанами) и вошло въ составъ изданнаго въ прошломъ столѣтіи „Богогласника“ Почаевской лавры. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ, во время приведенія матеріаловъ въ порядокъ, этого источника, а потому и не могъ сдѣлать подстрочныхъ примѣчаній къ этимъ пѣснямъ для возстановленія непонятныхъ словъ и выраженій.

5) Въ заклинаніяхъ встрѣчаются тоже непонятныя мѣста, что̀ объясняется извращеніемъ ихъ при передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Прежде это были молитвы съ понятнымъ для народа смысломъ, — теперь это хотя и чародѣйственныя средства, но не по внутреннему ихъ смыслу, котораго народъ не понимаетъ, а по вѣрѣ въ силу ихъ.

При этомъ нахожу не лишнимъ изложить болѣе подробно принятыя нами при обработкѣ пѣсенъ основанія.

По моему мнѣнію, сборникъ пѣсенъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

I. Онъ долженъ представлять собою собраніе памятниковъ народнаго творчества въ такомъ точно видѣ, въ какомъ они существуютъ въ народѣ, не допуская никакихъ произвольныхъ измѣненій и не пренебрегая самомалѣйшими оттѣнками.

II. Въ сборникѣ слѣдуетъ по возможности избѣгать излишнихъ повтореній.

III. Передавая такимъ образомъ всѣ частныя, такъ сказать, мѣстныя проявленія народнаго творчества, сборникъ долженъ, въ то же время, давать возможно-точное представленіе о народномъ творчествѣ и въ его полнотѣ, въ его цѣльности.

Для удовлетворенія означеннымъ требованіямъ, мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразными такіе пріемы обработки:

Въ сборникъ должны войдти всѣ варіанты, хотя бы даже незначительные. Такимъ образомъ, кромѣ всѣхъ рукописныхъ варіантовъ, сюда входятъ и помѣщенные въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ, а равно въ сборникахъ, изданныхъ заграницею, или же хотя и въ Россіи, но не на русскомъ языкѣ.

Въ пѣсняхъ должны быть соблюдены всѣ особенности мѣстнаго говора.

Хотя печатаніе всѣхъ варіантовъ цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, облегчило бы въ громадной степени трудъ обработки, но, во избѣжаніе излишней растянутости сборника и проистекающихъ отсюда значительныхъ расходовъ, тѣ мѣста каждаго варіанта, которыя въ такомъ же точно видѣ существуютъ въ предъидущихъ, мы признали нужнымъ опускать, означая однако цифрами соотвѣтственные стихи или части ихъ, что̀ даетъ возможность возстановлять каждый варіантъ, такъ, напримѣръ:

Варіантъ А. Ой, сама я, сама, якъ білина въ полі.

Варіантъ Б. Ой, сама я, сама, якъ калина въ полі.

Первый стихъ Б читается также какъ первый же стихъ варіанта А, за исключеніемъ слова „білина“, замѣненнаго здѣсь словомъ „калина“; чтобы избѣжать этихъ повтореній, первый стихъ варіанта Б написанъ такъ:

1 Б = ... калина... 1 А.

Второй стихъ варіанта Б тожественъ со вторымъ же стихомъ варіанта А, а потому и написано:

2 Б = 2 А.

Варіанты пѣсенъ, взаимно другъ друга пополняя, не представляютъ однако, взятые порознь, цѣльности народнаго творчества; они характеризуютъ собою только извѣстную мѣстность, другими словами — представляютъ собою тѣ измѣненія, какимъ подвергся первообразъ пѣсни подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. И только вся совокупность варіантовъ даетъ понятіе о народномъ творчествѣ вообще.

Изданіе обрядовыхъ пѣсенъ отдѣльно отъ текста я не нашелъ вполнѣ возможнымъ: такъ, духовныя пѣсни, относящіяся къ Святымъ, помѣщены въ первомъ томѣ, гдѣ говорится объ этихъ святыхъ. „Колядки“, „щедривки“, „веснянки“, купальскія, обжиночныя пѣсни помѣщены въ третьемъ томѣ, такъ какъ эти пѣсни пріурочены къ извѣстному времени. Всѣ сватебныя пѣсни помѣщены вслѣдъ за описаніемъ сватебныхъ обрядовъ, т. е. онѣ приводятся при каждомъ обрядѣ соотвѣтственно тому, какъ поются въ дѣйствительности. Родинныя помѣщены при описаніи родинъ.

П. Чубинскій.

1-го декабря 1870 года
Городищенскій сахарный заводъ
Черкасскаго у. Кіевской г.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВѢРОВАНІЯ И СУЕВѢРІЯ. — ЗАГАДКИ И ПОСЛОВИЦЫ. — КОЛДОВСТВО.

Первый томъ «Трудовъ Этнографическо-Статистической Экспедиціи» заключаетъ въ себѣ сгруппированные этнографическіе матеріалы, касающіеся народныхъ представленій и вѣрованій, относящихся къ міру внѣшнему, къ человѣку и къ міру духовному. До сихъ поръ отрывочныя и немногочисленныя свѣдѣнія изрѣдка можно было встрѣтить въ губернскихъ вѣдомостяхъ прежнихъ лѣтъ и въ разныхъ сборникахъ. Еще разъ повторяю, что эти этнографическія свѣдѣнія были крайне неудовлетворительны и немногочисленны. Благодаря замѣчательной, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, программѣ, составленной П. С. *Ефименкомъ*, мною получены отвѣты изъ разныхъ мѣстъ порученнаго моему изслѣдованію Югозападнаго края.

Наиболѣе полные сборники матеріаловъ, касающихся повѣрій и суевѣрій, доставлены намъ слѣдующими лицами: священникомъ с. Браиловки, Ушицкаго уѣзда, о. Димитріемъ *Струцинскимъ*; учителемъ Тывровскаго училища, Винницкаго уѣзда, *Воронецкимъ*; священникомъ с. Якушинецъ, Винницкаго уѣзда, о. Даміаномъ *Чернецкимъ*; благочиннымъ 5-го Округа, Ушицкаго уѣзда, Подольской г.; мировымъ посредникомъ, Луцкаго уѣзда, г. *Помиленкомъ*; мировымъ посредникомъ, Луцкаго уѣзда, г. *Бѣляевымъ*; мировымъ посредникомъ, Житомирскаго уѣзда, г. *Гловачевскимъ*; Л. Н. *Майковъ* сообщилъ сборникъ заклинаній. Кромѣ того, матеріалами послужили свѣдѣнія, сообщенныя: И. П. *Новицкимъ*; епископомъ Холмской греко-уніатской епархіи, преосвященнымъ *Михаиломъ* (записаны приходскими священниками Грубешовскаго уѣзда); директоромъ Люблинской учебной дирекціи г. *Лебединцевымъ* (записаны учителями народныхъ училищъ); учителемъ Бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ г. *Андріевскимъ* (записаны учениками этихъ курсовъ); учителемъ Липецкой слободы, Харьковскаго уѣзда, г. *Столбинымъ*; учителемъ Кременецкой Семинаріи, г. *Петровымъ*.

Изъ печатныхъ источниковъ наиболѣе заключалъ въ себѣ сборникъ этнографическихъ свѣдѣній г. *Данильченкомъ*, Подольской губ., Литинскаго уѣзда, изданный Подольскимъ статистическимъ комитетомъ.

Первый томъ имѣетъ, въ видѣ особаго приложенія: загадки и пословицы и статью В. Б. Антоновича, представляющую собою извлеченіе изъ процессовъ прошлаго вѣка о суевѣріяхъ и колдовствѣ (до ста процессовъ), заключающихся въ актовыхъ книгахъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Такимъ образомъ, этотъ томъ характеризуетъ понятія и вѣрованія народа о природѣ, человѣкѣ и о мірѣ сверхчувственномъ. Онъ раздѣленъ на 5 главъ. Первая глава заключаетъ въ себѣ вѣрованія о небесныхъ свѣтилахъ и атмосферическихъ явленіяхъ; вторая — о землѣ, третья — о царствѣ животныхъ и растеній, четвертая — о человѣкѣ, гдѣ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщены болѣзни и ихъ лѣченіе; пятая — міръ духовный. Затѣмъ слѣдуетъ помянутое выше приложеніе.

Главнымъ образомъ, я заботился о томъ, чтобы былъ исчерпанъ весь имѣющійся матеріалъ, чтобы онъ изложенъ былъ съ возможною полнотою и точностію, въ особенности тотъ, который записанъ народнымъ мѣстнымъ говоромъ, и чтобы онъ былъ приведенъ, по возможности, въ систему.

П. Чубинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Стран.

Отъ Коммиссіи по снаряженію экспедиціи III

Общее предисловіе къ трудамъ П. П. Чубинскаго V

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стран.

Небо 1
Солнце 3
Луна 7
Фазы луны 9
Перемѣна дня и ночи и временъ года 11
Затмѣнія солнца и луны . . . 13
Звѣзды 14
Млечный путь 15
Падающія звѣзды 16
Падающіе камни 17
Кометы 18
Столбы и круги . . . . . —
Громъ и молнія 19
Тучи 24
Туманъ 25
Роса . . . . . —
Дождь 26
Радуга 27
Градъ 28
Снѣгъ 30
Морозъ . . . . . —
Иней 32
Вѣтеръ . . . . . —
Вихрь 33

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Земля 36
Вырій 38
Горы, пропасти и курганы . . 39
Море 40
Вода 41
Огонь 43
Огоньки 46
«Маячення» 47

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царство животныхъ.

Звѣри.

	Стран.
Волы и ослы	48
Рогатый скотъ	—
Лошадь	49
Коза	—
Свинья	—
Домашнія животныя	50
«Двужильна скотына»	—
Обезьяна	—
Медвѣдь	—
Волкъ	51
Собака	52
Ярчукъ	53
«Зиньське щеня»	54
«Кітъ» (кошка)	—
Мышь обыкновенная и летучая	55
Дикая коза	—
Заяцъ	—
Ласка	—
Кротъ	56
О звѣряхъ вообще	—

Лѣченіе болѣзней домашнихъ животныхъ.

1. Болѣзни коровъ.

	Стран.
Потеря молока	56
«Желізныця»	57
Одутье	—
О лѣченіи рогатаго скота вообще	—
Садно	57
Парши	—
Вши	—
Бѣльмо на глазахъ	—
Поврежденіе языка	—
Сапъ	—
Запоръ	—
Задержаніе мочи	—
Выпаденіе заднепроходной кишки	59

2. Болѣзни лошадей.

	Стран.
Глисты	57
Чемеръ	—

Птицы.

	Стран.
Курица	58
Павлинъ	—
«Ластівка» (ласточка)	58
Воробей	59
Заклинаніе отъ воробьевъ	60
Сорокопудъ	—
«Волове око»	—
Кукушка	—
Дятелъ	61
Сорока	62
Чайка	—
Журавль и дикій гусь	62
Аистъ	—
Ястребъ	63
Сова	—
Орелъ	64
«Крукъ» (вóронъ)	—
Куропатка	—
Голубь	—
«Посмітюха»	—
Соловей	—

Гады.

	Стран.
«Гадюка» (змѣя)	65
Ужъ	—
«Ящурка» (ящерица)	—
«Жаба» (лягушка)	—
«Раверъ» (большая лягушка)	66
Черепаха	—

Рыбы.

	Стран.
Щука	67
«Однобока» рыба	—
Камбала	67

Насѣкомыя.

	Стран.
Саранча	67
Червякъ	—
Майскій жукъ	—
Москаликъ	68
Свірщокъ (цвіркунъ)	—
Муравей	68
Паукъ	—
Блоха	—
Вошь	—

Заклинанія, относящіяся къ животнымъ:

	Стран.
«Горячого коня поіть»	68
«Одъ крові у коней»	—
Отъ червей	—
Къ кобылѣ	69
Отъ нападенія звѣря на скотъ	—
Молитвы (числомъ—18), къ пчеламъ относящіяся	68
Заклинанія (числомъ—13), относящіяся къ пчеламъ	73

Царство растеній.

Разныя деревья.

	Стран.
Сосна	75
Осина	76
Ива	—
Липа	76
Дубъ	—
Береза	76
«Суха верба»	—
«Усохле дерево»	77
Бузина	—

Разныя растенія.

	Стран.
Папоротникъ	77
Камышъ	79
Ястеръ	—
Терлычъ и тоя	80
Тоя	—
Чортополохъ	—
Коровякъ	—
Осетъ	81
«Макъ-выдюкъ»	—
Любистокъ	—
«Братки»	82
«Горыцвітъ»	—
«Нычуй-вітеръ»	—
Царскій скипетръ	—
Чорнобыль	—
Полынь	83
«Ломынісь»	—
«Чорно-зілля»	—
«Сонъ-зілля»	83
«Ласкавець»	—
Барвінокъ	—
Купчаки	—
«Чорнобривці»	—
«Рожа» и Василекъ	—
Тернъ	—
Нехворость	—
Пшеница и рожь	84
Ячмень и горохъ	—
Просо	—
«Святояньська голова»	—
Сорныя травы	—
Разныя растенія	—
Огурцы	—
«Цыбуля» (лукъ)	—
Чеснокъ	—
Дикая морковь	—

Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ:

На урожай пшеницы	85
«На завытьте»	—
«На вырванне завітъ»	—
При собираніи травъ	85
«Приговоръ до маку»	—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Человѣкъ.

Общее понятіе 86

Члены человѣческаго тѣла.

Зубы	86
Брови	—
Руки	87
Ногти	87
Ноги	—
«Пьята» (пята)	—

Разныя дѣйствія.

	Стран.
Умыванье	87
Утиранье	—
Ношеніе палки	—
Потягиванье	88
Свистанье	—
Чиханье	—
Плеванье	—
«Ідучи, або идучи куды»	—
«Щобъ нихто ни спортывъ у хаті, або на свадьбі»	—
«Гостѣванье»	88
Благословеніе родителей	89
Благожеланія вообще	—
Проклятіе родителей	—
Брань и проклятія	—
Сны	90
Битье о закладъ	91
Присяга	—

Заклинанія.

«Одъ себе заговорювать»	91
Любовныя	—
Къ суду	95
Объ удачной охотѣ	96
Относительно воровства	—
Кладъ	96

Жилище, хозяйственныя постройки, орудія и утварь.

Изба	100
Закладины	101
Окно	—
Порогъ	102
Ключи	—
Столъ	—
Вѣникъ	—
Кочерга	—
Помело	103
Выметанье	—
Заклинаніе ружья	—
«Зольныця»	103
Мотовило	—
Веретено	—
Грабли	—
Кварта	—
Каганецъ	—
Ножницы	104
Погребъ	—
Сарай	—
Мельница	—

Хозяйственныя орудія.

Возъ	104
Земледѣльческія орудія	106

Одежда.

Шапка	107
Рубаха	108
Штаны	—
Сапогъ	108
Иголка	—

Пища и сосуды для нея.

	Стран.
Ложка и ножъ	108
Горшокъ	109
Хлѣбъ	—
Соль	—
Водка	—
Сало	—
Молоко	110
Кваша	110
Чеснокъ	—
Кавунъ	—
Ѣда до богослуженія	—
Ѣда въ шапкахъ	—
Недопитая рюмка	—

Лѣченіе болѣзней.

	Стран.
Заклинаніе общее отъ всѣхъ болѣзней	111
Заклинаніе общее въ болѣзняхъ младенцевъ	—
«Несплячки»	112
Корь	—
Глисты	—
Желтуха «жовтяныці»	113
«Жовны»	—
Насморкъ	—
«Завыныця»	114
«Куряча сліпота»	—
«Сояшныці»	—
Отъ перелоговъ	115
«Бешыха» (рожа)	—
Чорная болѣзнь	117
«Сказъ»	—
Холера	118
Лихорадка	—
Укушеніе змѣи	121
«Сухоты» (чахотка)	123
«Остуда»	124
Волосъ	—
Боль зубовъ	—
Унятіе крови	126
Чума	128
Сглазъ	—
«Стыклызна»	—
Поруха	129
«Уразъ»	130
Боль головы	—
«Звыхъ»	130
«Одміна»	—
«Перелякъ» (переполохъ)	131
«Підвій»	—
«Урокы»	—
Заклинанія отъ «уроковъ»	132
«Пристрітъ»	134
«Данна»	136
«Гостець»	—
«Пидвіяньня	137
«Підливанья»	—
«Насланьня»	—
Повѣтріе	—
«Насердниця»	—
Боль въ ручныхъ суставахъ	—
Колики	138
Переломъ костей	—
Боли желудка	—
Мертвая кость	—
Раны	—
«Вогнякъ»	—
Опухоли	—
Ракъ	—
Короста	—
Боль ушей	138
Глухота	139
Болѣзнь глазъ	—
Бѣльмо	—
«Жовна» (золотуха)	—
«Жига»	140
Поносъ	—

	Стран.
«Ячмінь»	140
Лишай	—
«Одъ крови»	—
Маточное кровотеченіе	140
«Крикливці»	141

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Міръ духовный.

	Стран.
«Видкиль світъ взявся»	142
Сотвореніе человѣка	145
«Гріхъ першихъ людей»	146
«Адамъ и Ева въ пустыні»	—
«Пісьня объ Адамі и Еві»	147
Душа	148
Пѣснь о душѣ	146
Богъ	151
Іисусъ Христосъ	—
Духъ святый	159
Божія Матерь	—
Пѣснь въ честь Ея	160
Ангелы	166
Св. Петръ и Павелъ	167
Святый Николай	—
Святый Георгій	171
Святый Іоаннъ Воинъ	172
Святый мученикъ Антипъ	—

Духовныя пѣсни.

	Стран.
Ивану Хрестителю	172
Олексію, Божому чоловіку	173
Преподобному Онопрею	176
Ивану Богослову	178
Ивану Золотоустому	179
Архидякону Степану	180
Св. Варварі	181
Марія Египетская	182

Черти.

	Стран.
Чортъ	183
Происхожденіе чертей	190
Названія чертей	191
Домовой	192
Лѣсовой	—
Перелестникъ	193
Лизунъ	—
Полевой	—
«Болотянякъ»	—
«Очеретянякъ»	193
«Скарбнякъ»	193
«Одмінокъ»	—
Антихристъ	195
Рай	—
Адъ	—
«Мара»	196
«Морокъ»	—
«Манія»	—
«Вова»	—

Духо-человѣки.

	Стран.		Стран.
Вѣдьмы	196	«Вихованці»	208
«Вѣдьмакъ»	205	«Мелюзины»	209
«Упыръ»	—	«Характерникъ»	—
«Вовкулака»	206	«Вишальникъ»	—
Мувки	—	Утопленники	—
Русалки	207	Знахарь	—
Чаровникъ	—	Мясо гада	210
«Ворожбытъ»	208		

Миѳическія существа.

Змѣй	210	«Сыроіды»	212
Грифъ	—	Пигмеи	—
Единорожецъ	211	Богатыри	—
«Злыдні»	—	«Велытні»	216
«Морськи люды»	—	Баба-яга	—
«Лісовы люды»	—		

Олицетворенія.

Доля	216	Страшный Судъ	221
«Пъятныця»	217	Болѣзни	—
Смерть	—	Лихорадка	
Хожденіе мертвецовъ	219	Холера	
Рахманы	220	Чума.	
Пѣснь о Страшномъ Судѣ	—		

Превращенія 223

Загадки и пословицы.

Колдовство (документы, процессы и изслѣдованіе В. Б. Антоновича).

Указатель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Небо. [*Харьковскій уѣздъ*]. Небо есть громадный покровъ; но изъ чего онъ сдѣланъ — невѣдомо никому.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Небо есть сводъ изъ неопредѣленнаго вещества, устроенный лѣстницею.

[*Холмская Русь*]. Существованіе неба предполагается за предѣлами видимой тверди. Оно — въ видѣ плоскости, цвѣта ярко-фіолетоваго, прозрачное, но на столько твердое, что можетъ удержать всѣхъ небожителей.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Небо есть плоскость, соединяющаяся съ землей на весьма далекомъ разстояніи. Оно состоитъ изъ какого-то нѣжнаго вещества. Дотуда, гдѣ небо сходится съ землей, никто еще не доходилъ: тамъ живетъ неодолимый, необычайно сильный и одноглазый свирѣпый народъ, тамъ безпредѣльное, вѣчно бушующее море, и проч. Достигаютъ этого мѣста только души умершихъ, несомыя на крыльяхъ ангеловъ.

[*Подольская губернія*]. Небо представляютъ планетой, подобною землѣ; цвѣта оно ярко-свѣтлаго, огненнаго. Небо сотворилъ Богъ для жительства своего вмѣстѣ съ ангелами. Подъ словомъ небо народъ понимаетъ неопредѣленное пространство массы, скопившейся изъ воздуха, шарообразной формы, ярко-свѣтлой и огненной; масса эта имѣетъ подобное огню свойство.

Небо сотворено Богомъ для своего жительства съ ангелами, херувимами и проч. Между небомъ и землею предполагается нѣчто въ родѣ навѣса, „полотно“, облако. Оно сотворено Богомъ для того, чтобы собою закрывало отъ насъ небо: въ противномъ случаѣ, оно бы сожгло все существующее на землѣ и даже самую землю.

[*Луцкій уѣздъ*]. Небо есть жилище Бога и святыхъ его угодниковъ, откуда Онъ управляетъ міромъ чрезъ своихъ ангеловъ.

Небо — „сыня крыша“, въ заоблачномъ пространствѣ; оно устроено на подобіе свода изъ невѣдомаго вещества; такихъ сводовъ три: высшій, въ которомъ пребываетъ самъ Господь, средній, въ которомъ обитаютъ ангелы, и нижній — жилище угодниковъ Божіихъ.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. „Небо опірается на землю при конці світа и тамъ бабы кладутъ прачі на небо“. Кромѣ видимаго неба, есть еще другое, которое называется Имперейскимъ. Оно прикрывается видимымъ небомъ, какъ бы стекломъ. По народному разумѣнію, на Имперейскомъ небѣ пребываетъ самъ Богъ, а на видимомъ — ангелы и всѣ святые. Говорятъ, что есть такіе счастливцы, что видѣли, какъ ночью раскрывается видимое небо, при чемъ видно Имперейское небо, „таке ясне, якъ сонце“.

„Ще, шо мы бачимъ надъ собою сине, до це ще ны небо, а це оболокы; а те, шо ходыть по-пiдъ оболокамы, до то хмара, хмара така густа, якъ холодець; вона часомъ падае на землю; ею добре кабанівъ загодовувать, шобъ гладкы булы; якъ бы и чоловікъ изъівъ ii, до бувъ бы пузатый“.

„Сыніхъ оболоківъ есть ажъ сімъ, а восьме вже справедлыве небо, де сыдыть Богъ на золотімъ креслі и янголы літають. Справедлыве небо не сине, а червоне; якъ колы до воно розчинается, тылькы на яку небудь оказію: на войну, або на помірокъ, або на голодъ“ *).

Небо есть воздушная сіяющая обитель или жилище Бога, гдѣ Онъ вмѣстѣ съ ангелами и святыми угодниками пребываетъ.

[*Винницкій уѣздъ*]. Небо служитъ жилищемъ чистыхъ духовъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Небо сотворено Богомъ. Оно составляетъ полъ или подножіе жилища, гдѣ пребываетъ Богъ и святые угодники.

[*Радомысльскій уѣздъ*]. Небо сотворено Богомъ въ третій день творенія.

[*Сербиновка*]. Поверхность неба крестьяне представляютъ отвердѣлою оболочкою, образовавшеюся изъ дыма, а самимъ небомъ считаютъ молнію, и утверждаютъ, что они только видятъ небо во время грозы; а другіе говорятъ, что на небо, которое они надъ собой видятъ, будутъ взяты праведныя души. Небо, какъ сводъ, прикрываетъ цѣлый свѣтъ, а концы его впадаютъ въ моря и остаются на днѣ ихъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. За видимымъ небомъ есть еще шесть; разстояніе между каждымъ изъ нихъ въ двѣнадцать разъ болѣе того, какое между

*) За точное небо народъ принимаетъ сѣверное сіяніе.

нами и видимымъ небомъ. Иногда они отворяются, и тогда видно огромное сіяніе, но видѣть его могутъ только „угодники Божіи“. Чрезъ отверстія видна бываетъ фигура мужчины съ мечомъ или какимъ нибудь сосудомъ; фигура съ мечомъ предвѣщаетъ войну, съ сосудомъ — изобильный урожай.

Небо — это надоблачное, неизвѣстнаго размѣра, пространство такого цвѣта и яркости, какихъ глаза человѣческіе не могли бы вытерпѣть, и потому оно закрыто отъ глазъ человѣческихъ облаками: когда гремитъ громъ и небо покажется сквозь разорванныя тучи, на него нельзя смотрѣть, отъ сильнаго блеска.

Солнце. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Солнце, по понятію однихъ, есть огонь, поддерживаемый дѣдомъ, по произволу котораго начинается день и наступаетъ ночь. По понятію другихъ, причина солнечнаго свѣта неизвѣстна; извѣстно только то, что солнце, идя по небесному своду, освѣщаетъ намъ міръ и, при своемъ заходѣ, опускается въ другой міръ, который находится подъ землею.

[*Холмская Русь*]. О солнцѣ мнѣнія расходятся: одни называютъ его окомъ Божіимъ, и такимъ образомъ объясняютъ всевѣдѣніе Божіе, а другіе видятъ въ немъ свѣтило, составленное изъ огня.

[*Луцкій уѣздъ*]. Солнце устроено Богомъ такъ, что оно ходитъ по небу и освѣщаетъ нашу землю. Солнце — „царь неба“, который освѣщаетъ и согрѣваетъ землю днемъ, а ночью скрывается за землю, „обходыть“ ее и на утро является на востокѣ. Солнце олицетворяется въ видѣ живаго существа, но въ формахъ неизвѣстныхъ. Семью солнца составляютъ луна и звѣзды.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Солнце есть отблескъ лица Божія, и потому-то оно такъ ярко; назначеніе его — освѣщать землю и давать ей плодородіе.

[*Литинскій уѣздъ*]. Солнце — это отверстіе, сдѣланное въ облакѣ, чрезъ которое мы видимъ часть неба. Народъ вѣритъ, что солнце неподвижно, а что движется земля, почему она не всегда находится на одномъ и томъ же мѣстѣ.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Про солнце извѣстно слѣдующее: солнце на облакахъ ходитъ. Солнце олицетворяется въ образѣ женщины. Сотворено оно Богомъ, для освѣщенія, и неподвижно стоитъ въ воздухѣ надъ облаками, надъ святымъ городомъ Іерусалимомъ. Ночью, земля оборачивается и закрываетъ солнце.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. „Сонечко въ полудень не йде по небі, а трохы спочивае; підъ вечіръ иде зовсімъ на спочыванє, въ ночі спыть и раненько встає. На сході перше жила дуже гарна панна, и якъ тылькі схо-

дыть сонечко, то вона ёго вымыває, вытырає гарненько, отъ того сонечко перше було ліпше світыло, якъ теперъ.“

[*Винницкій уѣздъ*]. Солнце представляютъ въ видѣ человѣка съ яснымъ лицомъ, лучи котораго освѣщаютъ цѣлый міръ.

Солнце есть большой кругъ или колесо. Когда оно идетъ по небу, то у насъ въ это время бываетъ день, когда же оно спускается внизъ, то его можно достать даже рукою; наконецъ, оно прячется за гору, и тогда у насъ наступаетъ ночь, а у другихъ людей, которые живутъ подъ землею, — день. Пройдя подъ землею, солнце опять является къ намъ, но выйти оттуда своею силою оно не можетъ, а выкатываютъ его черти, которыхъ оно своимъ жаромъ, за каждымъ выходомъ, сожигаетъ большое число. Это доказывается слѣдующимъ разсказомъ:

„Въ еднымъ селі бувъ димъ, въ которимъ ніхто не мігъ житы відъ того, що тамъ бувъ дыяволъ. Въ тымъ же самімъ селі живъ бідный чоловікъ, такый бідный, що не мавъ свого и пристаныща. Той димъ належавъ до пана, и вінъ пішовъ до пана, щобъ позволывъ жыты въ тій хаті. Для пана то все ідно и вінъ ёму позволывъ. Бідный чоловікъ зъ радостю пішовъ въ той димъ и сказавъ:

— День добрый, пане господару!

— Здоровъ, сказавъ чортъ, выйшовши зъ вугла.

— Прыйміть мене въ комірне.

— А чого жъ, можна, тылько скажи своій жінці, щобъ ніколы цёго куточка не мастыла, то тобі буде добре.

„И правда, проживъ вінъ въ тій хаті не малый часъ и поводылось ёму не зле. Не разъ показувавъ ёму чортъ своє добро, гроши, на которіхъ вінъ седівъ.

„Идного разу сказавъ ёму чортъ:

— Прыйшла до мене колій иты выкачуваты сонце, то не знаю, чи вернуся я назадъ, бо насъ тамъ багацько сонце палыть, то якъ мене не буде, то я прышлю свого товарыша даты тобы знаты, що мене нема.

„И пішовъ. Пройшло багацько часу, а чорта немає; ось тутъ прыходыть підъ вікно другый и говорыть:

— День добрый.

— Дай Боже здоровья, пане, сказавъ хозяінъ.

„Тоді чортъ сказавъ:

— Колы вінъ бувъ твій панъ, то бувай же здоровъ, а то уже все твоє, що осталось въ твоій хаті, бо вже твого пана сонце спалыло.“

О солнцѣ существуютъ два понятія: это или громадная свѣча, носимая ангелами для освѣщенія земли, или несгораемый огненный шаръ.

Солнце какъ бы обожается народомъ и считается святымъ и праведнымъ. Его называютъ лицомъ Божіимъ.

„Бувъ собі чоловікъ и жінка, да бувъ у іхъ сынъ и дочка; та дочка була така гарна, що и въ світі кращої не було. Сонце якъ угледіло ії, — заразъ у ночі и вкрало, шобъ була ёму за жінку. Братъ ії прокынувсь, да якъ побачывъ, шо нема сестры, заразъ узявъ торбынку и пішовъ туды, де сонце заходыть, — однымать одъ сонця сестру. Иде вінъ та й иде. Колы не стало у ёго хліба, вінъ узявъ и зайшовъ до одного чоловіка и каже: „дайте подорожнёму кавалокъ хліба.“

— Нажны копу жыта, то дамъ тобі цілый хлібъ; але якъ не нажнешь, то и кавалка не дамъ.

„Отъ вінъ пішовъ на поле: жавъ, жавъ, та не нажавъ ще и трёхъ снопівъ, а сонце взяло та й зайшло. А той чоловікъ и каже:

— Ну, колы такъ, то не дамъ я тобі и кавалка.

„Пішовъ той голодный; заходыть ото вінъ до мельныка, выпросывъ собі макытру мукы и понісъ, шобъ продать, а вітеръ узявъ та й розвіявъ. Заплакавъ вінъ и пішовъ далі.

„Иде, иде, — прыйшовъ у лісъ и лігъ оддыхать та й заснувъ, а морозъ узявъ та й одморозывъ ёму пальця. Прокынувся вінъ, заплакавъ и пішовъ собі далі.... Прыходыть туда, де заходыть сонце, ажъ выходыть ёго сестра.

— Де бъ я тебе сховала, бо якъ прыйде сонце, то воно тебе спече.

„Взяла та й упустыла ёго въ погребъ. Тылько шо вона прыйшла въ хату, ажъ увіходыть сонце, скынуло свої рызы и повісыло на погребныку и прыходыть у хату, а сестра и пытає:

— А рызы де ты дівъ?

— Повісывъ на погребныку, каже сонце.

— Тамъ у погребі мій братъ, вінъ досі сшікся.

„Побігла туды, дывыться.... ажъ братъ чуть-чуть уже дыше.

„Вона облыла ёго водою, — вінъ ожывъ и пішовъ зъ сестрою у хату до сонця. Дывыться.... за столомъ сыдыть сонце, а на печі сыдыть сонцева маты, така губата..... Вінъ заразъ поздоровався зъ сонцемъ, да пообідавъ, чы повечеравъ, а сонце и каже:

— Пора вже мыні сходыть, але я втомылось, хыбы ты йды за мене“.

„Надівъ вінъ сонцёвы рызы та й полізъ по драбынці на небо, да взявъ та й поломавъ тую драбынку. Иде та й иде вінъ по небі, колы прыходыть на те місце, де сонце снідає. Вінъ сівъ, наівсь, напывсь, да тоді побывъ полумыскы и шклянкы, да й пішовъ далі. Иде та й иде, колы встрічає вітра якъ ухопыть ёго за чубъ да кругомъ себе, да якъ зачавъ

бить вітра, да все прыказуючы: „оце тобі мука, оце тобі мука“. Вітеръ такъ крычыть та дме, да надувъ таку хмару, шо Господы! Схопылась бура да й зачала крутыть; вінъ злякавсь та й пустывъ вітра; отъ тоді и втыхла бура, а вінъ пішовъ собі далі. Прыходыть на південь, ажъ тамъ стоіть золоте кресло, де оддыхае сонце, и стілъ зъ наідкамы, зъ напыткамы. Вінъ сівъ, наівсь, напывсь, лігъ, оддыхавъ и пішовъ собі далі. Иде та й иде, колы зустрічае мороза, да якъ ухопыть ёго за чубъ, да якъ зачавъ бить, — морозъ просывсь, просывсь, да вже якось вырвавсь и втікъ. Вінъ вылаявъ ёго и пішовъ дальше. Прыходыть на заходъ сонця, колы тамъ тая драбынка, шо сонце сходыть на землю.

„Вінъ злізъ, да й тую поламавъ дробынку. Тоді вінъ прыйшовъ до сонцёвої хаты, да скынувъ рызы и пытается сестры:

— Де сонце?

— Спыть.

— Ну, такъ утікаймо.

„Сонце якъ прокынулось, да побачило, шо іхъ немае, — розсердылось, та заразъ на небо, шобъ бувъ день. Прыбігае до драбыны, — ажъ поломана. Воно якъ зачало іі ладыть, то вже й обідать пора, а сонце ще не сходыть; люде такъ дывуются. Отъ воно якось наладыло драбыну да вылізло на небо, дывытся — нема чого істы: все порозлываие, побыте. Воно пійшло далі: прыходыть на південь, ажъ и тамъ такъ; воно пійшло далі, — зострічае вітра.

— Хто це такъ поробывъ?

— Це той, шо йшовъ на вашімъ місці, да й мене бывъ и мороза побывъ.

„Сонце такъ лае ёго, колы прыйшло на заходъ, ажъ неможно злізты. Воно якъ зачало крычать, а маты почула, — поладыла якось драбыну, отъ тобі и злізло сонце.

— Ну, хытрый бісывъ сынъ, каже, наробывъ вінъ мыні, теперь не буду показуваться людямъ цілый тыждень.

„Полізло на небо, да попросыло вітра, а той якъ нагнавъ хмару, якъ начавъ пірыть дошчъ, а морозъ якъ прыдавывъ, — стало холодно, до й померзлы ягнята. Да вже якась відьма зробыла, шобъ ныйшовъ дошчъ, бо іі померзлы ягнята“.

Изъ этой сказки видно, что солнце имѣетъ постоянное свое пребываніе на землѣ, „на край світа“; по небу же ходитъ въ ризахъ, исполненныхъ свѣта и теплоты. Оно олицетворяется въ образѣ человѣка, имѣетъ мать, женъ похищаетъ для себя на землѣ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Солнце, по понятію народа, есть преогром-

нѣйшая искра, но какъ оно держится и чѣмъ свѣтитъ — народъ не знаетъ. Приписываютъ все волѣ Божіей, но всѣ придерживаются того убѣжденія, что оно обитаетъ въ моряхъ и оттуда восходитъ. При восходѣ его, безчисленное множество чертей поднимаютъ его шестами, такъ какъ они въ ночное время въ моряхъ и въ рѣкахъ не могутъ жить по случаю нахожденія въ нихъ солнца. Вѣрятъ, что солнце выходитъ изъ-подъ земли и бѣжитъ по поверхности видимаго неба, заходитъ въ землю и въ теченіи цѣлой ночи дѣлаетъ свой путь подъ землей.

[*Сосницкій уѣздъ*]. Солнце называется великимъ свѣтиломъ дня; о немъ есть два понятія въ народѣ: одни утверждаютъ, что земля движется, а солнце стоитъ неподвижно, другіе — что земля стоитъ, а солнце движется.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „По заході, або до сходъ-сонця негодыться воламы орать, бо волы собі шыі попарять“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Солнце, по народному понятію, есть огненный шаръ, вращающійся вокругъ земли. Во многихъ случаяхъ солнце служитъ для народа указателемъ погоды. Такъ напримѣръ:

Если солнце заходитъ свѣтло и окружено желтыми облаками, — будетъ погода.

Красноватый закатъ солнца зимою предвѣщаетъ морозъ и снѣгъ.

Если при восходѣ солнца верхняя часть его окружена облаками, — въ этотъ же день будетъ непремѣнно дождь.

Солнце при восходѣ красное и безъ лучей — вѣрный признакъ вѣтренной погоды. Если солнце при восходѣ и заходѣ испускаетъ красные лучи, то нужно ожидать вѣтра, если лѣто при этомъ жаркое, то ожидать болѣзней.

Луна. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Причины измѣненія луны неизвѣстны; пятна, видимыя на лунѣ, представляютъ Каина и Авеля, изъ которыхъ первый держитъ послѣдняго на вилахъ.

Если посмотрѣть на луну чрезъ особенный платокъ, имѣющій таинственную силу, то Каинъ и Авель представляются взору наблюдателя отчетливо.

[*Холмская Русь*]. Луна считается окомъ Божіимъ и величина ея такая же какъ и солнца, т. е. никакъ не больше задняго колеса въ телѣгѣ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Луна такъ устроена Богомъ, что можетъ двигаться по небу. Назначеніе ея — освѣщать нашу землю ночью.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Луна, по понятію народа, имѣетъ большое вліяніе на людей, животныхъ и растенія, она — какъ панъ въ своемъ владѣніи: что хочетъ, то и дѣлаетъ въ продолженіи четырехъ недѣль. Оттого-то народъ и молится каждому молодому мѣсяцу. Если мѣсяцъ бываетъ красный — будетъ

война, синій — будутъ болѣзни и моръ людей, а если ясный, то будетъ, кромѣ повсемѣстнаго здоровья, большой урожай.

[*Холмская Русь*]. Пятна на лунѣ напоминаютъ убіеніе Каиномъ своего брата Авеля. Говорятъ, что на лунѣ видны даже вилы, которыми Каинъ закололъ своего меньшаго брата.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Луна устроена Богомъ такъ, что можетъ давать свѣтъ только ночью. Она стоитъ на небѣ неподвижно, кажущееся же движеніе невѣрно, потому что движется земля.

[*Литинскій уѣздъ*]. Луна, — это круглое отверстіе въ небѣ. Она сотворена Богомъ, для освѣщенія земли во время ночи. Теплоты же такой, какъ солнце даетъ, луна не можетъ давать, это отъ того, что Богъ положилъ на ней знаменіе грѣха Каинова. Выдаютъ за положительное, что видимыя на лунѣ пятна есть изображеніе Каина, держащаго на вилахъ брата своего Авеля. Исторія эта разсказывается такимъ образомъ:

„Каинъ и Авель пошли приносить Богу жертвы. Во время самаго жертвоприношенія, Каинъ замѣтилъ, что его жертва не такъ пріятна Богу, какъ Авелева. Въ душѣ его тотчасъ же зажглась ненависть къ Авелю, и вотъ онъ рѣшилъ убить его. На слѣдующую же ночь, Каинъ хитростью завлекъ Авеля на поле за снопами ячменя, и тамъ совершилъ братоубійство: прокололъ его вилами и швырнулъ въ сторону, какъ снопъ. Нѣкоторые олицетворяютъ луну въ видѣ молодой женщины.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. „Якъ місяць маленькый, то и маленька злысть Каина на Авеля; якъ більший, то и злысть робится більша; якъ повный, то значитъ, що Каинъ Авеля уже забывъ и вже выдно, якъ вінъ держыть ёго на вылахъ“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Луна — свѣтлая точка, поставленная Богомъ съ изображеніемъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ убилъ другого. Это сдѣлано для того, чтобы люди ничего не дѣлали въ большіе праздники, ибо Богъ наказалъ тѣхъ двухъ братьевъ за то, что они въ Рождество Христово „робылы мішанку“, т. е. мѣшали сѣно съ соломою для корма скота.

[*Луцкій уѣздъ*]. Луна — братъ солнца, свѣтящійся шаръ, освѣщающій землю ночью, а пятна на лунѣ — это Каинъ держитъ Авеля на вилахъ. Свѣтъ луны недостаточенъ для того, чтобы въ одно время освѣщать всю землю, а потому луна передвигается то въ ту, то въ другую сторону, чтобы въ извѣстный періодъ времени освѣщать назначенное ей пространство земли.

[*Южная Русь.*] Луна дѣйствуетъ на спящихъ людей, которые во снѣ всходятъ на возвышенности и на церкви.

[*Ушицкій уѣздъ.*] Луна — свѣтило, поставленное поближе къ землѣ, чтобы лучше освѣщать ее во время ночи. Луна — по народному понятію — двѣ-

надцать братьевъ „місяцівъ“, назначенныхъ Богомъ для отправленія своихъ обязанностей во время одного года.

Состояніе погоды и природы въ каждомъ мѣсяцѣ выражаетъ характеръ мѣсяца, находящагося на небѣ; наприм. Мартъ — презлой и прекапризный мѣсяцъ, Май — добрый и ласковый.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. „Місяць“ — младшій братъ солнца, въ загадкѣ онъ называется „золота діжа“.

„На місяці те, шо чорніе, до то Кавель и Авель — Одамові сыны. То воны разъ бралы на візъ сіно да за щось и полаялысь, а Кавель узявъ та й заколовъ выльмы Авеля, а Богъ и намалювавъ іхъ на місяці, щобъ усі люды дывылысь“.

Луна — мужчина, созданный Богомъ, одновременно съ солнцемъ, и названъ братомъ солнца. Пятно на лунѣ изображаетъ событіе: „братъ брата убывъ и держыть на вылахъ“. Это произошло такъ: „Каінъ и Габель“ поссорились на гумнѣ своего отца, и первый послѣдняго схватилъ на вилы, за что убійцу, по суду Божьему, не могла пріютить ни земля, ни вода и ни какое другое мѣсто, кромѣ „місяця“, который, за принятіе, безъ воли Божіей, въ свое жилище Каина, имѣетъ на своемъ лицѣ отпечатокъ страшнаго грѣха Каинова.

[*Житомирскій уѣздъ*]. О лунѣ есть множество повѣрій: утверждаютъ, что луна есть небесный камень и что камень этотъ держится волею Божіей; что же касается пятенъ на лунѣ, то всѣ утверждаютъ, что это знаменіе грѣха Каинова: „братъ брата на вылахъ держыть“.

[*Сосницкій уѣздъ.*] Луну называютъ: „ночнымъ“.

Фазы луны. [*Винницкій уѣздъ*]. Луна своими фазами имѣетъ вліяніе на людей и растенія: человѣкъ, родившійся въ новомѣсячье, сохраняетъ на всю жизнь моложавость и свѣжесть лица; а родившійся въ исходѣ — наслѣдуетъ на всю жизнь угрюмую физіономію и брюзгливость характера, въ противоположность игривости и веселости характера человѣка, родившагося на новомѣсячье. Родившемуся на „перекрыі“ жить недолго „въ парі“ (супружествѣ), — овдовѣть ему на половинѣ супружеской жизни.

Сѣмена растеній не сѣются въ новомѣсячье, потому что будутъ долго цвѣсти и не принесутъ зрѣлыхъ обильныхъ плодовъ. Лѣкарственныя растенія и корни ихъ, напротивъ, признаются цѣлительнѣйшими, если только они собраны „на молодыку“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Фазы или измѣненія луны происходятъ отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій; онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ эту заслонку, отчего и происходятъ перемѣны

мѣсяца, называемыя: „новый місяць, перша кватыра, друга кватыра (підповня) и старый місяць“.

[*Литинскій уѣздъ*]. По рожденіи, луна называется: „молодыкомъ“ или „новакомъ“, въ полномъ видѣ — „підповня“, а при смерти — „старыкомъ *)“.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Причины измѣненія луны неизвѣстны.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Измѣненій луны не объясняетъ народъ; но первая четверть мѣсяца называется „молодыкъ“, вторая — „підповня“, третья — „повня“, а четвертая — „остатня кватыра“. Появленіе новолунія вызываетъ каждаго къ молитвѣ „Отче нашъ“. Первая четверть признается самою трудною частью мѣсяца; въ теченіи этихъ семи дней избѣгаютъ всякихъ предпріятій: не начинаютъ сѣять, жать, пахать, мазать глиною дома, закармливать скотъ, квасить борщъ и т. д.; прочія фазы луны положительно безразличны и невліятельны.

[*Холмская Русь*]. Во время новолунія женщины не сѣютъ льна: онъ неодновременно созрѣетъ. Если кто нибудь порѣжетъ себѣ палецъ и онъ начнетъ гноиться, — приписывается дѣйствію молодика. Полнолуніе же, по понятію народа, имѣетъ цѣлительное свойство.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Гныла кватыря (третья четверть) — робыть нічого неслідъ, бо буде порча: варево гные, на дерево зрублене нападе червоточына“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Отчего происходятъ различныя фазы луны — народъ не знаетъ, но называетъ эти измѣненія: „нывъ (молодыкъ) перша кватыра, подповня, повня и остатня кватыра“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Въ новомѣсячье ничего нельзя начинать дѣлать: сѣять, капусту квасить и т. п., потому что посѣянное согніетъ, а квашенное дѣлается негоднымъ къ употребленію. „На підповні“ надѣются хорошей погоды и потому, въ это время, лѣтомъ, стараются убирать сѣно. Въ концѣ мѣсяца ожидаютъ дождя, а потому стараются сѣять.

[*Луцкій уѣздъ*]. Фазы луны народъ называетъ такъ: „молодый, старый и східъ-місяць“.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Когда появляется первая четверть луны, обращаются къ ней лицомъ, крестятся, произносятъ молитвы и просятъ Бога, чтобы онъ даровалъ молящемуся новое счастіе и здоровье.

Въ продолженіи четырехъ недѣль луна перерождается. Съ луною перерождаются и жиды, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Жиды эти еще и до настоящаго времени стоятъ

*) Въ Холмской Руси понятія о фазахъ луны точно такія же, какъ и въ Литинскомъ уѣздѣ.

въ томъ же положеніи и на вопросы проходящихъ: „колы ты вродывся“ — отвѣчаютъ: „вчора“. „Колы ты умрешь?“ — отвѣчаютъ: „завтра“.

[*Житомирскій уѣздъ*]. При появленіи молодаго мѣсяца, народъ ему кланяется и произноситъ молитвы. По истеченіи двухъ недѣль, луну считаютъ „підповнею“, на третьей недѣлѣ называютъ „гнылушею“; въ то время ничего не дѣлаютъ по хозяйству и не рубятъ строеваго лѣса, потому что „шашелыця попортыть“, что̀, какъ говорятъ, уже дознано.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если луна „настане рогами у гору“, то будетъ погода; если внизъ — дождь, а зимою — морозъ. Немного красноватая луна предвѣщаетъ погоду, а блѣдная — дождь. Кольца вокругъ луны — признакъ дождя. Если луна во время восхода солнца болѣе обыкновеннаго и облака надъ нею черныя, это предвѣщаетъ дождь. Красная луна — признакъ вѣтра.

[*Подольская губернія*]. Лунѣ, за то, что на ней изображено убійство Каиномъ Авеля, Богъ судилъ каждый мѣсяцъ рождаться, расти и умирать. Послѣ своей смерти, луна нисходитъ въ адъ, перетапливается тамъ, очищается и опять рождается. Отъ этого и происходятъ фазы луны.

Перемѣна дня и ночи и временъ года. [*Ушицкій уѣздъ*]. Смѣна дня и ночи объясняется такъ. Заходящее солнце опускается въ море, которое окружаетъ землю, какъ яичный бѣлокъ окружаетъ желтокъ. Подъ землею же находится другой міръ, который солнце освѣщаетъ и дѣлаетъ тамъ день, а у насъ ночь. Когда же солнце подходитъ къ востоку, то, по Божьему повелѣнію, подымаютъ его тысяча чертей „шатановъ“, при чемъ солнце совершенно обжигаетъ ихъ, послѣ чего они купаются въ рѣкѣ, оставаясь едва живы и махая руками — пропадаютъ; а изъ той тысячи капель, которыя отряхиваютъ съ себя черти, опять рождается тысяча чертей, которые такъ же подымаютъ солнце, опять обжигаются, купаются, рождаются и т. д. Поэтому, неблагоразумно поступаютъ тѣ люди, которые, умываясь, встряхиваютъ руками, ибо сколько упадетъ капель, столько родится чертей. Солнце постояннаго жилища не имѣетъ: оно постоянно дѣлаетъ свой ежесуточный кругъ; семьи и слугъ тоже не имѣетъ. Какъ объясняется перемѣна временъ года и отчего бываетъ весна, лѣто, осень и зима, — народъ не знаетъ.

[*Холмская Русь*]. Смѣна дня и ночи объясняется отсутствіемъ солнца, которое, уходя подъ землю, купается тамъ въ морѣ, а потомъ, при помощи двухъ какихъ-то невѣдомыхъ существъ, снова появляется на небѣ съ противоположной стороны.

Перемѣна временъ года зависитъ отъ удаленія солнца отъ земли, но въ

этомъ случаѣ законъ движенія нашей планеты не берется во вниманіе и повсемѣстно подвергается сомнѣнію.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Смѣна дня и ночи объясняется лишь восходомъ и заходомъ солнца, которое, ночью, отъ запада на востокъ, проходитъ подъ землею въ непонятномъ для народа пространствѣ, наполненномъ огнемъ и водою.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Сонце заходыть за горы, и якъ у насъ день, то за горамы нічъ, а якъ у насъ нічъ, то тамъ уже день“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Происхожденіе ночи объясняютъ захожденіемъ солнца на тотъ свѣтъ, а происхожденіе дня — восхожденіемъ солнца на этотъ свѣтъ, но о видѣ того свѣта и о томъ, былъ ли кто тамъ, — не существуетъ въ народѣ ни какихъ разсказовъ.

Перемѣну временъ года полагаютъ отъ постепеннаго удаленія и приближенія солнца.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Относительно борьбы зимы съ лѣтомъ народъ разсказываетъ слѣдующее: около зачатія Св. Анны зима сходится съ лѣтомъ: зима хорошо одѣта, „въ сімъ кожухівъ“ (тулуповъ), а лѣто въ одной только „сороцці“ (рубахѣ). Они начинаютъ между собою споръ. Лѣто и говоритъ зимѣ:

— Я лучше тебя, потому что отъ меня все для жизни человѣка: хлѣбъ, овощи; у меня всѣ люди свободны и веселы, я все кормлю, а ты только сгоняешь людей въ кучу какъ свиней, и они тѣснятся для того только, чтобы нагрѣться.

„А зима говоритъ:

— Еслибы не я, то ты бы не паршивѣло. — И такъ онѣ спорятъ до Срѣтенія (2 февраля), послѣ сего опять расходятся.“

[*Луцкій уѣздъ*]. О борьбѣ зимы съ лѣтомъ говорятъ, что она совершается на Срѣтеніе, но — какъ именно — разсказовъ ни какихъ нѣтъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Лѣто и зима представляются живыми существами: лѣто олицетворяютъ въ видѣ молодой дѣвушки, а зиму — въ видѣ старухи, съ огромными зубами и костлявыми пальцами. Дѣвушка-лѣто очень щедра и богата, а старуха-зима чрезмѣрно скупа и бѣдна. Существуетъ вѣрованіе, что въ праздникъ Срѣтенія Господня личности эти встрѣчаются и ведутъ между собою такой разговоръ:

„Дѣвушка-лѣто спрашиваетъ старуху-зиму:

— Зачѣмъ ты уходишь изъ такой-то стороны, и что ты добраго тамъ сдѣлала?

— Нечего мнѣ уже быть тамъ, отвѣчаетъ зима, все что было я съѣла,

истощила всѣ амбары, клуни и склады, и теперь, думаю, не скоро все это пополнится.

„Дѣвушка-лѣто говоритъ:

— Жаль мнѣ тѣхъ людей, — нужно спѣшитъ къ нимъ, я всѣмъ, чѣмъ могу, ихъ подарю.“

[*Харьковскій уѣздъ*]. „Иде літо проты зімы и несе квіточку таку гарну, гарну; а зима несе казанокъ лёду. Літо якъ тылько показало свою квиточку, такъ лідъ той у одну мынуту и розставъ. А на зіму — уже иде зіма проты літа у кожусі и червоныхъ чоботяхъ, въ капелюсі и въ руковыцяхъ; якъ показала свій лідъ, такъ тая квітка такъ у одну мынуту и обсыпалась.“

[*Каневскій уѣздъ*]. „На Стрітеніе літо зъ зімою встрічается и літо зіму прогоняе“ *).

[*Винницкій уѣздъ*]. Перемѣну дня и ночи объясняютъ очень-просто: будто солнце прячется за гору и, прошедши подъ землею, утромъ является снова на небѣ.

О перемѣнахъ временъ года извѣстно только то, что лѣто олицетворяется въ образѣ скромной дѣвушки, украшенной разными нѣжными растеніями; а зима — женщиной буйною, съ головой, величиною съ бочку, а губы какъ „відра“. Второго февраля онѣ встрѣчаются и между ними происходитъ борьба. Если лѣто остается побѣдителемъ, то сейчасъ же начинается тепло, въ противномъ же случаѣ длится холодъ.

Затмѣнія солнца и луны. [*Винницкій уѣздъ.*] Затмѣнія солнца и луны, по народнымъ понятіямъ, происходятъ отъ того, что солнце и луна, прослуживши извѣстное время, мѣняются. Въ то время они, по понятію народа, столкнувшись, могутъ упасть на землю и тогда произойдетъ кончина міра. Поэтому, затмѣніе наводитъ на народъ ужасъ, и каждый со слезами начинаетъ молиться Богу, прося отпущенія грѣховъ, и зажигаетъ предъ иконами страстныя свѣчи.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. При затмѣніи солнца, луна дерется съ нимъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Затмѣніе солнца, по народному понятію, происходитъ отъ того, что „ёго хтять крилатиі вовкулаки зъісти“.

[*Подольская губернія.*] Затмѣнія солнца и луны народъ понимаетъ двояко: отъ того, что свѣтила эти закрываются отъ насъ нашими грѣхами, или же, олицетворяя въ солнцѣ и лунѣ мужчину и женщину, утверждаютъ,

---

*) Въ Житомирскомъ уѣздѣ понятія о встрѣчѣ зимы съ лѣтомъ точно такія же, какъ и въ Каневскомъ уѣздѣ.

Въ Холмской Руси вѣрованія точно такія же, какъ и въ другихъ предыдущихъ мѣстностяхъ.

что они закрываютъ глаза руками, чтобы не видѣть нашихъ грѣховъ. Потому-то затмѣнія луны чаще всего бываютъ ночью, такъ какъ ночью мы больше всего грѣшимъ.

Звѣзды. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Звѣзды — ангелы, сидящіе на ступеняхъ неба съ зажженными свѣчами въ рукахъ.

[*Холмская Русь*]. Звѣзды — это души тѣхъ умершихъ людей, которые отличались доброю, непорочною жизнью на землѣ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Звѣзды, по понятію народа, грѣшныя души, которыхъ Богъ поставилъ на небѣ „покутувать гріхы свої“; души менѣе грѣшныя свѣтятъ ярче, болѣе грѣшныя — гораздо тусклѣе.

[*Луцкій уѣздъ*]. Звѣзды устроены Богомъ для освѣщенія нашей земли, онѣ устроены такъ, что свободно переходятъ изъ одного мѣста въ другое.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Звѣзды созданы Богомъ для освѣщенія земли. Онѣ всѣ перемѣняютъ свое мѣсто.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Звѣзды, по народному вѣрованію, души людей,— сколько на небѣ звѣздъ, столько на землѣ находится людей.

[*Литинскій уѣздъ*]. Звѣзды — это горящія свѣчи. Какъ только кто рождается, Богъ въ то же время зажигаетъ свѣчу и ставитъ ее на облакахъ. Сколько душъ живетъ на землѣ, столько и свѣчей (звѣздъ) горитъ на небѣ. Если человѣкъ живетъ на землѣ не зазорно, то и его звѣзда, или какъ говоритъ народъ, „ёго свічка“ горитъ яснымъ, чистымъ свѣтомъ, и напротивъ: если человѣкъ живетъ безпорядочно, то и его звѣзда горитъ слабымъ, тусклымъ свѣтомъ.

Созвѣздія имѣютъ слѣдующія наименованія: „візъ, квочка, чепига, косарі, дівка воду несе, пасіка, хрестъ, світова и вечірня зорниці“. Олицетворяя солнце и луну, народъ точно такъ же олицетворяетъ и созвѣздія въ образѣ мальчиковъ, неустанно услуживающихъ солнцу и лунѣ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Звѣзды — „діты сонця“, неразрывно связанныя съ человѣкомъ. Съ рожденіемъ дитяти появляется и новая звѣзда и во всю жизнь имѣетъ вліяніе на его судьбу. Говорятъ: „така моя планыда.“

[*Ушицкій уѣздъ*]. Созвѣздія получаютъ свои названія отъ формы, которую образуютъ своимъ расположеніемъ. Одна большая звѣзда, окружонная меньшими, называется „квочкой“; „возомъ“ называются звѣзды по своему расположенію, напоминающему расположеніе частей повозки, и т. п.

[*Винницкій уѣздъ*]. Звѣзды — это свѣчи, зажженныя душами умершихъ праведниковъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Звѣзды — одни считаютъ дѣтьми солнца и луны, другіе — душами умершихъ, и говорятъ: „котора ясна зірка, то та душа правдыва, а котора зора темна, то та дуже грішна“. Также называютъ звѣзды ангелами. „Зіркы роблятся изъ праведныхъ душокъ, зъ дітей, которі умірають малымы, да зъ старіхъ людей“. Звѣзды считаются народомъ праведными душами, которыя ярко смотрятъ на весь міръ; онѣ изображаются свѣчками. А другіе утверждаютъ, что каждая звѣзда выражаетъ собою отдѣльнаго человѣка, живущаго на землѣ. Звѣзда, которая ярко горитъ, знаменуетъ, что тотъ человѣкъ будетъ долго жить.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если, напримѣръ, звѣзды мало видны, то предвѣщаютъ бурю. Если же свѣтлы, то будетъ лѣтомъ тепло, а зимою морозъ.

Млечный путь. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Млечный путь есть дорога, пересѣкающаяся посрединѣ, одна половина ея ведетъ въ адъ, а другая — въ рай.

[*Холмская Русь*]. На млечный путь смотрятъ какъ на дорогу, ведущую души умершихъ людей на небо.

[*Луцкій уѣздъ*]. Млечный путь называютъ дорогою, проведенною по небу и служащею для указанія птицамъ пути въ „вырій“, — мѣсто, куда онѣ улетаютъ на зиму.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Млечный путь — это дорога изъ Москвы въ Іерусалимъ. Кто только желаетъ идти туда и возьметъ для себя путеводителемъ млечный путь, тотъ никогда не собьется съ дороги: придетъ прямёшенько въ Москву, а потомъ въ Іерусалимъ. По дорогѣ къ Іерусалиму есть рѣка Дунай, о которой говорятъ: „Пишовъ на Дунай, та й до дому не думай“. На этой рѣкѣ есть полотняные мосты, которые откликаются, если кто хочетъ переѣхать. Эти мосты очень длинны: каждый въ пять верстъ.

[*Холмская Русь*]. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ.

[*Винницкій уѣздъ*]. Млечный путь — дорога Божіей Матери въ Іерусалимъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Млечный путь — „Божа дорога“, по которой ходитъ самъ Богъ и св. Илія пророкъ ѣздитъ на колесницѣ, везомой огненными конями.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Млечный путь есть дорога, по которой праведныя души умершихъ шествуютъ въ рай.

[*Подольская губернія*]. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ. Вѣрятъ, что дальше Іерусалима млечнаго пути не существуетъ.

Млечный путь — дорога, означающая, что столько должно родиться людей, сколько на этой дорогѣ звѣздъ.

Падающія звѣзды. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Падающія звѣзды — некрещенныя дѣти. Во время своего паденія кричатъ „кшту“ (креста). Увидѣвши падающую звѣзду, всякій долженъ сдѣлать надъ нею крестное знаменіе и дать имя женское или мужское. Имя должно дать того пола, къ которому принадлежитъ увидѣвшее падающую звѣзду лицо.

[*Холмская Русь*]. Падающія звѣзды — головни, которыми діаволъ, похищая ихъ съ неба, усиливаетъ страданія подпавшихъ подъ власть его и находящихся въ аду.

[*Луцкій уѣздъ*]. Понятія о падающихъ звѣздахъ очень различны: одни говорятъ, что это ангелы прогоняютъ съ неба злыхъ духовъ, другіе, — что звѣзды падаютъ во время разрѣшенія женщинъ отъ бремени, и третьи, что когда кто нибудь умираетъ, то и звѣзда его падаетъ, такъ какъ каждый человѣкъ имѣетъ свою звѣзду, которая со смертью его угасаетъ.

[*Подольская губернія*]. Народъ видитъ въ падающихъ звѣздахъ свѣчи злыхъ духовъ. Дѣло въ томъ, что дьяволъ, во что бы то ни стало, желаетъ между звѣздами, этими свѣчами Божіими, поставить и свою свѣчу. Ангелъ, осматривая свѣчи, тотчасъ же видитъ, что есть и дьяволова свѣча, которую онъ немедленно и сбрасываетъ съ неба на землю.

Падающія звѣзды — это черти, которые хотятъ уподобиться добрымъ ангеламъ. Они дѣлаются звѣздами и взбираются на небо „свѣтыты мырові“, тогда ангелы общими силами свергаютъ ихъ съ неба. Они падаютъ на землю и разливаются смолою. Если на то мѣсто ступитъ человѣкъ, то заболѣваетъ чахоткою, отъ которой уже нѣтъ спасенія. А чтобы отвратить отъ себя это зло, тотъ, кто увидѣлъ падающую звѣзду, долженъ говорить слово: „амінь“ до тѣхъ поръ, пока не потухнетъ звѣзда. Это значитъ, что она на столько саженъ войдетъ въ землю, сколько разъ сказано слово: „аминь“, и это мѣсто гдѣ она упала остается совершенно безвреднымъ. Вѣрятъ также, что умершіе превращаются въ падающую звѣзду или змія, и ночью летятъ на тотъ домъ, гдѣ умершій оставилъ свою жену или дѣтей. Можно часто слышать, когда мужъ умретъ, а жена остается вдовою и притомъ заболѣетъ, что говорятъ: „вона має перелесныка“.

Относительно падающихъ звѣздъ вѣрятъ, что это Богъ свергаетъ сатану съ неба. Во время полета падающей звѣзды, народъ крестится и произноситъ молитвы. Чаще всего произносятъ слово „аминь“: оно имѣетъ то чудесное свойство, что загоняетъ чорта на столько саженъ въ землю, сколько разъ произнесено слово: „аминь“.

„А то шо падають зіркы, до то нечыста сыла хоче вхопыть душу, а душа втікає. Якъ прыдется побачыть, шо летыть зірка, до треба сказать дванадцять разъ: „амінь, розсыпся“, до нечыста сыла й розсыплется. Частенько воны падають на землю, бо люде, хто знае, до кажуть: „амінь, розсыпся“, до воны й падають, але де вже впаде, вбый ёго сыла Божа, до тамъ погано хату становыть, — тамъ уже жыве вінъ„.

Между звѣздами или свѣчами, зажжонными Богомъ по числу людей, сатана ставитъ иногда секретно и свою свѣчу для кого нибудь изъ подчиненныхъ ему чертей или принадлежащихъ ему людей; но Богъ видитъ всѣ его хитрости и потому свѣчу дьявола немедленно сбрасываетъ съ облака. Свѣча эта и есть не что иное какъ падающая звѣзда.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Кто увидитъ падающую звѣзду, долженъ сказать три раза: „аминь“; въ такомъ случаѣ, упавшая на землю свѣча превращается въ распущенную смолу и потомъ твердѣетъ. Если же никто не скажетъ три раза: „аминь“, то свѣча, упавши на землю, превращается въ дьявола, и тогда-то ужъ бѣда отъ него людямъ, живущимъ на землѣ *).

[*Холмская Русь*]. Падающія звѣзды — души умершихъ людей и притомъ грѣшниковъ. Народъ, видя падающую звѣзду, крестится. Вѣрятъ также, что падающая звѣзда проситъ увидѣвшаго ее помолиться объ отпущеніи грѣховъ. И народъ вѣритъ, что, перекрестивши эту звѣзду, онъ очищаетъ ее отъ грѣховъ **).

[*Харьковскій уѣздъ*]. По народному понятію, падающія звѣзды — души умирающихъ людей. Вѣдьмы крадутъ ихъ, чтобы ими „робыть чары: на чый двіръ упаде зора, тамъ буде покійныкъ, — умре дытына“.

[*Луцкій уѣздъ*]. По смерти человѣка, звѣзда его падаетъ на встрѣчу отходящей душѣ, для принятія ея. Замѣтившій падающую звѣзду, крестится и говоритъ три раза: „аминь“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Падающія звѣзды — свѣчи, зажигаемыя чортомъ, но сброшенныя Богомъ палкою съ неба.

Падающіе камни. [*Ушицкій уѣздъ*]. О падающихъ камняхъ народъ говоритъ, что они дѣйствительно существуютъ, и не только они, но и самыя громадныя скалы. Падающіе камни, по понятію народа, тѣ же падающія звѣзды.

---

*) Въ Литинскомъ уѣздѣ, относительно падающихъ звѣздъ, существуетъ такое же точно повѣрье, какъ и въ предыдущей мѣстности, съ тою только разницею, что, когда падаетъ звѣзда, «чортова свічка», увидѣвшій ее долженъ стараться сколь возможно больше разъ проговорить слово: «аминь». Дѣло въ томъ, что каждое «аминь» загоняетъ дьявола, поставившаго свѣчу, на сажень въ землю, откуда ему очень трудно выбраться на верхъ.

**) Въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ вѣрованія о падающихъ звѣздахъ совершенно сходны съ вѣрованіями Литинскаго уѣзда.

Кометы. [*Холмская Русь*]. Что такое комета — нельзя рѣшить; извѣстно только, что являются онѣ передъ тѣмъ, когда должно совершиться какое нибудь всеобщее бѣдствіе.

[*Луцкій уѣздъ*]. Появленіе кометъ считается предвѣстіемъ какихъ нибудь народныхъ бѣдствій, но что такое комета, изъ чего она — невѣдомо.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Кометы предвѣщаютъ обыкновенно какое нибудь бѣдствіе: войну, моръ, голодъ и т. п. „Метла“, видимая иногда на небѣ — самая старшая вѣдьма. Она ходитъ по небу съ доенкой въ рукахъ и управляетъ всѣми вѣдьмами, живущими въ землѣ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Обыкновенно кометы являются на небѣ по повелѣнію Бога, онѣ побуждаютъ людей къ покаянію; если явится комета цвѣта краснаго, то быть войнѣ, если же блѣдная — будетъ моръ. Кометы — это тѣже звѣзды, разница только въ томъ, что эти звѣзды всегда съ хвостомъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Кометы обыкновенно являются только передъ войной и ничего другаго не предвѣщаютъ.

[*Холмская Русь*]. Кометы являются передъ началомъ какого нибудь бѣдствія: войны, голода, повальныхъ болѣзней и т. п. Иногда же посылаются онѣ Богомъ, для побужденія людей къ покаянію. Народъ вѣритъ, что комета можетъ зажечь землю, переворотить земной шаръ и, упавши, совсѣмъ покрыть его.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Комета, называемая здѣсь: „віха, мітла“, является всегда не къ добру: она предвѣщаетъ или войну, или голодъ, или же моръ; но, всего чаще, явившаяся комета предвѣщаетъ войну.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. „Якъ тілько явится на небі мітла, то буде военне время“ (будетъ война).

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ тілько явится на небі мітла (комета), то вже буде война!“

[*Винницкій уѣздъ*]. Кометы — предвѣстники большихъ несчастій: войны, голода и пр.

[*Винницкій уѣздъ*]. Комета называется здѣсь „віхой“. Если комета красная, будетъ война; бѣлая — большая смертность.

Столбы и круги. [*Ушицкій уѣздъ*]. Столбы, круги и кресты, появляющіеся около солнца и луны, бываютъ двухъ цвѣтовъ: красные и синіе; красные предвѣщаютъ войну, а синіе — моръ людей.

[*Холмская Русь*]. Причина явленія столбовъ, круговъ и крестовъ около солнца и луны — неизвѣстна; всѣ они, болѣе или менѣе, служатъ предсказателями близкой перемѣны погоды.

[*Луцкій уѣздъ*]. Круги около луны предвѣщаютъ: зимою — мятель, а лѣтомъ — ненастную погоду; круги же около солнца и столбы около него и луны предвѣщаютъ вѣтеръ во всякое время года.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Круги и столбы около солнца и луны предвѣщаютъ: лѣтомъ — вѣтеръ, а зимою — морозъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ бувають стовбы коло сонця въ маі місяці, то буде засуха; а якъ зімою, то будуть люті морозы; а якъ хрестъ на небі, то буде якась-то оказія, новына.“

[*Луцкій уѣздъ*]. О столбахъ и кругахъ народъ говоритъ, что это предвѣстники чего-то особеннаго.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Столбы и круги, являющіеся около солнца и луны, предвѣщаютъ какое либо бѣдствіе.

Громъ и молнія. [*Ушицкій уѣздъ*]. Громъ, по понятію народа, происходитъ отъ сотрясенія скалъ. Происходитъ это такъ:

„Когда вздумается Господу Богу послать на землю дождь съ громомъ, то онъ повелѣваетъ святымъ: Юрію, Иліѣ и Михаилу колебать скалы, отъ чего и происходитъ громъ“. Другое повѣрье: „Дьяволъ говоритъ Господу Богу:

— Я спрячусь такъ, что ты меня не убьешь.

— Нѣтъ, убью, отвѣчаетъ Богъ.

— Я спрячусь подъ человѣка?

— А я убью и человѣка, и за то дамъ ему царствіе небесное.

„Далѣе, дьяволъ, перечисляя всѣ предметы, подъ которые можно спрятаться, позабылъ упомянуть „про лищыну“ (орѣховое дерево). „И вотъ народъ вѣритъ, что спастись отъ громовой стрѣлы возможно только подъ орѣховымъ деревомъ, „підъ ліщыною“.

Въ доказательство этого разсказываютъ слѣдующее: „Одинъ „мыслывій“ (охотникъ) проходилъ съ ружьемъ около громадной скалы. Въ то самое время была сильная гроза. Когда пошолъ дождь, охотникъ спрятался подъ навѣсомъ скалы. Въ то время, когда гремѣлъ громъ и блистала молнія, дьяволъ преспокойно сидѣлъ подъ навѣсомъ, но какъ только утихало, онъ выходилъ и, ставши у скалы ногами вверхъ, начиналъ подшучивать надъ Богомъ. И вотъ послѣдовалъ ударъ грома, но дьяволъ въ тотъ же моментъ спрятался подъ скалу. Охотникъ все это видитъ, но никакъ не рѣшается выстрѣлить въ этого „паныча маленького въ курточці, безпъятого и зъ пазурамы на ручніхъ и ніжныхъ пальцяхъ“. Смотрѣлъ охотникъ и наконецъ, выбравши удобную минуту, выстрѣлилъ въ этого „паныча“. Замѣтя, что пуля попала въ дьявола, онъ подошелъ къ нему, но оказалось, что на томъ мѣстѣ осталась только какъ бы пролитая смола. Пока охотникъ раз-

сматривалъ, къ нему подлетаетъ Архистратигъ Михаилъ, съ ружьемъ на плечахъ, и благодаритъ охотника, говоря, что онъ дастъ ему все, что только пожелаетъ онъ за свою услугу. Охотнику очень понравилось ружье Михаила, и онъ сталъ просить его въ награду за свою услугу. Св. Михаилъ какъ не отнѣкивался, сколько ни говорилъ, что это ружье для него негодно, но всетаки подъ конецъ долженъ былъ уступить. Они помѣнялись ружьями съ условіемъ, что если охотнику не понравится ружье въ послѣдствіи, то онъ имѣетъ право требовать размѣна. Охотникъ, взявши ружье Архистратига Михаила, пошолъ охотиться; все что ни увидитъ — все убьетъ. Ни одно животное, какъ бы мало оно ни было, не могло избѣгнуть смерти. Но этого мало: ружье это издаетъ гулъ грома. Случилось однажды такъ. Въ томъ селеніи, гдѣ жилъ охотникъ, былъ большой прудъ. Тамъ же жилъ и владѣлецъ того селенія, или помѣщикъ. Вышелъ какъ-то нашъ охотникъ на прудъ поохотиться и видитъ стадо утокъ; онъ прицѣлился, выстрѣлилъ и положилъ всѣхъ до одной на мѣстѣ. Собравши утокъ, охотникъ отправился къ помѣщику.

— Гдѣ ты набралъ столько дичи, спрашиваетъ его помѣщикъ.

— Настрѣлялъ на вашемъ прудѣ, отвѣчалъ охотникъ.

„Помѣщикъ ни за что не хочетъ вѣрить, видя такое огромное количество дичи, и спрашиваетъ его:

— Въ какое время дня ты стрѣлялъ? Тотъ отвѣтилъ.

— Да, говоритъ помѣщикъ, я слышалъ тогда ударъ грома.

„Съ того времени охотникъ началъ бояться своего ружья и отправился на условленное мѣсто, чтобы размѣняться. Архистратигъ Михаилъ согласился снова помѣняться ружьями. Взявши свое ружье, охотникъ пошелъ стрѣлять и нашелъ ружье далеко лучшимъ чѣмъ прежде“.

Молнія, по понятію народа, происходитъ отъ раздѣленія облаковъ; въ эту скважину видится настоящее небо — молнія. Молнія показывается народу самимъ Богомъ, для того, чтобы онъ помнилъ всегда, что есть на небѣ Богъ.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Громъ происходитъ отъ преслѣдованія Архистратигомъ Михаиломъ дьяволовъ, при чемъ послѣдніе прячутся отъ преслѣдованія въ дома, церкви и живыя существа. Михаилъ, гдѣ только ихъ завидитъ, пускаетъ въ нихъ стрѣлу (стрѣла эта называется перуновою, отъ слова Перунъ) и все, вмѣстѣ съ дьяволомъ, уничтожаетъ огнемъ.

Пожаръ, происшедшій отъ грозы, можно утушить только козьимъ молокомъ, при чемъ, въ началѣ пожара, кто нибудь долженъ раздѣться до-нага и обѣжать горящую постройку кругомъ три раза. Отклонить громъ можно, зазвонивши въ колокольчикъ, который долженъ быть освященъ въ костелѣ.

[*Холмская Русь*]. Молнія — орудіе въ рукахъ Архистратига Михаила, поражающее, какъ стрѣлою, „потырокъ“ и молодыхъ бѣсенятъ. Громъ же — это гулъ отъ выстрѣла.

[*Луцкій уѣздъ*]. Громъ и молнія устроены Богомъ для истребленія чертей. Громомъ и молніей управляетъ Архистратигъ Михаилъ и Св. Илія, — они-то и истребляютъ чертей.

Пожаръ отъ молніи можно утушить только сывороткою, квасомъ, или же козьимъ молокомъ. Громовыя стрѣлы — изъ камня, въ видѣ конической пули. Онѣ, послѣ удара, входятъ въ землю на семь саженъ, и по истеченіи семи лѣтъ выходятъ обратно на поверхность земли. Бѣсы во время грозы находятся въ большомъ страхѣ и стараются гдѣ нибудь скрыться *).

[*Литинскій уѣздъ*]. Громъ — звукъ, производимый движеніемъ по облаку смертоноснаго орудія, управляемаго Св. Юріемъ и Архангеломъ Гавріиломъ. Орудіе это заряжаетъ Св. Юрій стрѣлою изъ какой-то твердой массы, въ родѣ камня, а зажигаетъ и направляетъ выстрѣлъ въ чорта Архангелъ Гавріилъ.

Чрезъ семь лѣтъ громовая стрѣла выходитъ изъ земли, и отыскавшій ее хранитъ какъ святыню. Громовую стрѣлу употребляютъ въ болѣзняхъ, особенно она помогаетъ отъ колики. Громъ бываетъ обыкновенно въ то время, когда небо покрыто тучами; это потому, что въ такое время черти особенно любятъ дразнить Бога: бѣгаютъ по дорогамъ, кружась въ вихрѣ пыли; ломаютъ въ лѣсахъ деревья, срываютъ крыши съ домовъ и т. п.

Подъ словомъ молнія понимаютъ разрывъ облаковъ, происходящій для того, чтобы Архангелу Гавріилу удобно было видѣть, гдѣ прячется чортъ, и слѣдить за направленіемъ пущенной стрѣлы. Зигзаги и змѣйки происходятъ отъ того, что пущенная громовая стрѣла летитъ за убѣгающимъ чортомъ различными путями и направленіями.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Громомъ и молніей завѣдываютъ ангелы, они стараются избивать чертей. Во время грозы не слѣдуетъ ѣсть или вообще открывать рта, чтобы не дать туда проникнуть чорту, за которымъ постоянно летаетъ молнія или стрѣла.

Вѣрятъ, что пожаръ отъ грома можно утушить однимъ козьимъ молокомъ, водой же утушить пожаръ невозможно.

[*Холмская Русь*]. Громовыя стрѣлы народъ называетъ „кулямы“, которыми Св. Илія стрѣляетъ въ чертей. Если зданіе или стогъ сѣна сгоритъ, то чортъ убитъ, а если нѣтъ, то значитъ Илія далъ промахъ и чортъ убѣ-

*) Слѣдуетъ разсказъ совершенно такой же, какъ и въ Ушицкомъ уѣздѣ.

жалъ. Нигдѣ такъ удобно пріютиться чорту, какъ подъ камнемъ, потому что отъ камня громовыя стрѣлы отскакиваютъ.

Для отвращенія молніи, народъ зажигаетъ тѣ вѣтви дерева, которыми были украшены иконы на „Боже цяло“ (праздникъ: Божье Тѣло).

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. „Чорты сносять хмары до купы, якъ снесуть багацько, то качають въ валы, отъ того дуже гуде по небі; для спокою Богъ посылає Св. Илью зъ огненною палкою; якъ Св. Илья замахне палкою, то блысне, а якъ ударыть по чорту, то грымне“.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Громъ происходитъ отъ движенія по небу колесницы Св. Иліи, а молнія — искры изъ-подъ копытъ лошадей, везущихъ эту колесницу.

[*Луцкій уѣздъ*]. Громъ — стукъ отъ колесницы, въ которой ѣдетъ по небу Св. Илія. Молнія — искры изъ-подъ подковъ коней, везущихъ эту колесницу.

[*Винницкій уѣздъ*]. Громъ — стукъ колесницы Архангела Гавріила, везущаго калачи. Громовой ударъ — звукъ стрѣлы, пущенной Богомъ въ чорта. Молнія — дорога стрѣлы съ неба; во время молніи мы видимъ собственно чистое небо, чрезъ отворенныя облака, которыя служатъ преградою свѣту и теплу, исходящимъ отъ неба, потому что этого свѣта и тепла ни глазъ человѣка, ни растенія не могли бы сносить.

По суевѣрному понятію народа, пожаръ, происшедшій отъ удара молніи, тушить нельзя, потому что его произвела, видимо, сила Божія, и мѣры къ прекращенію такого пожара были бы напрасны и богопротивны.

Замѣчаютъ, что предъ ударомъ грома съ молніей дѣлается крестъ. Это значитъ, что Архистратигъ Михаилъ благословляетъ крестомъ, а Архангелъ Гавріилъ стрѣляетъ въ чорта.

Во время грозы нельзя стоять подъ дубомъ или вербою, потому что чортъ имѣетъ тамъ свое обиталище, особенно во время грозы прячется туда отъ громоваго удара. Когда громъ ударитъ въ дерево и зажжетъ его, то значитъ чортъ убитъ и превратился въ смолу, которую, случалось, и находили подъ деревомъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что однажды въ с. Клищевѣ ударилъ громъ въ церковь и громовая стрѣла пролетѣла изъ одного окна въ другое и ничего не повредила, а только обожгла икону Божіей Матери. Въ другой разъ, въ селеніи Звоникѣ видѣли, что передъ ударомъ грома летѣлъ чортъ въ видѣ ворона и скрылся на чердакъ одного дома, куда и ударилъ громъ и зажегъ тотъ домъ.

Для отвращенія молніи, народъ хранитъ у себя палочку, которою случалось отогнать отъ лягушки „гадюку“.

[*Каневскій уѣздъ*]. Громъ и молнію народъ называетъ Перуномъ; если

случится, что молнія зажжетъ какое нибудь строеніе, то обыкновенно говорятъ: „перуномъ спалыло“. „Якъ грымыть, до то Ілья іздыть по небі, а блыскає, до то Говрылъ квіткою махає. Шкло якъ роблять, до розпалюють тымъ огнемъ, шо одъ блыскавыці загорытся“.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Громъ есть страшное орудіе на небѣ, для пораженія чертей, хулящихъ Бога. Имъ завѣдуютъ Архангелы: Михаилъ и Гавріилъ.

Молнія происходитъ отъ того, что мгновенно разверзаются облака, изъ за которыхъ сіяющее жилище Бога напоминаетъ всевидящее око Создателя.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Громъ происходитъ отъ того, что Пророкъ Илія и Архистратигъ Михаилъ ведутъ войну съ чортомъ, который раздражаетъ Бога; Богъ поэтому и старается убить чорта; собираются тучи, которыя и суть проявленія гнѣва Божія. Богъ, Илія и Михаилъ стрѣляютъ въ сатану, и куда бьетъ громъ, то значитъ, что тамъ спрятался чортъ, а если громъ поразитъ человѣка, — значитъ, что чортъ спрятался подъ того человѣка. Если же загорится домъ, то тушить его нельзя: грѣхъ. Пожара этого ничѣмъ не утушить, какъ только молокомъ или же сывороткой.

Молнія — это настоящее небо, показываемое Богомъ во время гнѣва народу. Если бы на землю упала хотя маленькая часть этого неба, то сожгла бы всю землю. Утверждаютъ, что это небо откроется передъ страшнымъ судомъ.

[*Будаевка*]. „Та верба, що на вербный неділі возмешъ, то за Богамы або за стволокомъ щобъ стреміла, — то грімъ не вдарыть“.

[*Тараща*]. „Якъ гремыть, до кадять вербою святою“.

[*Будаевка*]. „Якъ вісыть підъ лямпою пысанка порожня, то треба, щобъ въ ій була пшеныця, щобъ дъяволъ не заховався відъ грому“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ вперше грімъ почуєшъ весною, треба спыною опырατся объ стіну, або объ тынъ, щобъ спына не боліла“.

„Негодытся співать, якъ грімъ гремыть, бо якъ хто співає, то вінъ чорта веселыть, то грімъ за те убыває и чоловіка; чоловікъ співає, а чортъ коло ёго, то грімъ хоче чорта убыть, а чортъ підъ чоловіка заховается, отъ грімъ и вбыває чоловіка“.

[*Тараща*]. „Колы грімъ убъє, то той чоловікъ на той світъ не встане“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. По ударамъ грома предугадываютъ степень урожая. Если гремитъ на югѣ и въ сторонѣ лѣса, то будетъ хорошій урожай. То же — если и въ восточной. Если гремитъ весною преждевременно, будетъ урожай. Удары грома на западѣ предвѣщаютъ неурожай и эпидемію. Громъ въ мартѣ мѣсяцѣ — признакъ урожая на озимую рожь.

Больные головой — во время грома берутъ каменья и, легонько

ударяя себя въ голову, говорятъ: „камень голова, камень голова“ и боль исчезаетъ.

[*Подольская губернія*]. Молнію понимаютъ какъ разрывъ облаковъ, чтобы Архангелу Гавріилу удобно было, во 1-хъ, видѣть, гдѣ прячется чортъ, и во 2-хъ, слѣдить за направленіемъ раскалённой стрѣлы, вылетѣвшей изъ громоноснаго орудія. Первое бываетъ тогда, когда молнія — въ видѣ прямой полосы или черты; при этомъ чрезъ открывающіяся облака отражается свѣтъ неба; второе же — когда молнія отражается на облакѣ зигзагами въ видѣ змѣйки. Въ это время бываетъ видимъ собственно свѣтъ стрѣлы. Змѣйки происходятъ оттого, что стрѣла громовая летитъ за дьяволомъ по всѣмъ направленіямъ.

[*Южная Русь*]. Громъ происходитъ вслѣдствіе войны, которую ведетъ Архистратигъ Михаилъ съ чертями. Укрыться отъ грозы невозможно, потому что гдѣ бы ни спрятался чортъ, даже въ церкви подъ престоломъ, и тамъ Архистратигъ Михаилъ убиваетъ его.

Молнія бываетъ въ тотъ самый моментъ, когда небо отверсто.

Тучи. [*Луцкій уѣздъ*]. Тучи — „бісова свайба“. Говорятъ: „бачишъ, якъ чірны тучи? выдно, бісъ жинытся“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Облака и тучи представляются народу въ видѣ студенистой матеріи, держащейся въ воздухѣ и гонимой вѣтромъ съ мѣста на мѣсто вокругъ всей земли.

Подъ тучею народъ разумѣетъ собраніе громаднаго количества воды, рѣчной и морской, смотря по обстоятельствамъ, падающей на землю въ видѣ дождя. Вода эта является раздробленною на мелкія капли, потому что пролетаетъ громадное пустое пространство.

[*Литинскій уѣздъ*]. Туча („хмара“ отъ слова: хмуриться) есть не что иное какъ студенистая, пористая масса, образующаяся изъ паровъ и дыма. Снизу она поддерживается упругостію земныхъ испареній, а сверху давится облакомъ.

Туча есть вмѣстилище воды, которую она пропускаетъ чрезъ свои поры, какъ чрезъ рѣшето, и которая падаетъ на землю дождемъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Хмары берутся изъ землі, а більшъ изъ воды“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Облака и тучи образуются изъ морей, но какимъ образомъ, — разсказовъ нѣтъ.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Тучи дѣлаются изъ дыму, собравшагося подъ небесами.

[*Холмская Русь*]. Облако не что иное какъ дымъ, поднявшійся на извѣстную высоту и тамъ сгустившійся.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. Черти собираютъ тучи по маленькому кусочку и сносятъ ихъ въ одно опредѣленное мѣсто, и такимъ образомъ является громадная туча.

[*Литинскій уѣздъ, Подольская губернія*]. Тучи дождевыя, снѣжныя и градовыя вообще признаются явленіями естественными, посылаемыми Богомъ; но, кромѣ этихъ тучъ, бываютъ еще тучи, особенно градовыя, которыми управляютъ и которыя насылаютъ на извѣстную страну вѣдьмы. Чтобы отклонить направленіе такихъ тучъ, женщины обыкновенно выбрасываютъ изъ хатъ на дворъ кочергу, лопату и помело, думая угодить разъяренной вѣдьмѣ. Кочерга, лопата и помело признаются предметами, на которыхъ разъѣзжаютъ вѣдьмы; выбрасывая на дворъ эти предметы, дѣлаютъ тѣмъ какъ бы угодное вѣдьмѣ.

[*Каневскій уѣздъ*]. Тучу народъ воображаетъ себѣ какъ что-то застывшее, на подобіе рыбьяго „холоддю“; когда на нее грѣетъ солнце, она растаиваетъ, и тогда идетъ дождь. Нѣкоторые говорятъ, что они сами видѣли „хмару, якъ вона кускамы падала зъ неба, така, якъ драглі“. Ее употребляютъ какъ лѣкарство отъ лихорадки и говорятъ, что „вона дуже помошна“.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Туча выходитъ изъ-за горъ,— изъ моря.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Говорятъ, что тучи двухъ родовъ: дождевыя и градовыя. Дождевыя тучи производитъ Илія Пророкъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нуженъ дождь, посылается Илія Пророкъ и колесницей своею скопляетъ тучи, чѣмъ даетъ знать, что будетъ дождь.

Туманъ. [*Холмская Русь*]. О туманѣ говорятъ, что это испаренія изъ земли и воды.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Туманъ выходитъ изъ земли. Если туманъ явится лѣтомъ, то будетъ болѣзнь на людей, если весною, то — болѣзнь на скотъ, осенью — хорошія жнива, зимою — благополучіе.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если надъ лѣсами стоитъ туманъ — будетъ дождь. Туманъ, разсѣевающійся послѣ восхода солнца, предвѣщаетъ погоду; лежащій на землѣ послѣ дождя — тоже; поднимающійся съ рѣкъ — тоже. Если, послѣ малаго дождя ложится надъ землею, — будетъ дождь.

Роса. [*Житомирскій уѣздъ*]. Росу и туманъ относятъ къ дѣйствію сырыхъ ночей, а иней въ концѣ Филиппова поста предвѣщаетъ урожай гречихи.

[*Холмская Русь*]. Дождь, снѣгъ, градъ, роса объясняются физически правильно. Всѣ согласны, что явленія эти посылаются отъ самого Бога.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Роса выходитъ изъ земли въ томъ только случаѣ, если земля влажна и достаточно согрѣта. Съ росой хорошо вязать жито, косить, а особенно она полезна для скошенной гречихи: зерно ея въ этомъ случаѣ полнѣетъ. Если есть роса, то должна быть погода, если же нѣтъ, то будетъ дождь.

[*Луцкій уѣздъ*]. Роса выходитъ изъ земли.

[*Винницкій уѣздъ*]. Дождь, туманъ, градъ, роса, иней, снѣгъ, морозъ, по приносимой ими пользѣ или вреду, считаются благодѣяніемъ или наказаніемъ Божіимъ.

Роса — слезы святой Варвары, которая утромъ ходитъ по полямъ и плачетъ.

Дождь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Тихій, частый, теплый дождь называется манной Божіей.

[*Холмская Русь*]. О происхожденіи дождя разсказываютъ такъ:

„Какой-то человѣкъ постоянно разъѣзжаетъ верхомъ на лошади и, когда онъ ѣдетъ черезъ воду, то говоритъ, что это „будяки“ (колючее растеніе), и если лошадь хлебнетъ немного воды и прыснетъ, то пойдетъ небольшой дождь, а если больше захватитъ воды и больше начнетъ прыскать, то и дождь будетъ большой“.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Дождь производятъ ангелы посредствомъ особо устроенной большой сѣти. На эту сѣть льютъ ангелы воду и, по своему усмотрѣнію, могутъ переносить ее съ одного мѣста на другое.

[*Луцкій уѣздъ*]. Дождь натягивается изъ морей, большихъ озеръ и рѣкъ радугою (которая называется „цмокъ“), разносится ею по облакамъ и падаетъ на землю.

[*Луцкій уѣздъ*]. Разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ не было долго дождя, а потому помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть,— ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности,— ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди, едва живы, дошли домой.

[*Луцкій уѣздъ*]. Дождь — вода, втянутая радугой изъ морей и озеръ.

[*Винницкій уѣздъ*]. Дождя иногда нѣтъ отъ того, что вѣдьмы снимаютъ зорю и прячутъ ее въ погребъ, въ горшокъ. Слѣдуетъ въ такомъ случаѣ чистить колодцы и — дождь пойдетъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. Дождь, снѣгъ и градъ имѣютъ свои особенныя хранилища, „склады на край світа“, и когда нужно пускать дождь, то Богъ посылаетъ пророка Илію, вмѣстѣ съ глухимъ ангеломъ. Они набираютъ

дождь въ тучу и разносятъ его по міру, гдѣ уже какъ начнутъ пускать дождь, то нѣсколько дней заурядъ. Это значитъ, что когда глухой ангелъ спрашиваетъ Бога, куда нужно пускать дождь, — „то Богъ ёму каже: иды тамъ, де чорно, а вінъ иде тамъ, де вчора“. — „Иды туды, де просять, а вінъ иде тамъ, де косять“. — „Иды туды, де ждуть, — а вінъ иде, де жнуть“. Поэтому и сложилась поговорка: „Якъ начнуть косыты, не треба Бога за дошчъ просыты“.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Дождь происходитъ отъ воли пророка Иліи.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Дождь падаетъ съ неба и проходитъ чрезъ облака, какъ чрезъ рѣшето.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если послѣ дождя надъ землей лежитъ туманъ, — это предвѣщаетъ погоду. Если послѣ малаго дождя съ земли поднимается паръ, — то будетъ еще дождь.

Радуга. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Радуга — путь, по которому ангелы нисходятъ съ неба, для набиранія воды, которую выливаютъ на сѣть, для производства дождя.

[*Литинскій уѣздъ, Подольская губернія*]. Радуга есть родъ согнутой трубы, которая концами своими всасываетъ воду изъ морей, рѣкъ, озеръ и другихъ водныхъ вмѣстилищъ и выливаетъ ихъ въ тучи. Она всасываетъ съ водою и все попадающееся въ ней, т. е. камни, лягушекъ, червей, рыбъ и т. п.; и потому часто изъ тучъ падаютъ или камни, или лягушки, или черви, или другое что нибудь. Цвѣтъ радуги бываетъ или синевато-красный, или ярко-красный. Первый бываетъ, когда радуга сосетъ воду, а второй — когда она стоитъ безъ дѣйствія. Вѣрованіе о всасываніи радугою воды до того обще, что даже мальчики, увидѣвъ радугу, скажутъ вамъ: „Утікайте, а то втягне васъ дуга“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Отчего происходитъ радуга — неизвѣстно; говорятъ, что радуга втягиваетъ иногда животныхъ, рыбъ и даже людей, находящихся на водѣ или вблизи оной. Втянутые предметы послѣ того падаютъ на землю вмѣстѣ съ дождемъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Радуга, перегибаясь дугой по небу и обоими концами погружаясь въ воду, всасываетъ ее въ себя и тотчасъ передаетъ тучамъ, а оттуда вода падаетъ на землю, дробясь на мелкія капли.

[*Винницкій уѣздъ*]. Радуга представляется народу пьющею воду изъ колодца или пруда. Воду эту она, спрятавшись, разливаетъ по облакамъ, а оттуда уже вода изливается дождемъ. Радугу простой народъ называетъ еще „веселкою“, оттого, что во время появленія ея, отъ солнечныхъ лучей проясняется (дѣлается веселымъ) горизонтъ, закрытый предъ тѣмъ тучами и наводившій уныніе.

Градъ. [*Житомирскій уѣздъ*]. Градъ считается наказаніемъ Божіимъ за грѣхи. Для отвращенія и прекращенія его, выбрасываютъ на дворъ кочерги и лопаты, кои кладутъ накрестъ, а нѣкоторые перекусываютъ градовинки.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Въ облакахъ образуется лёдъ, подобно тому, какъ на рѣкѣ или прудѣ, и замерзаетъ толсто — въ ростъ человѣка; этотъ ледъ чортъ рубитъ и бросаетъ на землю. Градомъ завѣдываетъ извѣстный человѣкъ, который родился въ извѣстное время; въ доказательство этого приводятъ слѣдующее:

„Шелъ одинъ человѣкъ куда-то далеко и захватила его ночь въ с. Каричинцахъ, около мѣстечка Деражной, Летичевскаго уѣзда. Человѣкъ этотъ, видя, что онъ застигнутъ ночью, просится ночевать къ одному хозяину. Тотъ принимаетъ его, и „подорожній“ ложится на „присьбѣ“ подъ окномъ хаты. Вдругъ, около десяти или одиннадцати часовъ, слышитъ, пріѣзжаетъ кто-то въ образѣ донскаго казака, на доброй, бѣлой лошади, верхомъ. Хозяинъ дома, узнавъ о его пріѣздѣ, выскакиваетъ на дворъ — встрѣчать пріѣхавшаго донца. Пріѣзжій обращается къ хозяину:

— Пускай!

— Не пущу, отвѣчаетъ хозяинъ, руби мельче!

„Казакъ удалился, но черезъ два часа является опять и говоритъ:

— Пускай, а не то лопну.

„Хозяинъ опять приказываетъ, чтобъ рубилъ помельче. Скрылся донецъ, но явившись черезъ часъ, настойчиво сталъ требовать у хозяина чтобы его впустить. Наконецъ, его впустили, но съ условіемъ, чтобы хлѣбъ, находящійся на поляхъ священниковъ, не былъ истребленъ. Ночевавшій подорожный человѣкъ не вытерпѣлъ, и просилъ хозяина, чтобы оставилъ цѣлымъ хотя его поле. Тотъ согласился и приказалъ казаку оставить поле гостя цѣлымъ. И вотъ, передъ свѣтомъ, выпалъ сильнѣйшій градъ, весь хлѣбъ на поляхъ истребило; тотъ же человѣкъ, который ходилъ въ дорогу, возвратился въ свое село и видитъ, что, дѣйствительно, на поляхъ весь хлѣбъ побитъ градомъ, цѣлымъ остался только его хлѣбъ и священника. Крестьяне того села, видя, что хлѣбъ этого человѣка остался невредимъ, начали подозрѣвать его въ чародѣйствѣ и, наконецъ, упрятали въ острогъ, гдѣ несчастный и умеръ“.

[*Литинскій уѣздъ*]. Снѣгъ и градъ образуются изъ той же морской воды, всасываемой въ тучи радугою, которая, не успѣвъ пасть на землю дождемъ и застоявшись въ тучахъ, замерзаетъ тамъ и послѣ падаетъ на землю снѣгомъ и градомъ. Впрочемъ, понятіе это не всѣми принимается: нѣкоторые утверждаютъ, что гдѣ-то въ неизвѣстной, далекой странѣ находятся очень

высокія снѣжныя и ледяныя горы, проходя около которыхъ, тучи захватываютъ съ собою частицы снѣга и льда, которыя потомъ и разсыпаютъ по землѣ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Нѣкоторые, во время града, стараются первую замѣченную ими градовину раскусить зубами, предполагая, что если туча, изъ которой падаетъ градъ, есть дѣло вѣдьмы, то этимъ ея чары уничтожатся, и тучи, не нанесши вреда, разойдутся.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Градъ показуе силу Божу: що и лiтомъ може падать лiдъ“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Для отвращенія тучи съ градомъ, выбрасываютъ на дворъ лопату и кочергу, складывая эти орудія на-крестъ.

[*Константиноградскій уѣздъ*]. Для отвращенія тучи съ градомъ, знахари поступаютъ слѣдующимъ образомъ: когда наступаютъ градовыя тучи, тогда знахарь отправляется на „гряницю“, беретъ съ собой волшебный прутикъ *), роговой ножъ, который долженъ быть освященъ семь разъ, т. е. въ продолженіи семи лѣтъ, при освященіи пасхи. Пришедши на мѣсто, знахарь втыкаетъ ножъ въ землю и начинаетъ произносить молитвы, для отвращенія града, но молитвы должны читаться, начиная съ конца: „Аминь Духа святаго и Сына Отца во имя“. Молитву Господню: „Отъ лукаваго насъ избави, но во искушеніе насъ не введи“ и т. д. „Богородице Дѣво“ — тоже на оборотъ: „Нашихъ душъ еси родила Спаса яко твоего...“ Однимъ словомъ, надо знать на-оборотъ всѣ молитвы. При окончаніи молитвъ, вынимаетъ изъ земли ножъ, беретъ его вмѣстѣ съ прутикомъ въ правую руку, оборачивается въ ту сторону, куда хочетъ отогнать градовую тучу, машетъ и произноситъ заклинаніе такъ: „Граде лукавый, рабе лукавый! Нехай тебе хмары не носять, бо тебе люде не просять. Буйны вiтры! возмiть вы цю хмару на своi тонкi крыла, занесить ii за Окiянъ-море, за тешлi воды, за круты горы, за жовты пiскы, щобъ вiнъ тамъ розтавъ и пропавъ нынi, прiсно и во вiкы вiковъ, амiнь. Амiнь, амiнь, амiнь! Тьфу, тьфу, тьфу! Счезны, пропады отъ лыця Божого и одъ мене грiшного!“

Это все повторяется три раза, и туча переходитъ въ другую мѣстность.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Градъ выпускается „вѣдьмаками“ изъ колодцевъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Народъ вѣритъ, что градъ посылается Богомъ въ наказаніе людямъ за ихъ грѣхи.

---

*) Волшебный прутикъ получается такъ: когда знахарю случится найти, что змѣя-гадюка ѣстъ лягушку, то онъ ломаетъ годовалый отростокъ какого нибудь дерева и этимъ прутикомъ разгоняетъ ихъ, но такъ, чтобы не задѣть тѣмъ прутикомъ ни змѣи, ни лягушки; прутикъ этотъ самый драгоцѣнный: онъ передается знахарями своему потомству изъ рода въ родъ.

Снѣгъ. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Снѣгу въ запасѣ есть довольно на небѣ, а на землю сбрасываютъ его ангелы лопатами. По понятію другихъ, снѣгъ падаетъ отъ того, что ангелы прочищаютъ на небѣ дорогу.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Снѣгъ, по понятію народа, собираютъ „шатаны“, т. е. черти. Онъ выходитъ изъ земли и воды въ видѣ пара и въ облакахъ наростаетъ. Собравъ много снѣгу, сатана празднуетъ свою сватьбу и разсыпаетъ снѣгъ, отчего бываютъ сильныя мятели.

[*Луцкій уѣздъ*]. Снѣгъ происходитъ отъ замерзающаго дождя.

[*Луцкій уѣздъ*]. Снѣгъ — паръ, выходящій съ дымомъ изъ печныхъ трубъ и замерзающій въ воздухѣ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Снѣгъ приготовляется на небѣ и сыплется на землю святыми. Можно слышать отъ народа, при безснѣжной зимѣ, такую фразу: „Не зогніе жъ на небі той снігъ, впаде такы колысь“.

[*Подольская губернія*]. Утверждаютъ, что гдѣ-то въ неизвѣстной далекой сторонѣ находятся очень высокія снѣжныя и ледяныя горы, проходя около которыхъ, тучи захватываютъ съ собою частицы снѣга и льда, которыя потомъ и разсыпаютъ по землѣ (Тоже, что и въ Литинскомъ уѣздѣ).

Морозъ. [*Холмская Русь*]. Морозъ, который бываетъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ и раннею осенью, приписываютъ дѣйствію вѣдьмъ; морозы зимніе — дѣйствію природы. Разсказываютъ про морозъ слѣдующее:

„Жила-была вѣдьма; держала она у себя слугу. Вотъ и сталъ онъ замѣчать, что его хозяюшка варитъ очень часто кашу и прячетъ въ кладовой. Слуга изъ любопытства хотѣлъ непремѣнно узнать: зачѣмъ это каша прячется въ кладовую? Настала ночь. Вѣдьма взяла кашу изъ кладовой и отправилась въ лѣсъ, а слуга издали послѣдовалъ за нею. Въ этомъ лѣсу былъ крестъ и вѣдьма взобралась на него: ноги ея были вверхъ, а голова внизъ. Осмотрѣвши всю мѣстность, которая только была видима ея глазамъ, она громко произнесла: „Вымерзните всѣ растенія, видимыя мною“. Послѣ этого она слѣзла, закопала подъ крестомъ кашу и ушла домой. На другой же день былъ сильный морозъ: всѣ растенія пропали. Когда же вѣдьма въ другой разъ сварила кашу и поставила въ кладовой, то слуга взялъ поставленное, принесъ въ хату и поставилъ подъ кровать вѣдьмѣ; вѣдьма отъ этого околѣла, а слуга ушелъ, заранѣе предвидя дѣйствіе этой каши“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Морозъ — изъ моря, которое, по понятію народа, такъ же какъ и земля, можетъ доставить намъ все, что угодно. Солнце, луна, вѣтеръ и морозъ олицетворяются въ видѣ людей, въ доказательство чего приводятъ слѣдующее: „Шли однажды четыре человѣка. то были: солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ и морозъ. Повстрѣчали они мужика.

— Добрый день, сказалъ онъ и пошелъ дальше.

„И вотъ четыре человѣка начинаютъ между собой спорить: кому собственно изъ нихъ было сказано привѣтствіе: „день добрый“. Одинъ говоритъ: „Мнѣ было сказано“.

„Другой говоритъ: „Нѣтъ, мнѣ“; а третій тоже доказываетъ, что ему было сказано привѣтствіе. Порѣшили догнать мужика и распросить его: къ кому именно относилось привѣтствіе? Мужикъ посмотрѣлъ на всѣхъ нихъ и видя одного пообъемистѣе, съ физіономіей, внушающей страхъ, сказалъ, что ему было сказано привѣтствіе (то былъ вѣтеръ). Всѣ позавидовали вѣтру, а солнце сказало мужичку:

— Погоди же, я тебя испеку.

„Вѣтеръ, ободряя мужика, сказалъ:

— Пусть печетъ тебя солнце сколько ему угодно, а если я повѣю на тебя холодомъ, то оно ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Морозъ говоритъ: „Погоди же, я тебя заморожу“, а вѣтеръ отвѣчаетъ: „Пусть морозъ какъ хочетъ морозитъ, а если я на одномъ мѣстѣ буду смирненько стоять, то всѣ труды его пропадутъ даромъ“. Говоритъ и мѣсяцъ: „Погоди же, когда ты будешь ночью въ дорогѣ, я такъ запрячусь, что ты ни зги не увидишь...“ — „Не безпокойся, говоритъ вѣтеръ, если мѣсяцъ запрячется, то я сильнымъ дыханьемъ сорву съ него тучи и тебѣ будетъ свѣтло идти“.

„И вотъ — тотъ мужикъ, ободренный вѣтромъ, пошелъ себѣ далѣе“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Солнце, морозъ и вѣтеръ олицетворяются въ видѣ людей, что̀ доказывается разсказомъ точно такимъ же, какъ и въ Ушицкомъ уѣздѣ. О морозѣ еще и такъ разсказываютъ:

„Когда морозъ заспорилъ (о чемъ — неизвѣстно) съ Святымъ Онуфріемъ. то Св. Онуфрій разрубилъ ему топоромъ голову, отчего онъ былъ болѣнъ до Спасова дня (шестаго августа); потому и не бываетъ мороза съ двѣнадцатаго іюня (день Онуфрія) до шестаго августа.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Морозъ бувае по волі Божей“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Морозъ — оттого, что солнце уходитъ отъ насъ, а слѣдовательно, мало грѣетъ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Морозъ олицетворяется въ образѣ сѣдого, лысаго старика, одѣтаго въ снѣжную одежду и въ ледяные сапоги.

[*Каневскій уѣздъ*]. Морозъ олицетворяется въ образѣ человѣка, солнце и вѣтеръ — тоже.

[*Новоградъ-Волынскій уѣздъ*]. Морозъ — сердитый мужчина; у него большія красныя губы и такой же носъ. Онъ — родственникъ солнца и вѣтра, но послѣдній могущественнѣе первыхъ.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Морозъ — дуже старый чоловікъ, вінъ якъ

дыхне помалу, то й морозъ не велыкый, а якъ дыхне дуже, то тогді и морозъ робыться здоровый".

[*Тараща*]. „Якъ хочешъ щобъ пересівся морозъ, то треба налічыты двынадцять лысыхъ, такъ: „N лысый, — пересядься морозъ", и такъ після кожного".

[*Подольская губернія*]. Морозъ олицетворяется въ видѣ старика, совершенно обмерзшаго „сосулями". Если морозъ сопровождается восточнымъ вѣтромъ, то продолжится еще надолго.

Иней. [*Ушицкій уѣздъ*]. Иней образуется изъ паровъ, падающихъ изъ облаковъ. Онъ наростаетъ на деревьяхъ въ различныхъ видахъ. Если онъ наростаетъ въ видѣ „остюковъ", то будетъ урожай на ячмень; если наростаетъ шишками, то будетъ урожай гречихи, если наростаетъ цвѣтами — урожай на фрукты. Въ который день недѣли наростетъ иней, въ такой день весной непремѣнно слѣдуетъ сѣять что либо изъ яровыхъ хлѣбовъ, а особенно гречиху.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Многіе думаютъ, что если наканунѣ Рождества Христова бываетъ иней, то на слѣдующій годъ будетъ богатый урожай гречихи ранней, посѣянной до девятаго мая.

Вѣтеръ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Вѣтеръ — это такой человѣкъ: бѣгаетъ себѣ по бѣлу-свѣту и моргаетъ однимъ усомъ; этимъ онъ производитъ сильное вѣяніе. Если бы онъ моргнулъ двумя усами, то поднялась бы такая буря, что въ одинъ мигъ переворотила бы вверхъ дномъ всю вселенную.

[*Холмская Русь*]. Причину появленія вѣтровъ приписываютъ какимъ-то четыремъ таинственнымъ существамъ, дующимъ съ четырехъ концевъ земли, по распоряженію главнаго „вѣтродуя".

[*Луцкій уѣздъ*]. Вѣтеръ, полагаютъ, выходитъ изъ моря, но что̀ онъ такое, — не знаютъ.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Вѣтеръ происходитъ отъ того, что кто-то ходитъ по улицѣ и дуетъ себѣ. Разсказываютъ:

„Везъ дуракъ солому, а вѣтеръ рветъ ее; дуракъ разсердился и бросилъ въ него вилами, вилы неизвѣстно куда и дѣвались. Пошолъ дуракъ отыскивать свои вилы, шелъ, шелъ и набрелъ на хату въ лѣсу. Вошелъ туда, — тамъ одна старуха. Попросился ночевать — пустила. Поужинавши, легъ дуракъ спать; только что началъ онъ дремать, — вбѣгаетъ въ хату человѣкъ, — волосы растрепаны, лице исцарапано, и говоритъ онъ старухѣ:

„Дай, мамо, мерщій повечеряты, а то мыні ніколы: послявъ мене Богъ у таку-то сторону дуты. Вже й обрыдло мені це, але нічого неподіешъ зъ Богомъ: старшый не буде меньшімъ (то бувъ вітеръ)".

[*Литинскій уѣздъ*]. Вѣтеръ объясняется такъ: въ четырехъ противоположныхъ концахъ міра стоятъ четыре огромныхъ человѣка, съ огромными усами и губами, и постоянно дуютъ другъ къ другу. Если который изъ этихъ четырехъ великановъ дуетъ сильнѣе, то съ той стороны и бываетъ вѣтеръ.

Такое понятіе о вѣтрѣ вошло даже въ народный повседневный языкъ. Такъ, напримѣръ, во время сильнаго вѣтра обыкновенно говорятъ: „оце роспустывъ пащу" (пасть). Нѣкоторые же называютъ вѣтеръ злымъ духомъ и потому желая, чтобы повѣялъ вѣтеръ, обыкновенно свищутъ, призывая его какъ дьявола.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Вѣтеръ происходитъ отъ дуновенія, которое производитъ баринъ, держащій землю.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Вѣтеръ наноситъ тучи съ моря. Онъ происходитъ отъ дуновенія ангеловъ, стоящихъ въ разныхъ концахъ земли за моремъ. Вѣтеръ съ сѣвера наноситъ сюда: холодъ, снѣгъ и, наконецъ, зиму.

[*Винницкій уѣздъ*]. Вѣтеръ олицетворяется подобно зимѣ, но прикованнымъ огромными цѣпями по рукамъ и ногамъ къ каменной стѣнѣ. Порывистый вѣтеръ — сильное дыханіе вслѣдствіе попытки сорваться съ цѣпи и разорвать оковы. Онъ есть чортъ, и потому люди, боясь оскорбить его, отзываются о немъ съ уваженіемъ. Слабый, пріятный вѣтерокъ — дуновеніе Бога.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Вѣтеръ — это старикъ очень сердитый, живущій гдѣ-то далеко за морями. Сильные вѣтры предвѣщаютъ дождь. Перемѣнный вѣтеръ — признакъ приближающейся бури.

Вихрь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Вихрь, по понятію народа, производитъ сатана; онъ незнакомъ съ человѣкомъ-вѣтромъ. Сатана производитъ вихрь во время своей сватьбы. Завидя вихрь, народъ крестится, произнося слова: „счизны, сатано", при этомъ вихрь утихаетъ. Въ доказательство того, что вихрь производитъ сатана, — приводятъ слѣдующее:

„Одинъ крестьянскій парень, очень красивый собою, ходилъ часто въ лѣсъ за дровами, гдѣ увидѣла его „чортова дочка" и влюбилась въ него до того, что рѣшилась явиться ему въ образѣ красной дѣвицы. Часто они видались, слюбились и, наконецъ, она рѣшилась выйти за него замужъ.

— Какъ тутъ быть, сказалъ ей однажды парень: — вѣдь ты некрещенная? Она согласилась и креститься, лишь бы только выйти за него. Вотъ она уже и крещена, уже они и повѣнчаны. Дьяволъ, узнавши объ этомъ, очень былъ радъ; помогалъ имъ во всемъ и однажды запросилъ ихъ къ себѣ въ гости въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ они познакомились; но обиталища этого сатаны парень не зналъ. Жена начала дѣлать мужу наставленія и сказала:

— Если мы пріѣдемъ къ отцу, то онъ будетъ радоваться: будетъ крутить

вихремъ, и хотя ты будешь креститься, но это не поможетъ; если онъ предложитъ хлѣбъ или деньги, ты не бери, а бери кирпичъ и уголья". Мужъ въ точности выполнилъ наставленія жены, и они жили всегда очень весело и богато".

Вихри являются передъ грозой, потому что вихрь есть тотъ же дьяволъ, который семь лѣтъ бываетъ обыкновенною змѣей, другіе семь лѣтъ дѣлается полозомъ, т. е. огромною змѣей, а третьи семь лѣтъ дѣлается змѣемъ съ крыльями и обитаетъ въ скалахъ. Когда у него совершенно отростутъ крылья, тогда онъ начинаетъ летать по воздуху и избираетъ время для прогулки передъ грозой. Шумомъ своихъ крыльевъ онъ производитъ страшный вѣтеръ, ломающій деревья, разрушающій зданія. Назадъ тому шесть лѣтъ, многіе видѣли его летавшимъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Въ вихрѣ обыкновенно признаютъ и видятъ дьявола, и потому всякій, застигнутый сильнымъ вѣтромъ, обыкновенно садится на землю и крестится, желая тѣмъ отогнать отъ себя разгулявшагося дьявола. Вѣрятъ, что если вихрь подвѣетъ человѣка, то ему грозитъ неминуемая болѣзнь, отъ которой можетъ спасти только іорданская вода. Такое понятіе породило между дѣтьми особеннаго рода шалость, состоящую въ томъ, что они, замѣчая наступленіе вихря, какъ бы передразниваютъ его пальцемъ, говоря: „куцый, сала! куцый, сала!"; думая, что чортъ не любитъ сала, такъ же, какъ и евреи, считающіеся его подчиненными.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Вихрь — несущійся чортъ; при приближеніи вихря, слѣдуетъ пасть на колѣни и прочесть молитву.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Вихрь — ѣдущій дьяволъ. При вихрѣ, когда онъ появляется, крестятся и избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи. Вихри больше всего бываютъ во время грозы, — это черти убѣгаютъ отъ удара громовой стрѣлы.

[*Холмская Русь*]. Вихрь, появлящійся передъ грозою, не что иное, какъ бѣгущій чортъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Вихрь — чортъ, играющій свою сватьбу.

[*Холмская Русь*]. Вихрь — чортъ. О немъ есть слѣдующій разсказъ:

„Одинъ хозяинъ ѣхалъ на мельницу и, увидѣвши на дорогѣ крутящійся вихрь, бросилъ въ него топоромъ. Вихрь завизжалъ и улетѣлъ, говоря: „я тебѣ отплачу". Когда мужикъ возвращался изъ мельницы, то вихрь переворотилъ его возъ и развѣялъ всю муку".

[*Харьковскій уѣздъ*]. „Выхоръ — чортъ. Іхавъ чумакъ, та ідучы полуднувавъ и ніжъ у руці державъ; а по-передъ ёго и зхватывсь выхоръ, — крутыться та й крутыться, такъ що не можна вже далі и іхаты. Чумакъ терпівъ, терпівъ, та й невытерпівъ: розсердывся и кынувъ на ёго ножемъ. Пылъ на дорозі осівъ, и на дорозі лежыть зарубаный чортъ увесь у крові".

[*Каневскій уѣздъ*]. „Выхоръ бува підъ посуху. То одъ того выхоръ выйшовъ, що якъ Сатанаілъ (бѣсъ) вынісъ землю изъ воды, то вода зверху замерзла. Ото Сатанаілъ якъ пробывся, то сыльно втомывсь, а ангелъ ждавъ уже ёго надъ ледомъ, та вырвавъ землю и полетівъ до Бога. Сатанаілъ оддыхнувъ и погнався. Ото Богъ бачыть, що уже Сатанаілъ дожене ангола, та й каже: „махны мечемъ на праву сторону". Ангелъ махнувъ, та й одсікъ праве крыло Сатанаілу. Вінъ закрутывсь, та й ставъ якъ выхоръ.

„Ото и теперъ, якъ стане Сатанаілъ літать по землі, то й знымается выхоръ".

[*Винницкій уѣздъ*]. Когда черти посрываются съ цѣпей и пойдутъ гулять, то, столкнувшись, борятся и стараются одинъ другого осилить, поэтому поднимаются иногда вихри высоко надъ землею.

[*Винницкій уѣздъ*]. Если случится вихрь, то надо прохожему остерегаться, убѣгать отъ него подальше и ограждать себя крестнымъ знаменіемъ. Иные крестятъ и самый вихрь, потому что это чортова пляска; но, въ отдаленности отъ вихря, наблюдающій дразнитъ его словами: „куцый, сала! куцый, сала!"; отъ этихъ словъ вихрь будто ярится и усиливается, потому что есть и такое повѣрье, будто чортъ не любитъ свинаго сала, о которомъ ему и напоминаютъ. Бѣда тому прохожему, на котораго набѣжитъ вихрь: сломитъ ему голову назадъ, или же изувѣчитъ совсѣмъ; а если малымъ вихремъ подбѣжитъ подъ ноги, то отниметъ ноги у прохожаго, т. е. онѣ откажутся ему служить: „спараліжуются" (отсюда: „паралющъ", исковерканное слово отъ: параличъ).

Вихрь, по повѣрью, бываетъ еще и тогда, когда умретъ самоубійца. Чортъ тогда, веселясь, что на его улицѣ праздникъ, мететъ чѣмъ ни попало, вихремъ разгуливая и завывая. Онъ вырываетъ деревья съ корнями, ломаетъ ихъ и проч., стремительно унося душу самоубійцы.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ выхоръ крутыть, до то йде чортове весільля; якъ бы кынувъ сокыру у ёго, до була бъ и кровъ на сокырі. Якъ часомъ выхоръ набіжыть на чоловіка, до треба казать: „на сала", до вінъ и полетыть, — вінъ боітся „сала".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Земля. [*Ушицкій и Житомирскій уѣзды*]. Земля представляется въ видѣ желтка въ яйцѣ, а вода окружаетъ землю подобно бѣлку, окружающему желтокъ. Конца земли нѣтъ, потому что она кругла. Земля съ небомъ не сходится, потому что окружена водой. На край земли, по убѣжденію народа, доходятъ только купцы-жиды и разсказываютъ, что на краю земли есть различныя моря, именно: солёное, синее, красное и чорное. Изъ этихъ морей пить воды нельзя и купцы запасаются водой на семь лѣтъ. Земля окружена водяными облаками; она держится, по мнѣнію однихъ, на водѣ, а по мнѣнію другихъ — на рыбѣ, которая стоитъ въ одномъ положеніи, неподвижно. Рыба эта въ положеніи кольцеобразномъ и держится зубами за свой хвостъ. Когда она выпуститъ хвостъ изъ зубовъ, тогда бываетъ землетрясеніе. На краю земли находится „америкъ“, т. е. Америка, гдѣ люди такъ богаты, что серебромъ и золотомъ покрываютъ крыши своихъ домовъ.

Народъ питаетъ глубокое уваженіе къ землѣ и называетъ ее матерью: „земля — маты наша“, потому что она питаетъ собою людей и животныхъ. Поэтому, при поклонахъ цѣлуютъ землю.

Землю нельзя бить чѣмъ бы то ни было, на томъ основаніи, что земля мать, а матери бить нельзя. Посрединѣ земли находится „пупыць“ или такая дыра, изъ которой вытекаетъ вода и расходится по землѣ жилами; каждый колодецъ, рѣки и моря, по истеченіи семи лѣтъ, опять возвращаются въ этотъ „пупыць“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Земля представляется въ видѣ плоскости, плавающей по водѣ; конецъ земли, полагаютъ, гдѣ-то за морями, гдѣ она соединяется съ небомъ, которымъ прикрывается какъ крышкой. О томъ, доходилъ ли кто

до конца земли и что на немъ есть — нѣтъ никакихъ разсказовъ. Земля держится на водѣ большою рыбой; каждые семь лѣтъ рыба то опускается, то подымается, поэтому бываютъ годы мокрые и сухіе.

Землетрясеніе происходитъ тогда, когда рыба, держащая землю, переворачивается на другой бокъ.

Къ землѣ народъ питаетъ глубокое уваженіе, называя ее матерью, святою, и считаетъ большимъ грѣхомъ бить по ней палкою, безъ нужды.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Земля представляется въ видѣ плоскаго круга; ее держитъ баринъ, который сидитъ подъ землею на креслѣ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Землю представляютъ въ видѣ круглой купины, плавающей на водѣ и поддерживаемой двумя рыбами, отъ движенія которыхъ бываютъ землетрясенія. Земли, на которой мы живемъ, несравненно меньше, чѣмъ воды. Вода эта собрана на другой землѣ, которая составляетъ основаніе всего существующаго, подобно тому, какъ небо составляетъ верхъ. Далеко гдѣ-то небо сходится съ водой, на которой плаваетъ земля; но это такъ далеко, какъ далеко отъ насъ до неба. Представляя землю купиною, плавающею на водѣ, допускаютъ на этомъ основаніи возможность и даже необходимость начала и конца земли, но предѣловъ этихъ никто еще не достигъ, такъ какъ мы живемъ на самой срединѣ земли.

Земля пользуется особымъ уваженіемъ: ее называютъ матерью, такъ какъ мы изъ нея происходимъ и она насъ питаетъ; землею клянутся какъ чѣмъ-то святымъ. Клятва землею есть клятва самая страшная, при чемъ обыкновенно цѣлуютъ землю.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Земля держится на китѣ-рыбѣ.

[*Холмская Русь*]. Землю народъ представляетъ полушаріемъ, а слѣдовательно, существованіе конца земли не подвергается ни какому сомнѣнію. Конецъ долженъ быть тамъ, гдѣ солнце, спускаясь все ниже и ниже, жжетъ такъ немилосердно, что тамъ люди точно обожженные, — вялы и безжизненны. Тамъ бываетъ вѣчное лѣто; но ни хлѣбныя растенія, ни плодовыя деревья не произрастаютъ и люди питаются одною рыбою, которую собираютъ на берегу моря уже вареную, послѣ того, какъ море перестаетъ „грать“.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. Землю представляетъ народъ въ видѣ плоскости. Земля сходится съ небомъ очень далеко, и до того мѣста никто не можетъ дойти. Подъ землею находится вода.

„Земля стоить на рыбі, якъ рыба стрепенется, то и земля затрусится“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Земля зходытся зъ небомъ на кінці світа и тамъ бабы, неручы, кладуть прачі на небо“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Подъ землей такъ же живутъ люди, подъ тѣми

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Земля. [*Ушицкій и Житомирскій уѣзды*]. Земля представляется въ видѣ желтка въ яйцѣ, а вода окружаетъ землю подобно бѣлку, окружающему желтокъ. Конца земли нѣтъ, потому что она кругла. Земля съ небомъ не сходится, потому что окружена водой. На край земли, по убѣжденію народа, доходятъ только купцы-жиды и разсказываютъ, что на краю земли есть различныя моря, именно: солёное, синее, красное и чорное. Изъ этихъ морей пить воды нельзя и купцы запасаются водой на семь лѣтъ. Земля окружена водяными облаками; она держится, по мнѣнію однихъ, на водѣ, а по мнѣнію другихъ — на рыбѣ, которая стоитъ въ одномъ положеніи, неподвижно. Рыба эта въ положеніи кольцеобразномъ и держится зубами за свой хвостъ. Когда она выпуститъ хвостъ изъ зубовъ, тогда бываетъ землетрясеніе. На краю земли находится „америкъ“, т. е. Америка, гдѣ люди такъ богаты, что серебромъ и золотомъ покрываютъ крыши своихъ домовъ.

Народъ питаетъ глубокое уваженіе къ землѣ и называетъ ее матерью: „земля — маты наша“, потому что она питаетъ собою людей и животныхъ. Поэтому, при поклонахъ цѣлуютъ землю.

Землю нельзя бить чѣмъ бы то ни было, на томъ основаніи, что земля мать, а матери бить нельзя. Посрединѣ земли находится „пупыць“ или такая дыра, изъ которой вытекаетъ вода и расходится по землѣ жилами; каждый колодецъ, рѣки и моря, по истеченіи семи лѣтъ, опять возвращаются въ этотъ „пупыць“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Земля представляется въ видѣ плоскости, плавающей по водѣ; конецъ земли, полагаютъ, гдѣ-то за морями, гдѣ она соединяется съ небомъ, которымъ прикрывается какъ крышкой. О томъ, доходилъ ли кто

до конца земли и что на немъ есть — нѣтъ никакихъ разсказовъ. Земля держится на водѣ большою рыбой; каждые семь лѣтъ рыба то опускается, то подымается, поэтому бываютъ годы мокрые и сухіе.

Землетрясеніе происходитъ тогда, когда рыба, держащая землю, переворачивается на другой бокъ.

Къ землѣ народъ питаетъ глубокое уваженіе, называя ее матерью, святою, и считаетъ большимъ грѣхомъ бить по ней палкою, безъ нужды.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Земля представляется въ видѣ плоскаго круга; ее держитъ баринъ, который сидитъ подъ землею на креслѣ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Землю представляютъ въ видѣ круглой купины, плавающей на водѣ и поддерживаемой двумя рыбами, отъ движенія которыхъ бываютъ землетрясенія. Земли, на которой мы живемъ, несравненно меньше, чѣмъ воды. Вода эта собрана на другой землѣ, которая составляетъ основаніе всего существующаго, подобно тому, какъ небо составляетъ верхъ. Далеко гдѣ-то небо сходится съ водой, на которой плаваетъ земля; но это такъ далеко, какъ далеко отъ насъ до неба. Представляя землю купиною, плавающею на водѣ, допускаютъ на этомъ основаніи возможность и даже необходимость начала и конца земли, но предѣловъ этихъ никто еще не достигъ, такъ какъ мы живемъ на самой срединѣ земли.

Земля пользуется особымъ уваженіемъ: ее называютъ матерью, такъ какъ мы изъ нея происходимъ и она насъ питаетъ; землею клянутся какъ чѣмъ-то святымъ. Клятва землею есть клятва самая страшная, при чемъ обыкновенно цѣлуютъ землю.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Земля держится на китѣ-рыбѣ.

[*Холмская Русь*]. Землю народъ представляетъ полушаріемъ, а слѣдовательно, существованіе конца земли не подвергается ни какому сомнѣнію. Конецъ долженъ быть тамъ, гдѣ солнце, спускаясь все ниже и ниже, жжетъ такъ немилосердно, что тамъ люди точно обожженные, — вялы и безжизненны. Тамъ бываетъ вѣчное лѣто; но ни хлѣбныя растенія, ни плодовыя деревья не произрастаютъ и люди питаются одною рыбою, которую собираютъ на берегу моря уже вареную, послѣ того, какъ море перестаетъ „грать“.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. Землю представляетъ народъ въ видѣ плоскости. Земля сходится съ небомъ очень далеко, и до того мѣста никто не можетъ дойти. Подъ землею находится вода.

„Земля стоить на рыбі, якъ рыба стрепенется, то и земля затрусытся“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Земля зходытся зъ небомъ на кінці світа и тамъ бабы, неручы, кладуть прачі на небо“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Подъ землей такъ же живутъ люди, подъ тѣми

людьми еще живутъ люди; однимъ словомъ, плоскостей, подобныхъ нашей землѣ, подъ нами множество.

Землѣ оказываютъ божеское почитаніе, какъ предмету, посредствомъ котораго Богъ ниспосылаетъ людямъ свои благодѣянія, и называютъ ее святою. „Щобъ тебе свята земля не прыняла“ — брань.

[*Луцкій уѣздъ*]. Земля — плоскость; конецъ ея тамъ, гдѣ она сходится съ небомъ — далеко, за морями, куда никто не доходилъ, да и дойти не можетъ. Она держится на двухъ китахъ: когда держитъ землю самецъ, то лѣто бываетъ сухое, потому что онъ поднимаетъ землю выше, а когда держитъ самка, то земля понижается, и отъ этого рѣки и озера выходятъ изъ береговъ и лѣто дѣлается мокрымъ.

Народъ питаетъ уваженіе къ землѣ, называя ее матерью, клянется ею и, въ доказательство клятвы, съѣдаетъ щепотку ея.

[*Холмская Русь*]. Земля сходится съ небомъ. Она — плоскость. До конца земли, кромѣ Москалей, никто никогда не доходилъ и не дойдетъ. Земля плаваетъ на водѣ.

Въ нѣдрахъ земли находится адъ, гдѣ черти мучатъ души грѣшниковъ.

[*Холмская Русь*]. Въ землѣ находится сильнѣйшій огонь, въ которомъ мучатся грѣшники до времени страшнаго суда. Есть также и вода: она вытекаетъ жилою и образуетъ ставы и озера.

[*Литинскій уѣздъ*]. Земля внутри наполнена жилами, подобно человѣческому тѣлу. Этими жилами проходитъ вода на поверхность земли.

[*Луцкій уѣздъ*]. Что находится въ нѣдрахъ земли, — нѣтъ никакихъ объясненій.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Въ нѣдрахъ земли находятся люди, которые насъ, живущихъ на поверхности, считаютъ за боговъ. Нѣдра земли составляютъ другой свѣтъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. Огонь неугасимый въ серединѣ земли: „въ сімъ разъ лютійшій одъ нашого“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Въ землѣ находится вода.

Вырій. [*Ушицкій уѣздъ*]. „Вырій“ находится на западѣ; тамъ есть теплые колодцы, гдѣ купаются больные и получаютъ выздоровленіе. Тамъ вездѣ воды и овраги. Жители тамъ дѣлаютъ гряды, для посѣва огородныхъ овощей, шириной не больше полъ-локтя.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Въ извѣстномъ мѣстѣ земли есть теплая сторона, называемая „вырій“, туда улетаютъ птицы, которыя не могутъ переносить зимней температуры.

[*Луцкій уѣздъ*]. Объ „выріѣ“ разсказываютъ, что онъ находится гдѣ-то

за морями, тамъ, гдѣ солнце ходитъ близко отъ земли, почему тамъ постоянно тепло и туда улетаютъ птицы на зиму.

[*Харьковскій уѣздъ*]. „Вырій“ — страна, гдѣ никогда не бываетъ зимы; туда улетаютъ птицы на зиму.

[*Холмская Русь*]. При перелетѣ птицъ изъ „вырія“, бросаютъ вверхъ солому, и сколько стеблей упадетъ обратно, столько будетъ приплода скота и птицъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. „Вырій“ — теплая страна, находящаяся въ полуденной части; туда улетаютъ птицы на зимовку.

[*Винницкій уѣздъ*]. Когда у насъ зима, — въ „выріѣ“ лѣто, и наоборотъ. Страна эта имѣетъ много теплыхъ водъ и называется „теплычына“. Она находится на самомъ юго-западѣ.

Горы, пропасти и курганы. [*Ушицкій уѣздъ и Холмская Русь*]. Горы, пропасти и курганы произошли отъ потопа.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. „Якъ Богъ творывъ землю, то ѣі перше варывъ, а послі разомъ остудывъ; булькы, котрі позбігалы отъ кыпятку и захололы, изъ іхъ и сталы горы, а межъ нымы долыны“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Горы, долыны и ліса, и курганы Богъ зробывъ для звірюкы, щобъ було ій де ховатыця“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Происхожденіе кургановъ приписываютъ какому-то воинству, подъ названіемъ „Бунякъ“, которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Курганы означаютъ мѣста убитыхъ въ очень давнія времена воиновъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Горы, долины и рытвины произошли послѣ потопа — отъ стеченія воды, предъ потопомъ же была вездѣ необозримая равнина. Нѣкоторые вѣрятъ и утверждаютъ, что горы и долины образовались еще предъ потопомъ, и о происхожденіи ихъ разсказываютъ слѣдующую исторію:

„Когда чортъ слишкомъ много возмечталъ о себѣ и началъ дѣлать слишкомъ много зла людямъ, въ то время Богъ послалъ на землю Архангела Михаила, чтобы онъ унялъ спѣсь чорта. Потому завязался между Архангеломъ Михаиломъ и чортомъ сначала споръ, а потомъ и драка. Они возились по всей землѣ и тамъ, гдѣ Архангелъ Михаилъ сильнѣе ударялъ сатаною объ землю, тамъ глубже западалась земля и образовались долины и овраги,

а гдѣ сатана хотѣлъ превозмочь Архангела Михаила, тамъ земля выростала и образовались горы".

[*Винницкій уѣздъ*]. Горы насыпаны живыми людьми — страшными великанами, жившими когда-то. Курганы — могилы этихъ великановъ. Пропасти — недобрыя мѣста, провалившіяся для того, чтобы хорошій человѣкъ не ступилъ на нихъ ногою. Лѣса — жилища животныхъ, которыя не могутъ ужиться съ человѣкомъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Безодня пропасть" — это оврагъ недосягаемой глубины, въ которомъ живутъ черти. Все, что только попадетъ туда, пропадаетъ на вѣки.

Море. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Море есть огромное скопленіе воды, не имѣющее конца и очень глубокое. Дно моря состоитъ изъ отверстій, въ которыя просачивается вода — и производитъ въ подземномъ мірѣ дождь.

[*Луцкій уѣздъ*]. Подъ именемъ моря понимаютъ воду, не имѣющую ни дна, ни предѣловъ. На чемъ держится вода — невѣдомо.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Рѣки высыхаютъ по причинѣ бездождія на нашей землѣ, а въ подземномъ мірѣ въ то время идутъ сильные дожди. Рѣки — это жилы земли, по которымъ течетъ вода, какъ у человѣка кровь.

[*Луцкій уѣздъ*]. Рѣками называютъ продолговатыя полосы водъ и полагаютъ, что онѣ образуются изъ криницъ, текутъ въ море и высыхаютъ тогда, когда земля въ семилѣтній періодъ поднимается значительно вверхъ.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Высыханіе рѣкъ — признакъ скораго пришествія антихриста. По другимъ же, рѣки высыхаютъ оттого, что Богъ за грѣхи наказываетъ людей.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Рѣки сохраняютъ свою силу и теченіе по устроенію Божію. Рѣки высыхаютъ отъ бездождія, такъ какъ въ засуху часть ихъ поглощается землею, а другая часть уходитъ въ море.

[*Холмская Русь*]. Рѣки преимущественно вытекаютъ изъ морей и впадаютъ опять въ нихъ.

[*Винницкій уѣздъ*]. Озера и пруды произошли, большею частью, отъ сдѣланнаго на томъ мѣстѣ преступленія. Такъ, Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда, вблизи м. Борисполя, есть на полѣ озеро съ крутыми берегами, извѣстное подъ именемъ „Кумыної Долыны", гдѣ будто бы кумъ съ кумою, неся въ другое селеніе крестить дитя, совершили прелюбодѣяніе.

На томъ озерѣ и теперь, говорятъ, всегда плаваетъ пара дикихъ утокъ, которыхъ и убить никто не рѣшается. Про кумовей тѣхъ сложилась даже пѣсня:

Прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума місыть тісто.
— Та покынь, кумо, тісто,
Та ходімо у місто.
Ой жалю жъ мій, жалю,
Прывелыкый печалю:
Гріхъ куму любыты,
Та й жаль залышиты.
Прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мые ложкы.
— Та покынь, кумо, ложкы,
Поговорымо трошкы.
Ой жалю жъ мій, жалю,
Прывелыкый печалю:
Гріхъ куму любыты,
Та й жаль залышиты!
Прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мете хату.
— Та покынь, кумо, хату,
Ходімо въ комнату.
Ой жалю жъ мій, жалю,
Прывелыкый печалю:
Гріхъ куму любыты,
Та й жаль залышиты.

Она же ему на каждый куплетъ отвѣчаетъ:

Ой куме жъ мій, куме,
Ты розважный розуме,
Розважъ тыі слова,
Що я кума твоя!
Ой жалю жъ мій, жалю,
Прывелыкый печалю:
Гріхъ кума любыты,
Та й жаль залышиты!

Вода. [*Ушицкій уѣздъ*]. Въ высыханіи рѣкъ и, вообще, въ упадкѣ воды народъ видитъ наказаніе Божіе и не знаетъ, отчего онѣ высыхаютъ. Уваженіе къ водѣ высказывается въ томъ, что въ воду нельзя плевать и мочиться.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Въ ночь на Богоявленіе вода дѣлается виномъ на извѣстное время. Уваженія къ водѣ не питаютъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Вода берется изъ земли. Къ водѣ народъ питаетъ уваженіе и считаетъ грѣхомъ плевать въ нее и говорить бранныя слова.

[*Литинскій уѣздъ*]. Вода, проходя изъ морей черезъ землю, очищается

тамъ, и потому въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ она не бываетъ такъ горька, какъ въ моряхъ. Вода пользуется въ народѣ уваженіемъ, какъ цѣлительное средство въ различнаго рода болѣзняхъ.

Воду вообще особенно уважаютъ. Никто не смѣетъ ни плевать, ни мочиться въ нее. Несоблюдающіе этого наказываются болью головы.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Вода — символъ здоровья: употребляется въ заклятіяхъ и въ наговорахъ. Уваженіе къ водѣ видно изъ того, что въ воду нельзя плевать.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Вода берется изъ земли, она такъ же уважается народомъ, какъ средство цѣлительное и поддерживающее жизнь. Плеваніе въ воду въ какихъ бы то ни было мѣстахъ, а также засореніе ея по возможности избѣгается и считается грѣхомъ. Водой окропляются коровы послѣ отеленія и притомъ еще коровамъ дается маленькій кусочекъ артоса.

[*Холмская Русь*]. Вода образуется изъ источниковъ, прибываетъ и уменьшается, смотря потому, какъ часто идетъ дождь.

[*Винницкій уѣздъ*]. Вода выходитъ изъ земли „джерламы“, которыя, слившись вмѣстѣ, составляютъ рѣку, впадающую въ море, „а въ морі єсть безодні прірвы“. Воду считаютъ необходимою для существованія; ее употребляютъ при нашептываніи.

[*Луцкій уѣздъ*]. Вода просачивается изъ земли и наполняетъ рѣки и моря. Народъ питаетъ уваженіе къ водѣ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Названія воды существуютъ слѣдующія: „Святовечірня, Іорданьська“; набравшіе этой воды никому не дадутъ, хотя бы просящій умиралъ. Это дѣлается потому, что вода эта — одно изъ цѣлительныхъ средствъ для скота и болѣе всего предохраняетъ коровъ отъ вѣдьмъ. Срѣтенская вода цѣлительна для больныхъ людей.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Освященная вода употребляется вообще какъ лѣкарство во всѣхъ болѣзняхъ. Такая вода набирается по освященіи въ рѣкѣ или колодцѣ въ праздникъ Богоявленія. Хранится она почти въ каждомъ домѣ. Въ этотъ день пчеловоды запасаются этой водой, окропляютъ ульи съ пчелами, какъ бы желая предоставить имъ возможность брать медъ съ разныхъ цвѣтовъ невредимо.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Воду признаютъ цѣлительною въ великій четвергъ. Люди, одержимые накожными болѣзнями, стараются — каждый искупаться первымъ, признавая цѣлительную силу за первымъ искупавшимся.

[*Холмская Русь*]. Какъ лѣкарственное средство, вода употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: если дитя перепугано, то надъ его головою льютъ въ воду растопленный воскъ и потомъ эту воду даютъ ребенку три раза пить и этою же водою обмываютъ ему лобъ и грудь; также, если заболѣетъ корова,

то женщины говорятъ, что это „съ урочины“, т. е. съ-глазу, кто нибудь взглянулъ на эту корову, позавидовалъ, и потому черезъ рѣшето прыскаютъ водою на корову.

[*Литинскій уѣздъ*]. Цѣлительными водами, кромѣ освященной, признаются особенно „непочата вода“ и „Єлена“. Непочатою водою называется та, которая зачерпывается первою каждое утро. „Єленою“ же называется, какъ утверждаютъ, отъ имени изобрѣтательницы этой воды. Но чтобы воды эти имѣли цѣлительное свойство, нужно зачерпывать ихъ какъ можно пораньше, такъ, чтобы зачерпнуть воду эту первымъ; для того же, чтобы имѣть воду „Єлену“, нужно, чтобы зачерпывающій эту воду былъ на-тощакъ и, чтобы идя за водою, равнымъ образомъ и возвращаясь съ нею, не смѣлъ бы проговорить ни къ кому ни одного слова. Воды эти употребляются какъ лѣкарство, особенно — въ слѣдующихъ случаяхъ: „отъ прыстріту, отъ підвія выхра, отъ курочкы“ и проч. Но желающіе себя пользовать этими водами должны непремѣнно знать извѣстные приговоры, какъ напримѣръ, при употребленіи „воды Єлены“:

„Вода Єлено! очыщаешъ лугы и берегы, очысть мене відъ всёго злого: болісты и слабосты“.

[*Харьковскій уѣздъ*]. „Непочата вода“ — набранная изъ рѣки или изъ „крыныці“, рано, такъ чтобы еще никто ея не бралъ.

[*Староконстантиновскій уѣздъ*]. „Непочата вода до східъ-сонця набрана, щобъ іще ніхто зъ колодезя не бравъ, дуже добра дітей отъ хоробы купаты, а тімъ борзій, щобъ та вода була зъ трохъ крыниць“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Непочатою водой называется та вода, которую приносятъ изъ колодца очень рано, до восхода солнца; причемъ, несущій ее, если повстрѣчается съ кѣмъ, не долженъ говорить ни одного слова, иначе вода потеряетъ свое цѣлительное свойство и не принесетъ никакой пользы.

Огонь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Первый огонь, по понятію народа, изобрѣли черти. „Когда еще не было такъ много народа, Господь ходилъ съ Св. Петромъ и Павломъ. Приходятъ они въ одно мѣсто и видятъ, что черти поставили себѣ винокурню и курятъ вино. Когда Господь спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ, — черти отвѣчали, что „гонять мутящу воду“. „Мы и вамъ дали бы напиться, если бы вы перерубили намъ по колодкѣ“.

„Господь зажогъ себѣ палочку и пошолъ съ Св. Павломъ, а Св. Петръ остался. Черти, увидѣвъ, что Господь взялъ огонь, сказали одинъ къ другому: „пойди и отними у него огонь“.

„Когда чортъ началъ отнимать эту палочку, то Господь ударилъ этою палочкой о камень, и оттого мы теперь изъ камня добываемъ себѣ огонь. Послѣ сего Господь съ Св. Павломъ пошолъ далѣе, а Св. Петръ остался

рубить колодку и трижды требовалъ, чтобы бѣсы дали ему напиться. Когда же вынилъ онъ „мутящей воды“ одну чубару и другую, — не захотѣлъ рубить больше. Черти сорвали съ него „шату“ (верхнюю одежду), Господь осмотрѣлся и, увидѣвъ, что нѣтъ Св. Петра, — сказалъ Павлу:

— Подождемъ его, или пойдемъ обратно, а не то онъ тамъ непремѣнно надѣлаетъ какихъ нибудь штукъ.

„Вдругъ идетъ Петръ и уже безъ верхняго платья. Господь спрашиваетъ его:

— Гдѣ твое платье?

„Св. Петръ сознается, что сняли черти за то, что не захотѣлъ, вынивъ водки, рубить колодку. Господь сказалъ:

— Пойдемъ, отберемъ, потому что ходить такъ неприлично.

„Когда они пришли къ винокурнѣ и Господь потребовалъ платье, то черти потребовали непремѣнно, чтобы Св. Петръ рубилъ колодку; но Господь сказалъ: „Рубить онъ не будетъ, а вмѣсто того я вамъ дарю ту душу, которая умретъ отъ вашей „мутящей“ воды.

„Тогда только черти отдали платье, но они не знали, какъ назвать „мутящую“ воду. Былъ тамъ бѣсъ, именемъ Кай, который такъ напился этой воды, что она въ немъ зажглась и онъ сгорѣлъ; тогда черти въ испугѣ начали бѣгать и кричать: „згорівъ Кай, згорівъ Кай“, и отъ того произошло слово: „горівка“.

Огонь употребляется при слѣдующихъ случаяхъ и обрядахъ: огнемъ сожигаютъ такъ называемаго „дідуха“ — солому, которую стелютъ въ избахъ наканунѣ Рождества Христова и которую выносятъ и сожигаютъ на второй день праздника рано утромъ. Соломой „дідуха“ перевязываютъ деревья, чтобы они приносили обильный плодъ. Сожиганіе же имѣетъ то значеніе, чтобы не топтали ногами той соломы, на которой лежалъ Христосъ.

Огонь употребляется при освященіи воды въ праздникъ Богоявленія, причемъ стрѣляютъ изъ ружей и вылетающую паклю хватаютъ и хранятъ какъ святыню. А если не стрѣляютъ, то отъ горящихъ свѣчей зажигаютъ тряпки, которыя приносятъ въ домы; ими выжигаютъ кресты на четыре стороны дома и выжигаютъ малымъ дѣтямъ на головѣ волосы — крестообразно. Это дѣлается для того, чтобы дѣти ничего не боялись.

[*Литинскій уѣздъ*]. Огонь признаютъ чѣмъ-то святымъ, олицетворяемымъ въ образѣ мстительнаго человѣка.

Всякая хозяйка должна обращаться съ огнемъ очень осторожно и съ почтеніемъ: должна заметать его чистымъ вѣникомъ, крестить его, ставить при немъ горшокъ съ водою и полѣно, для того, чтобы онъ имѣлъ что ѣсть и пить. Объ огнѣ обыкновенно выражаются такъ: „Мы шануємъ огонь, якъ

Бога; вінъ нашъ дорогый гисть. Вінъ якъ розсердыться и візме, то другому вже того не дасть“.

Уважая и понимая такъ огонь, разсказываютъ въ подкрѣпленіе этого подслушанный кѣмъ-то разговоръ двухъ огней, изъ которыхъ съ однимъ хозяйка обращалась безъ уваженія: „Слухай, брате, ходімъ до мого хозяіна, та погуляймо. Моя хозяйка замітає мене задрыпаннымъ вінькомъ и не дає мыні ні істы, ні пыты“. Говорятъ, что вслѣдъ за этимъ все состояніе той хозяйки было истреблено пожаромъ. При такихъ убѣжденіяхъ и теперь, въ случаѣ пожара, нерѣдко можно слышать, что пострадавшая отъ пожара хозяйка, навѣрно, дурно обращалась съ огнемъ, т. е. „зныважала ёго и вінъ за те помстывся“.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Къ огню питается уваженіе, оно высказывается тѣмъ, что на огонь нельзя плевать: кто будетъ плевать на него, тотъ будетъ на томъ свѣтѣ лизать раскалённую сковороду. Огнемъ нельзя играть, потому что „усцысся“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Откуда взялся первый огонь, — не знаютъ. Къ огню питаютъ уваженіе, считая грѣхомъ говорить на него что-либо неприличное.

[*Холмская Русь*]. Первое появленіе огня на землѣ относятъ ко времени истребленія Содома и Гоморры. Къ огню народъ питаетъ особенное уваженіе, называя его не иначе, какъ святымъ.

[*Кіевскій уѣздъ*]. „Чортъ розклавъ огонь, да й стереже ёго, — се вінъ выдумавъ огонь. Отъ Богъ и послався Архангела Говрыіла и давъ ёму желізну палку. Прыйшовъ Архангелъ Говрыілъ и почавъ зъ чортомъ балакать, а самъ кінець желізноі палкы засунувъ въ огонь; якъ той кінець добре нагрівся, — Говрыілъ давай утікать, чортъ за нымъ, отъ-отъ дожене, а Богъ и каже: „кыдай палку“. Архангелъ и кынувъ, искры и полетілы — палка ударылась объ камень. Отъ зъ того часу люды и знають, якъ добувать огонь“.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Огонь произошолъ отъ камней. Начало его никому неизвѣстно. Огонь почитается ангеломъ. Въ огонь запрещается плевать. Также считается непозволительнымъ заметать огонь въ печку вѣникомъ, которымъ подметается изба. Для этого дѣлаются особенныя метёлки.

Въ прежнее время огни раскладывались возлѣ церкви ночью, предъ праздникомъ Пасхи. Это происходило по преданію, въ память ночи, проведенной Спасителемъ на дворѣ у Пилата, но въ настоящее время, для отвращенія несчастныхъ случаевъ, огни при церквахъ воспрещены.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Огонь есть ангелъ. Происхожденіе огня объясняютъ слѣдующимъ образомъ:

„Одинъ купецъ прогналъ своего сына, и онъ отправился на кораблѣ въ море. Буря принесла корабль къ необитаемому острову. Сынъ купца, безъ

всякаго умысла, началъ тереть „ліщину объ ліщину“ (орѣховое дерево), и такимъ образомъ, чрезъ треніе, получился огонь, который съ тѣхъ поръ распространился по всей землѣ“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Откуда взялся первый огонь, крестьяне разсказываютъ такъ:

„Колы Господь Бигъ ходывъ по землі со Св. Петромъ, то єдного разу оны вельми померзлы и не зналы що робыты; ажъ забачилы въ лісі огонь; пойшлы тамъ и погрілыся. Господь Бигъ, щобы взяты огня собі на дорогу, втыкнувъ зылізного кыя въ тый огонь, де онъ такъ нагрівся, що бувъ красный; ажъ тутъ выскочивъ чортъ и каже:

— А на що ты, Боже, крадешъ мій огонь?

„Господь Бігъ розгнівався, та и кынувъ кыя до воды, а послі вынувъ кыя, хотівъ ударыты чорта, а тый змыкнувъ и кый ударывся объ камень, да и зломався. Оттого и сталы такъ гортуваты залізо“.

[*Подольская губернія*]. Огонь, по вѣрованію народа, выдумалъ дьяволъ, въ то время, когда онъ, по изгнаніи съ неба, въ досадѣ хотѣлъ закурить трубку и, не имѣя огня, сказалъ нѣсколько особенныхъ словъ, и трубка закурилась.

Другіе, впрочемъ, утверждаютъ, что огонь изобрѣтенъ Соломономъ, такимъ образомъ: онъ отыскалъ два кремня, ударилъ одинъ о другой и явился огонь.

Огоньки. [*Ушицкій уѣздъ*]. Огоньки, являющіеся на могилахъ покойниковъ, означаютъ, что надъ праведною душой свѣтятъ ангелы. Объ огонькахъ, являющихся на болотахъ, народъ не имѣетъ понятія.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Огоньки на кладбищахъ, болотахъ и могилахъ, по понятію народа, указываютъ издали мѣста, гдѣ зарыты клады.

[*Холмская Русь*]. Свѣтящіеся на кладбищахъ огоньки, — не что иное какъ вышедшія души. Онѣ зажигаютъ тѣ свѣчи, которыя были несены людьми при погребеніи.

[*Литинскій уѣздъ*]. Огни, замѣчаемые на кладбищахъ и болотахъ, признаются огнями необыкновенными. Огонь, замѣчаемый на кладбищахъ, есть часть огня адскаго. Онъ горитъ на могилѣ только особенно-страшнаго грѣшника, котораго Богъ наказываетъ адомъ еще до страшнаго суда. Огонь же, нерѣдко видимый на болотахъ, есть не что иное, какъ дьяволъ, заманивающій туда неопытныхъ проѣзжихъ и прохожихъ людей.

[*Луцкій уѣздъ*]. Въ видѣ огоньковъ на кладбищахъ, болотахъ, могилахъ и другихъ мѣстахъ, считаютъ выходящіе изъ земли на верхъ для просушки клады. Видѣть этотъ огонекъ можетъ одинъ только счастливецъ; при этомъ, если онъ смѣтливъ, то легко можетъ получить этотъ кладъ, бросивъ

въ него что нибудь изъ одежды или обуви. Когда онъ это сдѣлаетъ, то кладъ входитъ въ землю на такую лишь глубину, въ какомъ разстояніи отъ земли находилась на человѣкѣ брошенная вещь: напримѣръ, если брошена шапка, то и кладъ войдетъ въ землю только въ ростъ человѣка. Затѣмъ, нужно копать, и деньги получатся непремѣнно; но въ настоящее время такихъ счастливцевъ нѣтъ.

[*Холмская Русь*]. Огни, появляющіеся на болотистыхъ мѣстахъ, считаютъ за настоящіе огни, которыми чортъ очищаетъ закопанные въ землю клады.

[*Луцкій уѣздъ*]. Объ огонькахъ на кладбищахъ, болотахъ и т. д. говорятъ, что то чортъ просушиваетъ зарытые въ землѣ клады.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Огоньки ночью на кладбищахъ происходятъ отъ того, что тамъ присутствуетъ всякая чертовщина, а въ особенности упыри, которые стараются сдѣлать людямъ вредъ и пугать ихъ.

Огоньки, появляющіеся на извѣстномъ курганѣ, несомнѣнно доказываютъ, что тамъ зарытъ колдунъ. Огоньки въ болотахъ показываютъ жительство чертей.

[*Южная Русь*]. Огоньки на кладбищахъ показываютъ, что тамъ зарыты клады.

Маячення. [*Винницкій уѣздъ*]. „Маячення“ — тѣнь злого духа, старающагося ввести человѣка въ какое нибудь несчастіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЦАРСТВО ЖИВОТНЫХЪ.

Звѣри.

Волы и ослы. [*Литинскій уѣздъ*]. Волы и ослы сотворены Богомъ и ихъ называютъ благословенными за то, что когда Спаситель родился, то они укрывали его соломой и согрѣвали. Утверждаютъ, что волы разговариваютъ между собою человѣческимъ языкомъ наканунѣ новаго года; объ этомъ существуетъ слѣдующій разсказъ: „Одинъ, очень скупой человѣкъ, желая убѣдиться въ томъ, что волы разговариваютъ, спрятался наканунѣ новаго года въ ясли, въ которыхъ обыкновенно давался кормъ воламъ; вечеромъ онъ дѣйствительно услышалъ разговоръ воловъ. Волы его говорили другъ другу: „не маємо мы що істы: господаръ нашъ поівъ все самъ; спочиваймо хоць, бо завтра господаря нашого повеземо на цвынтаръ“. Утверждаютъ, что это такъ дѣйствительно и сбылось. Вслѣдствіе этого, особенно заботятся, чтобы наканунѣ новаго года накормить хорошо своихъ воловъ.

[*Рудьковка*]. „Якъ де скотына збреде зъ дому, до треба сокыру у вуголъ застромыть, до не займе звірука“.

[*Рудьковка*]. „Якъ покладешъ залізяку на тому прыпечку, шо въ комені, до ніколы не буде вовкъ нападать на скотыну“.

Рогатый скотъ. [*Луцкій уѣздъ*]. Рогатый скотъ, наканунѣ Рождества Христова, получаетъ способность говорить человѣческимъ языкомъ.

Лошадь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Лошадь — это превращенный дьяволъ. Такъ какъ дьяволъ можетъ превращаться во всякое животное, то и превратился когда-то въ лошадь, но Господь такъ его благословилъ, что онъ уже навѣки остался лошадью.

[*Литинскій уѣздъ*]. Лошадь есть оборотень дьявола. Лошадь постоянно ѣстъ и никогда не наѣдается. Этимъ Богъ наказалъ ее за то, что когда Спаситель родился и былъ положенъ въ ясляхъ, то волы постоянно прикрывали его соломой и согрѣвали его своимъ дыханіемъ, а лошадь солому эту стаскивала и съѣдала.

[*Луцкій уѣздъ*]. Объ обжорствѣ лошади говорятъ такъ: когда всѣ звѣри пришли поклониться родившемуся Спасителю, лошадь, приступивши къ сѣну, на которомъ лежалъ Спаситель, начала то сѣно разрывать и ѣсть, за что обречена была Спасителемъ на вѣчное обжорство.

[*Южная Русь*]. „Коні прокляты, бо якъ родывсь Сусъ Хрыстосъ, до Матіръ Божа поклала ёго въ яслахъ, да якъ Гыродъ шукавъ ёго, щобъ убить, до коні выкыдалы зъ ясілъ сіно, щобъ Гыродъ найшовъ Суса Хрыста, а волыкі накрывалы ёго“.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Лошади находятся подъ покровительствомъ св. Георгія, защищающаго ихъ отъ нападенія волковъ. Въ день 23 апрѣля подстригаютъ молодымъ лошадямъ гривы и хвосты и выпускаютъ на пастбище до восхода солнца, на росу.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Особенно хорошихъ лошадей любитъ домовой; онъ заплетаетъ имъ гриву въ коски и ѣздитъ верхомъ цѣлую ночь въ конюшнѣ, такъ что загоняетъ совсѣмъ, и лошадь портится. Поэтому, въ конюшнѣ, вмѣстѣ съ лошадью, ставятъ козла, или привязываютъ къ потолку убитую ворону, сову или сороку, на которыхъ домовой и ѣздитъ.

Коза. [*Литинскій уѣздъ*]. Домашняя коза сотворена чортомъ. Если козу покропить освящённою водой, то она сейчасъ же пропадаетъ. Какъ доказательство сотворенія козы чортомъ, приводятъ то, что отъ козы вѣдьма никогда не можетъ отобрать молока. Вѣдьма даже боится козы.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Козы признаются необходимыми въ конюшняхъ, для забавы чорту, который въ такомъ случаѣ перестаетъ мучить лошадей.

Свинья. [*Литинскій уѣздъ*]. Свинья есть оборотень жидовки. Во время земной жизни Спасителя, однажды жиды накрыли жидовку „ночвами“ и спросили Его: „если ты Богъ, то отгадай, что спрятано подъ ночвами?“ Спаситель, какъ Богъ, зналъ, что подъ ночвами жидовка, но въ наказаніе испытующимъ Его отвѣтилъ: „подъ ночвами свинья“. И изъ жидовки дѣй-

ствительно сдѣлалась свинья. Теперь свинью называютъ жидовской тѣткой, и жиды не ѣдятъ свиного мяса, какъ своего тѣла.

[*Будаевка*]. „Якъ тылькі замітышъ, що свыні здорово рыють, то непремінно будуть здыхаты“.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. „Щобъ водились свині, украдь у степу борону и положи на хлібъ, — то такъ и сипнуть поросята. Якъ купишъ порося на заводъ, то щобъ пішло въ руку — треба впускать ёго у мішокъ, у котрімъ будешъ нести ёго до дому, головою; якъ впустишъ задкомъ, то не піде у руку“.

Домашнія животныя. [*Ушицкій уѣздъ*]. Свиней, коровъ, овецъ, воловъ Господь сотворилъ изъ земли на пользу человѣка.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки и кошки признаются самыми необходимыми животными въ хозяйствѣ.

[*Дударі*]. „Якъ гонышъ до череды скотъ, або овечкы, або свыні прутыкомъ, то не кыдай ёго тамъ, або на дорозі де, а прынесы до дому; бо якъ не прынесешъ, то не буде скотъ ходыть самъ у вечері до дому“.

[*Корніевка*]. „Якъ корова отелыться, до прынесши теля у хату, заразъ затулять одежою, або чімъ другімъ, пічку, щобъ не дрочлыве було теля; потімъ дають ёму у рітъ крутенькъ соломы, щобъ не жувало тряпокъ“.

„Де які, унесшы у хату, бьють потыхеньку мордою объ пічъ, або объ стовпъ, щобъ було таке гладке якъ стовпъ и щобъ не жувало нічого“.

[*Дударі*]. „Негодыться маленькое телятко, або лошятко гладыть по спынці, бо не выросте“.

„Двужыльна скотына“. [*Харьковскій уѣздъ*]. „Двужыльна скотына“ очень сильна и здорова; ее можно узнать по бугру на шеѣ. Когда она издохнетъ, то нужно вытаскивать ее не въ ворота, а прямо, — куда она головой лежитъ. Лежитъ она къ плетню, — нужно разламывать плетень; въ противномъ же случаѣ, въ томъ самомъ дворѣ пропадетъ еще двѣнадцать головъ скота.

Обезьяна. [*Житомирскій уѣздъ*]. Въ народѣ существуетъ понятіе, что обезьяна и медвѣдь произошли изъ человѣка-колдуна, превратившагося разъ навсегда въ этихъ животныхъ, способныхъ, такъ же какъ и человѣкъ, лазить по деревьямъ и употреблять такую же пищу.

Медвѣдь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Медвѣдь — это превращенный мельникъ. Когда Господь ходилъ по землѣ, то случилось ему проходить возлѣ мельницы. Мельникъ, увидѣвъ Господа, хотѣлъ напугать Его, и для этого влѣзъ подъ

мостъ. Когда Господь ступилъ на мостъ, мельникъ и закричалъ словно медвѣдь, а Господь и сказалъ: „щобъ ты ревівъ такъ, покы світа сонця“. Съ тѣхъ поръ начали водиться медвѣди.

[*Холмская Русь*]. Въ тѣ счастливыя времена, когда Господь находился въ непосредственномъ общеніи съ людьми и часто видимо являлся имъ, мельникъ, надѣвъ на-изнанку тулупъ, хотѣлъ изъ-за угла испугать жида-мірошника. Случилось такъ, что въ эту минуту проходилъ Господь, и мельникъ наткнулся на него. За такую безразсудную дерзость, по повелѣнію Божію, онъ остался навсегда медвѣдемъ.

[*Тараща*]. „Ведмідь, кажуть, зъ чоловіка. Кажуть бы то, якъ ще Ісусъ Хрыстосъ ходывъ по землі зъ апостоламы и йшлы воныя черезъ якусь річку біля млына, и треба було імъ іты черезъ мостокъ. А мельныкъ нибі то сховався підъ мостокъ, щобъ перелякаты іхъ. Вінъ одягся въ кожухъ, вовною до горы, та выбігъ зъ-підъ мостка; а Господь и каже: „щобъ же ты такъ бігавъ покы твого віку“. Одъ тое поры сталы на світі ведмеді“.

„Ведмеді булы колысь люды; воны жылы собі въ лісі и нікого до себе не прыймалы, ні съ кымъ знатся не хотілы. Отъ зайшовъ разъ туды одынъ чернець, усе село сходывъ — просывся, щобъ пустылы въ хату. Ніхто ёму дверей неодчынывъ, дакъ вінъ узявъ да й проклявъ тыхъ людей, воны й сталы медведямы“. (*Маркевичъ*).

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если медвѣдь „притопче чоловіка, то не буде поясницю ломити“.

Волкъ. [*Харьковскій уѣздъ*]. „Одна баба выйшла на двіръ, а Юрій іде на білымъ коні побіля ii воритъ, а за нымъ біжять вовкы. Вона злякалася, убігла въ хату и росказала своёму чоловікові. Чоловіку захотілось побачыты це дыво. На другу нічъ пішовъ вінъ у лісъ, излізъ на дерево и дывыться. Бачe вінъ, що Юрій на білымъ коні іде, а за нымъ вовкы біжять. Злізъ Юрій зъ коня, сівъ на траві, а вовкы полягалы навкругы ёго. И каже вінъ вовкамъ: „Тобі, сірый, на вечеру ягня, що тамъ-то лежыть; тобі — те, тобі — то-то“. Усімъ, усімъ подававъ вечераты, а одному старому, крывому вовкові нічого було даты. Вінъ и каже ёму: „а тобі, старій, отъ того чоловіка, що на дубові седыть“. Та й поіхавъ собі. Усі вовкы порозбігалысь, кудыпославъ іхъ Юрій, а крывый вовкъ до ёго дуба, сівъ та й сыдыть, жде, покы злізе той чоловікъ. Але чоловікъ зъ дерева не злізае. Седівъ, седівъ чоловікъ на дубі и такы переседивъ вовка: уставъ той изъ-підъ дуба и побігъ собі другоі пыщы шукаты. Тогді чоловікъ мерщій зъ дуба злізъ, та й драла. Прыбігъ вінъ до пыльщыківъ, що блызко дерево пылялы. „Добрі люде! прыйміть мене до себе, я вамъ буду помагаты“. Воны прынялы ёго, годувалы, а вінъ імъ дерево помогавъ пыляты. Якъ ляглы воны

вже спаты, цей чоловікъ и каже імъ: „бережить мене, люде добрі, щобъ вовкы не вытяглы; якъ устережете, вікъ вамъ буду за те робыты“. Воны положылы ёго міжъ себе въ середыну и вкрылы ёго свытамы та кожухамы, та й заснулы. У-ранці, якъ повставалы, огляділысь — нема чоловіка: вовкъ такы вытігъ ёго“.

[*Луцкій уѣздъ*]. „Єдного разу чортъ явывся къ Богу и каже: „люды не пыльнують свого товару и скотъ робыть шкоду, треба зробыты, щобъ люды лякалыся пускаты єдного товару. Бігъ сказавъ чортовы злепыты зъ глыны вовка. Чортъ хутенько побігъ, зробывъ вовка живого и прывівъ ёго до Бога. Бігъ сказавъ, що вельмы велыкый (той вовкъ бувъ зъ доброго коняку), треба ёго зоструганы. Чортъ взявся струганы вовка и зъ остружківъ зробылыся шершні, а зъ меньшыхъ — оводы, а ще зъ меньшыхъ — мухы, а зъ самыхъ меньшыхъ — комарі. Якъ тылько чортъ выстругавъ вовка до такій велычыны, якый тыперъ вовкъ, да й пустывъ ёго. Вовкъ такъ розозлывся отъ велыкой болі, що закрычавъ Богові, що вінъ буде істы не одну скотыну, а и люды. Чортъ прывівъ вовка до людей, да й пустывъ ёго на першого чоловіка. Чоловікъ тей ставъ просыты вовка, щобъ вінъ позволывъ ёму передъ смертю помытыся. Вовкъ позволывъ. Чоловікъ взявъ добрую дубыну, да й сховавъ, а потімъ попросывъ вовка позволыты ёму утыртыся ёго хвостомъ. Вовкъ позволывъ и одставывъ свій хвістъ. Тоді чоловікъ зхватывъ вовка за хвістъ, да й начавъ ёго быты, такъ що вовкъ якъ вырвався одъ чоловіка, то кынувся на чорта, а чортъ злякався, та й побігъ, а вовкъ за нымъ погнався.

„За то тыперъ, якъ вовкъ бежитъ, роззявывшы пасть, то люды ёго не чыпають, бо чортъ збежытъ одъ вовка, и вовкъ кынется на того чоловіка, который ёму зашкодыть догнаты чорта“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Волками завѣдываетъ св. Юрій; по указанію его, они съѣдаютъ животныхъ. Есть преданіе, что одному человѣку чаровники сдѣлали то, что онъ превратился въ волка и былъ имъ цѣлый годъ. Изгнанный изъ села людьми и собаками, бѣгая въ лѣсу, онъ захотѣлъ поѣсть, и въ это время увидѣлъ святаго Юрія, ѣдущаго верхомъ на бѣлой лошади. Юрій, приблизившись, сталъ и свиснулъ; на этотъ свистъ прибѣжалъ другой волкъ, которому св. Юрій сказалъ: „возьми этого своего товарища и руководствуй имъ, потому что онъ еще неопытенъ и не можетъ самъ себѣ пріобрѣсть пищи“.

[*Тараща*]. „Розсказують, що вовкы ідять чортівъ. Якъ бы іхъ грімъ не бывъ та вовкы не выідалы, до іхъ бы такого розплодылося, що и світу не булобъ выдно“.

Собака. [*Литинскій уѣздъ*]. Собака есть оборотень дитяти. Когда Спаситель ходилъ по землѣ, то въ одной деревнѣ мальчикъ особенно преслѣдовалъ Его, бѣгая за нимъ и лая подобно собакѣ. Спаситель проклялъ его за это и обратилъ въ собаку.

[*Кременчугскій уѣздъ*]. „Однажды человѣкъ шелъ на охоту и, повстрѣчавъ двухъ звѣрковъ, началъ ихъ спрашивать: откуда они? тѣ отвѣчали: „мы прежде жили въ водѣ, а теперь будемъ жить на землѣ“.

— Какъ вы называетесь?

— Собаки.

— Чѣмъ я могу удостовѣриться?

„Собаки вынули свои документы и показали ему. Дѣйствительно, собаки. Тогда онъ сказалъ имъ: „Смотрите, вамъ дозволено жить на землѣ всего только одинъ годъ, а по истеченіи этого времени вамъ опять нужно идти жить въ воду“.

„Чрезъ годъ встрѣтился онъ опять съ тѣми же звѣрками и сталъ бранить ихъ, зачѣмъ они живутъ на землѣ, когда срокъ прошелъ?

— Безъ документа намъ нельзя идти въ воду.

— Гдѣ же вашъ документъ?

— Мы отдали коту.

— Пойдите же и возьмите его у кота.

„Собаки пошли къ коту и потребовали у него свой документъ, но документа у кота уже не было: онъ былъ украденъ у кота мышами, которыя съѣли собачьи документы. Такимъ образомъ, собаки должны были остаться на землѣ и по настоящее время. Оттого и теперь человѣкъ преслѣдуетъ собаку, собака кошку, а кошка мышей, и они всегда будутъ между собою непримиримыми врагами“.

[*Хварбована*]. „Хто зъ собакы шкуру здырає, то після, якъ буде кабана колоть, то сало смердітыме“.

Ярчукъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Перворожденная собака, ярчукъ, обладаетъ способностію видѣть вѣдьмъ и злыхъ духовъ и прогонять ихъ. Рана отъ укушенія ярчука очень опасна и ее очень трудно заживить.

[*Луцкій уѣздъ*]. Ярчуки, выросши, не допускаютъ вѣдьмъ доить коровъ. Ихъ трудно вырастить, потому-что до достиженія ими годичнаго возраста вѣдьмы могутъ ихъ безопасно давить.

Если первый щенокъ-сука родитъ перваго щенка-самку, а эта послѣдняя родитъ перваго щенка-самца, то это и будетъ ярчукъ — сильная собака, которая можетъ одолѣть не только волка, но и медвѣдя; только мудрено уберечь его, потому-что черти и всѣ вѣдьмы стараются его уничтожить.

Зиньське щеня. [*Литинскій и Проскуровскій уѣзды*]. Слѣпыши („зіньськы щенята“) — небольшіе звѣрки, рождаются отъ женщины за ея грѣхи. Они очень злые и ядовитые, и потому-то Богъ отнялъ у нихъ зрѣніе, дабы они не дѣлали много вреда. Укушенный слѣпышемъ неизбѣжно умираетъ. Слѣпыши пользуются въ мнѣніи народа нѣкоторымъ цѣлительнымъ свойствомъ, и потому совѣтуютъ всякому, кто только найдетъ гдѣ нибудь „зіньське щеня“ — придавить его къ землѣ палкою и затѣмъ сдавить за хребетъ двумя крайними пальцами руки.

Утверждаютъ, что пальцы того человѣка бываютъ тогда очень полезны въ болѣзни („завалы“). Говорятъ, что такому человѣку слѣдуетъ только пожать пальцами болящее мѣсто, и болѣзнь прекращается.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Кто задавитъ „зиньське щеня“ двумя пальцами, большимъ и малымъ, тотъ въ состояніи будетъ давить „заушныці“ (желёзки).

Кітъ (кошка). [*Ушицкій уѣздъ*]. Чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море — соблазнить Евву; но Пресвятая Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу; изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала чорта; поэтому, хотя кошка — и изъ рукавицы Богородицы, однако — считается нечистою, потому что она съѣла чорта.

[*Литинскій уѣздъ*]. Кошка сотворена Богомъ и признается существомъ добрымъ и другомъ человѣка. Ей приписываютъ способность охранять человѣка отъ всего злого. Разсказываютъ такую легенду: „Когда Ной, по приказанію Бога, забралъ въ выстроенный имъ ковчегъ по парѣ всѣхъ животныхъ, то чортъ, желая сдѣлать ему зло, впустилъ секретно, мышь, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру и, такимъ образомъ, ковчегъ будетъ потопленъ; но кошка, замѣтивъ мышь, сейчасъ ее схватила и задавила и, такимъ образомъ, разрушила козни дьявола. Съ того времени кошки всегда истребляютъ мышей, которыя сотворены чортомъ на зло людямъ“.

[*Житомирскій и Проскуровскій уѣзды*]. Въ хвостѣ у кошки находится ядъ, который переходитъ къ людямъ въ видѣ насморка, — когда она напьется воды изъ той посуды, изъ которой пьетъ человѣкъ. Для отвращенія этого — отрубаютъ коту конецъ хвоста, содержащій въ себѣ ядъ.

[*Тараща*]. „Негодытся брать кота зъ єдноі хаты до другоі дармо, бо посварятся — той, що давъ, зъ тымъ, що взявъ; а треба дать за кота шагъ, або що купыть.

[*Тараща*]. „Негодытся ідучы куды брать зъ собою кота“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Кошка, прожившая 12 лѣтъ, перестаетъ мурлыкать и дѣлается на столько свирѣпою, что можетъ задушить человѣка; вслѣдствіе чего, ее тогда по большей части убиваютъ.

Мышь обыкновенная и летучая. [*Ушицкій уѣздъ*]. Летучая мышь — изъ простыхъ мышей. Если простая мышь съѣстъ „свяченого на великдень“, то сейчасъ дѣлается летучею мышью.

[*Луцкій уѣздъ*]. Летучая мышь происходитъ изъ обыкновенной мыши, если только съѣстъ святой пищи.

[*Будаевка, Проскуровскій уѣздъ*]. „Кажана (летучую мышь) якъ поймаешъ, то взять ёго та зворыть, та розібрать кісточкы, то тамъ найдется пара кістокъ: одна кістка — грабелькы, а друга — вылкы. Тымы грабелькамы яку схочешъ дівку взять за себе, то буде твоя, тылькы треба тымы грабелькамы зачыпыть. Але вона довго не жытыме: тылькі годъ, а то вмре; то треба, скоро стане годъ выходыть, выдпыхнуть вылками, то вона и одчепытця“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ опакостыть голову летуча мыша, то буде лысына“.

Когда мыши огромными толпами переселяются въ неизвѣстныя страны, — это предвѣщаетъ войну.

[*Тараща*]. „Кажаны роблятця зъ мышей: якъ мышъ изъість шматочокъ чого свяченого на великдень, то въ неі выростуть крыла и зробытся зъ неі кажанъ. Вінъ у ночі літае“.

Дикая коза. Дикая коза прижита чортомъ съ своею женою. Существуетъ поэтому поговорка: „тебе десь чортъ сплодывъ на дыкій козі“.

Заяцъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Заяцъ сотворенъ чортомъ; онъ ему служитъ передовымъ. Если заяцъ перебѣжитъ кому нибудь дорогу, то съ тѣмъ случится какое нибудь несчастіе. Увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, нужно сейчасъ же выбросить изъ повозки клокъ сѣна. Утверждаютъ, что въ такомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится назадъ.

[*Черкасскій уѣздъ*]. „Думае собі заець: я найслабійшый одъ усёго на світі: усёго боюся; пташка злетыть — боюся.... піду лучче утоплюся. Отъ иде вінъ до болота, та й иде берегомъ, шукае: дебъ то лучче скочыты у воду; колы се жаба — шыць у воду. Эге, думае тоді заець, не буду й я топытьця, бо є ще таке на світі, що й мене боітся“.

Ласка. [*Житомирскій уѣздъ*]. Ласки — очень вредныя животныя. Появленіе ихъ въ хлѣвахъ, гдѣ есть коровы, наводитъ печаль, такъ какъ онѣ портятъ коровъ, отчего молоко превращается въ кровь. Утверждаютъ,

что если ласка перебѣжитъ черезъ лежащее животное, то оно не можетъ послѣ того встать, и въ этомъ случаѣ необходимъ знахарь, умѣющій нашептывать противу тѣхъ поврежденій.

Кротъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. О кротѣ говорятъ слѣдующее: „Богачъ вздумалъ сдѣлаться мудрѣе самого Бога; для этого онъ покрылъ сына своего и спросилъ Бога: „Угадай, что тутъ покрыто?“ Господь отвѣчалъ ему: „Накрытъ кротъ“. Богачъ открылъ и увидѣлъ, что его сынъ дѣйствительно сдѣлался кротомъ.

О звѣряхъ вообще. [*Ушицкій уѣздъ*]. Волковъ, собакъ, лисицъ, дикихъ козъ, кабановъ, зайцевъ и другихъ чортъ сдѣлалъ изъ глины, и когда все это было готово, пришолъ Богъ „чортову работу побачыть“, а чортъ и ну травить Бога волками и собаками, и нѣсколько разъ кричалъ: „гужа ёго“, но ни волки, ни собаки не трогались съ мѣста; тогда Богъ сказалъ: „а ну, я тебе потравлю!“ и только сказалъ „гужа“— всѣ волки и собаки бросились за чортомъ; тотъ началъ уходить, но не тутъ-то было: только что схватился чортъ за ольховое дерево и началъ взлѣзать, какъ собаки откусили у него пяты, и съ той поры чортъ безъ пятокъ.

Лѣченіе болѣзней у домашнихъ животныхъ.

1. Болѣзни коровъ.

Потеря молока. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Главная причина этой болѣзни, по мнѣнію народа, — вѣдьма. Она можетъ портить коровъ двоякимъ образомъ: днемъ она ходитъ по полю и, сбивая палкою росу съ травы, заговариваетъ молоко; ночью же просто доитъ корову и, пришедши домой, просверливаетъ дыру въ сохѣ, изъ которой въ послѣдствіи, по желанію вѣдьмы, льется молоко выдоенной ею коровы. Для излѣченія коровы, бросаютъ ночью въ колодезь кусокъ хлѣба, а на другой день приходятъ опять къ колодцу и говорятъ: „Добры день тобі, вода Ёрданна, відъ Господа Бога поданна, не пришла я до тебе по воду, ино по грубый сыръ, и густу сметану, и густу маслянку“. Послѣ этого вынимаютъ хлѣбъ и даютъ коровѣ.

Иногда дѣлаютъ еще такъ: беруть лошадиную подкову, накаливаютъ ее до-красна и, бросивъ въ „дийницю“, доятъ сейчасъ же корову. Увѣряютъ, что отъ этого у испортившаго корову явится такая боль въ желудкѣ, что онъ, для прекращенія ея, сейчасъ сознается въ своемъ проступкѣ.

У коровъ еще бываетъ болѣзнь, когда молоко дѣлается краснымъ, густымъ и тягучимъ. Тогда доятъ корову и въ горшокъ съ молокомъ испражняются; послѣ смѣсь кипятятъ.

Желізныця. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Это — опухоль. Она появляется тогда, когда долго непившій скотъ напьется холодной воды. Для излѣченія, нагрѣваютъ „лемішъ“ отъ плуга и теплый прикладываютъ къ опухоли.

Одутье. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Скотъ заболѣваетъ этой болѣзнью, наѣвшись травы „пырія“. Крестьянинъ, замѣтивши эту болѣзнь, прокалываетъ скотинѣ бокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая впадина, и гоняетъ ее по полю, не допуская ложиться.

О лѣченіи рогатаго скота вообще. [*Проскуровскій уѣздъ*]. О какой нибудь болѣзни скотины узнаютъ по тому, что больная не отрыгаетъ жвачку. Незначительныя болѣзни излѣчиваются тѣмъ, что пускаютъ кровь изъ уха и, чтобы она не останавливалась, бьютъ по уху палкой. Въ случаѣ опухолей — натираютъ опухшія мѣста скипидаромъ.

2. Болѣзни лошадей.

Глисты. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Лошади преимущественно болѣютъ „овадною глистою“. Для устраненія глистовъ, даютъ пить цытварное сѣмя.

Чемеръ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Лошадь болѣетъ этой болѣзнью по большей частью въ дорогѣ, отъ плохого корма. Единственнымъ средствомъ служитъ пусканіе крови и перемѣна корма.

Садно. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Садно“ вылѣчиваютъ скипидаромъ съ какимъ нибудь жиромъ и иногда прижиганіемъ.

Парши (накожныя сыпи). [*Проскуровскій уѣздъ*]. Для излѣченія, обмазываютъ животное сажею съ мыльною водой и послѣ обмываютъ теплою.

Вши. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Для уничтоженія, ихъ обливаютъ табачнымъ отваромъ.

Бѣльмо на глазахъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Для излѣченія, мажутъ медомъ съ солью.

Поврежденіе языка. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Иногда у лошадей, вслѣдствіе того, что ихъ кормятъ пшеничною мякиной, являются раны подъ языкомъ. Для уничтоженія, ихъ смазываютъ саломъ съ уксусомъ.

Сапъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Излѣчить эту болѣзнь нѣтъ никакихъ средствъ.

Запоръ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Даютъ распущенную въ водѣ соль и мыло.

Задержаніе мочи. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Жеребцамъ въ мочевой каналъ пускаютъ живую вошь, а кобылицѣ даютъ пить воду съ селитрой.

Выпаденіе заднепроходной кишки. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Посыпаютъ выпавшую кишку порошкомъ „колендры“ съ конопляннымъ масломъ и, обмазавъ руки жиромъ, запихиваютъ кишку обратно.

Птицы.

Курица. [*Ушицкій уѣздъ*]. Куры, какъ говорятъ, произошли изъ земли.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Курица, имѣющая на языкѣ „випоть“, можетъ пѣть точно такъ же, какъ и пѣтухъ. Это служитъ хорошею примѣтой, такъ какъ курица „якъ співа, то одганяє ворогівъ“.

Другіе, впрочемъ, утверждаютъ, что поющая курица предвѣщаетъ смерть одному изъ жильцовъ того дома. Въ такомъ случаѣ берутъ пѣвунью и, переворачивая ее то хвостомъ, то головой впередъ, измѣряютъ разстояніе отъ стола къ порогу и наконецъ отрубаютъ ту часть курицы, которая пришлась къ порогу, т. е. — хвостъ или голову.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. „Якъ півень обійде округъ хати та заспіва, то хтось безпремінно буде въ гості“.

Павлинъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Пава — изъ чорта; это говорятъ потому, что пава наряжала своего мужа, а сама не успѣла нарядиться, какъ запѣли пѣтухи.

[*Литинскій уѣздъ*]. Павлины суть оборотни чертей. Говорятъ, что когда-то, ночью, наканунѣ праздника Благовѣщенія, молодые чортъ и чертовка уговорились нарядить другъ друга во всевозможные цвѣта, какъ можно пышнѣе. Чертовка успѣла сдѣлать задуманное, украсивъ чорта вездѣ, гдѣ только можно было, различными цвѣтами; чортъ же успѣлъ воткнуть въ голову чертовкѣ одинъ только цвѣтокъ, и тутъ запѣли пѣтухи. Они такъ и остались, обратившись въ павлиновъ, такъ какъ, по народному повѣрью, черти имѣютъ силу только до первыхъ пѣтуховъ.

[*Холмская Русь*]. Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, богатый человѣкъ, одѣвшись въ дорогія и красивыя платья, не пошолъ въ церковь по просьбѣ жены, и остался дома; жена его, во время богослуженія, лежала въ постели нисколько не заботясь о нарядѣ. Такая лѣнь наказана была Богомъ превращеніемъ обоихъ супруговъ въ птицъ, называемыхъ павами.

Ластівка (ласточка). [*Ушицкій уѣздъ*]. Ласточки произошли изъ земли.

[*Литинскій уѣздъ*]. Ласточка сотворена Богомъ. Вѣрятъ, что пометъ ласточки очень ядовитъ, такъ что если онъ упадетъ на голову человѣка, то

она немедленно покроется паршами. Утверждаютъ, что ласточки укрываются на зиму въ воду, сцѣпившись лапками одна за другую и образуя такимъ образомъ цѣлую „низанку“ (цѣпь). Это бываетъ 26 сентября.

Съ понятіемъ о ласточкѣ сопряжены многія народныя вѣрованія: такъ, напр., если ласточки улетаютъ изъ какой нибудь мѣстности, то тамъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать мора людей. Свитыя ласточкой гнѣзда въ домѣ предвѣщаютъ счастіе тому семейству, и разрушать ихъ считается грѣхомъ. Увидѣвши попавшуюся первую ласточку, обмываютъ себѣ лице водою для того, чтобы не имѣть веснушекъ на лицѣ. Яицъ ласточки нельзя трогать, въ противномъ случаѣ будутъ веснушки.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Ластівка якъ напаскудыть на голову, то у того будуть парші“.

[*Будаевка*]. „Ластівкы у осены усе чепляются ніжку за ніжку, та у колодезь улітають, та тамъ собі и зімують; а якъ прыйде весна, то воны ожывають, и тоді летять зъ крыныці, та вже тутъ літають ажъ до Воздвиженія“ (14 сентября).

[*Тараща*]. „Ластівкы на зіму не летять у вырій, а мерзнуть у воді. Часомъ, кажуть, вытягнешъ зъ воды цілу низку ластовокъ, посціплюваныхъ лапкамы; ажъ якъ весною пустыть лідъ, и зогріется вода, то воны тогді вылітають зъ воды“.

[*Будаевка*]. „Гріхъ ластовокъ драты, бо то Божа птыця, якъ ії выдрать, то заразъ у того на выду буде ластовыння рабкы“.

[*Тараща*]. „Де ластівкы гнізда роблять у хаті, то то счаслыва хата, и негодыться іхъ зачіпаты; якъ же хто іхъ выдырае, то у того на выду буде ластовыння“.

[*Проскуровскій уѣздъ, Подольская губернія*]. „Якъ хто схоче зігнаты ряботыння зъ лыця, то треба, якъ першій разъ на весну побачышъ ластівку, трычі сказать: ластівко, ластівко! на тобі веснянкы, дай мыні білянкы“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ жыды Хрыста роспыналы, то ластівкы кралы въ іхъ цвяшчы, такъ черезъ те саме іхъ гріхъ драты“.

„Якъ напаскудыть ластівка на очи, то той осліпне“.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. „Якъ ластівка пролетыть по-підъ коровою, то у тиеі корові спортытьця вимъя“.

Воробей. [*Ушицкій уѣздъ*]. Воробьи вышли изъ чертей; они кричали: „живъ, живъ“, когда мучили Христа.

[*Литинскій уѣздъ*]. О происхожденіи воробьевъ разсказываютъ слѣдующее: „Жиды постоянно держали и держатъ козъ. Когда-то они такъ ихъ

любили, что даже пометъ козъ прятали въ свои пуховики. Въ пуховикахъ пометъ этотъ согрѣлся и изъ него образовались воробьи. Жиды подчинены, по народному понятію, дьяволу, а потому и воробьевъ нельзя назвать иначе, какъ только „чортовымъ насінньемъ“. На „Семена“ (въ первый день сентября) воробьи, какъ увѣряютъ, собираются въ камышъ, и тамъ черти мѣряютъ ихъ на мѣрки (четверики); что оказывается выше мѣрки, то чортъ выпускаетъ, остальныхъ же забираетъ себѣ. Воробьи, подобно жидамъ и чертямъ, враждебни намъ, и потому даже во время распятія Спасителя, когда онъ уже висѣлъ на крестѣ, они все еще кричали: „живъ, живъ“. Воробьи, подобно жидамъ и чертямъ, не любятъ сала, и потому совѣтуютъ всякому, желающему отогнать воробьевъ отъ посѣва, при сѣяніи мазать руки освящённымъ саломъ.

[*Южная Россія*]. „Горобъі — прокляті пташкы; іхъ треба выдырать, бо воны казалы: „жывъ“, якъ жыды прыйшлы, да дывылысь: чы вже вмеръ Сусъ Хрыстосъ? Воны бъ не знали, якъ бы не сказавъ горобей, а то якъ сказавъ вінъ: „жывъ, жывъ“, до еденъ жыдъ узявъ, да й проколовъ пікою бока Сусу Хрысту“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ горобці въ купки коло дверей збираются, то це буде погода, а якъ на плотахъ — то дошчъ“.

Заклинаніе отъ воробьевъ.

„Пойты до гробу въ вечеръ, якъ сонце заходыть, щобъ знавъ, кто лежитъ; наберы землі три разы и мовъ: „Воспомынаніе Господа нашего. Господь помочъ и я зъ рукою. До пашні стань одъ первого края и молыся Богу, потімъ скинь сорочку и кинь горобцямъ трохы землі, бігай кругомъ пашні голый два разы и крычи: „Агу, горобець! И я молодець“, и за кожнымъ разомъ кидай потроху тыею землею, що взявъ на гробі. Сорочку жъ тую, що скинувъ, не беры назадъ, а нехай тамъ и остается“.

Сорокопудъ. [*Будаевка*]. „Сорокопуда гріхъ драть, бо вінъ за курамы тягне — кобця бъе“.

„Волове око“. [*Будаевка*]. „Волового очка гріхъ драть, щобъ вілъ не ослівъ“.

Кукушка. [*Ушицкій уѣздъ*]. Кукушка и чайка произошли отъ дѣвушекъ. Эти дѣвушки вздумали попугать Спасителя, но Спаситель сказалъ,

чтобы одна кукала, а другая кишкала „покы світа сонця“, и отъ нихъ-то происходятъ кукушки.

[*Литинскій уѣздъ*]. Кукушка, это — оборотень княжны-дѣвицы, влюбившейся-было въ какого-то господина и за то проклятой своимъ отцемъ. Говорятъ, что княжна, влюбившись въ молодаго человѣка, скрывала отъ отца любовь свою, такъ какъ любимый ею былъ ненавидимъ ея отцемъ. Однажды любовники сидѣли въ какомъ-то мѣстѣ, и княжна, въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ, проговорила къ своему любовнику: „ахъ ты, моя зозулька (кукушка)“. Отецъ княжны услышалъ это и, въ гнѣвѣ на нее, проговорилъ: „будь же ты и сама кукушка“. Княжна тотчасъ же и превратилась въ кукушку.

Говорятъ, что если кто, весною, въ первый разъ услышитъ кукованье кукушки при деньгахъ, — тотъ будетъ цѣлый годъ при деньгахъ. Вѣрятъ также, что услышавшій въ первый разъ, весною, кукушку, будетъ столько лѣтъ жить, сколько разъ прокукуетъ кукушка на его вопросъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Кукушка считается знахаркою. Въ первый разъ услышавъ ея кукованье, спрашиваютъ: „Зозуля, закуй мыні: скільки годъ я буду житы?“ Затѣмъ, считаютъ всякое ея „куку“ за годъ, и если она откликнется только нѣсколько разъ, то вопрошающій остается недоволенъ; продолжительное же ея кукованье для вопрошающаго утѣшительно, какъ знакъ долголѣтней жизни.

[*Проскуровскій и Каневскій уѣзды*]. Когда кукуетъ кукушка, то изо рта у нея выпадаетъ „намысто“, которое она нанизываетъ на вѣточку. Кто только найдетъ это „намысто“, тотъ будетъ очень счастливъ.

„Зозуля якъ первый разъ закує, и у чоловіка єсть въ кышені грошы, то и цілый годъ будуть“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Кукушка замѣчательна тѣмъ, что сама она не летитъ въ теплыя страны, а несетъ ее на себѣ удодъ.

[*Тараща*]. „Якъ хто почує на весні зозулю, маючы въ кышені грошы, то матыме й цілый годъ, и які є въ кышені — такі й будуть: якъ срібны, то срібны, якъ мідні, то мідні“.

„Завъязують на весьні шага у сорочку, щобъ нікуды безъ грошей не ходыть....“

Дятелъ. Дятелъ — изъ земли, а что изъ земли, то отъ самаго Бога.

„Кажуть, якъ бы послухать въ ночі коло дятлового гнізда, то можна почуть, якъ вінъ стогне. То въ ёго голова болыть отъ того, що вінъ цілый день клювавъ“.

Сорока. [*Тараща, Проскуровскій уѣздъ*]. Сорока сотворена чортомъ, она служитъ ему вмѣсто лошади, потому-то убитую сороку вѣшаютъ въ конюшнѣ, чтобы сохранить отъ чорта своихъ лошадей.

„Якъ крычыть сорока на хатi, або пiдъ хатою, то гостi будуть“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Застрѣленную сороку привязываютъ къ потолку въ конюшняхъ, въ увѣренности, „що нечиста сила не буде на коняхъ iздить, а учепиться за сороку“.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. „Якъ сорока скригоче, то або хто лаятиме, або якийсь слухъ буде“.

Чайка. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Чайка — удова жўынка. Якъ умеръ ii чоловiкъ, то вона зробылась чайкою, та лiтала надъ ёго могылою и кигикала“.

Журавль и дикій гусь. [*Ушицкій уѣздъ*]. Журавли и дикіе гуси произошли изъ земли.

[*Луцкій уѣздъ*]. Журавли происходятъ изъ цыганъ, но какимъ образомъ, — неизвѣстно.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ побачышъ, весною, журавлiвъ, то треба казать: „веселыкы“, то цiлый годъ весело тобi буде; а якъ скажешъ: „журавлi“, то будешъ цiлый годъ журицця“.

„Якъ летять дыки гусi, то пiдкыдають у гору трохы соломы и кажуть: „гусi, гусi, нате вамъ на гнiздо“. Потiмъ тую солому збiрають зъ земли, роблять зъ неi гнiздо для квочокъ; то квочка вылупыть тодi стылько курчятъ, на скiлькохъ яйцяхъ була пiдсыпана, — нi одного розбовтка не буде“.

Аистъ (гайстеръ, бусолъ, боцянъ, лелека, чорногузъ). [*Ушицкій уѣздъ*]. Аистъ — изъ слуги Пресвятой Дѣвы. Она дала свою рубаху служанкѣ, чтобы та пошла на море и вымыла, запретивъ ей смотрѣть, но та не послушалась, и когда взглянула, то увидѣла множество гадовъ. Тогда Пресвятая Дѣва сказала: „когда ты такая, то будь черногузомъ и ѣшь этихъ гадовъ“. Съ тѣхъ поръ и по это время, черногузы ходятъ и собираютъ всевозможныхъ гадовъ.

[*Литинскій и Проскуровскій уѣзды*]. Аистъ произошелъ такъ. „Когда Богъ убѣдился, что гадюки, ужи и всѣ ядовитыя насѣкомыя дѣлаютъ много вреда людямъ, то собралъ ихъ всѣхъ въ одинъ мѣшокъ и поручилъ какому-то человѣку бросить въ море, предваряя, чтобы человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не рѣшался взглянуть въ данный ему мѣшокъ. Но человѣкъ тотъ не утерпѣлъ: посмотрѣлъ-таки въ мѣшокъ, и оттуда разбѣжались ужи, гадюки, черви и

расползлись по цѣлому міру. Въ наказаніе за это, Богъ превратилъ этого человѣка въ аиста и велѣлъ ему ходить по цѣлому міру и собирать распущенныхъ гадовъ“. Считаютъ, поэтому, грѣхомъ убивать аиста. Аистъ очень мстительная птица. Говорятъ, что если кто разрушитъ гнѣздо аиста, то таковому не избѣжать несчастія. Аистъ непремѣнно сожжетъ все у того человѣка. Существуетъ также въ народѣ вѣрованіе, что то мѣсто, гдѣ вьетъ себѣ гнѣздо аистъ, — очень хорошее и приноситъ большое счастіе его хозяину.

[*Будаевка*]. „Якъ де есть чорногузъ у селi, то не треба ёго яйця выдыратъ, а то якъ выдерешъ, то вiнъ полытыть, та десь вiзьме головешку, та й запалыть хату. И такъ ёго грiхъ займаты, бо де вiнъ есть, — тамъ нiколы не буде велыка туча зъ бурею“.

[*Тараща*]. „Якъ де зробыть чорногузъ гнiздо на хатi, чi у дворi, то та хата щаслыва. Гнiзда ёго зачiпаты негодыться, бо вiнъ прынесе вiгню и спалыть хату“.

Ястребъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Ястребъ произошолъ изъ пана, которому ворона дала названіе ката (палача). Это было вотъ какъ. Ястребъ положилъ снесенное яйцо подъ ворону, ворона высидѣла ястреба, кормила его и, любуясь, все кричала: „панъ, панъ“. Когда же ворона, полетѣвъ за кормомъ, долго не возвращалась, ястребъ сильно проголодался и, схвативъ прилетѣвшую ворону, сталъ терзать; ворона же вырвалась и закричала: „катъ, катъ“.

[*Литинскій уѣздъ*]. Происхожденіе ястреба неизвѣстно. Ястребу, въ первый день Петрова поста, женщины, собираясь въ корчмы, обѣщаютъ извѣстную десятину цыплятъ; обращаются одна къ другой такъ: „ходiмо на шуляка“. Это дѣлается, по увѣренію народа, для того, чтобы сохранить цыплятъ отъ глазъ ястреба, который, въ противномъ случаѣ, побьетъ и поѣстъ ихъ. Съ этою же цѣлью, всякая женщина, выносящая въ первый разъ на дворъ своихъ цыплятъ, непремѣнно должна завязать свои глаза и, выпуская цыплятъ на землю, говорить: „якъ я не бачу де выпускаю курчята, такъ щобъ не бачывъ iхъ шулякъ“.

Сова. [*Ушицкій уѣздъ*]. Совы и филины — изъ кошекъ, потому что имѣютъ кошачьи головы.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Появленіе вблизи села совы и филина наводитъ унынiе на жителей, такъ-какъ крикъ ихъ признается недобрымъ признакомъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Сова разъ стрiтылась зъ соколомъ: „чыi дiты крашчi?“ Отъ сокiлъ и каже: „зведiмъ до купы и тодi побачымъ“. Звелы. Сова тодi и побачыла, що ii дiты гiрші, а сокiлъ ще й плюнувъ на ныхъ. Отъ сова и каже: „хоть моi й гiрші, та мыні моiхъ шкоднiйшъ, нiжъ твоiхъ,

бо воны моі діты и ты не плюй на ныхъ, а колы тобі такъ хочется плюваты, то плюй на землю".

[*Тараща*]. „Якъ пугачъ крычыть на хаті, то тамъ хтось умре".

[*Борки*]. „Якъ тылько пугачъ сяде на верхъ хаты, та стане пугаты, дакъ у тій семъі непремінно хтось умре, — чыя буде хата.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ пугачъ сыдыть на хаті та й крычыть: „вповивъ, вповивъ", то въ тий хаті дитя родиться; а якъ крычыть: „поховавъ, поховавъ", то хтось умре".

Орелъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Орлы — изъ царей, и потому даже теперь орлы вырѣзаны на царскихъ печатяхъ.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. „Орла не можна бити; а якъ ёго стріляти, то треба спытать тричі: чи нажився на світі? Якъ нажився, то вінъ буде прямо дивиться на тебе, а якъ не нажився, то одвернетьця. Ёго и черви не ідять, вінъ и не завоняетьця ніколи, хочъ держи, поки въ сухаръ зісхне. У гнізді орлячимъ завсігда есть гроші; вінъ безъ грошей ніколи гнізда не робить".

Крукъ (воронъ). [*Проскуровскій уѣздъ*]. Птица эта пользуется уваженіемъ и иногда служитъ вѣщуномъ. Если напр. летитъ надъ водой, то это предвѣщаетъ сильный вѣтеръ. „Крукъ" высиживаетъ птенцовъ не позже марта мѣсяца, пока нѣтъ муравьевъ, такъ какъ мясо молодыхъ „курчатъ" служитъ имъ особымъ лакомствомъ.

Куропатка. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если куропатки осенью выводятся близъ жилыхъ мѣстъ, — это предвѣщаетъ очень холодную зиму.

Голубь. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Желающій размножить у себя эту птицу долженъ уворовать „подволоку" изъ плуга и поставить ее на томъ строеніи, гдѣ желаетъ развести голубей. Это будетъ служить имъ очень хорошей приманкой.

[*Новомосковскій уѣздъ*]. Иногда „подволоку" замѣняютъ палкой, уворованной у „старця" (нищаго).

Посмітюха. „Посмітюха" пользуется въ народѣ особымъ уваженіемъ, но почему, — неизвѣстно.

Соловей. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Утверждаютъ, что у птицы этой нѣтъ задней части, — ее оторвалъ „кліщъ"; опасаясь чтобы „кліщъ"; не утащилъ еще чего-нибудь, соловей не спитъ по ночамъ, а все поетъ: „кумъ-кліщъ".

Гады.

Гадюка (змѣя). [*Литинскій уѣздъ*]. Разсказываютъ, что есть два рода ужей: ужи сѣрые и „гадюки-падалыці" чорныя. Ужей не признаютъ слишкомъ ядовитыми и злыми, гадюкъ-же — напротивъ. Говорятъ, что если гадюка укуситъ человѣка, то всегда бѣжитъ къ водѣ, и если прибѣжитъ къ ней прежде укушеннаго, то для него нѣтъ уже средства спастись отъ смерти. Совѣтуютъ поэтому всякому укушенному гадюкой — непремѣнно стараться какъ можно скорѣе бѣжать къ рѣкѣ или колодцу и погрузить укушенное мѣсто въ воду.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Змѣю признаютъ очень ядовитою.

[*Винницкій уѣздъ*]. По понятію народа, „полозъ" — длинный толстый змѣй — выраждается изъ обыкновенной гадюки, которая проживаетъ въ землѣ и не выходитъ на свѣтъ Божій въ продолженіи тридцати лѣтъ, и притомъ, если въ логовищѣ ничто не потревожитъ выростающаго полоза, который не долженъ слышать ни одного звука. Если эти условія соблюдены, то полозъ готовъ. По выходѣ его изъ земли, никому нѣтъ отъ него пощады: онъ все пожираетъ.

Ужъ. [*Харьковскій, Проскуровскій и Житомирскій уѣзды*]. Гдѣ плодятся ужи, тамъ будетъ счастливое житье — богатство. Корова, которую сосутъ ужи, будетъ хорошая на удой.

[*Будаевка*]. „Якъ побачышъ, що ужъ кусае жабу, то іхъ треба розборонты палычкою, то та палка буде вже тобі во всімъ приносыть прыбыль".

Ящурка (ящерица). [*Каневскій уѣздъ*]. „Одна жінка, въ Шендерівці, ящурку проковтнула. Тамъ ящурка розчынылась. А потімъ якъ уже знахоркы почалы ii лічыть, то вона и вырыгала ящирынятъ и ящурку".

Жаба (лягушка). [*Литинскій уѣздъ*]. „Жаба" сотворена Богомъ. Она очень часто заводитъ драку съ ужемъ; совѣтуютъ не оставлять этого случая безъ вниманія. Всякій, кто только увидитъ жабу, дерущуюся съ ужемъ, долженъ рознять ихъ какой-нибудь палкой и ту палку хранить, какъ предметъ, имѣющій большое вліяніе на градовыя тучи. Вѣрятъ, что если этою палкой перекрестить градовыя тучи, то онѣ разойдутся.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ колысь царъ Давыдъ кіньчавъ псалтырь, та не знавъ, якъ закончаты: и на умі вертытся, та незгадае, бо жабы клекотять и мішають. Давыдъ думавъ, думавъ, а послі и налаявъ, — каже: „а, прокляті жабы! мовчіть, не мішайте". А жабы кажуть: „що ты намъ загадуешъ мовчать?— всякое дыханые да хвалыть Господа!" „А справді, справді", каже тоді Давыдъ, да и закончывъ псалтырь цімы словамы, а жабъ поблагословывъ".

Раверъ. Раверъ — большая лягушка; она живетъ въ колодцахъ и „крыницяхъ“ и имѣетъ какую-то силу.

Черепаха. [*Ушицкій уѣздъ*]. Черепаха произошла изъ самаго хитраго чорта, потому что она знаетъ всякія зелья. Самъ разсказчикъ видѣлъ, какъ однажды мальчики огородили колышками черепашьины яйца и какъ она, приползши, принесла во рту какую-то траву, отъ которой колышки, окружавшіе ея гнѣздо, разлетѣлись въ разныя стороны.

[*Каневскій уѣздъ*]. Черепаха сотворена Богомъ уже послѣ общаго творенія міра. Говорятъ, одна скупая и хитрая дѣвушка, желая сокрыть отъ своего отца приготовленное для него мясо, — спрятала таковое въ глиняную миску и накрыла тарелкою. Въ наказаніе за такую скупость дѣвушки, Богъ превратилъ спрятанное мясо въ черепаху. Поэтому черепаха и теперь покрыта двумя щитами въ родѣ тарелокъ и имѣетъ руки, ноги и голову — на подобіе рукъ, ногъ и головы дѣвушки. Утверждаютъ, что черепаха очень полезна для коровъ, и потому очень часто держатъ черепахъ въ ушатѣ съ помоями, которыя даютъ пить коровамъ. Разсказываютъ также, какъ неоспоримый фактъ, что желающій быть воромъ, долженъ отыскать гнѣздо черепахи, въ которомъ она положила свои яйца, — выслѣдить время, когда она уйдетъ за пищею, и въ то время немедленно огородить ея гнѣздо плетнемъ. Тогда черепаха, найдя огороженнымъ свое гнѣздо, немедленно отыскиваетъ и приноситъ какое-то зелье, отъ котораго плетень разлетается, какъ пухъ отъ вѣтра. Желающій быть воромъ долженъ выжать изъ принесеннаго черепахой зелья сокъ и хотя каплю такового впустить за кожу своей ладони. Отъ прикосновенія этой ладони къ какому бы то ни было замку, онъ немедленно разлетается въ мельчайшіе куски.

„Черепаха знає, де есть розрывъ-трава. Якъ обгородыть ii гніздо, то вона сімъ зіллемъ заразъ розриває. Злодіі, которі хотять мать це зільля, заразъ ii пісьля цёго хапають и выймають пісьля того у неі изъ рота. Черепаху держять въ помыйныці для того, щобъ більше корова молока давала“.

„До єдноі молодыці да прыйшла зъ далека въ гості ii маты. Отъ вона зразу тамъ ii и шанувала, чімъ Богъ давъ, а далі бачыть, що маты довго до дому не йде, — вона й стала жалувать ій істы — скупа така була — усе каже нема нічого, такі бъ то недостаткы, а сама собі ість въ потайці одъ матері. Отъ разъ маты й бачыть, що вона собі курку зварыла та й ість потыхеньку. Стала маты ій докоряты, а вона тоді каже, що то вона не курку, а черепаху зъ недостатківъ варыла. Тоді маты ii и закляла, щобъ вона сама черепахою стала; до такъ вона й досі. И теперъ черепаху часомъ звуть куркою“.

Рыбы.

Щука. [*Харьковскій уѣздъ*]. „Красна щука“ живетъ въ „джерелахъ“ (источникахъ) и въ хорошихъ „крыницяхъ“.

Однобока рыба. [*Дудари, Каневскій уѣздъ*]. „Аже кажуть, що якъ Архангелъ Говрыілъ объявывсь Матері Божій и сказавъ саме въ субботу: „Твій Сынъ воскресне зъ мертвыхъ“; а Маты Божа саме снідала рыбку, такъ мнясо объіла, що зосталысь самы реберця. Перекрыстылась вона та й каже: „Тоді мій Сынъ воскресне, якъ оця рыбка ожыве“, — а рыбка: плюсь... й ожыла.

„То оце не знаю, чы вы бачылы, а я такы самъ, на свої очы, бачывъ у Дністрі ту рыбку: зъ одної стороны зовсімъ такъ якъ жыва, а зъ другої тылько реберця выдно, такъ дочиста, якъ объідены, — такъ бокомъ и выляе по воді“.

Камбала. [*Ушицкій уѣздъ*]. Камбала имѣла прежде видъ обыкновенной рыбы и два глаза; теперешній же плоскій видъ и одинъ глазъ получила оттого, что проклята Божьей Матерью. Говорятъ, Матерь Божія кушала камбалу и когда вонзила вилку ей въ глазъ, то камбала опрокинулась изъ тарелки на землю. Матерь Божія уже не поднимала ее, а прокляла, каковое проклятіе тяготѣетъ надъ ней и теперь. Она и теперь постоянно находится на днѣ моря и никогда не видитъ солнца.

Насѣкомыя.

Саранча. [*Каневскій уѣздъ*]. „Саранча — Боже наказаные“.

[*Холмская Русь*]. Саранча имѣетъ на своихъ крыльяхъ надпись, которая измѣняется: за какія прегрѣшенія людскія посылаетъ ее Богъ, то такого рода и надпись на ея крыльяхъ.

Червякъ. [*Каневскій уѣздъ*]. „Ті, що продають ряжанку, кладуть на дно горшка червяка, щобъ була густа ряжанка“.

Майскій жукъ. Если майскіе жуки появляются въ большомъ количествѣ, то это признакъ хорошаго урожая на просо.

Москаликъ. Насѣкомое это отличается краснымъ тѣломъ, покрытымъ чорными пятнами.

Свірщокъ (цвіркунъ). „Якъ хто хоче, щобъ свірщки въ хаті не водились, то нехай такъ робить: розкошлає волосы, сяде верхомъ на кочергу, постукує єю по хаті, та нехай и двері отворить, та тоді и каже: „Свірщки-молодці, ходіть сюди, кличе васъ місяць на новоженя“. Та й проговорить це разівъ зо три“.

Муравей. Если муравьи устраиваютъ большіе муравейники, — зима будетъ съ сильными морозами.

Паукъ. По тканямъ пауковъ предугадываютъ слѣдующее:

Круглыя сѣти, — будетъ вёдро; сѣти въ углахъ комнаты — тоже.

Драка пауковъ изъ-за сѣтокъ, — признакъ сильнаго холода.

Паукъ, спускающійся на нити на землю, предвѣщаетъ хорошую погоду.

Блоха. Въ то лѣто, въ которое много блохъ, будетъ хорошій урожай гречихи.

Не нужно бить блохъ на Рождество Христово, иначе онѣ будутъ очень кусать лѣтомъ.

Вошь. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если ихъ нѣтъ у человѣка, — это признакъ большаго несчастія.

Тотъ, кто пьетъ сокъ „граба“, имѣетъ ихъ всегда очень много.

Заклинанія, относящіяся къ животнымъ.

Горячого коня поіть. „Ты, коню (такой-то) Ордань-воду святую, святый (такой-то) день проты святого (такого-то) дня, а не въ хамуті“.

Одъ крові у коней. „Ишовъ красный панъ, нісъ воды збанъ, панъ повалився, збанъ розбився, вода розлылася, у сірого коня кровъ унялася. Текло тры рікы підъ калиновый містъ: перва — водяна, друга — молошна, трейтя — крівава; я воду зопъю, а молошну спожыву, а кріваву испыню, изъ сірого коня кровъ изгоню. Летівъ чернъ воронъ изъ за крутоі горы, сівъ у сірого коня на крыжі, зъ крыжа на спыну, а зъ спыны на грыву, зъ грывы до долу“.

Отъ червей. (Говорится не-переводя духа). „Святый Мыколай, угодныкъ Божый! Ходы къ мені на помочъ... кінь рыжый, а въ коні рана, а въ рані десять червъяківъ, одынъ другого ість, другый трейтёго, третій четвертого, четвертый пъятого, пъятый шостого, шостый сёмого, сёмый восьмого, восьмый девьятого, девьятый усіхъ поість“.

Къ кобылѣ. „Тынъ залізны, гора камъяна, моя рука святая, жды, кобыла (такая-то), до поры. Олыдляно, медлянно, фирнопяно, тамъ же калянно, свирно, и свідро, свирса, свирсу, свирку, ити, араво“.

Отъ нападенія звѣря на скотъ. „Господу Богу помолюся и святому Духу и святому Мыколаю, святому Мыхаилу и святій Пречістій, святому Вознесенію, святій Покрові и святому Юрью, и тебе прошу, краснее сонце, и тебе прошу, ясный місяцю, и васъ прошу, зоры-зорыці — Божыі помошныці, и тебе прошу, голочко: одверны злыхъ собакъ одъ мого скота, и тебе прошу царя Давыда и кротості твоеі — стань ты мыні въ помощі“. (Зап. Ал. Шишацкимъ-Илличемъ, въ Черниговск. Губерн. Вѣд. 1858 г., стр. 129).

Молитвы, къ пчеламъ относящіяся.

Сія книга — сочиненіе преподобнаго отца нашего Зосима, наставленіе въ ней о пасикѣ и пчелахъ, а принадлежитъ она крестьянину м. Шендеровки Бонифату Ѳедоровичу Семерику, а переписалъ єі Иванъ Ѳедосіевичъ Коваленковъ, житель Гуты Шендеровской. Во славу Трееднному Богу.

Молитва преподобному отцу нашему Зосиму. Єгда изыскаша роя на роєви, иже полетѣша на гору Елеонскую, тогда запретилъ имъ святый Зосимъ, также и всѣмъ непреятелемъ моимъ, абы мнѣ жадной злости не говорили моимъ помощникамъ, т. е. пчеламъ Божіимъ, и дабы негде не сходили утекомъ, но завше на семъ мѣстѣ зоставались у мене раба Божого N, и всякіе пожитки приносили мнѣ, т. е. частые рои, густые добрые меды, жолтые воски, Господу Богу на офѣру, а менѣ Господарю N на пожитокъ.

Наставленіе А. Єжели маішъ выставлять пчелы весною, выставляй ихъ на теплого Алексѣя, та выкопай посреди пасѣки дернину на четыре углы, такую, яко дно малое, и обойди пасѣку съ тею дерниною трижды и, принесше въ пасѣку тую дернину, приткни у каждаго улея и такъ мовъ: „якъ тая земля не може рушыты зъ грунту свого, такъ бы не моглы рушытысь моі пчелы у мене, раба Божія N, изъ моеі пасѣки Божію помощію и дѣйствіемъ св. Духа и молитвами пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Зосима и всѣхъ святыхъ. Аминь“. Вложи тую дернину де єі выкопалъ и приткны тымъ коренемъ, что кони припынають.

Наставленіе Б. Єгда выпускаешь пчелы, выпускай ихъ сквозь щучу голову изъ улєвъ. Голову же должно пріобрѣсть въ навечеріе Рождества Христова, и глаголы сіе: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, стань мнѣ въ

помощъ со всѣми святыми, якъ тая рыба въ морѣ и въ рѣкахъ буяла, играла, родна и плодна, такъ бы и мои пчелы играли и буяли, родны и плодны были, и якъ тоі щуки всякая рыба боится и утикаетъ отъ нея, такъ бы и отъ моихъ пчелъ чужая пчела боялась и утикала на неі перелетѣ и на єі дорозі дорозѣ; помощію твоєю Господы и молитвами Пресвятыя Богородицы и заступленіемъ честныхъ и небесныхъ силъ, и всѣхъ святыхъ, и преподобнаго отца нашего Зосимы, яко благословенъ єси во вѣки вѣковъ. Аминь".

Наставленіе В. А потомъ возьми покрышку огню и положи херувимскаго ладону и житняго цвѣта, которого первый разъ увидишъ, заготовъ єго и тоєі травы, что на святый вечіръ приготовышъ. Покады по-трохи каждый улій и глаголи сіе: „Владыко Господы Іисусе Христе! Помозы мнѣ грѣшному рабу твоєму N, молитвами Пресвятыя Богородицы, Матери Твоєя и всѣхъ святыхъ и дѣйствіемъ святаго Духа и преподобнаго отца нашего Зосима. Аминь.

Наставленіе Г. „Я васъ, пчелы, выпускаю на бѣлый свѣтъ и на всякій цвѣтъ, который есть вамъ пожиточный, на четыре части свѣта сего, на горахъ, на долынахъ и на всѣхъ странахъ: на востокъ, на западъ, на сѣверъ и на югъ и по потужномъ вѣтру, такъ же и по тихомъ и по тепломъ воздуху на струсовыхъ крильяхъ, на хмілевомъ пору, по густые меды, по частые рои, по жолтые воскы, идите съ радостію на всякіе цвѣты и травы и зелія и возвращайтеся назадъ зъ велыкымъ прибыткомъ, предъ-то я васъ, пчелы мои, Божіи работницы, выпускаю и благословляю не самъ собою, но изволеніемъ Бога Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершенствомъ Святаго Духа и молитвами Пресвятыя Богородицы, силою Честнаго и Животворящаго Креста и заступленіемъ честныхъ и небесныхъ силъ дѣйствіемъ преподобнаго отца нашего Зосима и всѣхъ святыхъ. Аминь".

Наставленіе Д. Єгда на теплого Алексѣя случится зима, пришедше въ погребъ и подрушивъ каждый улей, глаголи сіе: „ну-те вы, пчелы мои, Божіи работницы, готуйтеся: Божій бо пришелъ часъ, идите, не лѣнитеся: дѣлайте густые меды, частые рои, жолтые воскы Господу Богу на хвалу, мыру хрыстыанському и мнѣ господарю вашему на пожитокъ. Я васъ благословлю не самъ, но изволеніемъ Господнимъ, и ты, матко Фарынко, и дѣтки-гнѣткы пойдите на зачатіе воску и отглядайтеся соколовыма очима вовчими, щучима отъѣдайтеся зубамы, дабы были славны и сильны по трыдевьятоі землі Божіей помощію и дѣйствіемъ святаго Духа и святаго Зосима, и всѣхъ святыхъ. Аминь".

Наставленіе Е. На Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы достань просфору всенощную и взявши обойды съ тою просфорою кругомъ пасѣки и сховай, и перваго дня кажного мѣсяца понатерай тою просфорою у новыхъ уліевъ снозы, очкы и бокы кругомъ, также и въ серединѣ, и глаголи сіе: „Господи Боже, Творче небеси и земли, видимыя и невидимыя твари, послалъ єси Архангела

Гавріила благовѣстити Дѣвѣ Маріи зачатіе отъ Святаго Духа, исполнися небо и земля славы Твоея; повели, Господи Боже нашъ, и пчеламъ моимъ, отъ Тебя даннымъ, зачати имъ густые меды, частые рои, жолтые воски на хвалу имени Твоєму, да будетъ имъ, Господи, Твоя милость отъ росы небесныя, отъ влаги небесныя, отъ влаги земныя и отъ цвѣту, молитвами Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Зосима и всѣхъ святыхъ. Аминь".

Наставленіе Ж. Держи оную просфору до будущаго года, а на будущій годъ приготовь другую, а прошлогоднюю раздроби и свары зъ сытою, и по выходѣ четырехъ дней, якъ выставышъ пчелы, и загодуй іхъ, натовчы раковыння зъ мохомъ гробовымъ, то оны заразъ посылокъ возьмуть отъ того; на сыту же воду брать за водою.

З. Отъ уроковъ. Также на Воскресеніе Христово, єжели медъ маішъ істы, то изъ того меду вари сыту, въ которую вложи часть лѣторослыхъ палычокъ отъ грабыны-дерева, въ новомъ горщатѣ, зъ непочатой воды, и чтобы сладко было, также изъ ясыны лѣторослыхъ прутиковъ тридевять спалить у попелъ, смѣшать съ глиною и замазуй очки. Оно полезно пчеламъ.

Наставлніе И. На веснѣ убей дикаго голубя и положи въ муравью, дабы мясо отгныло; кости же съ него возьми и повдовбуй въ кажлый улей по троху; перья же съ того голубя схорони, паче чаянія вкинется телецъ, то вышеписанными перьями подкурыть каждый улей.

Наставленіе І. Каждаго мѣсяца, перваго воскресенія, въ тоє время, якъ служба Божа отправляется, должно покропить всі бжолы. Также єжели замѣтилъ, что не уподобаютъ бжолы уліевъ, и постережешъ, что они хотять учинить побѣгъ, достань кленоваго или липоваго листу, что было въ церквѣ на Сошествіе Святаго Духа, такъ ровно и васыльківъ, и всякаго зелья изъ церкви, и єжели бы че уподобали уліевъ рои, то тымъ зільемъ понатерай уліе тѣ и свое тѣло, дабы тебя не укусили.

Наставленіе К. А если кто наплетъ на твою пчелу свою, то ты возьми осиновый колъ, отмѣрь на одну сажень и три пяди, и верти съ толщого конца дырку, пока можешь достать свердломъ, а тоньшій край затесать и убый за старшими пчелами; насланныхъ же пчелъ возми тридевять и уложи въ ту дірку, что єсі вертѣлъ, нарви за старшими пчелами травы, заткни дірку. Єжели же прійдетъ той хазяинъ и начнетъ просить, то ты два-девять пусты, а третій удержи, або чужая пчела до того, коли вся привратить, два девять пускаши глаголы сіе: „Летите себѣ, гдѣ були, а вже больше не бувайте. А якъ выйде первый рій, за старшими пчелами поставь его".

Л. Отъ недуга пчелъ. Возми малиновую ягоду и смѣшай съ медомъ и закопай підъ порогомъ у пасиці, а єжели на весни выставышъ пчелы, въ то время выкопай и тыми ягодами понамазуй очки, а послідній отдай істы имъ.

Наставленіе М. Въ навечеріе Рождества Христова достань рыбу щуку съ икрою и отрѣжъ голову, и икру выберы, и сховай; также достань окуня или плитку, икру выберы и сховай совмѣстно и зъ щучею головою и икрою; какже будешъ загодовывать бжолы, розотры ту икру съ перцемъ, съ медомъ, съ саломъ барсуковымъ, чебрецемъ полевымъ. Трохы артосу и херувимского ладону и глаголи сіе: „Якъ тая рыба въ морѣ и въ рѣкахъ плодна была, такъ и вы, пчелы мои, Божіи работныці, были плодны, не сами собою, а Божію помощію и молитвами Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, и преблагословеннаго отца нашего Зосима. Аминь“. Того жъ самаго вечера урѣжъ съ-споду вощинъ съ медомъ или онаго меду изготовъ, только бы съ вощинами, и розсыты такъ, якъ бы въ продажу, и завдай дрожжами въ горшку и закопай на покутѣ подъ лавою. Ежели же домашніе будутъ садится къ вечери, въ то время глаголи сіе: „якъ сего святого вечера родъ христіанскій собирается и садится съ радостію вечерять, богатый и убогый, старый и малый, и бываютъ сыты и полны, такъ бы и мои пчелы насыщены были Божією помощію и молитвами Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Зосима, и всѣхъ святыхъ. Аминь“.

Какъ же медъ тотъ устоится, уложи вощинъ, что урѣзалъ еси на святый вечеръ, и даждь своимъ домашнимъ каждому напиться, а остатокъ закопай у землѣ, ажъ до Вознесенія Господня. На Вознесеніе же Господне выкопай тотъ горшокъ и окропляй улей, дабы пчелы водились и роились.

Наставленіе Н. Въ навечеріе Богоявленія Господня какъ можно успѣвай, дабы могль еси набрать впредъ святой воды; беручи, глаголы сіе: „якъ сего святого вечора люды тыснутся и радуются до сей святой воды, такъ бы тыснулысь и радовалысь мои пчелы, носячи густые меды, жолтые воски, и якъ чоловікъ не обыйдется безъ этой воды, такъ бы и мои пчелы не могли обойтись безъ моей пасѣки, на вѣчные вѣки жилище у меня раба Божія N, Божіей помощію и молитвами Пресвятыя Богородицы и преблагословеннаго отца нашего Зосима и всѣхъ святыхъ. Аминь“. И заразъ, послѣ службы Божои, покропы пасѣку и пчелы, воду же оную нужно держать до слѣдующаго года и покропляютъ каждаго мѣсяца до Воскресенія Христова.

Наставленіе О. Егда ослабѣютъ пчелы, что даже не могутъ въ поле итти, возьми мурашекъ и сыщи очеретину, спали пепелъ съ черепахъ и съ муравьевъ, свари въ ситѣ, которою ситою покропи во уліяхъ и глаголи сіе: „я васъ, пчелы мои, покроплаю, Божіи работныці, дабы укрѣплены были, укрѣплены Божіими силами и помощію Пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца нашего Зосима, и всѣхъ святыхъ. Аминь“.

Наставленіе П. Пойди въ поле и сыщи гдѣ камень; принеси до пасѣки и глаголи сіе: „Якъ сего камня нихто не можетъ вкусити, такъ бы и моихъ

пчелъ злый чоловікъ или злая жена, или чужая пчела не могла ничего злаго учинить, силою Божіею и дѣйствіемъ Святаго Духа, и преблагословеннаго отца нашего Зосима, и всѣхъ святыхъ. Аминь“. Вкопай тотъ камень посреди пасѣки и глаголи сіе: „Якъ сей камень не можетъ въ чужую землю изъ сеі земли, такъ бы не моглы и пчелы мои отходыты утекомъ изъ моей пасѣки, отъ мене, раба Божія Н. Я васъ запрещаю силою Божіею и дѣйствіемъ Святаго Духа, и преподобнаго отца нашего Зосима и всѣхъ святыхъ. Аминь“.

Наставленіе Р. Егда намѣреваешъ отобрать мѣсто на пасѣку, не пропускай тѣхъ дней, въ которыхъ мѣсяцы прибуваютъ дни; въ той день назначи мѣсто святаго креста въ кругѣ ⊕ и возьми горшокъ, пойды за текущею водою и надлежащимъ порядкомъ набери, только бери воду за водою, а принесши той воды, отмѣрь тридевять ложокъ и поставъ на означенномъ тобою мѣстѣ и покрый чѣмъ случится, и огради крестомъ святымъ, на которомъ мѣстѣ переночуетъ. На другой день тую воду тою же самою ложкою перемѣрь; если же не прибудетъ воды и малаго количества, не станови на томъ мѣстѣ пчелъ, ибо то мѣсто злое.

Конецъ, и Богу слава.

Заклинанія, относящіяся къ пчеламъ.

I. Возьми огню на покрышку и вложи туды ладану, и покады каждый улій зъ бжолами, и мовъ такъ: „Господе! станься на помічъ рабу Божому и всі святыі небесныі сили, Анголі, Архангголі, Херувыми и Серафими; я васъ пускаю на біли цвіты, на всяки цвіты, на чотырі части світа цёго: на східъ, на західъ, на полудень, на полуночъ, по всёму світу, по густі меды, по часты роі, Господу Богу на хвалу, господареві вашому на пожитокъ; я васъ сёгодня, бжолы, выпускаю и благословляю именемъ Господнімъ, не самъ собою, но со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ и Пречистою Богородыцею и со всімы святымы, идіть зъ радостію и навертайтеся скоростію.

II. Возмы купень хліба свяченого и вложи ліду купень; беручи, мовъ такъ: „Якъ замерзаютъ ріки, болота и всяка вода, — такъ бы ся стыналось плодъ и діло мене раба Божого N. И тому чоловіку, чи жінці, котры бы хотілы злую мысль чиныты на мою пасіку, нехай ёму замерзне серце лукаве, и мысль, и языкъ“. Після, лідъ роспусты, и коли будешъ пчолы загодовуваты, то и тую воду пусты въ сыту.

III. На першую неділю нового місяця піды на воду текучую, нахылыся надъ водою и мовъ такъ: „Якъ тоеі воды ніхто не може обернуты на свій обычай, такъ щобъ моі бжолы жадный уречи не могъ“.

IV. Кажи такъ: „Господи! Яко же послалъ єсі бжольнаго роя въ пащу льва, исхитілъ єси, Господі, Самсона отрока твойго, и яко же послалъ єсі росу и воду зъ каменя угоднику твоєму Мойсею, и якоже послалъ єсі росу отроку твоєму Самсону, страждущему отъ кості сухія, и насытілъ єсі Самсона, такожде пошлі Господі влагу земную и росу небесную и насыті Господі бжолы моі своєю сылою, и всі святыі“.

V. Якъ побачишъ першій росквітъ на житі. Наберы того жита и цвіту и мовъ такъ: „Яко тоє жито наповнюється отъ влаги земной и отъ росы небесной, и якъ той квітъ добровольно отпадае отъ своєі нывы, при своєму корыні, такъ бы отъ моіхъ бжолъ во время своє вольно роі одходылы и сідалы въ моій пасіці, раба Божого N, при своєму корені сідалы, у своіхъ ульяхъ и зъ новыми матками и зо всімы пожитками“.

VI. Щобъ матка не втікала. Найды прыколень, що коня прыпынають, и выймы ёго изъ землі и мовъ такъ: „Якъ тоє быдло було прыпьяте, не могло пійты відъ того міста нігде, такъ бы моі матки не могли выйты изъ пасіки, відъ мене, раба Божого“.

VII. На Воскресеніе Хрыстово. Ставши у церкві, пыльнуй, щобъ напередъ взяты дары, и мовъ такъ: „Якъ до священныка люде тыснутся и радуются, до тоі дары идучи, такъ бы ся моі пчолы тыснулыся и радовалыся, матки и роєві, до моєі пасіки, идучи до мене, раба Божого N“. Возьмы тую дару и принесы до пасіки и потырай нею усі ульи на само Воскресеніе, съ мыромъ, и паски трохы украй и до тыєі дары прыліпы.

VIII. На Благовіщенье. Доставши проскурки, прынесы до своєі пасіки и першого дня вытерай нею улькі, въ которыхъ есть бжолы, и мовъ такъ: „Господы, Творче земли и всіхъ тварей, выдимыхъ и невыдимыхъ. Яко послалъ єси Архангела своєго Гавриила благовістыты Діві Марії зачатіе въ чреві Господа нашего Іисуса Христа, и полныі суть небеса и земля славы ёго. Господы! пошли пчоламъ моімъ зачаты густыі меды, жовтыі воски, частыі роі, Господу Богу на хвалу, а мыні, господареві вашому, на пожитокъ, манну отъ росы небесноі и отъ влагы земныя и отъ всіхъ зілій цвітущихъ и деревъ по землі“. Держи тую проскурку у пасіці, а колы будешъ загодовуваты пчолы, альбо пускаты, — учины имъ оцту съ перцемъ и барсуковымъ саломъ и ледовой солі трохи вкинь, то вары и добре шшумуй, и тоді довай пчоламъ“.

IX. Обыйды пасіку тры разы и глаголи сіе: „Якъ кожный зъ Божого дому радуется и веселится по благословеніи, ерейскомъ, возьме кожный свою паску, и біжять всі хрыстыяне по домамъ своімъ, — такъ бы моі бжолы радовалися и веселилися и умножалися у моіхъ бжолъ роі“. Возьмы древо у церковъ підъ пахвы и обыйды прудко тры разы и мовъ такъ: „Господы Іисусе Хрысте

Боже нашъ, яко же отъ землі всякоє древо множается и коренытся, такъ бы моі бжолы у моіи пасіці родылися и умножалися“.

X. Вары пшеныцю, та уріжъ меду у старихъ пчолъ, перемішай цее и закопай посередъ пасіки и мовъ: „Такъ якъ пшеныця и той медъ не може выйты съ тоєі землі, такъ бы и моі пчолы не моглы утікты зъ моєі пасіки, відъ мене, раба Божого N“.

XI. Доставши рыбу щуку, або яку другу, принесы до дому, росплатай, одріжъ голову, засуши и сховай, и якъ будешъ загодовувать пчолы, то зотры тую икру и змішай зъ медомъ, съ перцемъ и барсуковымъ саломъ и говоры такъ: „Якъ тая рыба въ морі и въ рікахъ плодная и родная, и роскошная була, и веселилася, не сама собою, но Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, и Пресвятою Богородицею, такъ бы и моі пчолы свірки и вірки плодні и родні булы. Помощію Божою и всіми небесными сыламы и дѣйствомъ Святого Зосима“.

XII. Обнесы пасіку прыколнемъ три разы и мовъ такъ: „Якъ ся обращають сонце, місяць и звізды повеленіемъ твоімъ Господнімъ, якъ ся навернувъ голубъ до ковчега, такъ бы ся моі пчолы навернулыся и радовалися до моєі пасіки идучи, до мене, раба Божого N“. Внесы той прыколень и добре сховай у пасіці.

XIII. Якъ ховаты пчолы. Третёго дня по Покровихъ, затыкаты ульи вовною, а оттыкать на средопустну неділю у середу, а колы буде холодно, то тілько порушъ ульи назадъ; а на Олексія-чоловіка Божого, — постукай добре и пробуй коломъ по середыні пасіки и вложи тую вовну, и мовъ такъ: „Якъ тая вовна не може выйты изъ моєі пасіки и съ тоєі землі, такъ моі пчолы не моглыбъ выйты зъ моєі пасіки, відъ мене, раба Божого; не сами собою, но помощію Божією и Святого Зосыма“.

ЦАРСТВО РАСТЕНІЙ.

Разныя деревья.

Сосна. [*Холмская Русь*]. Постоянную зелень сосны объясняютъ особеннымъ благословеніемъ Божіимъ, почившимъ на ней съ того времени, какъ древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестномъ страданіи Христа Спасителя.

Осина. [*Ушицкій уѣздъ*]. Осина или „осика“ — это нечистое дерево: имъ прибиваютъ упырей, которые имѣютъ сношеніе со всѣми чертями.

[*Литинскій уѣздъ*]. Осина сотворена Богомъ. Ей приписываютъ большое вліяніе на чертей, вѣдьмъ и проч. Ходящимъ мертвецамъ, вѣдьмамъ и проч. при погребеніи непремѣнно слѣдуетъ вколачивать въ гробъ осиновый колъ. Это средство удерживаетъ тѣхъ мертвецовъ отъ хожденія.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Осина признается деревомъ заклятымъ, потому что на ней всегда трясутся листья. Колъ изъ осины вбиваютъ въ могилу тому, кого считаютъ ходящимъ по смерти; на постройку она употребляется при недостаткѣ деревъ другихъ породъ.

[*Холмская Русь*]. Осина потому шелеститъ листьями, что когда Іосифъ и Пресвятая Дѣва Марія уходили въ Египетъ, то, при приближеніи воиновъ, они скрывались подъ осину. Въ то время всѣ деревья замолкли, одна только осина не перестала шелестѣть листьями.

[*Будаевка*]. „Гріхъ осыковою палкою быты и скотыну, и людей, бо заразъ скрутытся“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Осыка проклята, бо на осыці повісывсь Юда; чырезъ тее вона и трясетця, хочъ и вітру немае“.

Ива. [*Ушицкій уѣздъ*]. Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣлаемы были гвозди, которыми сколачивали крестъ, для пропятія Спасителя. За то ее точатъ черви.

Липа. [*Литинскій уѣздъ*]. Липа сотворена Богомъ и считается деревомъ благодѣтельнымъ для мужчинъ. Липа отвращаетъ проклятія, произносимыя женами мужьямъ, принимая таковыя на себя. Поэтому-то на липѣ бываетъ больше всего наростовъ, которые не что иное, какъ женскія проклятія.

Дубъ. [*Каневскій уѣздъ*]. „Дубъ минявсь зъ березою корою, да вона не схотіла, каже: мене кора на світі тылькы и держыть“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если на дубѣ жолуди обильны, — предстоитъ хорошій урожай, и на-оборотъ.

Береза. [*Каневскій уѣздъ*]. „Юда хотівъ перше повісытьця на березі, а вона злякалась та й побіліла, чырезъ тее вона й теперъ біла“.

„**Суха верба**“. [*Винницкій уѣздъ*]. Повѣрье гласитъ, что въ сухой вербѣ сидитъ чортъ. Объ этомъ говоритъ и пословица: „влюбывся, якъ чортъ въ суху вербу“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если листья ея осенью долго не опадаютъ,— это признакъ холодной зимы.

„**Усохле дерево**“. [*Будаевка*]. „Котре дерево усохле, то неможна ёго ложыты, шобъ садъ не всыхавъ, а треба на тынъ стромляты“.

Бузина. [*Литинскій уѣздъ*]. Бузина — дьявольское произведеніе: ее насадилъ чортъ и теперь постоянно сидитъ подъ нею, поэтому ее никогда не выкапываютъ съ корнемъ, чтобы не раздражить дьявола, а оставляютъ расти, въ какомъ бы мѣстѣ она ни была.

Бузину называютъ чортовымъ, проклятымъ деревомъ, потому что на ней повѣсился предатель Спасителя, Іуда. Бузины не слѣдуетъ ни рубить, ни выкапывать, чтобы не навлечь на себя несчастія.

[*Холмская Русь*]. Бузину нельзя выкапывать, потому что тотъ человѣкъ, который ее выкопаетъ, будетъ постоянно имѣть какую нибудь болѣзнь.

[*Каневскій уѣздъ*]. „На бузыні першъ не було ягодъ, да якъ повісылы на ій святу Варвару Великомученыцю, да й скреблы залізными скрібачкамы, до після того на бузыні сталы родыть ягоды“.

[*Винницкій и Проскуровскій уѣзды*]. Бузина считается кустарникомъ нечистымъ; въ особенности нельзя уничтожать корней ея: сведетъ руки и ноги смѣльчаку, сдѣлавшему это. Равнымъ образомъ, нельзя ничего строить на томъ мѣстѣ, гдѣ есть старый корчъ бузины: мѣсто это — обиталище чорта.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Бузина, верба, дубъ, липа, береза, яворъ — изъ земли.

Разныя растенія.

Папоротникъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Съ понятіемъ о папоротникѣ соединяется очень много суевѣрій; человѣкъ, пріобрѣвшій цвѣтъ папоротника и сохраняющій его при себѣ, получаетъ даръ прозорливости. Папоротникъ цвѣтетъ только одинъ мигъ, въ ночь наканунѣ дня Ивана Купалы, и потому воспользоваться этимъ цвѣткомъ очень трудно; тѣмъ болѣе, что расцвѣтающій папоротникъ всегда охраняется отъ людей чертями. Желающій достать цвѣтокъ папоротника долженъ преодолѣть прежде самого чорта.

Къ замѣченному предварительно кусту папоротника смѣльчакъ отправляется наканунѣ Ивана Купалы вечеромъ. Разостлавъ около растенія освященную скатерть, употребляемую обыкновенно въ свѣтлые праздники, онъ чертитъ освященнымъ ножемъ кругъ около себя и папоротника, окропляетъ послѣдній освященною водой и затѣмъ начинаетъ молиться. Послѣ девяти часовъ, чортъ пробуетъ всевозможныя средства, чтобы перепугать смѣльчака:

стрѣляетъ въ него, бросаетъ камнями, деревьями, наѣзжаетъ и проч. Совѣтуютъ берегущему цвѣтъ папоротника не бояться угрозъ чорта и не оглядываться, потому что чортъ имѣетъ силу только до круга, начерченнаго священнымъ ножемъ. Въ двѣнадцать часовъ папоротникъ будто бы расцвѣтаетъ и цвѣтокъ моментально слетаетъ на разостланную скатерть, которую слѣдуетъ сейчасъ свернуть и спрятать за пазуху.

При расцвѣтаніи папоротника кустъ его освѣщается какимъ-то особенно необыкновеннымъ свѣтомъ. Цвѣтокъ папоротника стараются сберегать за кожею ладони.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Вѣрятъ, что папоротникъ, въ ночь на Ивановъ день, цвѣтетъ. Если достать цвѣтъ папоротника, то, нося его при себѣ, можно быть всевѣдущимъ. Чортъ постоянно препятствуетъ людямъ сорвать этотъ цвѣтокъ — то страхомъ, то угрозами, то обманомъ. „Одинъ крестьянинъ потерялъ воловъ и когда отправился розыскивать ихъ въ лѣсу, къ нему въ лапоть упалъ цвѣтокъ папоротника. Съ этимъ цвѣткомъ крестьянинъ не только узналъ, гдѣ волы его, но узналъ даже, въ которомъ мѣстѣ зарыты разныя сокровища. Между тѣмъ какъ крестьянинъ, идя по лѣсу, разсуждалъ о пріобрѣтеніи извѣстныхъ ему богатствъ, подошелъ къ нему какой-то господинъ, роскошно одѣтый, и предложилъ свои сапоги въ замѣнъ лаптей. Крестьянинъ согласился, взялъ и надѣлъ сапоги, а господинъ, получивши лапти, исчезъ. Какъ только крестьянинъ лишился лаптей, то вмѣстѣ съ ними лишился и всевѣдѣнія, и сдѣлался еще глупѣе, чѣмъ былъ“.

[*Луцкій уѣздъ*]. О папоротникѣ говорятъ, что онъ цвѣтетъ въ ночь на Ивана Купалу и что если кто достанетъ его цвѣтокъ, то будетъ знать все настоящее и будущее. „Человѣкъ, наканунѣ Ивана Купалы пасшій въ лѣсу скотъ, потерялъ его и затѣмъ началъ его искать. Въ лапоть ему упалъ цвѣтокъ папоротника. Онъ сейчасъ же узналъ, гдѣ его скотъ и, пригнавши его домой, говоритъ своей женѣ:

— Давай заступъ, пойду откапывать деньги.

— Возьми же другія портянки, говоритъ жена: потому-что эти мокрыя.

„Онъ началъ переодѣваться, цвѣтокъ папоротника выпалъ, и онъ въ ту же минуту забылъ о кладѣ“.

[*Винницкій уѣздъ*]. О папоротникѣ существуетъ такое повѣрье, что это растеніе цвѣтетъ въ полночь предъ Ивановымъ днемъ. Свойство его цвѣта состоитъ въ томъ, что обладающимъ имъ онъ сообщаетъ даръ всевѣдѣнія; потому-то черти, для поддержанія своего достоинства, берегутъ тотъ моментъ, когда зацвѣтетъ папоротникъ. Человѣкъ ни за что не достанетъ этого цвѣтка. Были смѣльчаки, но, при всѣхъ усиліяхъ своихъ, не выдержали наводимыхъ на нихъ чертями ужасовъ; черти лѣзли на подстерегавшихъ цвѣтъ и ужами,

и звѣрями, оглушали ихъ свистомъ и ревомъ и, при неподатливости ихъ, швыряли въ нихъ даже каменьями, чего конечно нельзя было выдержать. Но разъ, случайно, цвѣтъ папоротника упалъ на „ходакъ“ (лапоть) наймиту, отыскивавшему воловъ, и вдругъ онъ получаетъ даръ всевѣдѣнія: онъ знаетъ, гдѣ его волы, знаетъ, что съ нимъ будетъ завтра и проч. И надо же было ему сбросить замокшіе лапти! Тутъ-то онъ и потерялъ цвѣтъ папоротника, а съ нимъ и всевѣдѣніе.

[*Сосницкій уѣздъ*]. Папоротникъ — любимое зѣлье вѣдьмъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Цвѣтъ папоротника можно достать только слѣдующимъ образомъ:

Наканунѣ Иванова дня нужно идти въ лѣсъ, взявши съ собою ножъ, освященный 12 разъ, и скатерть такую же, разостлать эту скатерть и священнымъ ножемъ очертить кругъ около себя и папоротника. Какъ только цвѣтъ расцвѣтетъ, его нужно сорвать какъ можно скорѣе и, сдѣлавши разрѣзъ въ кожѣ лѣвой руки, спрятать цвѣтокъ туда, и затѣмъ бѣжать, не оглядываясь и не останавливаясь, не смотря ни на какіе ужасы.

Камышъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Камышъ принадлежитъ чертямъ, гдѣ они всегда проживаютъ. Черти завладѣли камышемъ во время земной жизни Спасителя. „Однажды, чортъ, встрѣтивши Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ, и между тѣмъ не имѣетъ ничего собственнаго. Спаситель исполнилъ его просьбу, сказавъ: „пусть будетъ и такъ, пусть отнынѣ овесъ и гречиха принадлежатъ тебѣ“. Чортъ такъ обрадовался этимъ подаркамъ, что забылъ даже поблагодарить Спасителя и побѣжалъ отъ него, подпрыгивая. Въ это время попался ему на дорогѣ волкъ, который, замѣтивъ необыкновенную радость чорта, закричалъ ему:

— А ты чего такъ скачешъ?

„Чортъ такъ испугался этого внезапнаго появленія волка, что даже позабылъ о полученномъ подаркѣ и второпяхъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить: Богъ подарилъ мнѣ гречиху и овесъ, сказалъ: „бо мыні Богъ давъ очеретъ и осетъ“. Утверждаютъ, что чортъ до сего времени не припомнитъ еще что подарилъ ему Спаситель, и потому черти, по первому отзыву чорта, владѣютъ только „осетомъ“ и „очеретомъ“ (камышемъ).

Ястеръ. [*Литинскій уѣздъ*]. „Ястеръ“ очень полезенъ въ дѣтской болѣзни — сухоткѣ. Больныхъ дѣтей обыкновенно купаютъ въ отварѣ этого растенія. Но чтобы „ястеръ“ имѣлъ цѣлительное свойство, совѣтуютъ тѣмъ, которые его ломаютъ, оставлять возлѣ куста кусокъ хлѣба и копѣйку, утвер-

ждая, что въ противномъ случаѣ „ястеръ“ очень вредно подѣйствуетъ на то лицо, которое его ломаетъ: „ёму выдыйме або руку, або ногу“.

Терлычъ и тоя. [*Грубешовскій уѣздъ*]. „Терлыча и тоі“ боятся черти. Это подтверждается слѣдующей легендой: „Въ одну дѣвушку былъ влюбленъ чортъ. Онъ ходилъ къ ней очень долго и наконецъ порѣшилъ взять ее къ себѣ совершенно. Чортъ былъ въ образѣ человѣка. Мать, приготовляя свою дочь къ отъѣзду, убрала ее голову цвѣтами терлыча и тои; когда же пришелъ чортъ, то не могъ приступить къ дѣвушкѣ и началъ просить ее сбросить съ себя цвѣты. Дѣвица, не понимая, чего отъ нея требуютъ, начала сбрасывать съ себя всѣ свои вещи и такимъ образомъ дотянула, пока запѣли пѣтухи; тогда чортъ сказалъ: „Кедыбъ не терлычъ, да не тоя, була бъ дівчына моя“. И въ одинъ мигъ исчезъ“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Терлыча и тои боятся черти, а потому эти растенія освящаютъ въ церкви и кладутъ въ колыбели маленькихъ дѣтей.

Отваромъ терлыча умываются дѣвушки, чтобы выйти скорѣе замужъ. Сколько дѣвушка весной отыщетъ кустовъ терлыча, столько будетъ имѣть жениховъ.

Тоя. [*Литинскій уѣздъ*]. Тоя сотворена Богомъ и предохраняетъ людей отъ чорта. Существуетъ такая легенда: „однажды, въ день Ивана Купалы, дѣвки, собравшись по обыкновенію на улицѣ, начали свои игры. Въ это время пролетѣвшій надъ ними чортъ закричалъ: „гоя, гоя, всяка дівка моя“; въ числѣ этихъ дѣвушекъ дѣйствительно была одна, которая украсила свою голову цвѣтами „тоі“. Въ другой разъ, таже самая дѣвушка и въ томъ же головномъ уборѣ вышла на прогулку въ лѣсъ. Тамъ встрѣтился съ нею чортъ въ образѣ молодаго и очень красиваго парня и завелъ съ нею любовный разговоръ, приговаривая безпрестанно: „скынь, дівко, тою, будешъ моею“. Въ порывѣ сердечныхъ чувствъ, дѣвушка исполнила домогательство мнимаго парня, и ею сейчасъ же овладѣлъ чортъ.

Чортополохъ. [*Холмская Русь*]. „Чортополохъ“ употребляется какъ средство отъ испуга.

Коровякъ. [*Винницкій уѣздъ*]. До восхода солнца нужно пригнуть коровякъ до земли и прикрыть камешкомъ, употребляемымъ при варкѣ бѣлья; отъ такого прикрытія коровяка черви, находящіеся на скотинѣ, выпадутъ сами собою.

Осетъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Сорныя травы, а особенно осетъ, сѣетъ чортъ. „Онъ однажды просилъ Бога, чтобы далъ ему какую нибудь пашню. Богъ отвѣчалъ: — Что же я тебѣ дамъ? ржи, пшеницы, гречихи, ячменя, проса, гороху я не могу тебѣ дать, развѣ дамъ тебѣ овесъ“. Дьяволъ съ радостію побѣжалъ отъ Бога, все крича: „овесъ, овесъ“. Святые Петръ и Павелъ пожалѣли овса и сказали Богу:

— Господи! на что ты отдалъ этому „луцыперу“ овесъ? вѣдь онъ нуженъ скоту, который работаетъ человѣку.

— Чтожъ дѣлать, сказалъ Богъ, когда я уже подарилъ ему.

— Я, Господи, пойду и отберу, сказалъ Павелъ.

— Какъ же ты отберешь?

— Я уже употреблю такую штуку, что отберу.

— Ну, такъ иди.

„Павелъ перегналъ чорта и сѣлъ подъ мостомъ. Вотъ бѣжитъ чортъ и все кричитъ: „овесъ, овесъ, овесъ!“ Вдругъ Павелъ изъ-подъ моста: „ага-го!“ Чортъ и сталъ.

— Бодай же тебе, сказалъ чортъ Павлу, — подарилъ мнѣ Богъ какую-то траву или пашню, но изъ-за тебя я и забылъ какую.

— Можетъ быть, жито?

— Нѣтъ.

— Пшеницу?

— Нѣтъ.

„Что не спрашивалъ, все нѣтъ и нѣтъ.....

— Можетъ быть осетъ?

— Эге, эге! сказалъ съ радостію чортъ и побѣжалъ вихремъ, все крича: „осетъ, осетъ, осетъ!“

„Вотъ такимъ образомъ онъ и сѣетъ теперь осетъ, а овесъ остался въ пользу человѣка и животныхъ“.

„Макъ-выдюкъ“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Макъ-выдюкъ“ употребляется какъ предохраняющее средство отъ власти ходящихъ мертвецовъ. Макъ этотъ всегда святятъ и сѣменами его обсыпаютъ домъ, куда ходятъ мертвецы и вѣдьмы.

Любистокъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Въ любисткѣ купаютъ дѣвочекъ, чтобы ихъ впослѣдствіи любили мужчины („парубки“).

[*Луцкій и Проскуровскій уѣзды*]. Любистокъ употребляется дѣвушками, какъ средство для возбужденія къ себѣ симпатіи молодыхъ людей.

[*Холмская Русь*]. Любистокъ дѣвушки носятъ подъ мышкою, думая, что чрезъ это скорѣй понравятся мужчинамъ.

[*Тараща*]. „У любці купають дітей, щобъ іхъ, якъ выростуть, усі любылы. Для того, якъ кого усі люблять, то кажуть: мабудь тебе маты у любці купала“.

„Братки“. [*Литинскій уѣздъ*]. Растеніе „братки“ получило это названіе отъ того, что на одномъ стеблѣ его бываетъ два цвѣтка: синій и желтый, какъ братъ съ сестрой. „Братки“ очень полезны въ дѣтскихъ болѣзняхъ. Больныхъ дѣтей обыкновенно купаютъ въ отварѣ этого растенія.

[*Холмская Русь*]. О „браткахъ“ разсказываютъ такъ:

„Былъ себѣ братъ и сестра и отправились они странствовать. Долгое время они не видали другъ друга, наконецъ, сошлись и одинъ другого не могли узнать. Между тѣмъ, сестра понравилась брату, и они обвѣнчались. Послѣ узнали, что они — братъ и сестра. Имъ стало стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ:

— Ну, сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь цвѣсть лиловымъ цвѣтомъ, а я желтымъ“.

„Горы-цвітъ“. [*Каневскій уѣздъ*]. „Оце вже й горыцвітъ зацвівъ, годылось бы позбирать ёго, бо то, кажуть, якъ що першый разъ побачышъ ёго, та насушышъ, то воно добре одъ курячої сліпоты підкурювать“.

„Нычуй-вітеръ“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Нечуй-вітеръ“ очень полезенъ отъ кашля и отъ мора свиней. Отваромъ его поятъ больныхъ.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Нечуй-вітеръ“ полезенъ, когда падаютъ свиньи.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „Нечуй-вітеръ“ употребляется какъ хорошее средство отъ головной боли.

Царскій скипетръ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Цвѣтъ этого растенія употребляютъ страдающіе грудными болѣзнями. Онъ, кромѣ того, обладаетъ еще симпатическимъ средствомъ отъ червей. Если у коня или вола заведутся черви, то, не трогая ихъ, отыскиваютъ до восхода солнца кустъ царскаго скипетра и, нагибая ёго верхушку къ землѣ, говорятъ: „Дивино, не пущу тебе, доки не випадуть робаки зъ (такоі-то) худоби“, и при этомъ верхушку куста приваливаютъ камнемъ къ землѣ: черви дѣйствительно выпадаютъ.

Чорнобыль. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Этому растенію приписываютъ вліяніе на дьявола, и потому на Ивана Купала ломаютъ вѣтви съ него и затыкаютъ въ „стрихи“.

Говорятъ, что подъ чорнобылемъ выкапываютъ иногда какія-то уголья, и если на ихъ мѣсто положить мѣдный грошъ, то онъ впослѣдствіи будетъ хорошимъ средствомъ отъ лихорадки.

Полынь. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Полынь имѣетъ свойство предыдущаго растенія.

„Ломынісъ“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Ломынісъ“ обладаетъ свойствомъ нарывать на тѣлѣ, вслѣдствіе чего и употребляютъ ёго съ цѣлью избѣжать рекрутской повинности.

„Чорно-зилля“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если падежъ на свиней, то отваръ „чорно-зилля“ употребляютъ какъ лѣкарство.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Водка, настоенная на „чорнимъ-зілли“, — хорошее средство отъ лихорадки.

„Сонъ-зілля“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Отваромъ этого растенія красятъ яйца въ зеленый цвѣтъ.

„Ласкавець“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Огородное растеніе это употребляется для дѣланія крестовъ въ избахъ, вмѣсто иконъ.

Барвінокъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Барвинокъ, вмѣстѣ съ ягодами калины, есть символъ дѣвичества. Онъ служитъ для украшенія головы.

Купчаки. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Цвѣты ёго дѣвушки втыкаютъ себѣ въ голову.

Чорнобривці. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Цвѣты эти имѣютъ такое же назначеніе.

„Рожа“ и василекъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Употребляются такъ же, какъ и „чорнобривці“.

Териъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Отваръ корня и ягодъ употребляется для задержанія поноса.

Нехворость. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ случаѣ горячекъ, курятъ нехворостью, чтобы болѣзнь не распространялась.

Пшеница и рожь. [*Литинскій уѣздъ*]. По вѣрованію народа, тотчасъ по сотвореніи міра, ни пшеницы, ни ржи не было. Впослѣдствіи уже пшеница переродилась изъ куколя, а рожь изъ „стоколоса“.

Ячмень и горохъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Ячмень и горохъ произошли отъ слезъ Адама, когда онъ, по изгнаніи изъ рая, обработывалъ въ первый разъ землю и плакалъ.

Просо. [*Будаевка*]. „Поки проса не посіешъ, то гріхъ на дворі обідать, або вечерять, щобъ родыло гарне“.

„Святояньська голова“. [*Грубешовскій уѣздъ*]. Въ Ивановъ день розыскиваютъ „святояньску“ голову. Идутъ въ поле и розыскиваютъ два сросшихся колоса ржи; нашедши ихъ, выкапываютъ и находятъ корень изъ чистаго серебра, похожій на человѣчью голову. Эта голова и называется „святоянскою головою“. Хранящій у себя эту голову будетъ имѣть во всемъ счастіе и во всю свою жизнь не будетъ знать, что̀ такое значитъ бѣда и горе.

Сорныя травы. [*Луцкій уѣздъ*]. Происхожденіе сорныхъ травъ, вредныхъ насѣкомыхъ, хищныхъ звѣрей считаютъ зависящимъ отъ Бога.

Разныя растенія. [*Ушицкій уѣздъ*]. Любистокъ, рожь, ячмень, пшеница, гречиха созданы Богомъ изъ земли на пользу человѣка.

Огурцы. „Кажуть, що якъ цвітуть огіркы та багацько пустоі завъязі, то треба ii надрывать та й вынесты по заході, або до східъ-сонця, проты череды, та розсыпать по дорозі, щобъ скотына потопкала, то тоді уродять огіркы“.

Цыбуля (лукъ). [*Щаснівка*]. „Якъ хлопець, або дівка, найперше покоштуе зеленоі цыбулі, то буде стрелькувата“.

Чеснокъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если съ чеснока снимать шелуху, то онъ говоритъ: „Не обирай мене до живого, відборони відъ всёго злого“.

Дикая морковь. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Отваръ ея — средство отъ поноса.

Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ.

1. На урожай пшеницы. [*Константиноградскій уѣздъ*]. Въ голодный святъ-вечеръ, во время ужина, зовутъ въ окно морозъ: „Морозе, морозе! иды до насъ вечеряты, та не морозь ны ягнятка, ны телятка, жыта и пшеницы, и всякоі пашныці“.

2. „На завытьте“. [*Записано Шишацкимъ-Ильичемъ, 1858 года*]. „Господу Богу помолымся, Пречистая Матіръ Божая, ходы къ мыні на помочъ святою рызою беззаконного Юду або Юдыху, місячного відьмача або відьму вырвать и въ ростані однесты, осыковымъ колкомъ пробыть, що ты думаешъ, злая відьма, у зіво и въ жывітъ твой“.

3. „На вырванне завітъ“. [*Записано Шишацкимъ-Ильичемъ, 1858 г.*]. Взявши кій осиновый, сухой берестъ изъ пустой ямы, вышедши, сказать:

„Не я тебе палю, а осыковый кій пустоі ямы берестъ палыть; якъ берестъ отъ огню корчытьця, такъ беззаконную Юду або Юдыху, місячнаго відьмача або відьму, щобъ корчило и ломало; якъ на осыці Юда вішався, такъ сей відьмачъ, або відьма, щобъ вішалысь безъ перестані“.

4. При собираніи травъ. [*Записано въ Саратовской губерніи*]. „Святый Одамъ оравъ, Іисусъ Хрыстосъ насіння дававъ, а Господь сіявъ, а Маты Божа полывала, та всімъ православнымъ на помічъ давала“.

5. „Приговоръ до маку“. „Якъ неможна изъ цёго маку нікому щоту знимати, такъ бы не можна людямъ на мене, раба Божого N, гніва класти, до суда суднёго, до віку вічнёго и до гроба Божого“. Приговорюючи, держи макъ у правій руці, обсипъ себе и очеркны нимъ себе округи тамъ, де станешъ. Макъ для сёго святять у Праву Середу“.

Г. Залюбовскій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Человѣкъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Понятіе о человѣкѣ очень просто: родился одинъ отъ другого, какъ и въ настоящее время рождаются.

[*Липинскій уѣздъ*]. Суевѣрныхъ понятій о человѣкѣ очень мало; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ возрасту дѣтскому, а нѣкоторыя относятся къ возмужалости.

[*Винницкій уѣздъ*]. Человѣкъ — твореніе Божіе.

[*Тараща*]. „Негодытьця переступаты черезъ того, хто ще росте, бо не буде больше росты. А якъ буває переступышъ, то треба переступыть назадъ“.

Члены человѣческаго тѣла.

Зубы. [*Тараща*]. „Якъ выпадають у дітей зубы, то щобъ тісны порослы, того треба зуба взять, закынуть на пічъ, та й сказать: „мышко, мышко! на тобі костяного зуба, а мыні дай залізного“.

[*Рудаковка*]. „Якъ істы, що мыша погрызла, то крішкы будуть у того зубы“.

Брови. [*Дударі*]. „Якъ у кого на переноссі бровы сходятся одна зъ другою, то й буде нещаслывый.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если зудитъ правая бровь, то будетъ плачъ, а если лѣвая, — то утѣха.

Руки. [*Дударі*]. „Негодытся давать старцеві лівою рукою хлібъ, або грошы“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Руки вверхъ не нужно поднимать, потому что „це хрестъ диявола“.

Ногти. [*Будаевка*]. „Якъ позрізуєшъ ногті, то треба іхъ у пазуху забірать, черезъ те, що чортъ, якъ понаходыть, то пошые собі шапку, то ёго ніхто вже й не побачыть, а шапка звется тая — невыдымка“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Срѣзанные ногти не нужно бросать куда попало, а спрятать за пазуху. Это нужно дѣлать для того, что на страшномъ судѣ, когда ангелъ будетъ переводить души умершихъ черезъ мостикъ, тонкій какъ соломинка, и спроситъ: гдѣ ногти? и если ихъ не окажется, то шедшій долженъ будетъ искать ихъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не соберетъ.

Ноги. [*Дударі*]. „Якъ сыдишь на лаві або на стільці, то не можна гойдать ногою; кажуть, чорта гойдаєшъ“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если кто притворитъ себѣ дверью ногу, — знакъ, что будутъ гости.

„Пьята“. [*Будаевка*]. „Негодытьця пятою крутыть на земли, бо якъ хто небудь ступыть у ту ямку, то заразъ короста нападе“.

Разныя дѣйствія.

Умыванье. [*Будаевка, Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ умываешься, до негодытся після рукамы брызкать, бо зъ того чорты плодятця. Кылько упаде брызокъ, стылько и чортівъ уродытся“.

Утиранье. [*Тараща*]. „Нетреба утыраться настільныкомъ, щобъ люде не гудылы“.

Ношеніе палки. [*Ушицкій уѣздъ*]. Мужчины начинаютъ ходить съ палками съ сорока лѣтъ, она служитъ помощью человѣку. Такъ съ малыхъ лѣтъ онъ ходитъ на четырехъ (ползаетъ), въ зрѣломъ возрастѣ на двухъ (на ногахъ); подъ старость на трехъ (на двухъ ногахъ при помощи палки), а въ дряхлости опять на четырехъ (на рукахъ и ногахъ).

[*Житомирскій уѣздъ*]. Хожденіе мужчинъ съ палками начинается съ шестидесяти лѣтъ.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Мужчины обыкновенно начинаютъ ходить съ

палками послѣ женитьбы, но это не исключительно, — ходятъ съ палками и неженатые — „парубкы“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Съ палками ходятъ только тѣ, которымъ по слабости здоровья необходимо бываетъ на что нибудь опираться.

Потягиванье. [*Рудьковка*]. „Не годытся потягатьця на людыну, бо вмре, або занедужае. На стѣну, кажуть, треба потягатьця“.

Свистанье. [*Дударі*]. „Якъ свистіть у дворі, то буде пусто“.

Чиханье. [*Проскуровскій уѣздъ*]. При чиханьи посторонній долженъ сказать: „на здоровье“, а чихнувшій: „дзінькую, вашеці, за добре жичення“. Чиханье днемъ означаетъ будущую честь и вообще служитъ хорошимъ признакомъ, но ночью наоборотъ. Говорятъ, что щекочетъ по носу близъ стоящій „упиръ“, и если чихнувшій хоть самъ себѣ не скажетъ: „на здоровье“, онъ умретъ въ скоромъ времени.

Плеванье. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Не нужно ни на кого плевать, потому что за это на томъ свѣтѣ плюнувшій будетъ лизать горячую сковороду.

„Ідучи, або идучи куды“. [*Г. Залюбовскій*]. „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Амінь. На марті місяці, на неділі на седмыці, на тайностраснычі, у горахъ у пещерахъ, стояла Божа церковъ соборна, треглава; у тій церкві престолъ стоіть, на Престолі Владычица Мать Пресвята Богородыця спочиває и Господь Богъ пребывае, и анголи Божыі трепещутся. Сохраны мене, Господы, раба Божого N, во дни и въ часы и въ получасы, по всякъ часъ, на усяке время Христове и помылуй відъ ворога и супостата, відъ летучого и відъ ползучого, відъ мужеського и відъ женьського полу, защиты мене, Мать Божая, Пресвятая Богородыця, своєю нетлінною рызою отъ землі и до неба. Слава тобі, Господы, Слава тобі, Господы, Слава тобі Господы, и Сыну и Святому Духу. Аминь“. Це читать тричи.

„Щобъ ніхто не спортывъ у хаті, або на свадьбі“. [*Г. Залюбовскій*]. „Увійды у хату, подывысь на усі стороны, на сыдячихъ и стоячихъ и кажи: „Смерку, смѣрку! Замыкаешъ засіки и башты, — замкны моімъ ворогамъ роты, щобъ проты мене новорожденного, молытвенного и хрищенного раба Божого N, рота не роззявыли и языка не обернули, худого слова не проговорыли“.

„Гостѣванье“. [*Борисполь*]. „Якъ ідешъ до кого у гості, дакъ посыдь по-переду дома трохы, якъ гость, щобъ у гостяхъ хороше прыймалы“.

Благословеніе родителей. [*Ушицкій уѣздъ*]. Благословеніе родителей имѣетъ чрезвычайно большую силу; такъ если родитель не благословляютъ своего дитяти, то изъ него ничего не будетъ хорошаго.

Благожеланія вообще. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Щобысь ся мавъ, якъ свята земля. Щобы васъ Богъ не опускавъ. Бугъ заплацъ. Щобъ тебе щастья ся трімало. Най васъ Богъ споможе. Най васъ Богъ благословить. Дай, Боже, здоровля. Дай, Боже, щастья. На щастья, на здоровля, на щасливу долю“.

Проклятіе родителей. [*Литинскій уѣздъ*]. Проклинать своихъ дѣтей считаютъ большимъ преступленіемъ. Особенно непозволительными проклятіями считаютъ такія: „а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты камінемъ ставъ, а щобъ ты здубывся, а щобъ тебе лыхе взяло“ и проч. Утверждаютъ, что такія проклятія, а особенно матери, очень часто исполняются, и тогда плачъ матери напрасенъ. Какъ фактъ, оправдывающій такое понятіе, указываютъ на два каменные столба, находящіеся около селенія Березной; вѣрятъ, что это — дѣти, братъ и сестра, проклятые своею матерью. Объ этомъ разсказываютъ такую легенду:

„Когда-то одна женщина изъ селенія Березной вышла въ поле съ своими дѣтьми, сыномъ и дочерью, жать рожь. Во время работы дѣти лѣнились и очень часто стояли праздно, о чемъ-то между собою разговаривая. Мать до того на нихъ разсердилась, что начала ихъ проклинать и между прочимъ сказала: „а щобъ вы каменямы поставалы.“ Проклятіе ея сейчасъ же исполнилось: дѣти ея дѣйствительно окаменѣли“.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Въ осуществленіе родительскаго проклятія вѣрятъ, какъ въ дѣло сбыточное и неминуемое.

[*Холмская Русь*]. Родительское проклятіе отдаетъ дѣтей въ распоряженіе дьявола, иногда душу и тѣло вмѣстѣ, а иногда одну только душу.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Сила родительскаго проклятія ужасна: она дѣлаетъ дѣтей несчастными.

Брань и проклятія. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Во время ссоры народъ употребляетъ чрезвычайно много брани и проклятій. Такъ: „Щобъ тебе чортъ взявъ. Щобъ тебе кольки вкололи. Щобъ тобі маму мордовало. Щобъ ти здурівъ. Щобъ ти дорібку не мавъ. Сто чортівъ въ твою матіръ. Щобъ тебе перунъ забивъ. Щобъ ти віявся якъ вітеръ. Щобъ ти ходывъ съ круга світа. Щобъ ти посивіла. Щобъ ти не зникла. Трясця твою матіръ. Щобъ тебе покрутило та поломило. Сто сотъ твою матіръ. Щобъ ти голову зломавъ.

Щобъ тебе ще маленькимъ лихо взяло. Дрантя погане. Скотъ поганый. Шельма. Потороча. Чортъ твою маму паривъ. Чортъ би твою ма. Мара світова. Напивбися золы. Щобъ ти въ Бога ласки не мавъ. Наівбися лиха. Щобъ на тебе вся біда злізлася. Щобъ тебе лихо побило. Щобъ тобі очи повилазили. Щобъ тобі покрутило. Щобъ тобі позавертало. Нехъ тебе чортъ візьме. Вилюку клапоухий. Щобись світа не бачивъ. Лихо мамі твоій. Негідна. Псы бъ тебе гонили. Гонивъ би ти собі маму. Дідько бъ тебе цілувавъ. Богъ би тебе скаравъ. Подлий. Волоцюго. Заволоко. Лярво. Хлянитуро. Злодію. Розбійнику. Ледащице. Ницъ доброго. Щобись лопъ та трісъ. Щобъ ти щастья не мавъ. Чортъ бы тебе взявъ. Щобъ ти не вилізъ зъ біды. Непотрібний. Гій, гій на тебе. Навиджений. Щобъ по тобі вість тілько прийшла. Щобъ ти зъ димомъ пішовъ. Свинё. Паршивий. Смердячий. Поганий господару. Пся тисячу твою ма. А щобись не дождавъ до вечора. Негідний, и проч".

Сны. 1. Якъ сниться, що хто тобі каже, що ты вмрешъ черезъ годъ, або такъ який часъ, то це значить, що вмруть твоі злидні черозъ стілько часу.

2. Якъ сныться, що падаешъ, то то ростешъ.

3. Якъ бъешъ кого нибудь въ ночі, то хто нибудь прибъетьця.

4. Якъ приснятьця грибы сушени, то це проты якого нещастья.

5. Якъ снятьця яйця, то буде сварка.

6. Якъ снитьця, що місяць въ вікно бъе, то буде женихъ; якъ снытьця повный, то буде старый, и не швидко, а якъ молодыкъ, — то молодый и швыдко. Такъ само и парубкові.

7. Якъ снитьця жито, то це проты добре, а якъ пшениця, то буде яке небудь нещастья.

8. Якъ снытьця пожежа, то буде сварка.

9. Якъ пчолы снятьця, то буде пожежа.

10. Якъ снятьця коні, то буде слабость.

11. Якъ сныться, що въ тебе виросли вусы, або волосье, або що, то це значить, що въ тебе буде яка небудь прибыль.

12. Якъ снытьця дідъ, баба, хлопець и дівчина, то це противъ поганого я якъ чоловікъ, або жінка, молоді, то добре.

13. Якъ снытьця, що выстрелишъ изъ рушныці, и піде великій гулъ, то получишъ звістку яку небудь.

14. Якъ снытьця квітка ясна, то добре, а якъ темна, то погано.

15. Якъ гадину во сні вбъешъ, то це значить, що збавився відъ свого ворога.

16. Якъ манахъ приснытьця, до то чортъ тобі привижуетьця.

Битье о закладъ. [*Ушицкій, Остерскій и Переяславскій уѣзды*]. Битье объ закладъ бываетъ между молодежью, особенно на „вечорныцяхъ"; тутъ-то каждый парень желаетъ показать свою неустрашимость. Закладываются больше принести что нибудь изъ кладбища, или изъ лѣса. Тотъ, кто вызывается самъ на подвигъ, непремѣнно проиграетъ, потому что чортъ гонитъ его прочь.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Не можна йты въ закладъ, бо на того, хто йде прыносыть тамъ що, усі чортяки напустятця".

[*Житомірскій, Литинскій, Луцкій, Грубешовскій и Проскуровскій уѣзды*]. Битье объ закладъ непремѣнно оканчивается для смѣльчака несчастіемъ.

Присяга. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Присяга, по народнымъ понятіямъ, есть чрезвычайно важная вещь: ложно-присягнувшій будетъ непремѣнно пораженъ какимъ-нибудь несчастьемъ.

Клятвы бываютъ различны, но наиболѣе важною и распространенною считается та, произнося которую клявшійся беретъ въ ротъ немного земли.

Сохранилась впрочемъ и теперь клятва надъ заряженнымъ оружіемъ.

Заклинанія.

I. Одъ себе заговорювать. [*Зап. Ал. Шишацкимъ-Илличемъ. Нап. въ Черн. Губ. Вѣд. 1861 г., стран. 118. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „На морі на лукоморі стоіть дубъ, підъ тымъ дубомъ камень, на камені лежить кровъ; хто тую кровъ лызатыме, то й мене, раба Божого N, скушатыме".

II. Любовныя. [*Каневскій уѣздъ*]. „Треба выйты до воды у півночы, положыть на воду кладку, стать на кладку босымы ногамы, трястысь и казать такъ:

а) „Трясу, трясу кладкою, кладка водою, а вода купыною, а купына чортамы, а чорты козакомъ N, щобъ ёго тряслы, тряслы, та й до мене принеслы, до нарожденноі, хрещенноі и молытвянноі рабы Божоі дівчыны Марусі".

б) „Отець домовый! скочъ до долу, та прынесы мого Ивана до мого дому; несы ёго душу, несы ёго кості, несы ёго жывітъ и біле лыце и щыре сердце, якъ найскорійше, якъ найпрудчійше: въ цей часъ, въ цю годыну. Біжы прудко, біжы хутко, якъ цей дымъ біжыть у гору, щобъ ты такъ прудко та хутко прынісъ нарожденного, хрещенного и молытвянного раба Божого козака N до дому мого".

[*Каневскій уѣздъ*]. „Треба на молодыку войты на двіръ и говорыть до місяця тры разы:

в) „Місяцю Владымыру, ты высоко літаешъ, ты все бачышъ, ты все чуешъ, якъ невольныкы й невольныці плачуть, за батькомъ та за матірью, за діткамы маленькымы; якъ корова за телямъ, якъ лошыця за лошямъ, якъ ослыця за ослямъ, якъ море за моремъ. Даруй же, Господы, щобъ такъ за мною нарожденною, хрещенною и молытвянною рабою Божою Марусею Грыцько плакавъ".

„Посля того прочытать тры разы: „Отче нашъ" и „Богородыце Дівo".

[*Каневскій уѣздъ*]. „Говорыть це треба, якъ іты до хлопця:

г) „Усі передъ тобою, місяцю, и я нарожденна, хрещенна, молытвянна раба Божая Маруся. Саме голо зерно пшеныці, сонце мыні у вічы, місяць мыні у плечы, Матіръ Божа попередъ мене. Якъ отъ Бога, такъ и отъ тебе, Иване, уся ласка, доброта на мене. Я проты тебе зъ ласкою, ты до мене зъ добротою и зъ ласкою. У мене очы соколыны, а бровы соболыны, а у тебе добра ласка на мене нарожденну, хрещенну и молытованну рабу Божую Марусю. Я до тебе на соколі іду, ты жъ глянь на мене соколыными очыма и прыверныся до мене своімъ добрімъ и матерыньскымъ серцемъ до нарожденної, хрещенної, молытвянної рабы Божої Марусі".

д) „Зірочко вечірняя и світовая! Позычте мыні того кубочка, що Сусъ Хрыстосъ рукы мые, а я вамъ тоді верну, якъ хрещенного, нарожденного и молытвъяного козака Ивана до себе прыверну".

(Це треба казать зъ вечора, скоро зіркы зайдуть):

„Вы зоры-зорыщі, васъ на небі тры сестрыці: одна нудна, друга прывітна, а третья печальна. Беріть голкы и шпылькы, гордове каміння; быйте ёго и печіть, паліть и нудіть; ны дайте ёму ні спать, ні лежать, ні істы, ні пыть — другыхъ любыть. Тягніть до мене хрещенного, нарожденного и молытвованого козака N, до нарожденної, хрещеної, молытвъяної рабы Божої дівчыны N".

(Це треба казать у півночы на двері, коло покутя):

— Добры вечіръ тобі, огненный бугало"!

— Здорова хрещена, нарожденна, молытвъяна раба Божая дівчыно! — Куда ты летышъ?

— Полечу ліса палыть, а землі сушыть, а травы въялыть. — Не леты жъ ты, огненный бугало, ліса палыть, землі сушыть, а травы въялыть! Полеты жъ ты, огненный бугало, до козака у двіръ, де ты ёго спобіжышъ, де ты ёго заскочышъ: чы въ лузі, чы въ дорозі, чы въ наідкахъ, чы въ напыткахъ, чы у вечері, чы у постелі, — учыпыся ты ёму за серце, затомы ты ёго, зануды, запалы ты ёго; щобъ вінъ трясся и трепетався душею и

тіломъ за мною нарожденною, хрещеною, молытвъяною дівчыною N, щобъ вінъ мене не запывъ, не заівъ и зъ іншымы не загулявъ, усе мене на помыслях мавъ. Тягніть до мене нарожденної, хрещеної и молытвъяної дівчыны N, нарожденного, хрещенного и молытвъяного козака N".

— Добры вечіръ тобі на вечорыно. — Здорова нарожденна, молытвена, хрещена. У тебе кінь Халамынъ, у мене сынъ Саламынъ. Возьмы коня Халамына, та посады Саламына; мечъ ёму дай у рукы, пошлы ёго на села, на города, та на болота, на усякі міста, де ёго спобіжышъ, де ёго заскочышъ, тамъ ёго січы, тамъ ёго нуды, тамъ ёму не дай ны спать, ны лежать, ны пыты, ны істы, ны пыть, ны іншыхъ любыть. Щобъ въ цей часъ и мынуту до мене прыбувъ нарожденный, хрещеный и молытвованный N до мене дівчыны N".

„Це треба казать на покуті на дворі".

„Выйты въ ранці, чуть стане сонце зходыть и тоді, якъ не буде хмарно на дворі, стать передъ сонцемъ и казать:

— Добрый день тобі, сонечко яснее. Ты святе, ты ясне-прекрасне; ты чысте, велычне й поважне; ты освіщаешъ горы и долыны и высокыі могылы, — освіты мене, рабу Божу передъ усімъ мыромъ: передъ панамы, передъ попамы, передъ царямы, передъ усіимъ мыромъ хрыстыяньскымъ: добротою, красотою, любощамы й мылощамы; щобъ ні було ні любійшої, ні мыліїшоій одъ рабы Божої нарожденної, хрещеної, молытвъяної N. Яке ты ясне, велычне, прекрасне; щобъ и я така була ясна, велычна, прекрасна передъ усімъ мыромъ хрыстыяньскымъ на вікы віковъ амінь" (це треба говорить тры разы и „Отче нашъ" и „Богородыцю" шепсъ тры разы".

[*Проскуровскій уѣздъ*]. е) „Зори, зірниці, есть васъ на небі три рідни сестриці, четверта хрещена, порожденна Марія. Идіть ви, зберіть ви красу покладіть на хрещенну, порожденну Марію. Якъ ви ясни, красни меже зорами, щоби була така красна межи дівками. (Це такъ говорить дівчина въ вечері, якъ хоче щобъ ії хлопці любили). Сонечко, ясне, красне, освічаешъ гори, долини, освіти мое личко, щоби мое личко було ясне-красне, якъ сонечко. Позбавлю я росу а збавлю зъ жінокъ, съ панівъ повагу, съ попівъ пиху, съ парубківъ гордость, а зъ дівокъ красу".

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Дѣвушка, желающая нравиться парнямъ, должна дѣлать слѣдующее:

Уворовать подволоку отъ плуга, принести домой и, обходя три раза кругомъ хаты, говорить: „якъ ся тягнуть плуги съ каждої хати идучи въ поле, щобъ такъ ишли до хрещенної, порожденної (такої-то) кавалери зо всёго села и якъ не можуть безъ плуга и орання хліба істи, щобъ такъ не могли безъ мене сісти".

„Якъ дівчину очарують, то вона умивається въ непочатій воді и приговорює: „Хрещенна, порожденна Марія збиралася до церкви, бере на себе шовкову сорочку, шовкову спідницю, шовковий фартушокъ, золотий вінокъ. И шла жъ вона до церкви, переходить ей чарівниця, ліходільниця, що лихо робить. Пищала жъ вона, скритала жъ вона, — ніхто не чувъ, ино чула Матінка Божа. Матінка Божа приходить до неі: „Чого жъ ти пищишъ, чого жъ ти кричишъ?“—Маріе, якъ же мені не скричати, коли зъ мене чарівниця шаты зъ мене збирае, а въ чари, въ біду вбирае.“ Взяла ii Матінка Божа за праву руку, а святый Демъянъ за ліву, повели ii на Ёрданъ ріку, посадили ii на золоте крисло, вмивають ii відъ нігъ до голови відъ чарівъ. Матеръ Божа вмиває, а въ шати добре вбирае“.

По окончаніи заговора хухнуть три раза на воду, въ которой умывались, и вылить въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходилъ. Черезъ три дня заговоръ повторяется.

ж) „Якъ прычарувать дівчину, або жинку, або й хлощя? Возьмы чубукъ и скрізъ нёго пропусты трычи воды зъ рота, черезъ зубы, приговорюючи трычи: „Стою на порозі, выжу сволокъ, а зъ сволока на плямку, а зъ плямки на N (таку-то). Якъ маты моя за мною побывается, такъ бы за мною убывалась N“. Після обнесы ту воду, колы можна, трычи округы того, кого хочешъ причаровать и дай ёму выпыты; а колы не можна обнесты, то візьмы зъ стакана трычи въ ротъ воды тыеі и трычи вылый изъ рота опъять у стаканъ и тоді дай выпыты“.

з) „Піймай голуба, выймы изъ живого очи, ёго самого пусты, а очи изсуши и зітры такъ, щобъ бувъ одынъ тылькі білый попелець. Потімъ дай выпыты, кому слідъ, приговорюючи: „якъ голубу безъ очей, такъ бы тобі, раба Божа N, за мною, безъ ночей“.

и) „Щобъ відстала на половыну:

„Треба робыть такъ якъ въ первому заговорі, но до половины чубука, и прыказывать: „Якъ маты за мною не дуже побывается, такъ бы и за мною не убывалась N“. Дать выпыть тыі воды, но лыть воду въ протывну сторону“.

і) „Вкралы дівки ложку у парубка, швірень одъ білоі кобыли и яйце съ підъ білоі квочки, що сидить. Зварили кашу проты неділі у ночи, вкинулы те яйце, тоею ложкою помішалы и закопалы, — де збірается улыця, забылы тамъ той швірень и ту ложку та ще й потанцювали на тому місці. До вже, де ходыть, не ходыть парубокъ, а туды такъ якъ цуркою тягне. Таки мусыть прыйты на шкворівщину. Навітъ собака, де бігае, не бігае, а прыбіжить туда, понюхае, сяде та такъ и завые“.

к) [*Проскуровскій уѣздъ*] „Якъ жінка хоче, щобъ ii чоловікъ любивъ,

то бере трохи воску съ того креста, що дають мертвецю въ руки, и шматочокъ креста, що стоіть на роздорожу, кладе це въ хустку, що ноги мертвому завъязують, та й зашие все въ ёго сорочку“.

Къ суду. [*Каневскій уѣздъ*]. а) „Вы стіны не будьте німы, вы сволокы підеймітесь; лыхы речы, лыхы мысли на добре перевернитесь, бо (така-то) іде чорнымъ воломъ, щобъ ставъ моімъ ворогамъ языкъ коломъ“.

б) „На коні іду, а гадюкою поганяю, усімъ, усімъ моімъ непрыятелямъ и супостатамъ роты затыкаю. Гадючый хвістъ а жабъяче черево, якъ прыіду я мыжъ паны, то щобъ сталы воны якъ сухе дерево“.

в) „Лаво, лаво, становысь на-право! Якъ тобі на-право не ставать, гыллямъ не маять, лыстямъ не трепетать, щобъ такъ на мене ворогамъ и супостатамъ и непріятелямъ ротівъ не роззявлять, очей не вытрыщать на мене нарожденну, хрещену, молытвяну дівчыну N“.

г) „Камъяны сіны, камъяны стіны, камъяны столы, камъяны паны, камъяне вино пъють. Колы воны будутъ те выно пожыраты, тоді на мене будутъ роты роззявляты и очы вытрещаты“.

д) „Добры-вечіръ тобі, царю бузнычый (у бузыні сыдыть бы то царь), добрый чоловиче! що тому буде, що батька й матіръ убывъ, зъ сестрою гріхъ зробывъ? И нічого не було: терлось та мъялось, та й такъ зосталось. Щобъ же такъ зосталось моє діло рожденноі, хрещенноі, молытвованоі рабы Божоі, чы тамъ раба Божого N“.

(Треба выйты на порігъ у темный вечоръ и прымовлять до ночи тры разы):

е) „Нічъ темна, нічъ тышна, сыдышъ ты на коні буланому, на сідлі соколыному, замыкаешъ ты коморы, дворці и хлівці, церквы й монастыры и Кіевськы престолы. Замкны моімъ ворогамъ губы и губыща, щоки й пращокы, очы й праочы, щобъ воны на мене нарожденну, хрещену и молытвовану рабу Божую зубівъ и очей не вытрыщалы, гніва въ серці не малы, щобъ усе поважалы и въ добріхъ мысляхъ малы“.

ж) „Иду я зъ хаты, за мною Сусъ Хрыстосъ и Божая Маты; Мыколай на порозі, — помога мыні въ дорозі“. Це говорять не только тоді, якъ идуть позываться зъ кымъ небудь, а и тоді, якъ идуть куды въ дорогу.

з) „Иду я до панівъ, ангелы Хрыстові на правімъ плечі, Богоматіръ мыні у помочі, іхъ пічъ, а моя річъ, іхъ коменъ, а мій верхъ. Не сама я йду — зъ Божою помочю, зъ медвежою силою, зъ вовчымы зубамы, совынымы лапамы. Вовчыми зубами одгрызуся, ведмежою сылою одборюся, — я цёго найства ничего не боюся“.

и) „Иду я зъ дарыкомъ и зъ паскою, — до мене паны зъ доброю ласкою;

я зорою підпережуся, та нікого не боюся. То дымъ, а то овечка,—не скажуть мыні ны словечка".

к) „Господы мылостывый, стань мыні на помічъ зо всімы святыми; не моя то похвала — Пресвятої Богородыці похвала и честь и ій слава одъ ныні и до віку. Яко болящая прибліжается родіті, въ болізні своій воскрыча, и якъ важко малымъ дітямъ за матернею харчею, — щобъ було такъ важко и жалко рабамъ біса, судьямъ, протывныкамъ, ненавыстникамъ и усімъ ворогамъ моімъ за мною, рабомъ Божімъ N".

л) „Помяны Господы царя Давыда и усю кротость. Царь Давыдъ сократывъ небо и землю и насъ грішныхъ; — такъ, Господы, сократы рабовъ бісіхъ, усіхъ судей и усіхъ протывныківъ передо мною, и мене грішного, раба Божого N, передъ нымы".

м) „Я до начальства иду, по Божому сліду господнімы стопамы, нехай начальству стануть очи стовпамы. Щобъ на мене нарожденного, хрещенного и молытвованого раба Божого очей не вытрыщалы, рота не роззявлялы. Якъ радуются паны лисыцямъ и куныцямъ, щобъ такъ радовалысь моімы словамы".

Объ удачной охотѣ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Якъ якій мисливий (охотникъ) хоче добре стреляти, то вінъ иде въ Страсну Субботу у церковъ, та якъ скаже батюшка: „Христосъ воскресъ", то вінъ не говорить: „воистину воскресъ", а все: „я стриляю, я стриляю", то тоді вже, щобъ ни попалось, — усе убъе!"

Относительно воровства. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Для того, чтобы во время воровства кто нибудь не проснулся изъ спящихъ въ домѣ, воръ зажигаетъ свѣчу, сдѣланную изъ жира мертвеца. Говорятъ, что если эта свѣча горитъ, — всѣ въ домѣ будутъ спать какъ мертвые.

Если у хозяина уворована какая нибудь вещь, и онъ хочетъ возвратить ее, долженъ бросить три гроша на нары въ то время, когда на нихъ несутъ умершаго на кладбище. Вслѣдъ за этимъ, вора начнетъ трясти лихорадка и если онъ не возвратитъ уворованную вещь, — непремѣнно умретъ въ скоромъ времени.

Кладъ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Кладовъ, по понятію народа, существуетъ множество, но всѣ они почти заклятые, и человѣкъ не можетъ ими пользоваться потому, что ими владѣетъ сатана. Клады эти прятались во время народныхъ войнъ, во время гайдамаковъ и татаръ. Обыкновенно деньги и другія цѣнныя вещи закапывались въ землю и ихъ поручали или чорту, или желали, чтобы кто нибудь воспользовался ими, и такіе счастливцы нерѣдко бывали. „Жилъ одинъ очень богатый крестьянинъ въ то время, когда нападали

татары и грабили народъ. Онъ имѣлъ нѣсколько сыновей; одного изъ нихъ хотѣли взять въ солдаты, онъ и запрятался въ сарай, на сѣно. Отецъ не зналъ, куда онъ спрятался, и, опасаясь за свои сокровища, вздумалъ закопать ихъ въ землю. Ночью онъ пришелъ въ тотъ сарай, гдѣ скрывался его сынъ, выкопалъ яму по срединѣ сарая и началъ носить туда деньги. Сынъ все это видѣлъ и, когда старикъ, высыпавши извѣстное количество денегъ, опять возвращался за таковыми, сынъ выходилъ изъ своей засады и каждый разъ набиралъ себѣ по шапкѣ денегъ. Когда старикъ, вынесши все свое сокровище, намѣревался засыпать землею, то привелъ барана и надъ этою ямой мучилъ его до тѣхъ поръ, пока не замучилъ на-смерть, потомъ засыпалъ яму и произнесъ: „щобъ такъ мучыло того, хто найде ці гроші".

Клады очищаются посредствомъ огня; они горятъ большею частью въ великую субботу, ночью: нечистые — съ вечера, а чистые — передъ разсвѣтомъ; и кто видитъ, какъ они горятъ, въ особенности чистые, тотъ можетъ смѣло подойти и бросить на то мѣсто платокъ или портянку; деньги, въ такомъ случаѣ, подымутся на верхъ и останутся на такомъ разстояніи, какова толщина брошенной вещи, и человѣку не будетъ большаго труда взять ихъ; а если горятъ нечистыя деньги или заклятыя, то, по очищеніи, входятъ глубоко въ землю, и ихъ никто не находитъ.

„Въ селѣ Яновкѣ жилъ одинъ очень богатый крестьянинъ. По смерти его остались три сына, весьма богатые хозяева, но потомъ обѣднѣли; одному изъ нихъ ворожеи присовѣтывали идти ночью на „раздорожжа" и тамъ, раздѣвшись до-нага, ждать пока запоютъ пѣтухи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ полночь, видитъ онъ, идутъ цѣлою компаніей черти: одни играютъ, другіе танцуютъ, третьи курятъ табакъ, свистятъ, кричатъ и т. п. Черти прошли мимо его, не обративъ вниманія; такимъ же образомъ прошла и другая компанія; наконецъ, позади всѣхъ идетъ кривой чортъ. Поровнявшись съ стоявшимъ, чортъ спрашиваетъ: „зачѣмъ ты тутъ стоишь?" Тотъ, разсказавши всѣ подробности, проситъ, чтобы чортъ далъ ему кладъ, за это онъ обѣщалъ ему свое дитя-калѣку. Чортъ, ругнувши его порядкомъ, сказалъ: „что ты мнѣ даешь такое дитя, что „ні Богові свічка, ні чортові огарокъ", и при этомъ такъ хватилъ его въ „пыку", что тотъ повалился на землю, а чортъ продолжалъ: „у меня есть много кладовъ съ деньгами, но такимъ дурнямъ, какъ ты, я не даю; моими деньгами владѣютъ всѣ богатые купцы, а ты хочешь, чтобы я, за такое негодное дитя, далъ тебѣ денегъ",—и пошелъ себѣ дальше.

[*Харьковскій и Лубенскій уѣзды*]. Кладъ, по народному понятію, можетъ найти только тотъ, „кому на роду написано". Когда закапываютъ кладъ, то его заклинаютъ на нѣсколько головъ; и если уже надъ нимъ пропало нѣсколько головъ, на сколько онъ заклятъ, то тогда кладъ тотъ дается вся-

кому. Иногда бываетъ такъ, что кто-нибудь услышитъ, на сколько головъ заклинается кладъ и притомъ неизвѣстно какихъ, тотъ употребляетъ хитрость: убиваетъ столько головъ животныхъ и бросаетъ на то заклятое мѣсто. Послѣ этого кладъ дается безъ труда.

[*Холмская Русь*]. Повѣрій про клады существуетъ множество, но всѣ они сходятся на томъ, что клады стерегутъ черти. Чистый кладъ можно взять безъ опасности потерять жизнь: стоитъ только подмѣтить, когда горитъ онъ, и бросить на мѣсто, гдѣ горитъ огонекъ, что-нибудь изъ одежды или обуви. Если брошенъ будетъ сапогъ, то кладъ будетъ въ землѣ по колѣно, если же бросить шапку, то придется рыть въ ростъ человѣка. Нечистый кладъ добыть труднѣе: здѣсь нужно необыкновенное присутствіе духа, при видѣ разныхъ привидѣній. Одно нечистое, скверное слово можетъ испортить все дѣло: кладъ, хотя бы уже и открытый, пойдетъ обратно въ землю и больше никогда не выйдетъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Клады, по вѣрованію народа, бываютъ двухъ родовъ: добрые и злые. Деньги и все драгоцѣнное закапываютъ въ землю, съ цѣлью или сокрыть отъ грабежа и насилія, или укрыть отъ завладѣнія прямыми наслѣдниками. Въ первомъ случаѣ — клады бываютъ добрые, а въ послѣднемъ — злые.

Человѣкъ скупой, зарывая свои деньги въ землю, всегда заклинаетъ ихъ, говоря: „щобъ ці грошы одкопали такі руки, які закопали“. Такими кладами постоянно завладѣваетъ чортъ, въ видѣ козы, кота, собаки. Отыскать такіе клады и воспользоваться ими очень трудно, потому что, предварительно, нужно отогнать чорта, который очень ревностно охраняетъ свое сокровище; впрочемъ, если кому и удается, то такіе клады никогда не пойдутъ въ пользу. Нашедшій такой кладъ непремѣнно будетъ воромъ, или разбойникомъ, или пьяницей, или наконецъ найденный кладъ будетъ у него украденъ. Мѣста добрыхъ кладовъ обнаруживаются или огнемъ, или привидѣніями, по большей части, въ видѣ дряхлыхъ, сѣдыхъ стариковъ. Если кто увидитъ, что горятъ деньги, и пожелаетъ воспользоваться ими, то долженъ непремѣнно на мѣстѣ появленія огня положить изъ чего бы то ни было крестикъ и бросить туда свою вещь. Опытные и расторопные всегда бросаютъ сапогъ, или подстилку изъ сапога, утверждая, что въ такомъ случаѣ горѣвшія деньги будутъ покрыты слоемъ земли такой толщины, какой толщины бываетъ подстилка; если кто броситъ шапку, то деньги горѣвшія войдутъ въ землю на глубину, соотвѣтствующую росту того человѣка. Если кому обнаружится мѣсто клада въ какомъ нибудь привидѣніи, то онъ долженъ это привидѣніе перекрестить и поклониться ему. Въ такомъ случаѣ привидѣніе само собой разсыпается кучей серебра или золота.

Утверждаютъ, что денегъ никогда не слѣдуетъ закапывать въ глиняныхъ сосудахъ, потому-что они очень глубоко войдутъ въ землю. Лучше всего закапывать деньги въ деревянныхъ ящикахъ.

[*Житомирскій уѣздъ*]. Вѣрятъ, что въ землѣ есть много зарытыхъ кладовъ. Они были зарыты во время старинныхъ войнъ богатыми людьми. Находка этихъ кладовъ, безъ особеннаго къ тому случая, невозможна по неизвѣстности, гдѣ они зарыты.

[*Винницкій уѣздъ*]. „Одинъ богатый шляхтичъ случайно открылъ подземелье съ желѣзною дверью, запертою висячимъ замкомъ. Отбивъ замокъ и растворивъ дверь, онъ увидѣлъ несмѣтныя сокровища: въ одной бочкѣ — золото и на немъ крестъ, въ другой — серебро и на немъ евангеліе, въ третьей мѣдь, а на ней сидящаго живаго пѣтуха-чорта. Шляхтичъ струсилъ, однако началъ набирать деньги въ шапку. Вынесши этихъ денегъ разовъ пять, онъ пришелъ и въ шестой разъ. Вдругъ чорный пѣтухъ говоритъ ему, указывая на крестъ и евангеліе: „вынеси прежде вотъ то, а потомъ бери сколько хочешь“. Шляхтичъ въ испугѣ послушался и, взявъ св. вещи, только успѣлъ выйти изъ подземелья, какъ все это мѣсто рухнуло и провалилось съ гуломъ“.

Вообще о кладахъ есть множество повѣрій. Кладъ можетъ являться въ хату въ видѣ старика съ сѣдою длинною бородой. До такого старика слѣдуетъ только дотронуться пальцемъ и сказать: „аминь“, то старикъ тотъ въ ту же минуту разсыплется деньгами.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Кладовъ очень много; трудно только отыскать ихъ, потому что они бываютъ „закляты“. Иногда впрочемъ деньги эти берутъ случайнымъ образомъ. Разсказываютъ, напр., слѣдующую легенду:

„Одинъ богатый старикъ, умирая, не хотѣлъ оставить денегъ своему семейству, а рѣшилъ ихъ закопать; чтобы сдѣлать это безъ свидѣтелей, онъ поразсылалъ всѣхъ домашнихъ; осталась только одна дочь, лежавшая на чердакѣ. Старикъ началъ бросать деньги въ выкопанную имъ яму и приговаривать: „яки руки загрібають, щобы ти и одгрібали“, затѣмъ легъ въ постель и умеръ. Дочь, слышавшая произнесенныя умершимъ слова, слѣзла съ чердака, взяла трупъ и его же руками выкопала деньги“.

Нѣкоторые клады закапываются на извѣстное число лѣтъ, по большей части — на семь. По прошествіи урочнаго времени, кладъ превращается въ какое-нибудь животное: свинью, кошку, собаку и т. п. Тогда слѣдуетъ только толкнуть это животное, и оно разсыплется деньгами.

Жилище, хозяйственныя постройки, орудія и утварь.

Изба. [*Ушицкій уѣздъ*]. „Первую избу построилъ сатана, но, построивши, не продѣлалъ оконъ, и въ ней было темно. Не зная что дѣлать, чтобы былъ свѣтъ въ избѣ, сатана взялъ мѣшокъ и давай носить мѣшкомъ солнечный свѣтъ; что принесетъ, выпуститъ въ хатѣ, а свѣта все-таки нѣтъ. Вотъ приходитъ Богъ и спрашиваетъ его, что онъ дѣлаетъ? Сатана говоритъ, что онъ построилъ избу, но въ ней темно, какъ ночью, а хотѣлось бы, чтобы было свѣтло, какъ бываетъ на дворѣ днемъ.

— Сколько ни тружусь, сколько ни ношу свѣта, а въ хатѣ все-таки темно и темно.

— Подари мнѣ, сказалъ Господь, то я сдѣлаю.

— Бери, а то мнѣ уже наскучило носить.

„Тогда Господь сдѣлалъ три окна, и въ хатѣ стало свѣтло. Съ тѣхъ поръ люди начали строить хаты“.

[*Литинскій уѣздъ*]. „До потопа люди не умѣли строить домовъ и жили подъ открытымъ небомъ. Послѣ же потопа, когда наступила сильная зима, Ной выстроилъ для своего семейства деревянный шалашъ, въ родѣ какой-то конурки, и въ ней проводилъ нѣсколько зимъ. Съ увеличеніемъ семейства Ноева, онъ построилъ большой шалашъ, наконецъ, усовершенствовавшись въ плотничьемъ искусствѣ, — онъ построилъ маленькій домикъ. Первые, послѣ Ноя, домики всегда строились безъ оконъ; одна женщина, желая освѣтить свой домикъ, схватила рѣшето и начала бѣгать по двору, желая уловить лучъ солнца. Во время этого занятія, ей явился какой-то человѣкъ, навѣрно ангелъ, и, посмѣявшись надъ нею, сказалъ:

— Дурна ты, баба. Взялъ затѣмъ топоръ, прорубилъ въ домѣ дыру и, такимъ образомъ, комната освѣтилась. Увидѣвъ это, женщина сказала:

— Все это хорошо, но какъ же я стану защищать свою избу отъ холода.

„Желая помочь ея горю, поясненный выше человѣкъ пошолъ на берегъ моря, нашелъ большую рыбу, вынулъ изъ нея пузырь и таковымъ закрылъ сдѣланное отверстіе въ домѣ, не отнимая тѣмъ свѣта. Съ того времени начали всѣ подражать той женщинѣ“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Говорятъ, что до Соломона не было хатъ, и люди, большею частію, не были изобрѣтательны. Но разъ, посѣщая свое царство, Соломонъ увидѣлъ, что человѣкъ строилъ деревянную избу.

Закладины. [*Ушицкій и Проскуровскій уѣзды*]. Размѣривъ для избы мѣсто, вяжутъ дерево, потомъ копаютъ ямы для столбовъ, въ эти ямы сыпятъ рожь, для того, чтобы Богъ далъ житья и жизнь,— „довгый вікъ“, потомъ на ночь кладутъ въ каждый изъ четырехъ угловъ по „цѣлушкѣ“ хлѣба и стаканчику воды. Это дѣлается для того, чтобы узнать, счастливо ли то мѣсто, гдѣ закладываютъ домъ? И если на другой день застаютъ въ такомъ же видѣ хлѣбъ и воду, и если еще вода прибудетъ такъ, что переливается черезъ край, то это считаютъ весьма хорошимъ признакомъ, а если застанутъ хлѣбъ и воду тронутыми, то считаютъ несчастіемъ, и такой человѣкъ не охотно уже строитъ домъ, а иные сейчасъ обращаются къ знахаркамъ или же къ „ворожбитамъ“.

[*Переяславскій уѣздъ*]. Когда закладывается изба, то въ то время никто изъ постороннихъ не долженъ присутствовать, иначе тому будетъ большая бѣда: главный мастеръ можетъ заложить домъ на свою голову, и непремѣнно умретъ.

[*Будаевка*]. „Якъ закладують хату, то неможна дерева у-поперекъ дерева класты, щобъ не померлы“.

[*Будаевка*]. „Въ самый передъ, тамъ, де думаешъ становыть хату, треба на всіхъ чотырохъ углахъ понасыпаты по купці жита; та якъ переночуе тее жыто та ніхто ёго не займе, то тамъ можна хату строіть. А якъ переночуе та хто нибудь поворушыть жыто, то тамъ не можна строіть, черезъ те не можна, що тамъ чорты будуть товктысь“.

[*Будаевка*]. „Де треба строіть хату, до перше треба назначыть місце по всіхъ чотырохъ углахъ, понакопувать ямкы да й понасыпать пшеныці, якъ ні що не поість за трое сутокъ, то те місто благополучне и тамъ можна хату закладать“.

„Якъ хату роблять, то не можна быть по сволоку довбнею й сокырою, щобъ головы не болілы. Ще кажуть не буде въ тій хаті жыття доброго“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Назначивъ мѣсто для постройки дома, хозяйка печетъ нѣсколько хлѣбовъ и на одномъ изъ нихъ дѣлаетъ какую-нибудь замѣтку. Испекши хлѣбъ, осматриваютъ намѣченный: гладокъ ли онъ, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ хозяину будетъ жить хорошо; во второмъ — плохо, и тогда онъ обращается „къ ворожбітамъ“. Вечеромъ, въ день печенія хлѣба, берутъ кусокъ сухой овечьей шерсти, раскладываютъ на мѣстѣ, назначенномъ для постройки дома, и на шерсть ставятъ порожній горшокъ. На другой день, утромъ выжимаютъ шерсть, и если окажется хоть одна капля воды, то это служитъ очень хорошимъ признакомъ, и наоборотъ.

Окно. [*Литинскій уѣздъ*]. Окна, это — мѣста для ангеловъ. На окнахъ всегда, невидимо, сидятъ ангелы.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Негодыться у вікно плювать, бо на вікні сыдыть анголъ — Божый слуга“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Соломонъ выдумалъ прорубать окна, а пока онъ не выдумалъ, то люди жили въ пустыхъ темныхъ домахъ.

Порогъ. [*Рудьковка*]. „Негодыться черезъ порігъ здороваться: полавшися съ тымъ“.

[*Будаевка*]. „На порозі гріхъ що небудь робыть, бо не буде воно такъ, якъ хочешъ“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Не подавай воды черезъ порігъ, бо не оженисся“ (не выйдешь замужъ).

[*Проскуровскій уѣздъ*]. „На порозі не можна розпинаться“. Рубить что-нибудь на порогѣ опасно, такъ какъ послѣ этого будутъ бѣгать черезъ порогъ бѣшенныя собаки.

Ключи. [*Батуринъ*]. „Ключей на столі класты не годыться, бо будешъ забуватьця“.

Столъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Столъ — святое мѣсто: это тотъ же престолъ Бога.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Нельзя угощать на непокрытомъ столѣ, въ особенности, дѣвушку; въ противномъ случаѣ, мужъ ея будетъ лысый.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „На столі гріхъ класты шапку, бо то місто самого Бога“.

Вѣникъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Считается смертнымъ грѣхомъ ставить на покутѣ вѣникъ: его мѣсто въ углу, около печи.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Віникомъ не можна бытьця, бо якъ ударышъ, то непремінно на того чоловіка нападе короста“.

Кочерга. [*Литинскій уѣздъ*]. Кочерга пользуется уваженіемъ, какъ предметъ нужный для печи. Никто не посмѣетъ бросить ее съ пренебреженіемъ, гдѣ ни попало, а непремѣнно ставятъ ее въ углу, около печки.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Не можна кочергу на нічъ ставыть, а треба ложыть, также само й рогачі: якъ покласты іхъ, то воны будуть отдыхать и хозяйці дякувать, а якъ не покласты, то будуть лаять“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Ручкою отъ кочерги нельзя трогать огня, потому что ястребъ будетъ хватать куръ.

Помело. [*Литинскій уѣздъ*]. Помело пользуется уваженіемъ въ народѣ, какъ предметъ нарочно предназначенный для печки.

Выметанье. „Якъ лягають спать, до метуть хату черезъ те, що анголъ ходытыме; а якъ неметена хата, то туда вінъ и не прыйде. Це роблять, що-вечора, завсюды“.

Заклинаніе ружья. „Іхавъ чортъ Хамеолъ, візъ сімъ мішківъ зъ піскомъ, забывавъ въ дуло пулю, кремень, воду и землю“.

Сказавъ это, подуть въ ружье и опять продолжать: „Вверхъ летыть соколомъ, внызъ летыть осыковымъ колкомъ“. Этими словами можно заговорить ружье, услышавши только выстрѣлъ, послѣ чего оно не будетъ убивать на самомъ даже близкомъ разстояніи и можетъ исправиться только тогда, когда его промоютъ сперва уксусомъ, а потомъ святою водой *).

„Зольныця“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Деревянный сосудъ для золенья бѣлья. Сухого бѣлья въ „зольныцю“ бросать нельзя: отъ этого дѣти заболѣютъ чахоткой.

Мотовило. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ два мотовила не нужно мотать, потому что скотъ будетъ бодаться.

Веретено. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если оно упадетъ изъ рукъ пряхи и мальчикъ подастъ его, то нужно ущипнуть мальчика, чтобы онъ послѣ не падалъ при ѣздѣ на лошади.

Грабли. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Нельзя брать въ руки грабли на Рождество Христово, потому что куры будутъ портить гряды.

Кварта. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Это — жестяная посудина для питья воды. Доливать воды изъ кварты въ горшокъ, наполненный какою нибудь кипящею жидкостью — нельзя: отъ этого на губахъ явятся волдыри.

Каганецъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Это — небольшой, глиняный сосудъ, который наполняютъ жиромъ, кладутъ туда фитиль и употребляютъ вмѣсто свѣчи.

Потухшій мгновенно „каганець“ предвѣщаетъ смерть одному изъ жителей дома.

---

*) Напеч. въ Ворон. Губ. Вѣд. 1863 г., стр. 69. Сообщено Л. Н. Майковымъ.

Ножницы. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если ножницы, упавши на землю, воткнутся острымъ концемъ, — это предвѣщаетъ гостей.

Погребъ. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Негодытся істы, якъ ідешъ до погреба, бо якъ будешъ істы, то будуть жабы и мышы падать у варево“.

Сарай. [*Литинскій уѣздъ*]. При постройкѣ сараевъ, прежде всего, стараются узнать, не занято ли то мѣсто чортомъ. Для этого, передъ постройкою, кладутъ на ночь въ четырехъ углахъ избраннаго мѣста по краюшкѣ хлѣба и по горсти ржи. Если хлѣбъ и рожь останутся нетронутыми, то избранное мѣсто годится для постройки. Утверждаютъ, что въ сараяхъ, особенно предназначенныхъ для лошадей, всегда поселяется чортъ, а потому сараевъ тѣхъ никогда не слѣдуетъ освѣщать и въ нихъ нельзя свистать, чтобы тѣмъ не раздражить дьявола, который можетъ замучить лошадей.

Мельница. [*Ушицкій уѣздъ*]. Мельница есть постоянное жилище чорта, гдѣ онъ, по ночамъ, мелетъ табакъ и старается передразнивать людей, ночующихъ тамъ. Говорятъ, что въ мельничной печкѣ никогда не слѣдуетъ жарить сала, такъ какъ это можетъ раздразнить чорта. „Одному человѣку, который жарилъ въ мельницѣ сало и ѣлъ его, чортъ, незамѣтнымъ образомъ, втиснулъ ему въ руку, вмѣсто сала, лягушку, и человѣкъ тотъ едва не проглотилъ ее“.

Изъ мельницы не слѣдуетъ ничего брать въ домъ; взявшій изъ мельницы что-нибудь въ свой домъ непремѣнно переведетъ оттуда всѣхъ крысъ. Дерево изъ мельничнаго зданія ни къ чему не годится, развѣ только на сараи для свиней. Въ сараяхъ изъ мельничнаго дерева свиньи бываютъ очень плодовиты, подобно крысамъ. Свиней чортъ боится и потому не переходитъ съ мельничнымъ деревомъ въ ихъ сарай.

„Чортъ збудовавъ млына, але якъ будовавъ того млына, то геть все поробывъ, якъ и треба було, тылько тыі снасти, що трясе тую скрыню, що сыплють збоже, що надъ камнемъ вісыть, — ніякъ не мігъ зробыты, то вінъ, якъ млынъ меле, самъ стоявъ коло тыі скрыні да и трусывъ рукою, а на решті, якъ ёму уже наскучыла та робота, то и покынувъ ii. Бигъ послявъ св. Мыхаіла доробыты тыі снасті, то завжды треба було бы такого чоловіка, которы бы стоявъ возли скрыні, да и трусывъ бы его“.

Хозяйственныя орудія.

Возъ. „Зъ самого початку світа люде не малы возівъ, а іздылы літомъ и зимою на саняхъ. Нема такого майстра, щобъ зробывъ воза. Разъ и каже Богъ до св. Петра и Павла:

— Якъ маєте тутъ снуватыся изъ кутка въ кутокъ, то йдіте лучче пошукайте такого майстра, щобъ зробывъ воза для людей.

„Взялы святы Петро и Павло на себе сермъяны, взялы по куску хліба, кыя въ рукы и пійшлы. Идуть воны день, идуть другый, идуть и третій, пытаются воны людей:

— Чы не бачылы де майстра, жебъ мігъ зробыты воза?

— Нѣ, кажуть, не бачылы.

„Идуть воны зновъ дальше; ажъ-то підъ вечіръ прыходять до болота; дывлятся воны — стоіть хатка на курячій ніжці. Слухають, а въ тій хатці стрелъ, пукъ, трісквъ, крыкъ, гамъ, гвалтъ, — просто якъ у тому пеклі.

„Злякалыся Петро и Павло и вже хотілы втікаты, але жъ якъ трохы страхъ пройшовъ, — кажуть єденъ до другого:

— Чого мы маємо боятысь, ходимъ до хаты, подывымося: що тамъ робыться?

„Нарадылыся и пійшлы до хаты. Ввійшлы въ хату, ажъ тамъ стоіть візъ, чысто, гарно зробленый, навітъ зъ колесамы, а коло того воза працює неборачысько чортъ. Вже на ёму ставъ и шумъ, а вінъ все такы не покыдає своєі праці: то потягне сюда, то туда, то въ двері, то въ вікно, а візъ зачепытся то колесомъ, то лушнею и неякъ не може выіхать зъ хаты.

„Забачылы святы Петро и Павло, же чортъ не може вывезты воза, кажуть:

— Э, теперъ той візъ буде нашъ!

— А що ты, чорте, робышъ? крыкнувъ св. Петро.

„Чортъ злякався, почувшы чыйсь голосъ, але жъ побачывшы, же святы Петро и Павло — знакомі люде, каже імъ:

— Отъ зробывемъ воза, але ніякъ неможна вывезты ёго зъ хаты.

— Э, дурню ты, дурню, каже Петро, дай намъ того воза, то мы ёго заразъ вывеземо.

— А выжъ що мыні дасте?

— А що тобі дамо: дамо овесъ, ячмінь.

— Добре, хай буде такъ.

„Петро и Павло взялы, розыбралы того воза и вынеслы на двіръ. Чортъ якъ забачывъ, що візъ уже на дворі, и каже:

— Теперъ колы уже візъ на дворі, то я ёго вамъ уже не дамъ.

— А колы не дасы, то мы тебе перехрестымо и не будешъ маты ні віза, ні овса.

— Ну, берить, каже, воза, та тылько скажить, що вы мыні даєте за ёго?

— Скажемо, тылько зложы намъ ёго такъ, якъ вінъ повыненъ буты.

„Зложывъ чортысько воза и зновъ просыть платы за візъ.

— Мы тобі казалы, що даємо тобі за твого воза очеретъ.

„Пошовъ чортъ въ очеретъ, а святы Петро и Павло завезлы воза до людей и далы ёго імъ. Отъ зъ-відкы пішовъ візъ. Теперъ нымъ іздять всі добрі люде; а ляхы, паны, богаты мужыкы заводять собі вже брычкы, нетечанкы, кочабрыкы, каріты, бачъ чого навыдумувалы, — ще десь то воны хытрійшы одъ самого чорта. А чортъ сыдыть въ очереті та полохає жабівъ, та тіхъ людей, котрі не боятся Бога“ *).

[*Ушицкій уѣздъ*]. „Візъ и колеса чортъ робывъ такъ, щобъ Богъ не бачывъ, десь въ кутку, але зробывшы воза не могъ ёго а ніякъ зъ-тамечка вывезты. Прыходыть до ёго Богъ и пытается:

— Що ты, Героде, робышъ?

— Зробывъ я воза, щобъ малы люде на чімъ іздылы.

— А ну, вывезы свого воза на улыцю.

„Геродъ мучывся, мучывся, та не вывізъ такы того воза, бо тый кутокъ, де вінъ ёго зробывъ, бувъ вельмы тісный: візъ не якъ не выходывъ. Бигъ до ёго каже тоді:

— Дурный ты, Героде, возмы, по ковалку розберы та й вынесь, а потімъ знову зложышъ.

„Геродъ такъ и зробывъ; але потімъ неякъ не могъ ёго зложыты. Що вінъ не робывъ, якъ не мучывся, а такы не зложывъ того воза, якъ піршы вінъ бувъ. Бигъ все дывывся и сміявся зъ ёго, а на решті Геродъ вельмы розсердывся: покынувъ того воза та й утікъ, а Богъ прославъ святого Мыхаіла зложыты тей візъ, и святый Мыхаілъ якъ зложывъ, то мы тепіръ и іздымо возамы“.

[*Литинскій уѣздъ*]. Возъ — изобрѣтеніе Соломона. Разсказываютъ, что когда онъ ѣхалъ на изобрѣтенномъ имъ возѣ, то удивлялся самъ, какъ это дѣлается такъ, что переднія колеса не уйдутъ, а заднія никакъ не могутъ догнать.

Земледѣльческія орудія. [*Литинскій уѣздъ*]. Плугъ, рало, соха, борона, сани, вѣсы и проч. изобрѣтены Соломономъ. Богъ, изгоняя Адама и Евву изъ рая, далъ имъ только лопату и заступъ, и, до временъ Соломона, этими орудіями обработывалась земля. Объ изобрѣтеніи Соломономъ вѣсовъ разсказываютъ слѣдующую исторію: „Соломонъ былъ нелюбимъ матерью своею за то, что всегда называлъ женщинъ дурами. Однажды, послѣ изобрѣтенія

*) Записалъ Константинъ Жуковскій.

вѣсовъ, онъ началъ на нихъ что-то вѣсить. Въ это время проходившая возлѣ мать его спросила, что́ онъ дѣлаетъ? Соломонъ отвѣчалъ:

— Вѣшу женскій умъ съ собачьимъ г..... и удивляюсь, почему г..... собачье перевѣшиваетъ женскій умъ?

„Мать за это такъ разсердилась на Соломона, что велѣла одному изъ своихъ слугъ вывести его въ поле и тамъ умертвить, приказавъ принести, въ доказательство смерти Соломона, палецъ и сердце его; но слуга, сжалившись надъ Соломономъ и оставивъ его живымъ, отрубилъ ему только палецъ, который и принесъ своей госпожѣ, матери Соломона, вмѣстѣ съ сердцемъ убитой имъ собаки, выдавая его за Соломоново сердце. Соломонъ послѣ того долго ходилъ по міру оборваннымъ и нищимъ и въ то время еще болѣе усовершенствовался въ мудрости. Вслѣдствіе этого еще и теперь называютъ часто нищихъ и оборванцевъ премудрыми Соломонами“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. О печкѣ, столѣ, лавкѣ, дежѣ, откуда взялся первый огонь и плугъ, кто научилъ людей пахать, сохѣ, косѣ, граблямъ, возу, санямъ, колесамъ, — народъ говоритъ, что все это выдумалъ самъ Богъ, для пользы человѣка. „Такъ, когда Адамъ изгнанъ былъ изъ рая, то Богъ далъ ему всѣ хозяйственныя орудія и сказалъ:

— Когда ты не хотѣлъ исполнить мою заповѣдь, то на̀ тебѣ орудія, ступай, живи и обработывай землю“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Еще въ раю, послѣ грѣхопаденія Адама и Еввы, Богъ, изгоняя ихъ, далъ Адаму заступъ, грабли, сказавъ: „иды Адамъ, землю загрібай“. А Еввѣ, давъ прялку въ руки, сказалъ: „иды Ево, запрядаты“.

О происхожденіи косы говорятъ такъ:

„Однажды Соломонъ увидѣлъ, что на кузницѣ, крытой землею, выросла трава и люди тянутъ на кузницу вола, для съѣденія той травы. Соломонъ, зашедши въ кузницу, показалъ кузнецу, какъ сдѣлать косу и, набивъ ее на рукоять, заставилъ людей скосить траву и дать волу. Возвращаясь тѣмъ путемъ, онъ изобрѣлъ: плугъ, рало, возъ и т. д.

Одежда.

Шапка. [*Будаевка*]. „Шапкы на стілъ негодытся класты, бо кілько крышокъ на столі, то стылько буде вошей въ голові у того, що положывъ“.

„Негодытся дві шапкы надівать на голову; якъ хто надіне, то той два годы дурный буде“.

„У шапці гріхъ у хаті сидіть, бо богы есть“.

Рубаха. [*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ надіваєшъ нову сорочку у перший разъ, дакъ годится ножыкъ кру неій трычы пропустыть“.

[*Тараща*]. „Якъ хто сорочку часомъ на-выворотъ надіне, то хтось бытыме; то заразъ и просыть кого небудь, щобъ ударывъ, щобъ на тому вже й окошылось“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если, при надѣваніи, рубаха сзади подвернется, это — признакъ, что кто нибудь побьетъ.

Если дѣвушка, мывши бѣлье на рѣкѣ, замочитъ свою рубаху, это предвѣщаетъ ей мужа пьяницу.

„Сорочку на-виворотъ надівають одъ сглазу“.

Штаны. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если мальчику шьютъ первые штаны, то ихъ нужно начать и окончить въ одинъ присѣстъ; въ противномъ случаѣ, ему впослѣдствіи трудно будетъ найти невѣсту.

Сал[illegible]ъ. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Якъ ходыть въ однымъ чоботі, то вмре мат[illegible]. Цёму старі не вірять, а тількы дітей лякають, щобъ такъ не робылы“.

[illegible]олка. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Неможна красты голокъ, бо хто украде голку, того на тімъ світі чорты будуть черезъ ушко проганять“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Якъ хто кому голку дае, то треба вколоть по маленьку, щобъ не посварылысь“.

Пища и сосуды для нея.

Ложка и ножъ. [*Будаевка*]. „Негодытся стукать по столу ложкою або ножемъ“.

[*Борисполь, Переяславскій и Проскуровскій уѣзды*]. „Не можна по столу стукать ножемъ, бо буде въ семьі завсіды сварка“.

[*Батуринъ*]. „Негодытся по столу ляпать ложкою, бо будуть зубы болiть“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Негодытся исты одною ложкою у двохъ, щобъ не посердытьця“.

„Негодытся ложокъ мыть, якъ сонце зайде“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если къ вечеру ложки будутъ поставлены „стоймя“, то въ эту ночь никто въ домѣ спать не будетъ.

Дѣвушки не должны ѣсть большими ложками, такъ какъ отъ этого у нихъ будутъ слишкомъ развитыя груди.

Горшокъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если въ домѣ горшокъ розобьется, то говорятъ: „нехай на нимъ станеться“. Если положить топоръ на „припічокъ“, то горшки будутъ разбиваться.

Хлѣбъ. [*Тараща*]. „Негодытьця одвертаты хлібъ надрізанымъ бокомъ до стіны, бо такъ люды одвертатемутця одъ хазяіна“.

[*Дударі, Каневскій уѣздъ*]. „Якъ надрізуе чоловікъ хлібъ цілый, то попереду черкае ножемъ навхрестъ и такъ каже:

— Господы благословы! А парубкові, або дівчыні не можна цёго робыть, бо воны ще нікого не хрестылы: не носылы до попа хрестыть“.

Соль. [*Каневскій уѣздъ*]. „Негодытьця соли подавать кому небудь за столомъ, бо будуть лаятьця. Якъ хто подае кому небудь сіль, то нехай засміется, щобъ не сердытьця“.

Водка. [*Литинскій уѣздъ*]. Какъ фактъ, подтверждающій о неизбѣжномъ пребываніи чертей въ корчмахъ, разсказываютъ такую легенду: „Во время земной жизни Спасителя, одинъ чортъ, начальствовавшій надъ другими, жилъ себѣ въ небольшомъ домикѣ и отъ праздности вздумалъ дѣлать водку изъ „дывъ-дерева“.

„Однажды зашелъ къ нему Спаситель съ св. Петромъ и Павломъ, и чортъ, желая оказать имъ честь, началъ угощать ихъ изобрѣтенною имъ самимъ водкою. Спаситель отказался пить водку, но св. Петръ и Павелъ выпили по рюмкѣ. Послѣ первой рюмки, св. Павелъ пожелалъ выпить еще, а потому, обратившись къ чорту, сказалъ: „Га, добра твоя горілка, дай выпъемъ ще“. Чортъ далъ ему вторую рюмку, но св. Павелъ потребовалъ и третью. Наконецъ Спаситель началъ прощаться съ чортомъ; въ то время послѣдній, схвативъ съ св. Павла шапку, сказалъ:

— Перша чарка прыіздна, друга відъіздна а за третю заплаты.

„Случилось такъ, что ни у св. Павла, ни у св. Петра, ни у Спасителя не было денегъ, а потому Спаситель, обратившись къ чорту, сказалъ:

— Чекай; виддай шапку, а тобі буде заплата така: котори люды будуть вміраты зъ горілкы, тыхъ душы будуть твоі.

„Чортъ согласился съ этимъ и отдалъ шапку св. Павлу. Послѣ этого чортъ постоянно проживаетъ въ корчмахъ, гдѣ и подстрекаетъ людей пить водку до смерти, такъ какъ это его прибыль“.

Сало. [*Тараща*]. „Хто багато сала iсть, то въ того губы товсты будуть“.

Молоко. [*Будаевка*]. „Якъ молоко істы, до гріхъ надъ мыску ножемъ хліба крышыть, а треба ламаты, а ні, до на столі ножемъ накрышыть, а тоді у мыску класты, бо якъ ножемъ прямо у мыску кыдать, то буде молоко портытьця“.

Кваша. „Якъ запарують, до приговорь щобъ удалась:

„Ишовъ чернець черезъ нашъ дворець, да споткнувся на г.... , да обернувъ медъ-віно, да въ нашу квашу“.

„Щобъ не вдалась: „Се ходыть вінькъ по выныці, — буде кваша въ помыйныці“.

Чеснокъ. „Негодытьця часныку істы проты ночи, бо ту хату, у которі наістся хто нибудь, — ангелъ буде за дванадцять дворівъ обходыть“.

Кавунъ. [*Будаевка*]. „Якъ посадышъ кавуны, до въ постолахъ або чоботяхъ не можна тамъ ходыть, щобъ кавуны родылы“.

Ѣда до богослуженія. [*Будаевка*]. „Въ неділю до службы гріхъ істы, бо такъ якъ въ ротъ уложышъ, на тімъ світі у пеклі сыпатымуть жаръ у ротъ“.

Ѣда въ шапкѣ. [*Будаевка*]). „У шапці істы — теща глуха буде“.

Недопитая рюмка. [*Каневскій уѣздъ*]. „Не ставляйте недопытоі чарки на стілъ, щобъ спына не боліла“.

Лѣченіе болѣзней.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Извѣстнѣйшія въ народѣ болѣзни суть: „сухоты, несплячкы, оспа, жовтяныці, остуда, волосъ, врокы“. Изъ этихъ болѣзней: „сухоты, оспа, жовтяныці, остуда“ — лѣчатся различными зельями, а „несплячкы, волосъ и врокы“ — лѣчатся различными заклинаніями.

Въ Холмской Руси, извѣстнѣйшія народу болѣзни, кромѣ „вроковъ“, слѣдующія: „тітка (лихорадка), поруха, рожа, катарръ, боль головы и боль зубовъ“. При лѣченіи этихъ болѣзней, народъ никогда не прибѣгаетъ къ помощи врачей, а вообще довѣряется знахарямъ и шептухамъ.

Въ Житомирскомъ уѣздѣ извѣстнѣйшія болѣзни слѣдующія: „прычына, ночныці, пранці, кіръ, холера, прыстрітъ, сказъ, підвій, уразъ и крыксы“. Сюда же относятся и болѣзни, извѣстныя въ другихъ мѣстностяхъ: „віспа, жовтяныці, остуда, волосъ, врокы и рожа“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Извѣстнѣйшія въ народѣ болѣзни тѣже, что и въ Житомирскомъ уѣздѣ, и кромѣ того: „родымець, чума и завыныця“.

Для излѣченія всѣхъ этихъ болѣзней, прежде употреблялись бабки-знахарки; теперь же, при болѣзняхъ, каковы холера и чума, хотя бы тысячи бабъ нашептывали разныя слова, — это не поможетъ, тутъ нужна помощь дѣйствительная, а заклинанія и нашептыванія безсильны: онѣ не въ состояніи ни уменьшить страданій больнаго, ни прекратить болѣзнь; поэтому, въ такихъ случаяхъ, безусловно держатся наставленій медицинскихъ и, заболѣвши, прибѣгаютъ за помощію къ дѣйствительному врачу. На долю бабъ остались поэтому самыя пустыя и незначительныя болѣзни.

Заклинаніе общее отъ всѣхъ болѣзней. [*Кіевская губернія*]. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь (трижды). Царь-батюшка рѣка! какъ ты царь-батюшка течешь: со востока на западъ своими струями-колодезями съ горъ, съ холмъ, съ суходоловъ, крутые берега обмываешь, дровесныя и травесныя коренья ломаешь. Омой и оторви отъ раба Божія (имя рекъ) всякія болѣзни отъ головы, отъ его очей, отъ его плечей, отъ ногтей (*) и всей крови“.... **).

Заклинаніе общее въ болѣзняхъ младенцевъ. (Больной умывается святою водой, въ которую кладется ладонъ „херувимскій“, и предъ умываніемъ читаютъ слѣдующее):

„Господы поможы, пособы Пресвятая Тройця, Маты Богородыця своімы словамы, своімы устамы и своімъ Святымъ Духомъ. Хто на тебе подумавъ, хто на тебе щелепы рознымавъ, хто на тебе языкы обертавъ. Ты, вода вечірня, случылася ты зъ вечера до півночі и до білого світа, надъ тобою хрестъ умочалы, надъ тобою Евангелію чыталы, бісы-дъяволы заклыналы, изъ хрыстыяньской віры высылалы. И ты, лукавый, чи ты водяный, чи ты вітровый, чи ты выхровый, чи ты подуманый, чи ты погаданый, чи ты насланый, чи ты наспаный, чи ты найденый, чи ты напытый, чи ты місцовый, чи ты прыччовый, чи ты прызырный, чи ты въ часу, чи ты въ получасу, чи ты въ дні, чи ты въ полудні, чи въ ночі, чи въ півночы? Поты ты стоявъ, поты ты буявъ, покы я не знала. Стала тебе знаты, стала тебе зъ кості высылаты. Шіды собі, де собакы не брешуть, де курі не поють, де хрестіяньскый голосъ не ходе. Не я тобі помагаю, помогае самъ Господь Хрыстосъ, и Маты Божа

(*) Не разобрано.

(**) Записалъ В. А. Яковлевъ. Сообщено Л. Н. Майковымъ. Конецъ оторванъ. Недостающее окончаніе можно пополнить изъ другихъ заклинаній, такъ какъ всѣ они имѣютъ одну общую формулу.

прыходыла, здоровья прыносыла отъ усякоі болісті, отъ усякоі скорботы. Нароженому, молитвенному (имя рекъ) поможы Господы!“ *).

Несплячкы. [*Ушицкій уѣздъ*]. Отъ „несплячекъ“ (когда дитя не спитъ) дѣлаютъ такъ: баба беретъ дитя, идетъ на то мѣсто, гдѣ высыпается соръ, обращается лицемъ къ лѣсу и говоритъ: „Добры-вечіръ тобі, ліс̀е недоборе! побратаймося: я маю сына, а ты дочку, посватаймося: на мого сына дрімлывыці, сонлывыці и сплячкы, а на твою дочку сырлывыці, плаксывыці и несплячкы; бо мій сынъ хрыщеный, пороженый, именованый, книжный, молитвованый“. Такъ говоритъ она три раза и оставляетъ дитя на томъ мѣстѣ, а мать сама должна прійти и взять его.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Этою болѣзнью страдаютъ преимущественно дѣти. Заболѣвшему „несплячкою“ натираютъ масломъ животъ и, выйдя вечеромъ на дворъ, говорятъ: „ліси, ліси лебедини, я маю дочку (або сина) и ти маєшъ дочку (або сина). На твого сина плаксивыці, дрисливыці, сырливыці и вся нечистота, а на мою дочку (або сина) чистота, красота и сонъ зо всіхъ сторонъ“.

Если хотятъ заразить этою болѣзнью кого-нибудь изъ сосѣдей, то ожидаютъ вечера, и какъ только увидятъ огонь въ сосѣднемъ окошкѣ, становятся противъ него и говорятъ: „Синку, иди-жъ собі до тоі хати, зогрієшъ собі ручки, ніжки и головку и лишишъ тамъ плаксивиці, сирливиці, а звідти візьмешъ красоту, чистоту, сонъ зо всіхъ сторонъ и будешъ спати“.

Если же эту болѣзнь „на лісъ отсылаютъ“, то говорятъ: „ліси, праліси, въ тебе дочка, въ мене синъ; посватаймося, побратаймося: нехай твоя дочка дасть сонливыці и свѣтлость; а мій синъ віддасть плаксивыці“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Поятъ отваромъ маковыхъ головокъ, а также и свинымъ молокомъ.

Воруютъ у какого нибудь хозяина немного соломы съ крыши и, бросивъ ее въ приготовленную купель, купаютъ тутъ же ребенка.

Корь. [*Холмская Русь и Проскуровскій уѣздъ*]. Если кто заболѣетъ корью, то ему даютъ пить медъ, чтобы скорѣе выступали „прищі“.

Глисты. [*Ушицкій уѣздъ*]. Отъ глистовъ мажутъ дегтемъ подъ ложечкой и на горлѣ, даютъ пить воду или отваръ съ такъ называемымъ цытварнымъ сѣменемъ, а также даютъ внутрь чернушку и чеснокъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Отъ глистовъ также даютъ пить отваръ съ растенія, называемаго „хробочникъ“. Трутъ въ порошокъ мѣлъ и даютъ въ водѣ.

*) Зап. въ Саратовской губерніи. Сообщено Л. Н. Майковымъ.

Толкутъ живыхъ раковъ и, сдѣлавши пластырь, кладутъ на брюхо.

Жгутъ скорлупу съ куринаго яйца, растираютъ въ порошокъ и даютъ пить.

Мажутъ дегтемъ подъ носомъ.

Вышедшую глисту сушатъ, толкутъ въ порошокъ и въ водкѣ даютъ пить.

Приготовляютъ купель съ козинымъ испражненіемъ и купаютъ въ ней ребенка. Вскорѣ послѣ купели у ребенка на всемъ тѣлѣ показываются небольшіе черные пузырёчки, которые срѣзываютъ бритвами, въ увѣренности, что это головки глистовъ.

Желтуха (жовтяныці). [*Грубешовскій уѣздъ*]. Желтуха лѣчится отваромъ моркови, посвященной въ день „найсвентшей панны Зельной“. Нѣкоторые больные желтухой ходятъ въ костелъ смотрѣть на „патыну“ (кругъ изъ матеріи, на которомъ стоитъ чаша).

[*Шендеровка*]. „Булы у старыну поясы тканы суконны, якъ теперъ поясы красны. Баба, скупавшы дытыну въ воді, у котру положыла мурашківъ жовтыхъ зъ цурупалемъ (що тамъ у купі комашня нанесе усякого зілля). Якъ выкупала да обвязала поясомъ, то вся жовтяныця выйшла на поясъ, и поясъ зробывся зовсімъ поганымъ“.

„Зоры зоряныці! возмить раба Божого N жовтяныці: ранні, и повранні, денны и повденны, вечірні и повечірні, ночныі и повночныі“! *)

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Отъ желтухи, между прочимъ, употребляютъ слѣдующія средства:

Пьютъ гусиное испражненіе съ водой.

Мочатъ растеніе „крокишъ“ и пьютъ.

Мочатъ „короли“ и водой этою умываются.

Пить въ теченіи трехъ дней утромъ яичный желтокъ.

Испражненіе собаки толкутъ въ порошокъ и пьютъ.

Вѣшаютъ на шею живаго линя и держатъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ.

Жовны. [*Ушицкій уѣздъ*]. Вылѣчиваютъ такъ: задавливаютъ слѣпыша и, тотчасъ же послѣ удавленія его, руками ощупываютъ больное мѣсто.

Насморкъ. [*Харьковскій уѣздъ*]. При насморкѣ нюхаютъ хвостъ у кошки или зажженную шерсть.

*) Напеч. въ Черниг. Губ. Вѣд. 1860 г., стран. 330. Сообщено Л. Н. Майковымъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Нюхаютъ также жжоную муку, пшено или же „устілку“.

„Завыныця“. [*Винницкій уѣздъ*]. Ее излѣчиваютъ не нашептываніями, а болѣе или менѣе дѣйствительными средствами: выжимаютъ полынный сокъ и даютъ пить больному, а также толкутъ чеснокъ и даютъ больному ѣсть.

„Куряча сліпота“. [*Ушицкій уѣздъ*]. Излѣчивается такимъ образомъ: берутъ печень изъ чорной свиньи, святятъ ее на Свѣтлое Воскресеніе, держатъ ее цѣлый годъ и, на случай болѣзни, ѣдятъ. Или же: варятъ чорную курицу, и этимъ отваромъ мажутъ глаза больному.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Больной „курячею сліпотою“ послѣ захода солнца ничего не видитъ. Она наиболѣе прививается весною, во время великаго поста, вѣроятно отъ постной пищи. Излѣчиваются отъ нея тѣмъ, что подкуриваютъ печенью чорной курицы; рыбою, найденною во внутренностяхъ щуки.

Ставятъ въ мискѣ воду въ сараѣ, гдѣ сидятъ куры, и утромъ умываются этою водой.

Больной этою болѣзнью не долженъ ходить въ то мѣсто, куда выбрасывается соръ изъ избы.

„Сояшниці“. [*Шендеровка*]. „Одъ сояшныць, треба маленькій горщічокъ налыть водою, та тречы положыть въ ёго шпона, беручы ёго межъ пальцямы, да прыставыть до жару. Треба взять мыску, ложку, ніжъ и веретено. Тоді якъ закыпыть, то треба высыпать изъ горщыка у мыску и горщыкъ у мысці перевернуть и на животі поставыть мыску, ніжъ у рукы и водыть кругомъ по дні по горщыку.

„Святытелю Мыколаю, угодныку Божый, помошныку скорый! допоможы мыні ласкою своєю небесною — вымовыты и выговорыты и сояшниці, и веретільныці, и заспаны, и насланы, и ранніі, и познііи. Я васъ вымовляю, я васъ вышепчу, я васъ заварю, бо тутъ вамъ не стояты, часу не теряты, кышкамы не воёваты. Въ другый разъ въ добрый часъ“. За другымъ разомъ ножыкъ топлять у мыску, потімъ ложку, веретено и гребінку. Послі подухають на мыску и кажуть: „не мій духъ — Господній, Господы Мылосердный и святая Варваро, мученыця велыкая! до поможы мыні вымоваты“. Тоді мыску знымають зъ живота, ставлять сторчъ ніжъ и тречі зъ верху полывають водою, такъ и на гребінку, на веретено, на ложку и дають тры ложечкы выпыть, а після вылывають у помыі, бо на двіръ вылывать гріхъ“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Признаки „сояшниці“: въ рукахъ и плечахъ боль съ опухолью.

Для излѣченія ея нужно масломъ растирать плечи больнаго и дать выпить большую рюмку водки. Если это не поможетъ, то берутъ насѣкомое „зозулю“, растираютъ на камнѣ и намазываютъ языкъ.

Отъ перелоговъ. „Ишовъ святый Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мохахъ, болотахъ, по нызкыхъ лозахъ, замочывсь, заросывсь, — нігде ёму спочыть, прыйшовъ, сівъ, спочывъ на сірымъ коні: уставъ и пошовъ, за собою перелогы, сояшныці, уроквы, прымовкы понісъ“ *).

[*Харьковскій уѣздъ*]. Отъ опухоли въ горлѣ, кашля, простуды — отвариваютъ шалфей въ молокѣ и пьютъ.

„Бешыха“ (рожа). [*Ушицкій уѣздъ*]. а) При лѣченіи „бешыхы“, бабы обыкновенно молятся и говорятъ пять разъ: „Богородице дѣво, Отче нашъ“, и три раза „Вѣрую во единаго Бога“. Помолившись, говорятъ такъ: „Чы ты зъ вітру, чы ты зъ сонця, чы ты зъ каменя, чы зъ росы, чы зъ воды, чы турецкый, чы нимецькый, чы жидівскій, чы бахурськый, чы жиночый, чы дівочый, чы чоловічый, чы парубочый? Яжъ тебе відмовляю, яжъ тебе вызываю; тутъ тобі не буваты, тутъ тобі не роскошуваты, жовтоі кості не ломаты, червоноі крові не въялыты, білого тіла не сушыты. Иды собі мыжі каміння, мыжі яры, мыжі ямы, — тамъ тобі воюваты, тамъ тобі роскошуваты, каміння перевертаты, жовты піскы пересыпаты, а тутъ тобі не буваты“.

[*Холмская Русь*]. б) При лѣченіи „бешыхы“ употребляется и слѣдующее заклинаніе:

„Я рабъ Божый прызываю на помічъ Матінку Божую, Матінко Божа, Сокальська, Шаршасовська, Почаевска, Ченстоховська стань мыні на помочъ, на ратунокъ о ласкы своєй и Духомъ Святымъ. Рожонько паняночко! уже ты білого тіла накрушыла, жовтоі кості наламала, червоноі крові напыла, сыніхъ жылъ нассала. Иды собі дубы крутыты, на степа, очерета и разны дорогы! Війды изъ раба Божого, хрыщеного, имёнованого, а вы всі Святыі поможіть мыні“.

[*Шендеровка, Каневскій уѣздъ*]. в) „Треба той платокъ, що підъ паскою бувъ, якъ ii святылы, и вощынъ кусочокъ; — платка и вощынъ положыть на жаръ и підкурюючы приговорювать: „Богородыцю“ и „Достойно“, а після казать тры разы: „Богородыце Дівo! прошу тебе на помічъ вышептать и вымовыть бехъ и бешыху, и престрітну, и шляхову, и вітряну, и водяну, и подуману, и погадану, и залытяну, и заідену и вышептать и вымовыть одъ кості, одъ румъяного лыця, одъ веселого серця, нарожденому, хрещеному и

*) Напеч. въ Черн. Г. В. 1858, стр. 129. Сообщ. Л. Н. Майковъ.

молитвъяному рабу Божому N. Було васъ одынадцять, а бехъ дванадцятый, а зъ одынадцяты десять, зъ десяты девъять, зъ девъяты вісімъ, зъ восьмы сімъ, зъ семы шість, зъ шесты пъять, зъ пъяты четырі, зъ чотырохъ тры, зъ трохъ два, зъ двохъ одынъ, а зъ одної та не одної, нарожденому, молитвенному, хрещеному рабу Божому N".

„Бехъ Иродовъ сынъ, а одынадцять бешихъ,— дочкы Иродовы".

г) „Якъ бешиха въ прыщахъ, то зовуть пожарною, кладуть на поясі начесся тры клубочкы у трохъ місцяхъ и запалють говорючы:

„Огні, ангелы и архангелы, и палаешъ и потухаешъ, и потушы нарожденному, хрещеному, молитвенному рабу Божому N, бехъ и бешиху и пожарну и прыстрітну" говорять такъ тры разы и сожигають начесся".

д) Дѣлаютъ и такъ: смѣшавъ деревянное масло съ камфорой, бабка шепчетъ:

„Пійшла Пресвятая Богородыця живымъ мостомъ, на встрічу ii самъ Исусъ Хрыстосъ съ помощію мужыцького глаза, и одъ порубочого, и одъ жіночого, и одъ водяної, и одъ вітряної, стрічної, підстрічної и выхровоі; вамъ тутъ не стояты и міста не маты, жовтої кості не ламаты, ретывого серця не язвыты, червоної крові не пыты, и ты, бешихо-бешыще колючая, стрылючая, выхровая, вітровая, подуманная и погаданная, тутъ тобі не стояты, иды собі на луга, на болота, де люде не ходють и людськый хрыстіянскый глазъ не заходе, тамъ тобі бувать и роскошувать одъ единорожденного, молытвенного, хрыщеного раба Божого N, и помылуй ёго Господы одъ всякой скорбы, лютої болісті. Выйшлы попы и дьякы на Іордань воды святыты, освятывшы усі розыйшлыся, такъ единородного, хрещеного, молытвенного раба Божого N бышыха розыйшлась. Господы! прыймы тое малое моленіе, якъ прынявъ удовыці два лепфта; св. Антоній, Дмытрій и Мусій и Ангелы-Архангелы, простіте и помоліте Бога обо мні". Затѣмъ масломъ мажутъ больное мѣсто *).

е) Положить въ крышку горшка горящихъ уголей, разныхъ Кіевскихъ святостей, какъ-то: стружекъ и обрѣзокъ съ гробницъ св. угодниковъ и т. д., пасхальныхъ крохъ, воску изъ сотовъ умершихъ пчелъ, воску страстной свѣчи и т. п., и когда отъ этого пойдетъ дымъ, то больной долженъ надъ нимъ наклониться больнымъ мѣстомъ, которое покрываютъ полотномъ, а бабка подъ полотномъ давитъ опухоль и говоритъ. „Отче нашъ" (трижды). „Якъ бувъ чоловікъ пустый и волы пустыі, и плугъ пустый, и погонычи пустыі, и пусту ныву оралы, и пусту пшеныцю сіявъ, пуста зыйшла, пуста и посціла, пусты й жнеці

*) Напеч. въ Вор. пам. кн. 1865—66 гг., ст. 230, 31. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.

пустымы серпамы жалы, у пустыі ряды стлалы, пусті копы клалы, пустымы возамы возылы, пусті стогы становылы, на пустому току молотылы, пустымы ціпамы былы, пустымы граблямы згрібалы, пустымы мітламы зміталы, пустымы лопатамы віялы, въ пусті мішкы вбіралы, пустымы завъязкамы завъязувалы, до пустого міста возылы, на пустому камню мололы, ту бешыху розмололы, по хатахъ, по болотахъ, по пустыхъ очеретахъ. Ты-жъ, бешихо, вітряна и водяна, подумана и погадана, и помыслыма, и мужыцька, жіноча и хлопъяча, и піды зъ ёго очей, зъ плычей, отъ жызні на жылы, одъ червоної крові, одъ семыдесяты семы суставівъ *)".

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Одъ „бешихи" употребляются такъ же, какъ дѣйствительныя средства:

Толстою, синею бумагою покрываютъ опухоль. Когда передъ Пасхою рѣжутъ поросенка, то въ крови его мочатъ полотенце, которымъ и подкуриваютъ больнаго.

Обвязавъ больное мѣсто краснымъ поясомъ, раскладываютъ на немъ девять кучекъ пакли, каждую отдѣльно, и зажигаютъ, не допуская горѣть поясу. Послѣ этого баба приговариваетъ: „Бишиха синя, бишиха брунатна, бишиха вітрова, бишиха зъ ідженя, бишиха зъ ходу, бишиха зъ праці, бишиха зъ покликомъ, бишиха зъ пристріту, бишиха зъ лихимъ часомъ.... **).

Чорная болѣзнь. [*Харьковскій уѣздъ*]. Отъ чорной падучей болѣзни нѣтъ лѣкарства.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Отъ чорной болѣзни излѣчиваются слѣдующимъ образомъ:

Берутъ крота, кладутъ въ на-глухо закрытый горшокъ и держатъ въ печкѣ до тѣхъ поръ, пока кротъ не сгоритъ въ порошокъ, который, просѣявъ сквозь сито, намачиваютъ въ водкѣ на три дня. Водку эту, по истеченіи трехъ дней, даютъ больному передъ наступленіемъ припадка и очень старательно смазываютъ ею больнаго; послѣ чего его обматываютъ „заткаломъ".

Даютъ пить желчь щенка.

Если больной, во время припадка, упадетъ на землю, то его накрываютъ чѣмъ-нибудъ чорнымъ (платкомъ) и накрываютъ корытомъ, на которомъ разбиваютъ горшокъ.

Прокалываютъ мезинецъ и добытою кровью мажутъ на лбу крестъ.

Сказъ. [*Винницкій уѣздъ*]. „Сказъ" лѣчится не нашептываніями, а какими-то секретными кореньями и зельями, свойства которыхъ знаетъ не

*) Напеч. въ Вор. пам. кн. 1865—66 гг. стр. 231. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.
**) Пропущено.

каждый, и потому трудно открыть это, такъ какъ обладающіе этими секретами люди, боясь потерять доходъ, который они имѣютъ отъ лѣченія людей отъ „сказу“, ни за что не открываютъ его.

Холера. [*Переяславскій уѣздъ*]. Холера лѣчится различными средствами. Больного холерой трутъ суконными тряпками, обмоченными въ уксусѣ; внутрь даютъ пить водку, настоенную на перцѣ — „перчековку“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Холеру народъ олицетворяетъ въ видѣ женщины или бѣлой собаки, и гдѣ собака эта дохнетъ — тамъ и холера.

Лихорадка. [*Винницкій уѣздъ*]. а) Лихоманка (лихорадка) также лѣчится большею частію накуриваніемъ мукой, разными зельями и даже мукой и махоркой, которая производитъ такой угаръ, что не привыкшаго будетъ рвать, какъ отъ самаго большаго пріема рвотнаго. Больнаго накуриваютъ еще засушенною лягушкой и велятъ носить ее за пазухой на шеѣ. Священный хлѣбъ, макъ и другое что-нибудь изъ освященныхъ предметовъ привѣшиваютъ, въ день Воскресенія Христова, на шеѣ, но впрочемъ такъ, чтобы страдающій не зналъ, что онъ носитъ; въ противномъ случаѣ, носимое не окажетъ своей цѣлительной силы.

[*Харьковскій уѣздъ*]. б) Настаиваютъ на горячей водѣ корень шалфея и даютъ этотъ настой пить больному лихорадкой.

Подкуриваютъ невысиженнымъ замершимъ въ яйцѣ цыпленкомъ.

Когда кошка рожаетъ, то подъ нее подстилаютъ тряпку и потомъ этою тряпкой подкуриваютъ. Это считается самымъ радикальнымъ изъ всѣхъ средствъ.

[*Каневскій уѣздъ*]. в) „Пропасныць семьдесятъ сімъ. Імъ треба зварыть яйце куряче, завъязать облуплене у пазусі и носыть девъять день, після прыйты до річкы, до східъ-сонця, та и казать: „Добрыдень, пропасныці! есть васъ сімдесятъ сімъ, а я прынесла вамъ сніданьне всімъ“. Кынуть яйце у річку, да иты до дому не оглядуючысь“.

[*Переяславскій уѣздъ*]. г) „Одъ лихорадкы пропасныці треба лычытьця такъ: устать рано, до східъ-сонця и найшовшы те місто, де росте полынь, треба нагнутьця до полыню и не займаючы ёго рукамы, зырвать кылько стеблывъ прямо зубамы и зъісты, то пропасныця заразъ покыне: не буде ii більшъ ніколы“ *).

д) [*Остерскій уѣздъ*]. „Пропасныцю лічать такъ: якъ тылько вона почне розбірать человіка, то треба заразъ скынуть зъ себе сорочку и, напрымітывшы зазделегідь де небудь камень, побігты и підложыть підъ нёго сорочку, то

*) Зап. П. И. Раевскій.

хоть бы яка була завзята то покыне. А то ще и такъ роблять: Якъ почне трусыть тебе, або въ огонь кыне, то біжы до річкы и дывыся на воду, покы въ очу стане тобі не добре, — покыне навісна“ *).

е) [*Нап. въ Памятн. Стар., стр. 167. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Чы ты гнетуха, чы ты трясуха, чы ты водяна, чы ты вітрова, чы ты выхрова, чы ты подумана, чы ты погадана, чы ты наслана, чы ты наспана, чы ты наідена, чы ты напыта, чы ты місцёва, чы ты прычтова, чы ты прызірна, чы ты прысільна, чы ты въ часу, чы ты въ получасу, чы въ дні, чы въ полудні, чы въ ночі, чы въ півночы? Поты ты стояла, поты ты буяла, покы я не знала, стала тебе знаты, стала тебе зъ костей высылаты. Буду я тобі лыце залываты, буду тобі очы вышкаты, буду тебе молытвамы заклынаты, буду тебе зъ хрыстіяньскоі віры высылаты: піды собі, де собакы не брешутъ, де курі не поютъ, де хрыстыяньскый голосъ не ходе, колы будутъ ушакы роззівляться, тоді буде лыхоманка піднываться, и гнетуха, и трясуха.

ж) [*Нап. въ Вор. пам. кн. 1865—66 гг. стр. 229. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Пишутъ слѣдующее на клочкѣ бумажки и вѣшаютъ больному на шею на три дня, съ условіемъ, чтобы ни самъ больной и никто изъ постороннихъ не видѣлъ ее, на четвертый день бумажку эту сжигаютъ:

„Молитвъ ради Пресвятыя Твоея Матери и всѣхъ Твоихъ святыхъ, избави Господи раба твоего N отъ дѣвицы трясовицы и знобицы. Ты, еврейская красавица, отойди отъ раба Божьяго N, а если не отойдешь, то возьмутся на тя четыре Евангелиста: Матвѣя, Лука, Марка и Іоанна златоустаго и будешь ввергнута въ тьму зубовъ, гдѣ будеши во вѣки горѣть. Аминь, Аминь, Аминь.“

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Отъ лихорадки можно излѣчиться еще и слѣдующими средствами:

Взявъ яйцо, изрубленное мелко, и 77 зеренъ проса, больной долженъ идти на плотину и говорить: „есть васъ сімдесятъ сімъ, принісъ я вамъ всімъ“; при этомъ яйцо бросается по одну сторону плотины, а просо, завязанное въ платкѣ, — по другую.

Найти вьюна во внутренностяхъ щуки, высушить его и истолочь въ мелкій порошокъ; затѣмъ настоять на водкѣ или водѣ и давать больному при наступленіи пароксизма.

Подкуриваютъ свинымъ испражненіемъ.

Курятъ шелухою гречишною и перьями и вслѣдъ за этимъ выпиваютъ немного отвару „чемериці“.

*) Зап. П. И. Раевскій.

Пьютъ воду, въ которой намочена рыбья внутренность, высушенная прежде и „посвященная“.

Смѣшиваютъ испражненіе свиньи съ медомъ и даютъ больному.

Пьютъ смолу съ водкой.

Варятъ въ борщѣ растеніе „очетокъ“ и пьютъ. Изъ этого же растенія дѣлаютъ пластырь и прикладываютъ къ рукамъ.

Больной носитъ при себѣ девять дней куриное яйце; разрѣзываетъ его на семдесятъ семь кусковъ и, бросая въ рѣку или прудъ, говоритъ: „есть васъ сімдесятъ и сімъ, даю вамъ істи усімъ“.

Сушатъ лягушку, толкутъ въ порошокъ и съ водою даютъ пить.

Спящему больному кладутъ лягушку за пазуху.

Больной закапываетъ яйцо въ могилу и ложится тутъ-же спать. Проснувшись утромъ, выпиваетъ закопанное яйцо.

Больной, три ночи сряду, отправляется ночевать въ свинарню. Ночью къ нему будетъ являться женщина и будетъ просить уступить ей его мѣсто; если онъ не исполнитъ ея просьбы, — будетъ здоровъ.

Взять у больнаго три вши и секретно дать ему ихъ выпить съ водой.

Подкуриваютъ кожею хорька.

Даютъ пить на-тощакъ настой „чемерыці“.

Привязываютъ на шею кусокъ „галуну“, завороченнаго въ тряпку. Это дѣлаютъ секретно отъ больнаго.

[*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Одлічити разъ тридевять, другий разъ тридевять и третій разъ тридевять пшонинъ, завъязать въ платочокъ и винести на роздорожжа та й кинути и сказать: „Васъ сімдесять сімъ, — отъ вамъ на кашу всімъ. Одрікаюсь, одхрищуюсь одъ васъ, идіть собі на очерета, на болота, на нетрі, на тущі, и нате вамъ оце пшоно, буде що істи“.

„Ишовъ святий Авраамъ дорогою, зострічае вінъ сімдесятъ сімъ трясовыць:

— Куды ви идете?

— Идемо-жъ ми на Білую Русь людей мордувати, и тіломъ труждати, и кості ломати, и кровъ морити.

— Сину мій, Сімсоне! побіжи, побіжи, возьми залізную шину, та роспечи и розжени тихъ сімдесятъ сімъ пропастниць-трясовыць, нехай воны тіла не труждаютъ, костей не ломаютъ, кровъ не морятъ.

— Святий Авраме! не бый насъ, не лай насъ и не печи насъ, не лай же ти, мы будемъ кровъ морити, тіло труждати, кость ламати, людей мордувати, а хто буде твою святую заповідь знати, то ми ёго не будемъ нападати и двіръ ёго будемъ минати.

— Я відъ васъ знаю, одъ всіхъ одмовляю, молитву читаю; не мучте

біднихъ христянъ; трясіть купъями, очеретами и болотами. Я одмовляю одъ раба Божого“.

Укушеніе змѣи. [*Летичевскій и Проскуровскій уѣзды*]. а) Если змѣя укуситъ человѣка, то ему нужно, какъ можно скорѣе, бѣжать къ водѣ и погрузить уязвленное мѣсто въ воду; если же онъ прибѣжитъ позже змѣи, которая тоже, послѣ укушенія, старается скорѣе приползти къ водѣ, то такому укушенному уже нѣтъ спасенія: онъ неизбѣжно долженъ умереть.

б) [*Зап. А. Маркевичемъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Лѣчатся также заклинаніями: „Заклинаю васъ, гадюки, именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Святаго великомученика и побѣдоносца Георгія и всѣми небесными силами. Заклинаю тры царыцы: Куфію, Невію, Палію, чтобы не вредили (имя) волосамъ (такого-то цвѣта). Послѣ заклинанія читаютъ молитвы: „Пресвятая Тройце“ — пять разъ, „Отче нашъ“ семь разъ. Если змѣя очень ядовитая, то заговоръ повторяется три раза.

в) [*Зап. Ал. Шишац.-Илич. стр. 128. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Помолымся Богу и Матері Божій, Пречыстій Святій и всімъ святімъ преподобнымъ. Підъ сонцемъ, підъ жорстькімъ, підъ лісомъ, підъ чорнымъ, підъ высокімъ, тамъ стоіть верба; підъ тоею вербою сімсотъ коренівъ и на тій вербі сімсотъ канатівъ и на тіхъ канатахъ сыдыть царь Ханъ и царыця Ханыця. И прошу я царя Хана и царыці Ханыці и власныківъ іхъ, и допоможыте и выйміте тры зубы лыхіхъ зъ раба Божого зъ крові чорноі, зъ кості жовтоі, зъ шерсті рыжоі (трыжды проговорыть и плюнувъ сказать: „Дай Боже помочъ“).

г) [*Зап. В. А. Яковлевымъ въ Кіевѣ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „На морѣ на окіянѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ кровать новая, тесовая; на кровати лежитъ перина пуховая, на перинѣ лежитъ змѣя шкурная: Осоха-солоха пустила свой плодъ по цнямъ, болотамъ, по лѣсамъ, по жолтымъ пескамъ. Вынимай змѣя свое острое жало и какъ невыймешь, то пойду къ Кузьмѣ и Дамьяну, то Кузьма и Дамьянъ и самъ Господь пошлетъ на тебя громъ и молнію: громъ убьетъ, молнія сожжетъ и пыль вѣтромъ по полю развѣетъ“. (Говорятъ этотъ заговоръ обводя мезинцемъ укушенное мѣсто).

д) [*Пинскій уѣздъ*]. Ставши лицемъ къ западу, произносятъ на коркѣ хлѣба:

Вужу гижу гадъ,
Прыймы свой ядъ,
Вужъ надъ вужамы,
Гадъ надъ гадамы,
Круль надъ крулямы,
Зберы своіхъ семъ сотцівъ—

Домовые, луговые,
Боровые, межевые и лужевые
Скажы и прыкажы,
И выннную віддай,
А если не прикажешь,
То я пойду до Господа Бога
Исуса Хрыста Бога нашого,
Попрошу огненнаго меча,
Мечемъ высѣку,
Огнемъ высмолю.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если на мѣстѣ, укушенномъ гадюкой, явится опухоль, то берутъ „непочатої“ воды, бросаютъ въ нее семь прутьевъ и говорятъ слѣдующій заговоръ: „Ганно, Ганнусько! Ти вкусилась въ ногу, впустилась; ідь до серця, а съ серця — въ кишки, съ кишокъ — въ кровъ, съ крови — въ кість, съ кости — въ шкуру, зъ шкури вонъ вийдуть“. Затѣмъ водой обмываютъ ужаленное мѣсто и даютъ ее пить.

Берутъ горшокъ кислаго молока, бросаютъ туда лягушку и прикладываютъ къ укушенному мѣсту.

„Руту“ варятъ и даютъ пить. Укушенный долженъ сейчасъ же напиться своей мочи.

Мозгомъ укусившей змѣи мажутъ ужаленное мѣсто.

„Въ воспоминаніе Господа Бога нашого, Богородыце Діво и Господы помилуй“ (тры разы).

„Господь помощъ и я зъ рукою по синёму морі озираємна, на озираємні грушевина, на грушевині гніздище, на гніздищі царыця Лага. „Царыця Лага, царыця Лагыще! Собірай своє військо гадюцькее и гадежськое, собірай и спинай зубы, губы и уста, одъ звірного лица, одъ білої кості, одъ червоної крові раба Божого N“.

„Въ первимъ разі, лучшимъ часі. Надъ жуковимъ полемъ, тамъ стояла груша, а въ тій груші царыця Єлена. Царыце Єлено! Закажи своімъ тридевять дванадцятомъ сестрицямъ по колющому и по болющому, а якъ не скажешъ, то мы тому чоловіку скажемъ, що въ неділю воза маже и дрова рубає, то вінъ васъ посіче и порубає. „Якъ укусе гадюка, то це проговорить три разы, дмухнуть и плюнуть“.

„На Сіяньськіхъ горахъ, на морскихъ плитахъ стоявъ дубъ; на тімъ дубі Семенове гніздо, у Семеновимъ гнізді Оленова змія. Прихожу я до ясного сонця: „Олена — змія! зберы всіхъ лютихъ змій, зберы, роспитай, котора люта змія упустила жало, нехай вона вийме жало, рану зализе, опухъ потушить“.

Сухоты. Больнаго „сухотами“ (чахоткой) купаютъ предварительно въ водѣ, зачерпнутой изъ трехъ колодцевъ, въ которую бросаютъ соръ (сміття), собранный изъ трехъ мѣстъ, пережжённую глину („печину“) изъ трехъ печей и мохъ съ трехъ крышъ. Если это не пособляетъ, тогда купаютъ больнаго въ отварѣ разныхъ зельевъ, собранныхъ въ девяти избахъ. Если, наконецъ, и это не пособляетъ, тогда баба катаетъ по тѣлу больнаго яйцо, при извѣстныхъ ей заговорахъ, и это яйцо отдаетъ собакамъ.

Больное „сухотами“ дитя купаютъ въ отварѣ чорнаго поросенка, свареннаго въ горшкѣ живымъ, причемъ предварительно въ купель эту, приготовленную для больнаго дитяти, кладется чорная кошка. Если это не пособляетъ, тогда кладутъ больнаго въ „ночвы“ и трижды сажаютъ его въ теплую печь, изъ которой только что былъ вынутъ испеченный хлѣбъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Ребенка, страдающаго „сухотами“, выносятъ во время новолунія на дворъ и говорятъ: „Місяцю новый, князю молодый! на тобі боклагъ порожній, дай мені боклагъ повный“. Въ купель, приготовленную изъ „непочатої“ воды, бросаютъ кусокъ глины изъ печки и купаютъ въ ней три раза ребенка. Въ отварѣ вербы купаютъ, и купель выливаютъ подъ вербу. Легкія дикаго гуся варятъ и отваръ даютъ пить ребенку. Берутъ рубаху ребенка и, найдя въ лѣсу дубъ съ дупломъ, оставляютъ на немъ рубаху.

[*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Возьми хвору дитину, посади на лопату, та й засунь у пічъ, звісно — въ недуже гарячу. Посады тамъ та й спали соломы три крутені підъ челюстями, щобъ загнітити, якъ хлібъ гнітять. А підъ дверми нехай хто стане та й питає: „Чи можна жъ дитину у пічъ сажати?“ А той, що сажа, відказує: „Чи можна жъ сухотамъ дитину нападати?“ Це приговорюй тречи и тоді вийми дитыну. Викопай нору у землі — краще всёго у рові и протягни дитину тричи скрізь землю. Одинъ бере за плечи дитину и подає другому. Сей, що прийма, питає: „Чи можна дитину скрізь землю протягати?“ А той, що подає, відказує: „Чи можна жъ сухотамъ дитину нападати?“ Такъ протягують и приговорюють тричи; послі того скінь зъ дитини сорочку и покінь тамъ. Не оглядуючись и не балакаючи ні до кого, иди до дому. Возьми непочатої воды, зроби три-девять варениківъ изъ сира, якъ завжди роблять, и скупай у тій воді и варениках дитину, тежъ тричи; після кожного купаньня тужъ саму таки воду зъ варениками трошки прокипіти. Це обмивання треба зробити по заході сонця и до східъ-сонця, у одну нічъ заразомъ. Потімъ вареники и воду викінь геть“.

Остуда. „Остудою“ называются темно-желтыя пятна, появляющіяся на лицѣ беременной женщины. Чтобы устранить эту болѣзнь, которая сопровождается и проявляется тошнотою и болью около сердца, совѣтуютъ женщинѣ, родившей первое дитя, обтереть свое лице „місцемъ“, т. е. дѣтскимъ мѣстомъ.

Волосъ. [*Летичевскій уѣздъ*]. Болѣзнь называемая „волосомъ“ и способъ ея лѣченія уже извѣстны, а именно: берутъ нѣсколько пустыхъ ржаныхъ колосьевъ, связываютъ ихъ въ пучокъ, поливаютъ теплою „непочатою“ водою и, прикладывая эти колосья къ больному мѣсту, приговариваютъ: „Волосъ, волосъ! выйды на колосъ“. Вѣрятъ, что послѣ этого волосъ всегда выходитъ изъ больнаго мѣста и обматывается вокругъ колосьевъ.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Волосъ выливаютъ знахарки.

Боль зубовъ. Зубную боль вылѣчиваютъ слѣдующими заговорами:

а) [*Холмская Русь*]. „Мертвеці во гробі, місяць на небі и камень въ морі сходылысь до купы, ілы, пылы, розмовлялы: чого болять зубы у раба Божого N?“

Женщины, при болѣзни зубовъ, употребляютъ различныя средства: собираютъ растенія: цвѣты, травы, сожигаютъ ихъ, окуриваютъ зубы — и заговариваютъ:

б) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г., сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебрянные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную боль. Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, пойдите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болятъ ли у него зубы. Не болятъ и у меня зубы, заговариваю я раба N, чтобы у него не болѣли по сей часъ, по сей день, по жизнь“.

в) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г., сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Місяцю-маю, чогось я тебе спытаю: чы болять въ мертвого зубы? Ні, не болять; ні, не щымлять. Щобъ не болілы и не щымілы у рожденного крещеного и молытвенного раба Божого N“.

г) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Місяцю, молодый княже! чы бувавъ ты въ старого, чы пытавъ ты ёго: чы болять у ёго зубы? Щобъ у мене вікъ вікомъ, судъ судомъ зубы не болілы. Заець въ полі а рыба въ морі, місяць на небі, колы будуть тры брата въ купі гуляты, то тоді у мене зубы будуть болiты“.

д) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Місяцю молодый, на небі хресть золотый! Пытается сынъ батька: чы болять зубы у нежывого? Ні, не болять. Нехай же и у рожденного, хрещеного, молытвенного раба Божого N не болять“.

е) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Святый Антонію, зубовый цілытелю! поможы мені. Молодыче, молодыче, пытаюся старого: чы болять зубы у мертвого? Ні, не болять вікъ вікомъ и судъ судомъ у хрещеного, рожденного и молытвенного раба Божого N“.

ж) [*Кіевъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Читать тры разы „Отче нашъ“ и „Богородыцю“. „Місяцю, місяцю! тобі уповнятыся, а мыні рабу Божому N костямъ и зубамъ уніматыся“.

з) [*Зап. Н. А. Маркевичемъ, напеч. въ соч.: „Обычаи и повѣрья Малороссіянъ“, стр. 91, сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Ты, місяцю, Адаме, молодыкъ, пытай ты мертвыхъ: у васъ зубы не болять? у мертвого зубы ніколы не болять, кості задубілы, зубы занімілы, ніколы не будуть боліть. Даруй Господы, щобъ у мене, раба Божого, нарожденного, молытвенного, хрещеного N зубы занімілы и ніколы не болілы“.

и) [*Тамъ же*]. „Місяць на небі, мертвець у гробі, камень у морі; якъ тры браты до купы зойдутся и будуть бенкетъ робыты, тоді у мене зубы будуть болiты“.

і) [*Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Тобі, місяцю зъ повні, мені на здоровьі, тобі, місяцю, на-світытыся мені по світу надывытыся, добре находытыся“ (говорить увидѣвши молодой мѣсяцъ правымъ глазомъ).

к) [*Зап. Шишацкимъ-Илличемъ. Нап. въ Черниг. губ. вѣд. 1858 г. стр. 129. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Архангелъ Мыхаілъ— місяць праведный, бувъ на тімъ світі? — Бувъ. — Бачывъ мертвыхъ людей? — Бачывъ.— Не болять у іхъ зубы? неболыть іхъ жовта кость? не болыть чорна кровъ? раба Божого N щобъ зубы не болілы и не щемілы, хрещеного, нароженного, молытвенного.

л) [*Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Пытается молодый у старого: чы болять у ёго зубы? — Ні, не болять и не щымлять. Щобъ и у мене, раба Божого, молытвенного, хрещеного ніколы не болілы зубы“.

м) [*Зап. В. А. Яковлевымъ. Херс. Губ. Вѣд. Одесск. у. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Місяць у небі, кітъ-рыба въ окіяні, дубъ на земли. Якъ оці тры браты зыйдутся, то тогді у раба Божого N зубы будуть болiты“.

н) [*Записано В. А. Яковлевымъ. Херс. Губ. Одесск. у. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. (При новолуніи три дня съ ряду, ставъ лицемъ къ лунѣ— говорить слѣдующее): „Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, аминь. Мѣсяцъ на небѣ, дерево на землѣ, камень въ морѣ. Когда эти три брата сойдутся вмѣстѣ, тогда у меня, раба Божія N, будутъ зубы болѣть“.

о) [*Нап. въ Полт. Губ. вѣд. 1846 г. стр. 576. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Ты, місяцю, Адаме, молодыкъ, пытай ты мертвыхъ и жывыхъ: у мертвого зубы чы болять? у мертвого зубы ніколы не болять, кості задубілы, зубы занімілы, ніколы не будуть боліть. Даруй же Господы, щобъ у мене раба Божого нарожденного, молытвенного хрещеного N, тежъ на вікъ занімілы зубы".

п) [*Нап. въ Полт. губ. вѣд. 1846 г. стр. 576. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Увидѣвши съ правой стороны молодой мѣсяцъ, въ первый разъ послѣ новолунія и, перекрестившись, произнесть слѣдующее: „Тобі місяцю зъ повні а мені на здоровьі подывытыся и хороше находытыся".

р) [*Кіевъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Місяць у небі, звіръ у лісі, рыба у морі, колы сі тры браты докупы зыйдутся, тогды у мене раба Божого, молытвенного, хрещеного N зубы не будуть боліты".

с) [*Нап. въ Вор. губ. вѣд. 1863 г. стр. 69. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Читать трижды, не переводя ни разу духа: „місяць высоко на небі, камень нызько въ землі, а мертвець ажъ у земли. Замовляю зубы именемъ сотворившаго небо и землю, никогда не болѣть зубамъ у раба Божого N".

т) [*Напеч. въ Пам. Стар. Русск. Литер., вып. III, стр. 167. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Святый Адаме, святый Мыколай, святый Спасытель, святый Власій, святый Ѳедосій, храбрый Ягорій, святый Иванъ Предтеча, святый Мытрій, святый Мытрохванъ, святый отче Андрій и Маты Марія! и пособіте и помылуйте отъ усякоі болісті, отъ усякоі скорботы, раба Божого N и звіръ въ полі, рыба въ морі, зоры на небі. Колы сі тры браты до купы зійдутся, тогді у мене, рабо Божого N зубы болітымуть."

(Одинъ изъ употребительныхъ заговоровъ): „Ишло два планітники, два пристрітники, дві планітниці, дві пристрітниці и здибає іхъ Дівa Марія, Матінка Христова. „А де жъ вы идете, два планітники, два пристрітникі, дві планітниці, дві пристрітниці".—„Идемъ до хрещеного, миромъ помазанного N, вступимъ въ голову, въ зубы, въ сімдесятъ суставівъ, костівъ." „Нейдіть ви, бо я буду визивати, я буду честний хрестъ прикладати въ голову, въ зубы въ сімдесятъ суставівъ. Амінь". И тутки три разы чихнуть".

Унятіе крови. 1) [*Зап. въ г. Харьковѣ. Нап. въ Черниг. губ. вѣд. 1859 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Для того, чтобы остановить теченіе крови изъ раны, придавливаютъ рану пальцами и говорятъ:

„Іхавъ святый Петро на білымъ коні, кінь біжыть ажъ камінь січе, та буде проклята кровъ, котра потече." При этомъ три раза дуютъ на рану и сплевываютъ.

2) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г Сообщ. Л. Н. Майковымъ*].

„Іоанне Хрестителю, хрестывшый духомъ святымъ и водою! Святую воду несемъ відрамы, вода розлывается, кровь унімается відъ раба Божого N во имя Оца, Сына и святаго духа, аминь."

3) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Іхавъ Илья на коні, тягъ ногы по землі, ногы піднявъ, кровъ унявъ. Ишла Пречыста одна до Кіева, друга до Чернигова, третя до Ніжена. Несла срібну галочку, шовкову ныточку, рану зашывала, кровъ замовляла. Кровъ зъ буйной головы, зъ румъяного лыця, зъ ретывого серця, зъ живота, зъ костей, зъ мозгівъ, зъ чорныхъ кісъ, зъ карыхъ очей."

4) [*Нап. въ Черн. Губ. вѣд. 1859 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Ѣхалъ человѣкъ старъ, подъ нимъ конь каръ, по рытвинамъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты, мать руда жильная тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебѣ, руда-мать, не бывало. Слово мое крѣпко."

5) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1858 г. стр. 129, 130. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Йшлы лікы черезъ тры рікы и лозы рубалы, и рожу сажалы, не прынялась и кровь унялась. Пускалы водяную, пускалы молошную и крівавую, замовляну и порубану, прыбытую и порізану, своімъ духомъ обнымаю, святого Бога упомынаю, святого Мыколая Чудотворця, также я сей крові не пускаю, также я греблю гачу, и денно и полуденно, и ночную и зірочную и місячную, человікъ зъ духомъ, а Богъ зъ помочью."

6) [*Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Іхала Пречыста на білымъ коні і зъ білымъ конемъ до білого каменя, каменя рубаты, крові замовляты: стань кровъ каменемъ, а якъ не станешъ каменемъ, то буде тобі те якъ тому чоловікові, що до службы дрова руба".

7) [*Зап. въ Полт. губ. Хорольск. уѣзда. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Йшовъ Ісусъ Хрыстосъ черезъ море, загнавъ собі дерево въ ногы. Ставъ вінъ дерево выйматы та й ставъ кровъ замовляты: „кровъ не вода, рікою не біжыть. Тпру и чмокъ."

8) [*Кіевъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Біглы тры дівчыны, выривалы тры очеретыны, та заткнулы тры жерели рабу Божому N, аминь."

9) [*Вол. губ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Йшлы калікы черезъ тры рікы: ружу сіялы, а розу вітгыналы. Якъ тая роза не прынялась, такъ и ты, кровъ, не зъявляйся, угамуйся у хрещеного, молытвенного, на имя нареченного."

10) [*С. Поросье. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Йшло тры браты трома дорогамы: іденъ Дынысъ, другый Борысъ, третій Лывко. Сіклысь, рубалысь и крові не пустылы. Бігло тры річкы: ідна водяна, друга смоляна, третья крівава. И кажу тобі: стань крівава, а якъ не станешъ, то буде тобі тее,

що тому чоловікові, що въ неділю до службы Божої въ гаі дрова рубае; що тій жінці, що въ неділю на городі до службы Божої моркву копае.“

11) [*Кіевъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Іхало тры браты: Петро, Павло и святый Гурій, ще іде самъ Господь на сывый кобылі. Богъ кобылу мечемъ січе, кровъ не тече—такъ и ты, руда, нейды. Запікайся кровъ, заговоруйся кровъ, замовляю тебе не самъ своімы духамы—Господнімы наукамы. Ухъ святый духъ! Встань, Господы, на помічъ, евангелі на радость, Пречыстая Діво поможы.“

Чума. [*Нап. въ Вор. Пам. кн. 1865—66 гг., ст. 225, 26. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Ставится на столъ „покрышка“ съ жаромъ, въ которую кладутся стружки съ рукоятки кочерги, кусочекъ помела и немного пшена, и надъ этимъ произносятъ: „Во ймя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Чума чумыще, відьма відьмыще, огненная, водяная, вітряная, пойды собі отъ раба Божого N, нарожденного, молытвенного, хрещеного, одъ ёго красної крові, одъ жовтої кості, одъ білого тіла; пойды собі за быстрый Дністръ, за сыне море, на пустыі рікы.“

Затѣмъ говорящій плюетъ въ лѣвую сторону и опять начинаетъ молитву сначала и повторяетъ ее до тѣхъ поръ, пока все не сгоритъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Чуму народъ представляетъ себѣ въ видѣ женщины, собаки или же просто чеки. Разсказываютъ, напр., что крестьянинъ возвращался съ мельницы, гдѣ онъ мололъ хлѣбъ, и потерялъ чеку. Поискавъ немного, онъ наткнулся на палку, похожую на чеку, и замѣнилъ ею потерянную. Проѣхавъ немного, колесо начало скрипѣть ужаснѣйшимъ образомъ и наконецъ слетѣло съ оси: чеки опять на стало. Тутъ ужъ крестьянинъ догадался, что это чума; нашелъ опять палку и хотѣлъ бросить подальше, но палка превратилась въ „корали“ которые онъ и подвезъ домой, но былъ за это наказанъ: къ вечеру вымерла вся семья.

Сглазъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Непочатая вода употребляется какъ лѣкарство при скидываніи огня, т. е. когда кто кого сглазитъ. Это дѣлается такъ: берутъ какую нибудь „посудину“ и наполняютъ ее непочатою водой. Въ эту воду бросаютъ горячіе угли три раза по девяти, причемъ произносятъ: „Богородице дѣво“ семь разъ, три раза „Вѣрую во единаго Бога“ и пять разъ молитву Господню. Послѣ сего омываютъ окна, счерпываютъ три раза ладонью и льютъ за окно въ дыры, продѣланныя въ „лавахъ“ (скамейкахъ), для того, чтобы держали кудель, который прядутъ. Зачерпываютъ воду, льютъ въ дыры, а миску подставляютъ подъ дыры, чтобъ вода опять стекала въ сосудъ; послѣ этой операціи даютъ больному пить изъ сосуда на всѣ четыре

стороны; омываютъ больнаго и выливаютъ воду въ глухой конецъ, т. е. подъ „бѣгунъ“, въ дверяхъ, твердо притомъ вѣруя, что больной послѣ этого непремѣнно выздоровѣетъ на другой же день.

Стыклызна. [*Летичевскій уѣздъ*]. Непочатая вода, сваренная съ зельемъ Матери Божіей („коса“), употребляется особенно отъ „стыклызны“ (бѣшенства). Давая пить эту воду больному, обыкновенно приговариваютъ такимъ образомъ:

Шло собі трохъ братівъ, балакалы,
Въ стыклаго собакы пыталы.
Иды правою дорогою,
Черезъ Орданьску ріку,
На высоляньску гору:
Тамъ ходыть баранъ
Зъ велыкымы рогамы,
И выстрыжы ёму вовну
Межи рогамы
И вернысь назадъ.
Орданьскої воды наберы,
Білого камня зъ скалы влупы.
И да поможатъ мыні всі святыі хранытели,
Замовляты, заклынаты,
Відъ стыклого собакы.

Послѣ этого приговора нужно прочесть семь разъ: „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Берутъ растеніе „дрокъ“, кладутъ въ новый горшокъ, наполненный водой, залѣпляютъ отверстіе тѣстомъ и варятъ довольно долго. Послѣ, больной пьетъ этотъ настой одинъ разъ въ день. Осматриваютъ старательно языкъ: нѣтъ ли подъ нимъ пузырьковъ, величиною въ булавочную головку. И если есть, то прижигаютъ ихъ раскаленною булавкой. При этомъ даютъ по шпанской мухѣ въ одинъ пріемъ.

Поруха. Гладятъ животъ крестообразно и говорятъ:

Всѣ святые святочкы,
Годовые празднички,
Прійдіте мнѣ на помощь
А ей на поратунокъ.
Золотый золотныченькъ,
Чого ты забывся,
Изъ міста звалывся.
Чы ты зъ подымківъ,
Чы ты зъ подівківъ,
Чы ты молошный,

Чы ты урочный,
Чы ты паньскый,
Чы ты цыганьскый,
Чы ты попівскый,
Чы ты жыдівскый.
Сядь ты на своёму місті
На золотымъ креслечку,
Где тебе самъ Господь Богъ
Посадывъ зъ апостоламы.

Уразъ. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Выразку загоюють такъ: якъ тылько на весні береза брунькы понагоняє, то тыі брунькы зрываются, зсыпаются въ пляшку (бутылку) и налываются горілкою; тымъ настоємъ треба залывать выразку“.

Боль головы. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Якъ хто купается у річці да насцыть у воду, то въ того чоловіка, якъ тылько вінъ выйде зъ воды, заразъ почне голова болiть.“

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Какъ лѣкарства, употребляютъ: жареный мозгъ бѣлки, прикладываютъ капустные листья, сырые бураки, дѣлаютъ изъ воску подобіе шапочки и надѣваютъ на голову.

„Звыхъ“. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Якъ хто звыхне собі руку або ногу, то ёго вылічують такъ: кладуть у горщокъ правої березы, котра наломлена въ праву середу, налывають ії водою и ставлять въ пічъ, щобъ закыпіла. Тоді звыхнуту руку, або ногу обмотують клочьемъ и полывають зверху тыєю водою, въ которій варылась права береза. Після того звыхнуту руку, чы ногу, потягують, то звыхъ и проходыть.“

„Одміна“. „Одміна“ (англійская болѣзнь) бываетъ исключительно у дѣтей; признакъ ея: дѣти не ростутъ, имѣютъ большую голову, кривыя ноги и руки, словомъ, бываютъ уродами. Болѣзнь эта, по народному вѣрованію, не есть болѣзнь, и дѣти, страдающія этою болѣзнію, не есть дѣти тѣхъ матерей, которыя ихъ кормятъ, а дѣти чертей, подброшенныя взамѣнъ настоящихъ дѣтей. Въ болѣзни этой трудно пособить. Впрочемъ, нѣкоторымъ очень практичнымъ бабамъ удается излѣчивать эти болѣзни; лѣченіе бываетъ такого рода:

Берутъ, по заходѣ солнца, дитя на руки, выносятъ его на дворъ, кладутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ссыпаютъ соръ, и тутъ, при какихъ-то секретныхъ заговорахъ и заклинаніяхъ, начинаютъ бить его вербовою вѣткой. Затѣмъ оставляютъ больнаго на нѣкоторое время на томъ же мѣстѣ и отходятъ въ сторону. Утверждаютъ, что чортъ, сжалившись надъ своимъ ребенкомъ, приноситъ украденное дитя и забираетъ свое, но такая жалость чорта очень рѣдка.

Перелякъ и переполохъ [*Летичевскій уѣздъ*]. Въ болѣзни называемой „перелякомъ“, по народному убѣжденію, исключительную помощь можетъ оказать одна только баба, окачивая больнаго яйцемъ и отдавая таковое собакамъ. При этомъ нашептывается слѣдующій заговоръ: „Перелякъ-перелячыще! яжъ тебе яйцемъ выкачую, а водою вылываю, на пущі и на сухый лісъ высылаю, тутъ тобі не буваты, червоної крові не спываты, сыніхъ жылъ не потягаты, жовтої кості не ламаты.“ Затѣмъ баба должна три раза плевать и разодрать пазуху больнаго.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Якъ хто перелякается чого небудь, до тому треба перевернуть сорочку пазухою на потылыцю“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Нужно разорвать пазуху рубахи и хухнуть три раза. Подкуриваютъ зельемъ „страхополохомъ.“

Підвій. [*Летичевскій уѣздъ*]. Болѣзнь, называемая „підвіемъ“, происходитъ, по народному вѣрованію, отъ подвѣянія заболѣвшаго вѣтромъ, а въ особенности — вихремъ. Отъ нея, по народному вѣрованію, можетъ пособить только баба, окачивая больнаго яйцемъ. Приступая къ этому дѣлу, баба, обыкновенно, нашептываетъ такимъ образомъ:

Стань мыні першымъ разомъ,
Ліпшымъ часомъ
Стань мыні, Господе,
До помощі!

Окачивая же больнаго яйцомъ, баба нашептываетъ слѣдующій заговоръ:

„Препавъ нічный, північный, препавъ зъ роботы, зъ сухоты, зъ ідання, зъ пытья, зъ гулянья, зъ буянья, зъ поклыку, зъ помыслу, зъ погляду. Препавъ зъ хмары, зъ вітру и зъ сонця. Нічный, північный, полуднёвый, сходовый, нудяный и сердешный! Яжъ тебе вымовлю, водою вылываю, яйцомъ выкачую, на пущі и на сухый лісъ відсылаю. Тамъ тобі гуляты и буяты, гнылы холоды вывертаты, жовты піскы пожираты, сыне море выпываты. Щобъ тутъ тобі червоної крові не спываты, сыніхъ жылъ не потягаты, жовтої кості не ламаты, и тфу, и тфу, и тфу!“ Три раза баба плюетъ. Затѣмъ яйцо, которымъ окачивался больной, должно отдать собакамъ. Собака хотя и съѣстъ все злое, но это ей не повредитъ, такъ какъ она имѣетъ способность „выбрехаты“ все злое.

„Урокы“. а) [*Винницкій уѣздъ*]. „Врокы“ (боль головы) считаютъ, что кто-то изъ знахарей постоянно смотрѣлъ на человѣка, это смотрѣніе вредно

подѣйствовало. Кромѣ того, различныя болѣзни происходятъ отъ вреднаго дѣйствія чаровницъ, знахарей, которые своимъ вліяніемъ производятъ различнаго рода болѣзни.

Заклинанія отъ уроковъ. б) [*Зап. Шишацкій-Илличъ. Напеч. въ Черн. губ. вѣд. стр. 129. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Йшлы святы Петро и Павелъ зъ Пресвятою Богородыцею высокіхъ гіръ ворочаты, внызъ воды спускаты, за раба Божого N уроківъ-прымовокъ зныматы: чоловічыхъ и жіночыхъ, паробочыхъ, дівочыхъ, дытячыхъ, вітряныхъ, водяныхъ, подуманыхъ и прымовленыхъ: зъ очей карыхъ, зъ очей сыніхъ, зъ очей красныхъ, зъ очей білыхъ. Вы, зорі-зорынчі, Божьі помощныці, — я речью, а вы помочю“.

в) [*Напеч. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. стр. 173. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Помагаешъ ті, вода явленная, очыщаешъ ты, вода явленная, и луга, и берега, и середыну. Очыщаешъ ты, вода явленная, нарожденного отъ прозору: надуманого, погаданого, встрічного, водяного, вітряного, жиноцького, мужыцького, парубоцького, дівоцького. Подіте, урокы, на сорокы, на луга, на очерета, на болота, на моря“.

г) [*Москвитянинъ, 1853 г. кн. II, отд. VII, стр. 69—70. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Було собі тры браты: шлы собі шырокою дорогою, найшлы собі рукавыці-ваганыці и врокы. Пійшлы въ світлыцю, сілы на скамныцю и сталы поділятыся: одному — рукавыці, другому — ваганыці, а третёму — врокы: подуманы, погаданы, батьковы, матерыны, сіры очы дівочы, хлопчачі и дівочі. Тутъ вамъ не буты, червоної крові не въялыты, серце не сушыты; идіть же собі на очерета та на болота и на велыкіи пущі, де півень не співа, де чоловічый гласъ не заходе“.

д) [*Напеч. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. стр. 174. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Иду межъ мыръ, мыромъ мырованная, я зорямы одягненная, місяцемъ подперезанная, прычыстая моя тварь, щобъ мене нарожденной, хрещеной рабы Божої N ввесь мыръ радъ. Я до васъ иду зъ перцемъ та зъ паскою, а вы до мене зъ щырымъ серцемъ та зъ ложкою, до нарожденной, молытвенной, хрещеной рабы Божой N, щобъ вы не здумалы, не згадалы лыхого слова сказать и подумать“.

е) [*Напеч. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г. стр. 174. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „День добрый тобі! у мене дівка, а у тебе парубокъ: посватаймось, побратаймось. Тутъ тобі не стоять, жовтої кості не ламаты, червоної крові не томыты, щырого серця не нудыты. Дубе, дубе нелыне (?), я тебе зъімъ зъ гіллямъ зо всімъ: гамъ, гамъ, гамъ“.

Слова эти приговариваютъ, бросая навзничь въ сосудъ, наполненный нечатою водой, три-девять раскаленныхъ углей. Потомъ надъ головою больнаго приговариваютъ: „Урокы-урочыща, підіть собі на луга, на ліса дримучыі, на степы степучыі, де гласъ чоловічый не заходыть, де півні не співаютъ; пойды собі болість огная“.

ж) [*Тамъ же, стр. 193*]. „Якъ на відлігъ рукою не робыты, такъ моёму лыцю и тілу відъ нікого не боліты, такъ и міні не наврокуваты“.

з) [*Зап. В. А. Яковлевымъ, въ Кіевѣ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Урокы-урочыща, я васъ вышіптую, выкышкаю, Господа мылосердного на помічъ прызываю. Господь зъ помочамы, а я зъ словамы, я васъ вышіпчую, выклыкаю: зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, зъ нігъ, изъ семыдесяты жылъ, изъ румъяного лыця, изъ щырого серця. Тутъ вамъ не стояты, тутъ вамъ не гуляты, буйної головонькы не ламаты, румъяного лыця не палыты, щырого серця не нудыты, семыдесяты жылъ не стягаты и підъ серденько не підпіраты. Покы вы нудылы, покы вы ломылы, покы я Господа мылосердного на помічъ не прыклыкала. Господь зъ помочамы, а я зъ словамы. Я васъ вышіптую, выклыкаю на очерета, на болота вызываю. Идіть собі на очерета, на болота, тамъ вамъ столы достланы, кубкы поналываны, тамъ вамъ пыты, гуляты и роскошуваты, а отъ рожденної, молытвенної, хрещеної рабы Божої утікаты“.

и) [*Нап. въ Черн. губ. вѣд. 1859 г., стр. 173. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. Знахарка беретъ сосудъ, наполненный водою, и переливаетъ ее въ другой сосудъ, говоря при этомъ:

„Добрый вечіръ (або добры день) водыце-Уляныце! Дай мыні урокы-урочыща відшептаты, відігнаты. Пресвятая Маты Божа, стань мыні на помочі и поможы мыніу рокы-урочыща відігнаты, відшептаты прістрітельны, насыланы, вітряны, выгняны, урокы-урочыща, батьковы, матерыны, чоловічі, жіночы, парубочы, дівочы, хлопячы, дівчачы, урокы-урочыща, вызываю, выклыкаю изъ ёго рукъ, изъ ёго ногъ, очей, плечей, изъ семыдесяты составівъ. Тутъ вамъ не сыдіты, жовтої кості не ламаты, червоної крові не въялыты, коло серця не нудыты. Изыйдіте на крутыі береты, на жовтыі піскы, відъ хрещеного, молытвенного, рожденного раба Божого N“. Послѣ этого знахарка креститъ три раза себя и больнаго, даетъ ему напиться той воды, надъ которой происходило шептаніе, сбрызгиваетъ ему этою водой лицо, и продолжаетъ говорить опять: „Не я то шептала, Пречыста у головахъ стояла, урокы-урочыща шептала, відшептувала відъ хрещеного, рожденного, молытвенного раба Божого N“. Послѣ этихъ словъ знахарка смачиваетъ водою, наружною стороною руки, три раза: лицо, руки, грудь, спину и ноги больнаго и наконецъ выливаетъ воду за двери, въ глухую сторону.

і) [*Напеч. въ Кіевлянинѣ 1866 г., стр. 93. Сообщ. Л. Н. Майковымъ*]. „Святыі угодныкы Божыі, станьте мыні до помочы Св. Володымеръ, Св. Спасытель, Св. о. Мыколай, Св. Иванъ Крестытель, Св. Великомученыце Варваро, невістка хрыстова, и всі святыі Кіевскі, Печерскы, Почаевскы, Єрусалымськы, манастырскы, станте мыні до помочы. Не мый духъ, Божый духъ, не моя сыла — Божа сыла, не моя помочъ, не я лікарка, самъ Господь лікаръ, моімы словамы, моімы молытвамы, хрещеному, нарожденому, молытвеному, наименованому рабу Божому N прыстрітъ измовляю изъ головы, изъ очей, изъ плечей, изъ рукъ, изъ нігъ, изъ всёго тіла, изъ жовтоі кості, изъ червоноі крові. Тутъ тобі не буты, тутъ тобі не жыты, кості не ломыты, білого тіла не знобыты. Иды собі на очерета, на болота та на дрімучі ліса, де курячый гласъ не заходыть“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Больной „вроками“ („подивованія“) часто „позіхає“ и его клонитъ ко сну. Для излѣченія нельзя допустить себя заснуть, а сейчасъ же обмыть лицо мочою. Берутъ „непочатоі“ воды и кипятятъ на огнѣ изъ терновника или обручей. Когда уже нагоритъ довольно много жару, берутъ раскаленные угольки и бросаютъ въ горшокъ съ водой; причемъ, послѣ каждаго брошеннаго угля, говорятъ: „не разъ, не два, не три, не чотыри, не пять, не шість, не сімъ, не вісімъ, не девять“.... и это повторяется три раза; если угольки тонутъ, то говорятъ: „ото зъіли, повилазилибъ імъ таки очи“.

Прыстрітъ. [*Летичевскій уѣздъ*]. Болѣзнь, называемая „прыстрітомъ“, проявляется слѣдующими признаками: зѣвотою, тошнотою, дрожью и наконецъ горячкою. При появленіи ея, прежде всего лижутъ три раза лобъ больнаго и за каждымъ разомъ сплёвываютъ назадъ себя; умываютъ больнаго мочою и утираютъ лице его подоломъ рубашки на изнанку. Если это не пособляетъ, тогда баба зачерпываетъ сапогомъ „непочату“ воду, сливаетъ таковую въ кувшинъ, бросаетъ туда, при извѣстныхъ ей заговорахъ, девять угольковъ и водою этою умываетъ больнаго, а оставшуюся воду выливаетъ подъ „бігунъ“ дверей. При этомъ еще замѣчаютъ: если угольки, брошенные въ воду, плаваютъ на поверхности ея, то больной будетъ здоровъ, а если напротивъ — то на выздоровленіе больнаго нѣтъ надежды, и въ такомъ случаѣ баба, по большей части, оставляетъ больнаго безъ всякой помощи.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Прыстріте й прыстрітыще и врокы и врочыща, вітряный, и водяный, и подуманый, и погаданый, и помышляный, и запытяный, и заідяный, и прылюбованый, и прымылованый, и батьківъ, и матерынъ, и чоловічый, и жіночый, и хлопячый, и дівчачій, и раній, и денный, и сутковый, и трыдневный, и годовый, и лісовый, и шляховый. Я тебе вымовляю, я тебе вышепчу: що зъ панівъ, що зъ цыганъ, що зъ жыдівъ, що зъ татаръ, — то я тебе вымовлю, то я тебе вышепчу. Щобъ ты не бувъ ні въ рукахъ, ні въ ногахъ, ні въ очахъ, ні въ плечахъ, ні въ грудяхъ, ні въ жівоті, ні въ жовтоі кості, ні въ червоній крові, ні въ сыніхъ жылахъ, ни въ румяному лыці, ні въ веселому серці, у хрещеного, молытвенного, рожденного раба Божого N. Бо тутъ тобі не стояты, часу не теряты, кості не ламаты, крові не розлываты, руса волоса не въялыты, світлыхъ очей не сліпыты; піди собі тыхенько и легенько зъ хаты, зъ дымомъ а зъ двора зъ вітромъ; одъ твоіхъ рукъ, одъ твоіхъ нігъ, одъ твоіхъ очей, одъ твоіхъ плечей и одъ сімыдесяты суставівъ. Вы лісы-лісыща, вы боры-борыща, возміть собі прыстрітыща и урочыща, занесіте іхъ на пущі, на нетрі и на сухі ліса, на быстрі воды. Тамъ люде не ходять и курі не поють и тваръ не реве, а тобі дай Богъ крепість и легкість, не одъ мене, а одъ самого Ісуса Хрыста, Сына Божого, на твоі рукы, на твоі груды, на твій жывітъ, на твоі очы, и на твою кість, и на твоі ногы, и на румъяне лыце, и на веселе серце, нарожденному, молытвенному, хрещеному рабу Божому N“.

„По-переду треба тры разы говорыть „Отче нашъ“ на непочату воду; тоді жару тры-девять углівъ укынуть у тую воду и казать: „Святый отче Мыколаю, угодныку Божый, помошныку скорый, допоможы мыні ласкою своєю небесною прыстрітъ вымовыты и выговорыты“.

„Въ другый разъ шепчуть, то, замість Мыколая, говорять такъ: „въ другый разъ, въ Божый часъ, Пресвятая Маты Богородыця“. А въ третій разъ: „Пресвята Варваро Великомученыце“. Въ четвертый разъ: „Кіевскы печерскы Фтедосій и Антоній и Григорій и Васыль и Макарій, всі святыі угодныкы и преподобныкы“. Промовляючы, перерізують ножемъ навхрестъ воду и тімъ ножемъ дають недужому пыть воду. Тоді набере воды въ ротъ и прысне на очы, а після набере воды въ руку, та на-выворотъ рукою мые очы и каже:

„Свята вода Олыяно, очыщаешъ лугы и берегы, и корінья, и камінья, очысты Господы и твою душу и твоє тіло, и румъяне лыце и веселе серце, нарожденого, молытвенного, хрещеного раба Божого N“. Также прыговорює, якъ мые рукы, ногы и груды и плечы. Воду вынесты и вылыть у ворота підъ пьятку, у глухый кінець. Якъ чоловікъ самъ собі прыстрітъ скыдає, до каже такъ: „стань мыні Господы въ помочі и столы, и лавкы, сокыры, лопаты и все те, що тылько есть у хаті“.

[*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Господу Богу помолюся и Причистий Божій Матері поклонюся и всімъ силамъ небеснимъ и отцямъ Печерськимъ, стойте мені въ помочъ святі Печерськи: Антоній и Ѳеодосій и всі святиі Печерськи угодники Божиі станьте мені въ помочъ. Иду я на золотий містъ,

стріла мене Господня мати: „Куды ты идешъ?“—„Пристріту топтати, рожденного, молитвенного, хрещеного раба Божого N.

„На синёму морі, на камені воронъ сидить, лапами розгрібає, хвостомъ розмітає, одъ хрещеного раба Божого N всякій пристрітъ одганяє“.

„**Данния**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Причиной этой болѣзни есть „ворожбитъ“. Желая сдѣлать кому нибудь зло, онъ беретъ ящерицу, лягушку или змѣю, сушитъ ее, толчетъ на порошокъ и въ водкѣ или водѣ даетъ его выпить. Изъ порошка вновь зараждается „гадъ“, и вслѣдствіе этого выпившій чувствуетъ тошноту и нестерпимую боль въ желудкѣ. Больной обращается за помощью къ знахарю, который, убѣдившись, что болѣзнь эта есть дѣйствительно „данния“, даетъ больному пить настой „чемериці“, стянувши предварительно больному животъ. Въ скоромъ времени, послѣ пріема настоя „чемериці“, у больнаго является сильная рвота, которая и принуждаетъ змѣю или ящерицу, пребывающую въ желудкѣ, убраться оттуда. „Данния“ приготовляется также дѣвушками для парней, чтобы ихъ любили. Изъ наиболѣе употребительныхъ есть слѣдующее: нужно пойти въ лѣсъ и найти такой корень, изъ котораго растутъ дубъ и береза вмѣстѣ, взять изъ первого и со второй по щепоткѣ мху, положить на лѣвую руку и сказать: „щобы ты ся мене такъ трімавъ, якъ той дубъ берези“, это повторяется три раза. Возвратившись домой, мохъ высушиваютъ и, стеревши въ порошокъ, даютъ выпить.

„**Гостець**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Не я иду до Матінки Божої зъ хрестомъ святимъ, зо всіми святими апостолами, щобы ся не взяли жадни біды хрещеної, порожденої N, я жъ тебе замовляю Господомъ Богомъ, Сусомъ Христомъ съ Пречистою Дівою и зъ Маткою найсвентшою Тыненскою, Сокольецкою и Почаевською, — Господа Бога и Суса Христа. Очистивъ свою душу Господь Богъ сотворяще й сотворывъ и на сей світъ пустивъ проситься и молиться Господа Бога поратунку. Господи Боже, вызволи гостець, пристрітъ и очисти мою душу. Господи Боже сотворящей! съ чого ти почався? Съ чого ти почався гостець? Чи ты почався зъ вітру, чи ты почався съ холоду, чи ты почався зъ охоти, чи ти почався зъ роботы, чи ты почався съ поганихъ очей? Чи зъ раннёго світання, півночного, вечірнёго, полуденного? Чи зъ сонця, чи чоловічихъ, чи жіночихъ, чи дівочихъ, чи дитячихъ очей? Я жъ тебе замовляю відтинаю залізнимъ ножомъ зъ пятьма пальцями, шостою долонею, самъ собою, Божою волею. Господи Боже, очисти мене своєю ласкою святою пренайсвітлійшаго и явися намъ. Очищає Господь Богъ своєю ласкою весь світъ, весь повітъ, очищає горы, моры, каміння, лісы очисти, Боже и тую душу. Ишли черниці, бігли до кірниці, брали собі водыці. Помогай тобі

Богъ, водыце-Ёрданице, пребуваешъ ти въ лугахъ берегахъ, очищаешъ, очисти и сю душу. Аминь“.

„**Подвіяння**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если вихрь летитъ по улицѣ и кто изъ проходящихъ съ нимъ столкнется, то заболѣетъ этою болѣзнью. Во избѣжаніе этого, купаются три раза на Благовѣщенье.

„**Підливаньня**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если кто желаетъ кому нибудь сдѣлать зло, то варитъ собачье испражненіе и „сміття“ и водою этою поливаетъ мѣсто передъ тѣмъ порогомъ, черезъ который должно проходить задуманное лицо.

Лѣчатся отъ этой болѣзни тѣмъ, что выгребаютъ изъ печи горячей золы, посыпаютъ мѣсто передъ порогомъ и заставляютъ собаку пройти по этому мѣсту.

„**Насланьня**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Женщины, поссорившись между собою, стараются другъ-другу сдѣлать какую нибудь пакость. Насылаютъ одна на другую огромное число лягушекъ, такъ что отъ нихъ нельзя никуда спрятаться. Въ этомъ случаѣ преслѣдуемая женщина ловитъ одну изъ лягушенъ, зашиваетъ въ намоченный кусокъ полотна и вѣшаетъ коптить надъ дымомъ. Но если кто убьетъ лягушку палкой, непремѣнно серьезно заболѣетъ.

Повѣтріе. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Объ этой болѣзни сохранилось слѣдующее преданіе:

„Когда-то, уже очень давно, летѣло красное облако довольно низко надъ землею, и на томъ пространствѣ, которое оно занимало въ своемъ полетѣ, вымирали всѣ люди и звѣри. Во избѣжаніе этого, народъ рѣшилъ ставить сторожей на наиболѣе высокихъ курганахъ, чтобы они, завидѣвъ облако, давали знать объ этомъ всѣмъ жителямъ, а эти могли бы прятаться“.

„**Насердниця**“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Главный признакъ этой болѣзни, это — боль подъ ложечкой. Средства лѣченія: даютъ пить соль, растворенную въ водѣ. Лижутъ, растертое на ладони, насѣкомое „москаликъ“.

Во время золенья бѣлья, бросаютъ въ эту воду раскаленную пулю.

Боль въ ручныхъ суставахъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Если чувствуется боль въ суставахъ, то говорятъ, что это „рука розвелась“, и связываютъ ее обрѣзкомъ краснаго сукна или веревкой изъ красной шерсти.

Колики. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ этой болѣзни крестьянинъ тотчасъ бросаетъ кровь и повторяетъ это нѣсколько разъ. Если же это средство не помогаетъ, то дѣлаютъ слѣдующее:

Пьютъ съ водкой волчьи кишки, истертыя въ порошокъ.

Изверженіе куриное или другихъ птицъ наливаютъ горячею водою, и сосудъ съ смѣсью ставятъ на больное мѣсто.

Переломъ костей. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ случаѣ перелома, кость вкладываютъ между двухъ лубковъ, крѣпко связываютъ и, при этомъ, даютъ пить медъ.

Боли желудка. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ этой болѣзни пьютъ золу съ водкой.

Мертвая кость. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Случается, что на лицѣ или на рукѣ является какой-то подвижной бугорокъ, впрочемъ не причиняющій боли. Для уничтоженія бугорка, берутъ кость трупа и придавливаютъ ею „мертву кость“.

Раны. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Свѣжую рану примачиваютъ холодною водой и прикладываютъ древесный трутъ. Если рана незначительная, то лѣченіе этимъ и оканчивается.

„Вогнык'ъ“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Это — волдыри на лицѣ дитяти. Для излѣченія приводятъ ребенка въ кузницу, и кузнецъ, обмокнувши метлу въ воду, въ которой охлаждаетъ желѣзо, кропитъ три раза ребенка.

Опухоли. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Лѣченіе ихъ слѣдующее: прикладываютъ нагрѣтую кочергу, теплый голубиный помётъ, живую, разодранную мышь, лукъ печеный.

Ракъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ народѣ неизвѣстно ни одного радикальнаго средства, а потому больной спѣшитъ отправиться въ больницу.

Короста. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Для излѣченія „коросты“ берутъ „шевською“ смолы, мочи и сѣры—смѣшиваютъ все вмѣстѣ и смѣсью старательно смазываются. Затѣмъ, полежавъ немного на теплой печкѣ, купаются въ рѣкѣ.

Боль ушей. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Въ случаѣ боли въ ушахъ впускаютъ по каплѣ деревяннаго масла и затыкаютъ уши камфорой, обернутой хлопчатою бумагой.

Глухота. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Трубку, сдѣланную изъ новаго полотна, вставляютъ въ ухо и зажигаютъ. Болѣзнь эта пройдетъ, такъ какъ трубка при горѣніи „витяга сірку, що въ усі“.

Болѣзнь глазъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Наиболѣе употребительныя средства:

Взять гусиный помётъ въ маѣ мѣсяцѣ, налить водою и, въ случаѣ надобности, промывать глаза.

Сжечь сороку въ уголь, истолочь, смѣшать съ свѣжимъ коровьимъ масломъ и на ночь мазать глаза, а утромъ промывать ихъ теплою водой.

Впускается въ глаза по каплѣ кровь, взятая изъ-подъ крыла голубя.

Впускаютъ въ глазъ женское молоко.

Прикладываютъ свѣжее мясо.

Обмываютъ глаза дѣтскою мочею.

Отъ раны въ глазѣ лучшее средство жиръ перепела, впускаемый по каплѣ.

Прикладываютъ кислое молоко.

Берутъ воды „съ тирсака“ и примачиваютъ глаза.

Прикладываютъ желтую, мокрую глину.

Смѣшать тертый хрѣнъ съ уксусомъ и къ плечамъ прикладывать.

Прикладывать бѣлокъ съ галуномъ.

Бѣльмо. [*Проскуровскій уѣздъ*]. „Іхавъ Святый Юрій на Сіяньску гору; біглиза нимъ три хорти: іденъ чорный, другій червоний, третій білый. Чорный чорне більмо засцявъ, білый біле більмо засцявъ, червоный — червоне більмо засцявъ“. Письля цёго плюнуть три раза въ очи.

„Іхавъ святый отець Миколай на білимъ коні до білоі церкви; а въ білий церкві, на білимъ престолі — Пресвятая Діва Марія“. Сію примову три раза говорять“.

Засыпаютъ глазъ табакомъ.

Дѣлаютъ масло изъ женскаго молока и мажутъ глазъ.

Бросаютъ въ масло земляныхъ червей на 9 дней и послѣ масломъ мажутъ.

Заливаютъ глазъ медомъ.

Жовна (золотуха). Болѣзнь эта встрѣчается чаще всего у дѣтей.

Послѣ новолунья, становятся на томъ мѣстѣ, гдѣ рубятъ дрова, и говорятъ три раза: „Бувъ собі чоловікъ жовна, мавъ вінъ девять жінокъ: зъ девятой — восьму, зъ восьмой — сёму, зъ сёмой — шосту, зъ шостой — пяту, зъ пятой — четверту, зъ четвертой — третю, зъ третій — другу, зъ другій — ідну, зъ ідноі — жадну“. Після хухнуть на жовнаки“.

„Була така жовна, мала дванадцятеро дітей, тиі діти мали всі по дванадцятеро дітей — скільки всіхъ було? Всіхъ сто сімдесятъ сімъ. Якъ не

знаю де ся взяли, щобымъ не знала де ся поділи“. Та якъ кажуть цю примову, мизинцями притискають жовну“.

Жага. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Случается преимущественно у беременныхъ женщинъ и проявляется сильною, жгучею болью подъ ложечкой.

Для излѣченія: ѣдятъ макъ, глотаютъ по нѣсколько зеренъ овса, ѣдятъ мѣлъ, землю, конопляное сѣмя и проч.

Поносъ. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Средства для излѣченія:

Зола съ водкой.

Отваръ терновыхъ ягодъ.

Жженое пшено.

Хлѣбъ ржаной, солёный.

„Порохно“ съ груши.

Глина пережженная съ водкою.

Густая „лемішка“ съ водкою.

Кусокъ хлѣба прикладывать къ пуповинѣ.

Пить вино, смѣшанное съ пепломъ жженой бумаги.

Ячмінь. [*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Якъ народиться на віці ячмінець, то приговорюють: „Ячмінець, ячмінець! На тобі кукишъ, — що хочешъ купишъ. Купи собі шабельку, зрубай головку“. Це говорить тричи и вмісті съ цімъ зроби кукишъ и круты округи по-надъ хворимъ окомъ, а далі піднесы кукишъ до ока та й чмокни — наче даєшъ кому кукишъ, и поплюй на бікъ“.

Лишай. [*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Якъ зійдешъ на лишай — те місце, де кінь покачався, — то приговорюй: „Якъ кінь лоша приведе, тоді мене лишай нападе; а якъ кінь лошади не приведе, мене лишай не попаде“. Поплюй тоді тричи на бікъ; не бійсь нічого, бо лишай не нападе“.

Одъ крові. [*Сообщено Залюбовскимъ*]. „Треба перехреститись и казать:

„На синёму морі лютий змій реве. „Чого ти, лютий змію, ревешъ?“ — „Бо нема мені чимъ дітей годувати. — „Иды, лютий змію, у N двіръ и візьмы одъ раба Божого N молитвенного и хрещеного люту кровъ, и будешъ мати, чимъ дітей годувати.“ Тричи сказать и за каждимъ разомъ вздовжъ спини дунуть“.

Маточное кровотеченіе. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Употребляютъ слѣдующія средства:

Руки въ водѣ мочатъ.

Берутъ воробьинаго помета „три разы по девять“, стираютъ въ порошокъ и даютъ пить.

„Крикливці“. „По заході сонця иды въ курятникъ підъ сідало зъ нездоровою дитиною. Стань підъ сідаломъ, підкидай у гору до курей дитину и приговорюй: „Добры — вечіръ тобі, Матвію півню! и одзывайся сама собі: „здоровъ“. Прийшла я до тебе зъ крикливицями и безсонницями. Курі-куриці, нате вамъ крикливиці: вечірні, полувечірні, полуночніи, світові и ранкові; а моій дитині дайте сонливиці, дрімливыці“. Проговоры тричи, иди въ хату не оглядуючись; ні до кого не говори, и заразъ присипай дитину“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

МІРЪ ДУХОВНЫЙ.

Відкиль світъ взявся. [*Ольгопольскій уѣздъ*]. „Разъ Исусъ Хрыстосъ и святый Петро, не маючы що робыты, сыділы й нудылыся. Але святый Петро и каже:

— Боже, еднакъ не маєшъ що робыты, то хоць теперъ зробы світъ.

— Добре, каже Исусъ Хрыстосъ, тылькы треба заклыкаты чорта, щобы доставъ изъ моря піску и сынёго каменю, а то якъ я самъ буду доставаты?

„Заклыкалы чорта. Исусъ Хрыстосъ и каже:

— Лізь у воду та й кажы: „не я беру, а Богъ бере“, и доставай, що въ руку потрапытся.

„Чортъ полізъ у воду, але не сказавъ такъ, якъ казавъ ёму Исусъ Хрыстосъ, а каже: „не Богъ бере, а я беру“.

„И вінъ нічого не доставъ. Лізе бідный чортъ у другый разъ, але знову такъ само сказавъ и не доставъ нічого, а якъ полізъ у третій разъ, то вже послухавъ Исуса Хрыста, та й сказавъ: „не я беру, а Богъ бере“, хапнувъ обома лапамы. Вылізшы на верхъ, вінъ побачывъ, що має въ одній руці пісокъ, а въ другій сыній камень.

„Исусъ Хрыстосъ взявъ одъ нёго и одно и друге и зробывъ світъ зовсімъ якъ треба, тылько треба було ёго ще перехрыстыты.

— Якъ бы то намъ перехрыстыты світъ? каже Исусъ Хрыстосъ.

— Я знаю якъ, каже святый Петро.

— Ну, робы, якъ собі знаєшъ.

„Святый Петро заклыкавъ до себе чорта, та й каже до ёго:

— Вызы мене до тые воды, що бачышъ передъ собою, а я тобі за те зроблю все, що ты хочешъ.

— Добре, каже чортъ, завезу тебе, тылькы наробы мыні помошныківъ, бо я самъ не можу управытысь въ світі.

„Святый Петро обіщавъ ёму наробыты помошныківъ, и чортъ взявъ ёго на плечы и потащывъ. Але воны заіхалы на самый край світа, а воды нема. Тылькы вода показалася въ тій стороні, звідкыль воны выіхалы, чортъ завернувся та й іде назадъ; але проіхавшы знову ввесь світъ поперекъ, — воды не найшлы, тылькы побачылы воду на правій стороні світа. Чортъ вже не знає, що ёму и робыты, такъ змучывся, але мусыть іхаты. Прыіхавшы на правый край світа, знову не найшлы воды, тылькы щось біліе передъ нымы, ныбі вода. Чортъ знову іде, але якъ доіхавъ до конця світа, святый Петро каже:

— Досыць, вже мы світъ перехрестылы, теперъ я тобі скажу, якъ маєшъ помошныківъ собі наробыты: Встань рано въ субботу, возьмы воды та й брызкай назадъ себе: кылькы буде по-за тобою брызгівъ, тылькы буде чортівъ.

„Чортъ зробывъ тее и съ тоеі поры на світі робытся гірше та й гірше, бо чортівъ робытся більше та й більше.

„А найкраще бъ зробывъ бы святый Петро, якъ бы одурывъ чорта, бо одурыты таку погань — нема гріха“.

[*Радомыслъскій уѣздъ*]. „Перше не було ны неба, ны землі, була тылькы тьма и вода змішана зъ землею, такъ неначе кваша, а Богъ летавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шуміла піною. Отъ, разъ Богъ ходыть по воді да дыхнувъ на ту піну и сказавъ: „нехай буде янголъ“.

„Отъ и ставъ янголъ, да тылько безъ крылъ. Богъ давъ ёму двое крылъ да каже:

— Летай такъ, якъ и я. А анголъ каже:

— Неможна, Господы.

„Богъ ёму давъ ще двое крылъ и сказавъ: летай.

— Неможна, Господы, одвічає янголъ.

„Богъ ёму давъ ще двое. Отъ, вінъ и літає.

„Тоді Богъ сотворывъ світъ и давъ янголю мічъ.

„На другый день Богъ сотворывъ небо. На третій день Богъ каже до шестокрылого серафыма:

— Пойды въ воду глыбоко да одділы маленьку часточку землі на моє имя та ії посіемъ, щобъ росла.

„Сатанаілъ (такъ звавсь той серафымъ) полізъ у воду да одділывъ часточку землі, але не на Боже имя, а на свое. Тая земля, що вінъ одлупывъ, взяла та й розсыпалась у ёго въ руці, да й не можна ёму прынесты до Бога. Вінъ прыходыть до Бога та й каже до ёго такъ:

— Неможна одділыть.

„Богъ уже знае, що вінъ на свое имя одділявъ, але мовчыть и каже ёму:

— Пойды зновъ, да одділяй.

„Вінъ тоді взявъ та одділывъ на Боже имя малу частычку, да взявъ та й собі трошкы сховавъ за губу. Якъ уже вінъ прынісъ до Бога землю, то Богъ заразъ поблагословывъ ii и сказавъ посіявшы, щобъ вона росла. Якъ узяла земля росты — то й тая росте, що за губою. То й серафымъ крычыть:

— Господы, ратуй: я вкравъ трошкы землі за губу, да вона тежъ росте за губою.

— Выплюй, каже ёму Богъ.

„Якъ зачавъ вінъ плювать, та якъ зачалы зъ рота такі, якъ вінъ, вылітаты, да летілы, ажъ покы вінъ не выплювавъ усеі землі. Якъ выплювавъ усю землю да й ще плюнувъ разъ скылько чыстою слынею. Тоді вже началы вылітать одынъ за другымъ янголі ище кращі, якъ вінъ. Тоді Богъ и каже:

— Теперъ трошкы оддышмо, да підемъ на небо.

„Богъ лігъ да замість спыть, а всевыдящімъ окомъ усе добре бачыть. Сплять и світлы янголы, тылько не спыть Сатанаілъ зъ першымы янголамы — темнійшымы, да радыться, щобъ Бога и тіхъ янголівъ у воду повтышковаты — повпыхать. Порадылысь: „Якъ укынемъ Бога и янголівъ у воду, до тоді самы на небі будемо богамы“.

„Взявъ Сатанаілъ Бога на рукы, а ті анголі тіхъ анголівъ да й понеслы кыдать у воду. Вода здается імъ и не далеко, да не можна до неі дойты. Носылысь воны, носылысь, на всі чотырі стороны, да все такы не донеслы до воды, да взялы та й покыдалы іхъ на тімъ місти, де взялы, а самы й позасыпалы. А земля розрослась чы мала. Богъ уставъ зъ вірнымы анголамы, забравъ тыхъ усіхъ, що спалы, да й повкыдавъ у воду, самъ же полетівъ на небо зъ анголамы. Іднымъ давъ по шість крылъ и назвавъ іхъ Серафымамы, другымъ давъ тылькы по двое крылъ, але назвавъ іхъ Арханголамы и начальныкамы надъ янголамы. Ідного назвавъ Говрыіломъ, другого — Мыхаіломъ, всіхъ поназывавъ. На небі сотворывъ сонце, місяць и зоры. Це вже було въ четвертый день.

„У пьятый день зробывъ дві рыбы велыкіхъ и дві малыхъ. Велыкы підложывъ підъ землю и сказавъ, щобъ поддержувалы ii, а малыхъ укынувъ у воду, щобъ розводылысь. Потімъ зробывъ пташкы та й попускавъ, щобъ літалы и плодылысь“.

Сотвореніе человѣка. [*Ушицкій уѣздъ*]. О человѣкѣ существуетъ слѣдующее повѣрье: „Сатана все можетъ сдѣлать, только съ условіемъ, если Богъ позволитъ и благословитъ. Такъ, наприм., человѣка сатана слѣпилъ изъ глины и сдѣлалъ его такъ удачно, что Господу Богу стоило только благословить и дать ему живую душу. Когда сатана слѣпилъ человѣка, то поставилъ его стоймя, а потомъ оплевалъ его вездѣ-вездѣ. Отъ этого и теперь человѣкъ плюетъ и кашляетъ“.

[*Луцкій уѣздъ*]. О человѣкѣ говорятъ, что онъ сотворенъ Богомъ.

[*Дер. Хорощанка*]. „Сотворилъ Богъ человѣка изъ земли и пустилъ его по свѣту. Первый человѣкъ былъ очень красивъ, а дьяволъ неуклюжъ. Вотъ и началъ онъ завидовать красотѣ человѣка. Выбравъ удобное время, дьяволъ пришелъ къ человѣку и оплевалъ его. Богъ сжалился надъ оплёваннымъ, и всю слюну, покрывавшую человѣка, вложилъ въ его внутренности. Съ тѣхъ поръ и плюетъ человѣкъ, и все-таки всего не можетъ выплевать“.

„Когда Богъ сотворилъ человѣка, то дьяволъ пожелалъ и себѣ сдѣлать такого же. Принялся за работу, но у него, вмѣсто человѣка, вышелъ волкъ. Чтобы оживить его, бѣсъ сказалъ: „гужя Бога“, но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: „гужя ёго“, волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, а чортъ ушолъ и хотѣлъ взлѣзть на дерево, но волкъ догналъ его и схватилъ за ногу. Изъ раны потекла кровь и заструилась по стволу дерева, а то дерево была ольха. Потому и теперь это дерево красно“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Чоловіка Богъ зробывъ изъ землі, а жінку изъ тіста та й поставывъ іхъ проты сонечка, щобъ то, бачте, высохлы; а Мыхаілу загадавъ стерегты. Отъ Мыхаілъ стерігъ, стерігъ, да якось и задывывся на щось-то, а собака прыбігъ та й зъівъ жінку. Уложывъ Богъ душу у чоловіка да взявъ у ёго одну кістку изъ ребра та й зробывъ ёму уже вдруге жінку. Чоловіка Богъ назвавъ Адамомъ, а жінку уже самъ чоловікъ назвавъ Евою“.

[*Луцкій уѣздъ*]. Народъ твердо вѣритъ, что перваго человѣка создалъ Богъ, что есть загробная жизнь и что человѣкъ долженъ будетъ отдать отчетъ о своихъ дѣлахъ.

[*Радомысльскій уѣздъ*]. „Богъ сотворивъ Адама зъ тіста пшенишного да й поставивъ на сонці, щобъ висохъ, а собака взяла да й изъіла. Отъ тоді Богъ вылипывъ изъ глины, вдихнувъ въ ёго ангельську душу, да давъ ёму рогове тіло, шобъ ніколи не зогнило и не боялось холоду. Тоді взявъ Богъ да наславъ на Адама сонъ, да якъ заснувъ Адамъ, до Богъ узявъ да зъ рожи сотворивъ жінку да й положивъ ii коло Адама. А Адамъ прокинувсь, шо жінка не така, якъ вінъ, да и каже Богу: „Я не хочу жінки зъ цвіту; якъ бы мені така жінка, якъ и я“. Отъ тоді Богъ взявъ да зновъ навівъ

на Адама ще більший сонъ. Да якъ заснувъ Адамъ, до Богъ узявъ да винявъ изъ ёго ідно ребро, да сотворивъ съ того ребра Еву да й положивъ киля Адама. Адамъ прокинувсь да побачивъ, що ёго жінка така, якъ и вінъ, да й узявъ ії собі. Тоді Богъ и питаєтьця Адама: „А що, котору ти теперъ лучче уподобаєшъ: чи ту, що зъ цвіту, чи ту, що зъ твого ребра?“ А Адамъ каже: „Уже жъ певно мені лучче нехай тая, шо зъ мого ребра“. А Богъ: „Ну, а мені здаєтьця, шо тая, шо зъ цвіту; я ії дамъ сину своёму за матіръ“. Да взявъ Богъ тую жінку, шо зъ цвіту да й одиславъ на небо, а Адаму и Еві сказавъ: „ійте усяке яблоко, тілько не ійте изъ одного дерева, бо якъ зъісте, то заразъ умрете“.

„Гріхъ першихъ людей“.—„Тільки Богъ пішовъ на небо, Ева заразъ и пішла въ садъ гулять. А вона була така гарна, шо той ангелъ, которого Богъ скинувъ зъ неба, заразъ и полюбивъ ії. Взявъ тоді той ангелъ перекинувсь у змію та й вилізъ на ту яблоню, де були ти яблоки, шо Богъ не казавъ істи. Підходять туды Адамъ и Ева. Отъ, вінъ імъ и каже: „Чому жъ це вы зъ цёго дерева не рвете яблокъ? Уже жъ воны поспіли“. А Ева каже: „Намъ Богъ казавъ, шобъ мы не іли зъ цёго дерева яблокъ, бо помремъ“. А змій: „То Богъ на те такъ сказавъ, щобъ вы не були богами; бо якъ изъісте хочъ ідно яблоко зъ цёго дерева, то будете богами“. Думала Ева шо й справди, взяла да й хтіла істи яблоко зъ того дерева,— коли иде и Адамъ: „А ти жъ забула, шо ціхъ яблокъ не можна істи“. А Ева й каже: „Мы будемо богами, якъ изъімо хочъ ідно яблоко“. Да взяли да й зъіли того яблока. Якъ проковтнули, то заразъ імъ стало ссромъ и холодно. Воны посшивали листи зъ липы, позакривались да й поховались, щобъ іхъ Богъ не найшовъ. Але Богъ дознавсь да й прогнавъ іхъ, а коло воритъ поставивъ ангола, щобъ стерігъ Рая. А рогове тіло заразъ Богъ перемінивъ на таке, якъ у насъ теперъ, а рогового тіла оставивъ тільки на конці пальцівъ“.

„Адамъ и Ева въ пустині“.—„Якъ Богъ вигнавъ Адама и Еву зъ раю, то воны посідали въ лісі да й плачуть, не знають, що и робить. Зославъ Богъ до нихъ ангела, а ангелъ давъ ёму жменю жита и заступъ да й каже: „Возьми да скопай кусокъ землі да посій оце жито, до тобі зъ ёго буде хлібъ“. А Еві давъ жменю конопляного сімя, да каже: „Оце ти посій, до одъ цёго буде вамъ плаття; а колись Богъ дасць, шо одъ туёі жінки, шо зъ цвіту народитьця Синъ Божий, до вінъ васъ зновъ упустить у рай“. Ото посіяли вони да й посідали, — оддыхають. А той анголъ, що іхъ підвівъ перекинувсь у самого старшого ангола да й каже: „Вы вже посіяли собі

таке, шобъ бувъ у васъ и хлібъ и плаття, але про то нема у васъ такого, шобъ ви не вмерли. Ви возьміть да зійдіться до купи ідно зъ другимъ, до одъ Евы родиться синъ, до той синъ випросить у Сина Божого (котрый родиться съ туёі жінки, шо зъ цвіту), шобъ васъ изновъ упустили у рай“. А Ева каже: „Та ми не знаємъ, якъ же то зійтись до купи? Аже жъ ми и теперъ въ купі“. Отъ той ангелъ якъ показавъ, та й родився у Евы Каинъ. А Каинъ дуже не любивъ Адама: вінъ, бачте, знавъ, шо ёго батько — той ангелъ, котрого Богъ вигнавъ зъ неба“.

„Ославъ разъ Адамъ Каина сіяти жито, а Ева й каже Адамові: „Совокупімось, може я приведу дочку, шобъ сіяла конопли“. Отъ и привела Ева Авеля. Ото якъ вырісъ Авель ёго послали пасти овечки, а Каинъ понісъ ёму обідать, да взявъ и зівъ той обідъ. Авель якъ вернувсь до дому, до й сказавъ Адаму, що вінъ не обідавъ, а Адамъ взявъ да й выбивъ Каина. Каинъ розсердився на Авеля, да й убивъ ёго, а Богъ за це убивъ грімомъ Каина“.

Пісьня объ Адамі и Еві.

Седить Адамъ просто рая
И наготу покриває.
— А ти, Ево, не смутися,
— И до мене обернися,
— Прошу я тебе!
Господь Адаму говоряше:
— Де жъ ти, Адаме, живешъ?
— Осьде — въ кутку,
— Охъ, мій смутку,
— И зъ Евою молодою
— Тішу біду свою.
Заповеді не хранивъ,
. . . . . сотворивъ.
— О, бачъ, Ево,
— Смутна жено,
— Було жить, не грішить,
— Вибачай же теперъ
— Лучче було въ раю жить,
— Солодки яблоки во рту имітъ.
— Теперъ треба працювати,
— Щобъ кавалокъ хліба мати
— До самоі смерти.
Зачавъ Адамъ розмышлять:
Якъ бы намъ хліба достать
Укопать я не вмію

И не знаю що носію,
Бо не маю чого.
Янголъ къ ёму явився:
— Иды, Адаме, поучися,
— Візьми заступъ да нагныся,
— Копай землю, потрудися,
— Да побачишъ, що тобі вродить.
Проклята Ева и змія,
Шо веліли выйти изъ рая,
И по пущі блудити,
И въ сирий землі жити
По конець віку.

Душа. [*Кіевская губернія*]. Душа умершаго пребываетъ въ домѣ Давида. Домъ тотъ стоитъ на сухой землѣ, но окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ. Построенъ же домъ царемъ Давидомъ для того, чтобъ уберечься тамъ отъ смерти.

„Три святителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ во время своей земной жизни ходили вмѣстѣ, учили народъ, носили на плечахъ церковь Божію и въ ней совершали службу. Разъ они пришли къ болоту и съ трудомъ чрезъ него перешли. Объ этомъ узналъ владѣлецъ того мѣста и велѣлъ построить черезъ то болото мостъ. Вскорѣ господинъ тотъ умеръ и попалъ за грѣхи въ адъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ святители возвращались обратно тѣмъ же путемъ и, дошедши до болота, удивились, что тутъ построенъ мостъ. Они на мосту раскинули церковь Божію и начали отправлять богослуженіе за ту душу, которая сдѣлала такое богоугодное дѣло. Едва окончилась литургія за упокой души, какъ вдругъ прилетѣлъ въ церковь ангелъ съ обожженными крыльями. На вопросъ святителей — отчего у него обожжены крылья, ангелъ отвѣчалъ имъ: „Та душа, о которой вы молились и служили службу Божію, была въ адѣ, на самомъ днѣ. Господь повелѣлъ мнѣ вывесть ее изъ ада за то, что молитесь вы, и я исполнилъ волю Господню; но какъ это было трудно, вы можете судить по обожженнымъ крыльямъ. Господь послалъ меня для утѣшенія вашего“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Душа человѣка есть духъ, могущій принимать разные виды.

„Одна старуха разсказывала, что, когда она была еще дѣвочкой, умерла ея тётка. Всѣ старшіе родственники ея вышли изъ хаты, гдѣ лежала покойница; осталась она одна и услышала, что подъ „припечкомъ“ кто-то стонетъ. Дѣвушка испугалась и, выбѣжавъ изъ хаты, объявила старшимъ домашнимъ. Они вошли въ хату; стоны прекратились. Домашніе опять вышли изъ хаты, стоны опять начали повторяться. Она опять побѣжала объявить домашнимъ.

Тогда они догадались, что тутъ что нибудь да есть. Думали, что это открывается кладъ, и потому, ставши за дверьми, чтобы дѣвочка не боялась, слыша стоны, — велѣли ей сказать такъ: „всяка душа да хвалитъ Господа“. Она это сдѣлала, и стонавшее отвѣтило: „и я хвалю Бога Предвѣчнаго“.

— Душа „покутующа“, чего ты хочешь и кто ты такая?

— Я бабка твоей бабки. Болѣе ста лѣтъ, какъ я тутъ „покутую“. Бросаютъ на меня дрова, сметаютъ на меня соръ. Я требую твоей помощи, окажи мнѣ ее отъ труда рукъ твоихъ, но помни, чтобы никто болѣе не трудился.

„Она взяла у матери денегъ, купила коленкору и нитокъ, сдѣлала три манишки, вынесла на ярмарку и продала ихъ. Отдавши взятыя у матери на покупку деньги, она опять купила на оставшійся барышъ коленкору и нитокъ для той же цѣли. Видя, что денегъ уже достаточно для платы за богослуженіе, она обратилась къ ксендзу, который отслужилъ панихиду за упокой усопшей. Возвратясь домой и прочитавъ молитву за упокой души (Anioł Pański), стали обѣдать. Только что начали ѣсть, вдругъ видятъ, стоитъ у порога женщина, довольно пожилая, и ни на кого больше не смотритъ, какъ только на ту дѣвушку, и при этомъ сказала ей: „Bóg zapłać“. И повторивши это три раза, стала невидима. Утверждаютъ, что это была душа“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Душу народъ представляетъ себѣ въ видѣ мухи.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. Понятіе о душѣ весьма разнообразно. Душа можетъ, по своему произволу, оставлять человѣка во время сна. Улетая изъ него, она принимаетъ на себя видъ сивой мыши.

„Душа одной молодой женщины прожила у своей матери болѣе двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени душа ничего не ѣла, а только постоянно сидѣла надъ горячимъ хлѣбомъ и вдыхала въ себя выходящій изъ него паръ.

[*Холмъ*]. Душу представляютъ маленькимъ ребенкомъ.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Душа, это — маленькій человѣчекъ съ чистымъ и прозрачнымъ тѣломъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Душа принимаетъ видъ человѣка.

[*Каневскій уѣздъ*]. Душа, это — маленькій ребенокъ, имѣющій крылышки.

Пѣснь о душѣ.

Изъ Кыєва изъ Єрусалыма —
Алылуя!
Изъ Кыєва изъ Єрусалыма —
Господы, помылуй!

Відтыль ішло а тры чернычeнькы —
Алылуя!
Видтыль ішло а тры чернычeньки —
Господы, помылуй!
Первая йде на главі хрестъ несе —
Алылуя!
Первая йде на главі хрестъ несе —
Господы, помылуй!
Другая іде євангелію несе —
Алылуя!
Другая іде євангелію несе —
Господы, помылуй!
Третья іде кадыльныцю несе —
Алылуя!
Третья іде кадыльныцю несе —
Господы, помылуй!
Встрічає іхъ Божая Матіръ —
Алылуя!
Встрічає іхъ Божая Матіръ —
Господы, помылуй!
Ой де жъ вы булы а тры чернычeнькы —
Алылуя!
Ой де жъ вы булы а тры чернычeнькы —
Господы, помылуй!
Ой булы жъ мы, Божая Маты —
Алылуя!
Ой булъ же мы, Божая Маты —
Господы, помылуй!
У Кіеві у Єрусалыми —
Алылуя!
У Кіеві у Єрусалымі —
Господы, помылуй!
Що жъ вы бачылы а тры чернычeньки —
Алылуя!
Що жъ вы бачылы а тры чернычeньки —
Господы, помылуй!
Бачылы жъ мы, Божая Маты —
Алылуя!
Бачылы жъ мы, Маты Божая —
Господы, помылуй!
Якъ душа зъ тіломъ та й ростaвалася —
Алылуя!
Якъ душа зъ тіломъ та й ростaвалася —
Господы, помылуй!
Розставалася та й позналася —
Алылуя!

Розставалася та й позналася —
Господы, помылуй!
Чомъ же ты тіло, чомъ ты не терпіло —
Алылуя!
Чомъ же ты тіло, чомъ ты не терпіло —
Господы, помылуй!
Чомъ же ты, главо, умомъ не зносыла —
Алылуя!
Чомъ же ты, главо, умомъ не зносыла —
Господы помылуй!
Чомъ же ты, тіло, постівъ не постыло —
Алылуя!
Чомъ же ты, тіло, постівъ не постыло —
Господы, помылуй!
Чомъ же ты, душе, неділі не чтыла —
Алылуя!
Чомъ же ты, душе, неділі не чтыла —
Господы помылуй!
Будешъ же ты, тіло, въ сырій землі пріты —
Алылуя!
Будешъ же ты, тіло, въ сырій землі пріты —
Господы, помылуй!
А ты будешъ, душе, у огні горіты —
Алылуя!
А ты будешъ, душе, у огні горіты —
Господы, помылуй!

Богъ. [*Ушицкій уѣздъ*]. Народъ представляетъ себѣ высшее существо въ образѣ человѣка. Понятія о немъ — свѣтлыя, православныя. Его никто, нигдѣ и никогда не видѣлъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Бога-Отца народъ представляетъ себѣ въ образѣ святаго человѣка, старика, съ огромною сѣдою бородою, живущаго въ первомъ раю, устроенномъ собственно для Себя.

[*Холмская Русь*]. Бога-Отца народъ представляетъ весьма древнимъ старцемъ.

[*Житомірскій уѣздъ*]. Бога-Отца простой народъ представляетъ себѣ человѣкомъ.

Іисусъ Христосъ. [*Каневскій уѣздъ*]. „Сусъ Хрыстосъ родывся зъ Дівыці Марії, котора ёго породыла безъ мужа“.

[*Сосницкій уѣздъ*]. О рождествѣ Іисуса Христа народъ имѣетъ понятіе, согласное во всемъ съ повѣствованіемъ евангельскимъ.

[*Литинскій уѣздъ*]. „Спаситель, по мнѣнію народа, родился необыкновеннымъ образомъ, не такъ, какъ рождаемся всѣ мы. Духъ Святый вошелъ въ Святую Дѣву Марію ртомъ и оплодотворилъ ее, а Спаситель родился или, вѣрнѣе сказать, вышелъ изъ нея чрезъ голову. Поэтому-то утверждаютъ, что Святая Дѣва Марія и, по рожденіи Спасителя, осталась Дѣвою и поэтому же указываютъ, что у новорожденныхъ дѣтей и теперь на головѣ бываетъ замѣтно непокрытое, впродолженіе извѣстнаго времени, костью мѣсто. Спаситель родился въ Виѳлеемѣ, въ ясляхъ, гдѣ Пресвятая Дѣва Марія скрывалась нѣкоторое время отъ преслѣдованій царя Ирода, преднамѣрившагося умертвить Спасителя Младенца. Иродъ, изъ предсказаній пророка Иліи и другихъ, зналъ, что долженъ родиться Спаситель, который положитъ основаніе христіанской религіи и освободитъ изъ ада души умершихъ до того времени, а потому, подстрекаемый діаволомъ, далъ приказъ умертвить всѣхъ младенцевъ. Родившагося Спасителя укрывали волы и ослы, прикрывая его постоянно соломою и огрѣвая своимъ дыханіемъ, почему они и теперь называются благословенными; лошади же, напротивъ, прокляты Богомъ, потому что постоянно съѣдали солому, которою былъ прикрываемъ Спаситель“.

„Спаситель жилъ на землѣ тридцать-три года и занимался въ это время разными ремеслами, пріобрѣтая этимъ пропитаніе для себя и для своей Матери, Пресвятой Дѣвы Маріи“.

[*Луцкій уѣздъ*]. О Спасителѣ народъ имѣетъ правильное понятіе.

[*Винницкій уѣздъ*]. О земной жизни Спасителя въ народѣ сохранилось слѣдующее сказаніе:

„Однажды Спаситель проходилъ черезъ ниву богатаго человѣка, во время воздѣлыванія ея подъ посѣвъ. Земля была хорошая. Спаситель спросилъ:

— Что, человѣче, будетъ здѣсь хлѣбъ?

— О, какъ не быть на этой землѣ хлѣбу; я знаю, что и безъ Бога будетъ здѣсь хлѣбъ.

„Господь пошолъ дальше и увидѣлъ бѣдняка, воздѣлывающаго свою землю. По неимѣнію хорошаго снаряда и хорошей скотины, онъ кой-какъ расцарапалъ свою землю. Господь спросилъ его:

— Что, человѣче, будетъ здѣсь хлѣбъ?

— Богъ дастъ, — будетъ, отвѣчалъ бѣднякъ.

— Ну, говоритъ Спаситель, — ты довольно потрудился: сѣй, и завтра выходи жать.

„Бѣднякъ пришелъ въ изумленіе отъ этихъ словъ прохожаго, но положился во всемъ на Бога. На прощаньи Господь сказалъ ему:

— Завтра, какъ ты будешъ жать, здѣсь будутъ проходить жиды и

спрашивать тебя: „проходилъ ли здѣсь такой-то?“ ты скажешь имъ, что проходилъ.

„Вотъ, на другой день, бѣднякъ, побуждаемый голодомъ, вышелъ съ женой на жатву, смотритъ: на его нивѣ такая рожь, что лучше и желать нельзя. Приходитъ и богачъ посмотрѣть на свои всходы и видитъ, что на его нивѣ выросла такая же рожь, спѣлая, какъ и на нивѣ бѣдняка, но только тамъ, гдѣ прошелъ Господь, а остальное пространство поросло бурьяномъ.

— Что значитъ, обратился онъ къ бѣдняку: что на твоей нивѣ такой хорошій урожай, а на моей только тамъ, гдѣ прошелъ вчерашній путникъ.

— Не знаю, отвѣчалъ бѣднякъ; но вчера тотъ путникъ сказалъ мнѣ: „сѣй и завтра жни“. Я думаю, что это былъ Богъ.

„Тогда и богачъ догадался, что это былъ Богъ и сказалъ:

— Жаль, что не зналъ: тогда бы я выводилъ Его по всей нивѣ.

„Видитъ бѣднякъ, — жиды идутъ и спрашиваютъ его: „не проходилъ ли здѣсь такой то человѣкъ?“

— Проходилъ.

— Когда?

— Вчера, когда я сѣялъ эту рожь.

— Врешь, тому уже годъ, какъ ты сѣялъ.

„Такимъ образомъ, жиды не повѣрили правдѣ“.

[*Харьковскій уѣздъ*]. „Ишовъ Сусъ Хрыстосъ зъ святымъ Петромъ. Прыйшлося імъ ночувать у дорозі. Просятся воны у одну хату; дома бувъ одынъ чоловікъ, а жінкы не було. Чоловікъ ставъ відказуваты:

— Не просится, люде добрі, у мене жінка скажена; якъ вона прійде, до не вамъ, не мені покою не буде.

„Спасытель и Петро просылы такы того чоловіка, покы вінъ пустывъ іхъ.

— Глядіть, добры люде, про мене, якъ знаєте, тылько впокою вамъ не буде.

„Ввійшлы у хату. Спасытель и Петро лягы підъ лавою: Спасытель підъ стінкою, а Петро відъ краю, а чоловікъ лігъ на полу. О півночы прыходе до дому пъяна жінка, почала лаяты, а далі й быты чоловіка. Якъ перестала вже быты ёго, уздріла Петра та й каже:

— Э, та ты тутъ не одынъ, зъ тобою ще якысь пъяныці, понаводывъ уже!

„Кынулась до Петра, была, была ёго, та впъять за чоловіка, а потімъ впъять за Петра, побыла ёго и вдруге. Петро и просе Спасытеля:

— Господы, ляжъ ще хоть ты одъ краю, а то у мене уже ребра болять.

„Лігъ Спаситель одъ краю, а Петро лігъ підъ стінкою. Жінка, побывши чоловіка и втретте, каже:

— Постой, я ще другого, того, що підъ стінкою. Та впъять до Петра, побыла его бідолагу и въ третій разъ“.

[*Винницкій уѣздъ*]. „Єдного разу Господь зъ св. Петромъ и Павломъ ходылы по землі и зайшлы до Авраама въ гості. Авраамъ прынявъ іхъ и угостывъ бардзо добре, и воны обіцялы ёму за тее, що у ёго черезъ рікъ уродытся сынъ, не вважаючы на те, що Авраамъ мавъ уже більше якъ сто літъ и не сподівався уже маты дітей.

„Черезъ рікъ уродывся у Авраама сынъ, которого вінъ назвавъ Сачкомъ. Сачко вырісъ гарный, жвавый парень и вже бувъ зъ ёго добрый погонычъ або й ролнякъ, аже бувъ бардзо послушный, за те Авраамъ купывъ ёму на торзі гарну люльку. Отъ, одного разу Господъ каже до Авраама:

— Авраме! колы ты мене щыре любышъ, то застрель сына свого Сачка.

„Авраамъ бардзо любывъ Бога. Недовго думаючы, набывъ фудзію, взявъ Сачка за руку, повівъ ёго въ гай, прывъязавъ до дуба, одвівъ курка и вже хотівъ було стреляты, але жъ Господь, побачывшы, же Авраамъ хоче застрелиты Сачка, то й Господеві жаль зробылося.Ославъ янголя, жебъ вінъ сказавъ Авраамові, щобъ вінъ не стрелявъ. Але жъ янголъ летівъ, летівъ зъ неба, ажъ перекыдався та летівъ, а на решті, бачышь, же не можна долетіты, а тутъ Авраамъ вже отъ-отъ має спустыты курка, — давай крычаты що було сылы: „Авраме, не стреляй, Авраме, не стреляй, бо Сачко добрый хлопець“. Але жъ побачывшы, що и крыкомъ нічого не візме, замочывъ пановку, и Авраамъ не мігъ уже застрелыты Сачка, бо скілько не хляпавъ, пановка не спалыла“.

„Въ єднымъ селі бувъ бардзо цікавый коваль; бувало, якъ выстрыгне плуга, рало, сокыру, або окуе воза, то — на чудо, ажъ сміется. А ще треба знаты, же вінъ бувъ бардзо гордый, казавъ себе велычаты: „майстеръ надъ майстрамы“. Отъ, єдного разу вінъ зъ своімы наймытамы робыть въ кузни, ажъ то йдуть тры старці и заходять до кузні. Сталы воны на порозі и кажуть:

— Будьте ласкові, майстре, подаріть насъ.

„Розсердывся коваль на старцівъ, за те, що не звалы ёго: „майстеръ надъ майстрамы“, и каже до ныхъ:

— Знайте, що мене все село и вся околыця зове „майстромъ надъ майстрамы“, а вы, обдертусы, зовете мене тылько майстромъ, памятайте, жебъ я не чувъ одъ васъ того більше.

— Ну, колы вы такый майстеръ, же кажете велычаты васъ „майстромъ надъ майстрамы“, каже єденъ старець, то, будьте ласкаві, скажитъ намъ, що вы умієте робыты?

„Розсміявся коваль и каже:

— Жебысь знавъ, що я умію робыты, то я тобі скажу, що я умію же робыты.

— А зъ старого молодого вы можете зробыты?

„Ще гіршъ засміявся коваль, — ажъ за жывітъ взявся та й каже:

— А може ты, діду, умієшъ зробыты таку штуку?

— А чому жъ ні, зроблю.

— А ну, зробы.

„Якъ разъ въ ту пору проходывъ коло кузні старый дідъ. Старець заоклыкавъ ёго кузні и казавъ своімъ товарышамъ вкынуты ёго на огонь. Вкынулы дідка. Тіло ёго почорніло, на решті вінъ ввесь згорівъ, осталыся тылько де які кості. Потімъ той же старець казавъ добуты зъ огню недогорівшы кості, казавъ положыты іхъ на ковадлі, і ну дуты молотамы. Ударылы тры разы по кісткахъ, кості зробылыся білы; ударылы зновъ тры разы, на костяхъ стало росты тіло и вже цілый чоловікъ, тылько безъ духу. Тутъ старець пыхнувъ на нёго своімъ духомъ и той чоловікъ ожывъ, та вже не той дідокъ, що бувъ перше, а парубокъ, молодый, здоровый, прыстойный, хочъ до шлюбу ставляй. Забачывъ, коваль здывовався, здывовалася и челядь ёго, котора пізнала, що то не прості старці зробылы зъ старого молодого, а самъ Господь Мылосердный, Сусъ Хрыстосъ и товарыші ёго св. Петро и Павло.

„У коваля того бувъ старый батько, старый якъ світъ, казалы, що ёму єсть уже більше, якъ сто літъ. Отъ, ковалысько, зъ дурного розуму, посылає по свого батька, вже то, бачъ, хоче вдаты таку штуку, якъ Господь мылосердный зробывъ — одмолодіты старого. Прыходыть наймытъ до хаты та й каже.

— Татуню! Майстеръ надъ майстрамы васъ клычуть.

„Старый бувъ вже глухый такъ, же наймытъ мусывъ добре крычаты, покы вінъ почуе. Але жъ то старый, розыбравшы, чого хоче одъ ёго наймытъ, каже:

— Йды до кузні и скажы майстрові, що я не здужаю и зъ печы злізты, не то що до кузні дойты.

„Прыйшовъ наймытъ до кузні та й каже до коваля:

— Не могуть татунь прыйты до кузні.

— А колы не може, то підить и въ штырохъ прынесіть сюда заразъ.

„Пійшлы наймыты и прынеслы ковалёвого батька.

— Ну, старый, знаешъ, на що я казавъ прынесты тебе сюда? Я хочу зробыты зъ тебе молодого. Возміть хлопці та вкыньте ёго на огонь.

„Закрычавъ дідъ дывнымы голосамы — та й Богу душу отдавъ. Вытяглы нежывого батька, положылы на ковадлі и ну гріть молотамы, ажъ косткы поламалыся. Бьють молотамы, нема нічого. Поламалы всі косточкы, а тіло не наростає на іхъ. Отъ, коваль и злякався вже:

— Ну, каже, буде жъ мыні теперъ: забывъ батька!

„Ажъ то на ту пору коло кузьні зновъ проходять: Спасытель и св. Петро и Павло. Выйшовъ коваль та й бухъ Господові въ ногы:

— Эй, змылуйся, Господоньку! забывъ я свого батька; хотівъ, бачъ, зробыты зъ старого молодого, та не вдалася штука!

„Змыловався Господь надъ ковалемъ, бо побачывъ, же вінъ розкаявся въ своімъ гріху. Зайшовъ у кузню, казавъ зобраты поломаны косткы, вдарывъ кылько разъ молотомъ, пыхнувъ на нёго своімъ духомъ, старый вставъ, та вже не старый, а молоденькый, такъ літъ на трыдцять показуе.

„Тутъ Господь сказавъ ёму, що вінъ прожыве ще тры рокы, а на четвертый умре; а ковалеві сказавъ, щобъ вінъ шанувавъ свого батька, не якъ молодого, а такъ якъ старого; научывъ, щобъ вінъ не бувъ гордый, и пішовъ зъ товарышамы своєю дорогою“.

„Когда Богъ ходилъ по землѣ (а онъ всегда ходилъ съ апостолами Петромъ и Павломъ), тогда былъ на землѣ золотой вѣкъ: хлѣба и всего тогда было очень много; колосья злаковъ доходили до земли. Уменьшилъ же Богъ колосья вотъ за что: „Одинъ разъ Спаситель, съ апостолами Петромъ и Павломъ, зашелъ къ одной женщинѣ, въ образѣ нищихъ, и началъ просить милостыни. Женщина же эта сказала:

— Вотъ тамъ за окномъ лежитъ кусочекъ хлѣба, возьмите и идите себѣ.

„Они подняли тотъ хлѣбъ и увидѣли, что тѣмъ хлѣбомъ женщина отерла дитя. Сожалѣя, что Его даръ такъ неуважаемъ, Богъ рѣшилъ лишить этого дара людей; съ этой цѣлью онъ пришелъ къ растущей пшеницѣ и началъ отирать ее снизу до верху, въ намѣреніи отереть всю; въ то время собаки начали выть, и Богъ оставилъ немного для нихъ“. По понятію народа, человѣкъ пользуется собачьею частью“.

О хожденіи Бога съ апостолами Петромъ и Павломъ по землѣ, — есть такая легенда:

„Въ давні времена, якъ ходывъ по земли Богъ зъ Петромъ и Павломъ, у неділю рано зайшлы воны до попа и просыли, щобъ імъ далы пообідаты. Прыйшовъ піпъ та каже:

— Чого воны хотять? А попадя й каже:

— Воны просять, щобъ імъ даты пообідаты.

— Нехай перше змолотять по копі.

„Повівъ іхъ до клуні и давъ імъ по копі: Богові копу, Петрові копу и Павлови копу, та й допіру дає імъ пообідаты; идуть воны до купы молотыты. Богъ каже:

— Вінъ намъ по копі скынувъ, колы вінъ такый, треба ёму змолотыты всеньке.

„Взявъ Богъ запалывъ стырту жыта, сгоріло. Богъ дыхнувъ духомъ и все стало окроме: зерно особе, полова особе, салома особе. Побачывъ піпъ, якъ Богъ молотывъ, та й побігъ до пана и говорыть:

— Дайте мыні молотыты пшеныцю за половыну.

„Панъ согласывся. Запалывъ піпъ тікъ и весь тікъ згорівъ. Стоє піпъ надъ попеломъ и дыхае. Дыхавъ, дыхавъ, но нічого не зробывъ та й пішовъ до дому; взявъ грошы, догнавъ Бога, Петра и Павла, и каже:

— Куды вы йдете, Божі старці?

— Идемъ у світъ, каже Богъ.

— И я піду зъ вамы.

— Иды.

„Идуть воны, идуть, пытаєтся піпъ:

— Де мы будемъ ночуваты?

— За селомъ, каже Богъ.

— Щожъ мы будемъ исты?

— Біжы до чоловіка въ хлівъ, тамъ є маленькый баранчыкъ: возьмы ёго и принесы сюда.

„Пішовъ піпъ у хлівъ, дывыться а тамъ два бараны: велыкый и маленькый. Піпъ говорить до себе: „Що жъ мыні такый маленькый: Богъ хоче исты и я хочу, то мы маленькымъ не наімося“. Бере піпъ здорового барана и тягне зъ хліва. Баранъ закрычавъ, хазяінъ выбігъ и почавъ попа быты.

— Хто тобі казавъ браты?

— Богъ.

— Которого жъ тобі казавъ браты?

— Маленького.

— Ну, маленького беры, а здорового не дамъ.

„Прыносыть піпъ маленького баранця, а легке и печінкы піпъ украв, сховавъ на-завтра. Идуть воны рано въ село, а въ тімъ селі панова дочка була слаба. Богъ взявъ порубавъ дочку, перепполоскавъ въ воді и склеівъ, якъ слідуе, положывъ на столі, духнувъ, и вона встала. Відкрывъ панъ скрыню грошей и говорыть:

— Беріть скылько хочете.

„Богъ узявъ жменю, Петро жменю и Павло жменю, а піпъ повну торбу и пійшлы. Идуть воны идуть, прыходять у друге село, а тамъ сказалы, що есть у пана слаба дочка. Богъ пошовъ въ путь, а піпъ пошовъ лічыть. Прыходыть и говорыть панові:

— Я чувъ, що у васъ дочка слаба, позвольте я ії буду порубаты.

— Добре, каже панъ.

„Піпъ порубавъ дочку, переполоскавъ у чістій воді, склавъ на столі та й дыхає, а вона такы не встає. Вінъ хтівъ утікаты, а ёго не пустылы.

— Скоро вона не встане, то мы тебе такъ порубаємо.

„Богъ каже:

— Вернімся та выкупымъ того дурня ще разъ.

„Прыйшовъ Богъ, дохнувъ, и вона встала. Панъ відчынывъ скрыню:

— Беріть гроши, скылько кому треба!

„Богъ узявъ жменю, Петро жменю и Павло жменю, а піпъ повну торбу, и пішлы. Прыходять до річкы, а піпъ и каже:

— Якъ же мы будемъ перевозытьця, колы нема на чому?

„Иде Богъ упередъ, Петро и Павло за нымъ, а піпъ изъ самого заду. Ті перейшлы по-верхъ воды, а піпъ почавъ зарынаты, зарынувъ по пахы. Богъ и пытается:

— Ты вкравъ легке и печінкы зъ барана?

— Ні, каже піпъ.

— Ну, ще цей разъ простю.

„Идуть, идуть, — уже вечіръ, а Богъ пытается:

— Де мы будемъ ночуваты, чы тамъ, де плачуть, чы тамъ, де скачуть?

— Тамъ, де скачуть, каже піпъ.

„Прыходять воны до корчмы; лягає Богъ підъ грубою, Петро — коло Бога, Павло — коло Петра, а піпъ зъ самого краю. Ажъ ось прыходыть тры пъяныхъ мужыківъ и кажуть:

— А що то за єдны сплять? чы є въ іхъ пашпортъ? А піпъ каже:

— Нема.

„Бере мужыкъ попа, выбывъ та й пустывъ. Піпъ лігъ знову та й каже до Петра:

— Пустіть мене туды, бо тутъ будуть зновъ быты.

„Прыходыть другый мужыкъ та й каже:

— Уже крайнёго былы, теперъ давай сюды того, що лежыть другымъ.

„Выбылы, выбылы та й пустылы. Піпъ лігъ та й каже до Павла:

— Эй, пустіть мене, бо ще будуть быты.

„Прыходыть третій мужыкъ и каже:

— Уже цёго былы и цёго былы, давай ще третёго.

„Выбылы, выбылы й пустылы. Піпъ лігъ коло Бога и просыть:

— Пустіть-но мене підъ грубу.

„Прыходять вже всі тры мужыкы и кажуть: цёго былы, цёго былы и цёго былы, давай ще й цёго, четвертого“.

„Вытяглы попа, побылы, побылы и пустылы. Идуть воны, идуть цілый день; въ вечері зновъ Богъ пытается:

— Де мы будемъ ночуваты, чы тамъ, де плачуть, чы тамъ, де скачуть?

— Тамъ, де плачуть, каже піпъ.

„Прыйшлы на похоронъ; сівъ піпъ, зачавъ чытаты совтыру (псалтырь). Попу дають істы й пыты. Выходять воны звідты; піпъ и говорыть:

— Якъ бы я бувъ знавъ, то и вчора ночувавъ бы тутъ, а не тамъ, де скачуть.

„Прыходять воны до перехрестної дороги, Богъ и каже:

— Тутъ уже намъ треба розыйтысь: давай гроши — розділімося.

„Іхъ штырі, а Богъ кладе гроши на пъять купокъ и кладучи говорыть:

— Єдна — мені, а це тобі, Павле, а це тобі, Петре, а це тобі, попе, а ця тому, хто прызнается, що вкравъ зъ баранця легке и печінкы.

— Я вкравъ, каже піпъ.

„Богъ тоді и каже тому попу:

— Всіхъ ціхъ грошей, що мы заробылы, намъ не треба, беры якъ хочешъ собі всі на легке пожыванія; тылько слухай, що я тобі скажу: не будь такый лукавый.

„И кожный изъ іхъ пішовъ своєю дорогою“.

Духъ святый. [*Ушицкій уѣздъ*]. О Святомъ Духѣ народъ имѣетъ правильное понятіе.

Божія Матерь. Божія Матерь была Іудеянка. Когда Ей было три года, родители привели Ее въ школу (синагогу), для изученія Закона Божія, гдѣ все время проводила въ той части школы, куда никто не можетъ входить, кромѣ стараго раввина, и то только три раза въ годъ. Во все время пребыванія въ школѣ, Матерь Божія питалась пищею, приносимою ей ангеломъ. На тринадцатомъ году жизни она родила Спасителя; жила на землѣ всего сорокъ шесть лѣтъ, и сорока семи лѣтъ взята ангелами живою на небо.

Пѣснь Почаевской Божіей Матери.

[*Млѣевъ, Черкасскаго уѣзда*].

Пасли пастырі овці на горі,
Да выдалы гобразъ Матері Божої на скалі
На той скалі сліды знаты,
Де стояла Божая Маты,
Изъ ныхъ воду беруть,
Усімъ вірнымъ дають.
А зъ Баграда-града
Туркы въ Почаєвъ войшлы,
Много народу хрыстыянъ знайшлы,
Сталы браты, брамы штурмуваты,
Хотілы въ неволю хрыстыянъ забраты.
Дакъ не помогла імъ Божая Маты.
Туркы, Татары брамы обляглы
И вже патріарсі голову зъ плечъ зняли;
Несуть голову у руцѣхъ взявшы,
Матері Божій поклінъ оддавшы.
А й же невіра-турокъ проклятый!..
А въ манастырі люде закрычалы;
Руці возносять,
Крежемъ падають,
Матері Божій
Поклінъ подають.
Змылуйся, Божая Маты,
Не дай же намъ погыбаты,
Ты єсть, Царыця неба и землі!
Не бійтеся, хрыстыяне,
Не пустымо бусурмана—
Святъ Мыхаілъ зъ мечемъ йде,
Мечемъ іхъ побъє.
Крыкнувъ баша: «забыта наша!
Якого війська... да все зъ мечамы
Выступає вслідъ за намы,
Да нейде землею—йде облакамы
Уже стріли и пулі пострелялы.
Назадъ намъ іхъ поверталы
А все невіру-турка побіждалы.»
Зарікся турокъ по вікі віковъ амінь.
Больше не будемъ воюваты
И Почаєва займаты,
Ажъ покы тутъ буде
Божая Маты.
Запрысягъ же турокъ на вікы, амінь.

А *).

[*Рогозовъ, Переяславскаго уѣзда*].

1 Выйшла зоря вечоровая,
2 Надъ Почаєвомъ стала —
3 Выступыло Турецьке війско
4 Якъ чорная хмара.
5 Ой выйшовъ, выйшовъ чернець Залізо,
6 Слёзамы умывся:
7 — Ой, рятуй, рятуй, Маты Божая,
8 — Монастыръ погібає.
9 — «Ой не плачъ, не плачъ, чернець Залізо!
10 — Монастыръ не загыне:
11 — Мусымо статы, монастыръ рятуваты,
12 — Чудо показаты.»
13 Ой выступыла Матіръ Божая,
14 На крыжеві стала
15 Кулі вертала, турка вбывала,
16 Манастыръ рятувала.
17 Дознались туркы, злы недовіркы,
18 Що єсть Божая Маты,
19 Подпысалыся до Почаєва
20 Що года дань даваты.
21 Самі вы, туркы, злі-недовіркы,
22 Самі вы зло й учынылы,
23 Що въ славному граді, ажъ у Вышневі,
24 Кровъ зъ піскомъ змісылы.
25 Вы, хрыстіяне, вы, православні,
26 До Бога ударяйте —
27 Матері Божій Почаєвській
28 Поклонъ создайте.

Б **).

[*Борысполь, Переяславскаго уѣзда*].

1 Б=Зійшла... 1 А, 2 Б=2 А, 3 Б = Вышло, выйшло
3 А, 4 Б =... темная... 4 А.
5 Туркы татары
6 Городъ оступылы

*) Это — варіантъ, см. предисловіе.
**) Подъ этою буквой, а также подъ В, помѣщены разночтенія, см. предисловіе.

7 Почаєвъ воёваты —
8 Божа Маты Почаєвська
9 Буде насъ рятуваты
10 Отець Залізо зъ келіі выйшовъ
11 Б =...ся вмываєъ 6 А, 12 Б=Охъ...7 А, 13 Б=Почаєвъ...
... 8 А, 14 Б=....Отець Залізо 9 А, 15 Б=нашъ Почаєвъ...
10 А, 16 Б=....чудъ показаты 11 А, 17 Б=Почаєвъ 11 А,
18 Б=13 А, 19 Б=14 А, 20 Б= 15 А, 21 Б=Почаєвъ...16 А,
22 Турокъ не вірыть: изъ лука мірыть,
23 На манастыръ ціляє.
24 Ой тыі стрілы, назадъ лытілы
25 Самыхъ іхъ побывалы
26 Б=прокляті.... 21 А, 27 не славы наробылы
28 Б=23 А, 29 Б= 24 А, 34 мы єсть люде и всі хрыстыяне,
35 Б=.... всі вдаряймо 26 А, 36 Б=27 А, 37 Б=28 А.

В.

[Wołyń Steckiego, т. I, стр. 109 — 111].

1 В=1 Б, 2 В=2 А, 3 В=3 Б, 4 В=4 Б
5 Выйшло, выйшло, брямы облягло
6 Та й взялося воёваты.
7 В=.... плаче, рыдає 10 Б, 8 В=8 А, 9 В=не...отче... 9 А
10 Не умывайся слёзамы
11 В=16 Б, 12 В=.... рятуваты 16 А
13 Выйшла, выйшла Божая Маты,
14 В=....своімъ троні... 14 А, 15 В=...коні тратувала 15 А
16 В=16 А, 17 В=30 Б, 18 В=...то....18 А, 19 В=запы-
салыся.... 19 А, 20 В = Велыкую.... 20 А.
21 Зсукалы свічку ізъ ярого воску,
22 Воскомъ облыту,
23 Порохомъ набыту,
24 Въ монастыръ доставлялы.
25 Підъ тую свічку
26 Шість волівъ запрягалы,
27 Підъ Почаєвску гору
28 Въ монастыръ доставляли.
29 Прыснылося старому черныцю
30 Теі свічкы не світыты,
31 Вывезты іі въ чысте поле,
32 Сокырамы розбыты.
33 Вывезлы свічку въ чысте поле,
34 Сокырамы розбывалы,
35 Кулі, патроны на всі стороны

36 По полю розкыдалы.
37 В = Ой.... вы.... 21 А, 38 В = 27 Б.
39 Въ славному містечку въ Влынывці
30 В=....розмісылы 24 А, 31 В=А мы люде, мы...34 Б
32 В=....ся удаваймо 26 А, 33 В=27 А, 34 В=Всі.....
отдаймо 28 А.

Боговозбранной Діві.

[*Борисполь, Переяславскаго уѣзда*].

Боговозбранная Діва, Маты-отроковыце,
Дѣтствомъ похвальная, Пречистая,
У молодыхъ літяхъ вела мене у своі волі
Тяжкого припадку гріховъ моіихъ одъ неволі.
Милосты не маю, підлізты не смію....
Ты-жъ, наша обороно, я на тебе всю надію имію.
Простырай-же руці, котрі Бога носилы,
Показуй-же ти персі, котрі Христа кормыли.
Покрый-же насъ своімъ честнымъ омофоромъ —
Служителі вічни будемъ передъ твоімъ Сыномъ.
Сойдуть Ангели зъ неба будуть насъ будыты
Сынъ нашъ Богъ нашъ буде одъ гріховъ судиты
Черезъ тебе, клядьбо, зайшовъ Господь зъ сёго світа...
Благословы, Чистая Панно, всіхъ насъ на многіе літа.

Пресвятой Богородицѣ Бердичевской.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Взываєть тебе ціла Украина,
Діво, Царица, надеждо єдына,
Абись подала руку єй въ пригоді,
Въ огню, повітрі, войни и голода
Ти намъ черезъ Сына збавленніе справила;
Хочъ душа зъ тіломъ много согрішила,
Не дай пропасты, маєшъ до насъ право
Отжени сильно всяке зло лукаво;
Къ тебі отъ всіхъ сторонъ людъ ся собираєть,
Бо всіхъ прыймаєшъ, хто тя призиваєть.
Тутъ, въ Бердичеві, хто тя о що просить
Ціло-радостно благодать односыть:
Сліпъ, хори, хроми буває здоровый,
Въ смутку ратунокъ одбірає новый;

Сила бісовська и та одступаєть,
Помощъ Маріі сію проганяєть;
Імъ же случится въ водахъ потопаты,
Животъ даруєшъ, преблагая Маты.
Будучи уже сложены на мары,
Хвалять тя, Діво, и приносять дари.
Свядчать таблиці рукъ, ногъ, полни стіны—
Много ласкъ отъ Ласкавоі.
Нехъ воєводство Кієвскоє голосыть,
Якъ много дарівъ зъ рукъ твоіихъ односыть;
Ты свавольныі купы прогоныла
Отъ нашествій іхъ городъ сохранила,
Та покій сладкый дала Украіні,
За що тя хвалимъ одъ віку до ныні.
Помагай, Матко, намъ въ каждоі потребі
Живущимъ на землі, и сподобы въ небі
Лицемъ къ лицу Бога оглядаты,
Съ Нымъ и съ Тобою вічно царствуваты.

Охтырській Божій Матері.

[*Харьковъ. Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Схилилися віки
И всі чоловіки
Руськоі державы,
А нашоі славы
Суще въ благостыні (2).
Се бо изъ востока,
Звізда безъ порока,
Ахтырськая Діва
Во образі жива
На престолъ узыде (2).
У храмі Покровськимъ,
На стильці жонськимъ,
У теперешні віки
Зъ небеснымы лики
Избра місце святе и чисте (2).
Де молиться Сыну
И у день, и у вікъ віку
Крысть амохворомъ
И зъ Ангельскимъ хоромъ
И служать, славословлять (2).
Простырає рукы
Да ни збавыть муки,
Вірующій народъ
Відъ грішноі страсты и вражоі часты (2).

Чуда дасть ускорі
На землі й на морі,
Честной твоій іконі
Відасы поклоны,
Молымъ Діву
Во образі святу и живу (2).
Исціля болізды
На много літъ жизды
Пісня до слону,
Небесному трону
Полычує віки
И бере на віки (2).
О, Матіръ Пресвята,
Умолы Распъята,
Исправы наши пути
Во всякіи минуті
Твоєму Сыну
Работаты выну (2).
Сліпымъ даєшъ зряки,
Чортивъ гонышъ мраки,
Крывыхъ и хромыхъ
Робыты способныхъ (2).

[*Оттуда же*].

Дивная Владычице наша Пресвятая
Розныі чуда творишъ, Преблагая (2).
У Охтырці на предмісті, якъ сонечко ясне,
Якъ у Рамні, такъ и у долі чуда сотворяєшъ (2)!
Сліпымъ очі просвітляєшъ, немощныхъ посіщаєшъ,
Крывыхъ, хворыхъ робышъ слободныхъ (2).
Градъ Охтырка полководный
Въ сёму світу путь слободный (2)
Зріты преславныхъ чудесъ
На исцілення душі и тілесъ (2)
У покровы Богоматері лучі засіялы,
Де Пресвятая Панна на престолі стояла,
Припадімо передъ Нею тіломъ и душою
И обмыємъ совість цілебною водою (2).
Цюю радисть прийміте, Панну усі славте
И у пісняхъ объ чудесахъ іі усімъ співайте (2),
Просючи исцілення крывымъ, сліпымъ,
Що и зъ вірою идуть прославляють (2),
Не лиши насъ просящихъ, до тебе приходящихъ,
Зъ вірою и любовію відъ Тебе відходящихъ (2),
Прыймы відъ насъ Бого маты цюю похвалу,
Що даруєшъ цільбу злоту стару и малу (2).

Ангелы. [*Литинскій уѣздъ*]. Ангелы и часть архангеловъ сотворены Богомъ, для служенія Ему. Архангелы представляются въ образѣ молодыхъ красивыхъ людей съ крыльями. Ангелы же — въ образѣ птицъ съ человѣческими головами. Ангелами дѣлаются всѣ крещенныя дѣти, умершія въ первые дни своей жизни и не сосавшія груди матери.

[*Соснецкій уѣздъ*]. Объ ангелахъ народъ имѣетъ правильное понятіе.

Св. Михаилу.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Михайле! хто яко Богъ возопивъ єсть
Єгда зъ небесивъ Люципера у адъ струтивъ єсть (2),
Захотівъ бо той проклятый рівнымъ буты Богу,
Тимъ паде, акі мольнія, унизъ тобі підъ ногу (2),
Цехъ гордый, проклятый, зъ небесъ пораженный,
Зо всіми демонами-бісами до пекла низверженный! (2),
Не терпить бо, Михайле, світлості твоєі,
Утікає й забуває гордості своєі (2),
И де тилькі имя твоє славимо буває,
Вітты прогонить сатану и демонъ втікає (2).
Славенъ єси, Михайле, по усіхъ земныхъ странахъ,
У царяхъ и короляхъ, княжатахъ и сильныхъ гетьманахъ (2).
Ты Єноха перенісъ єси колись убо до раю —
Тимъ же й сплу чудесъ твоіхъ и славу воспіваю (2).
Ты и Мойсея со Израильтянами перевівъ черезъ море,
Хвараона потопивъ и зробивъ ёму великее горе (2).
Даніила ввержена львамъ уста заградивъ єси,
Прийти Даніілу и зъ хлібомъ Аввакума звавъ єси (2).
Давиду помігъ єси Галияхта поразиты
И голову проклятому каменемъ сокрушиты (2).
Ты Исусу Навину на гумні представъ,
Исусъ Навинъ тя уздривъ и предъ тобою упавъ (2).
И гды же славлять тя, чудный Михайле,
Представавъ єси на помічъ и ратувавъ сміло (2).
Петро Апостолъ помошника знайшовъ тя у темниці,
Сказавъ єси: «устань Петре, й ступай зъ плениці» (2).
Архипъ старець молитвами тебе призиває,
Камінь, жезломъ пораженный, воду пожирає (2).
Михайле, храмъ свій заховавши відъ води потопленія,
Заховай насъ, молимъ тя, відъ усякоі пригоди и грихівъ
плиненья (2).
Воспоємъ и зъ янголы Бога єдиного,
У Тройці святий во вікъ віковъ славимого! (2).

Св. Петръ и св. Павелъ. [*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Разъ св. Петро и Павло ходылы по землі, ажъ то здыбають воны вовка. Воны ёго трохы злякалысь, ане жъ то вовкъ каже до ныхъ:

— Не бійтесь мене: я вамъ нічого не зроблю, а буду васъ просыты: прыйміть мене за апостола.

— Добре, каже Петро: прыймемъ тебе за апостола, тылькы памятай, же у насъ теперъ пістъ — не можна исты мняса (тоді саме була Петрівка).

— Добре, каже вовкъ: не буду исты мняса, тылько прыймить.

— Ну, ще зъ тобою робыты, ходы зъ намы — будешъ апостоломъ.

„Иде вовкъ зъ нымы день, иде другый, иде третій, — не ідять Петро и Павло ничого, и вовкъ нічого не ість. Вже вовкові жывітъ прытягнуло ажъ до спины, хочъ бы мышкою маленькою пожывытьця, та де тамъ! На решті, на четвертый день, вовкъ не вытерпівъ: дывытця, — на ставу плюваютъ гусы. Вовкъ прызостався — хапъ гуску, та й ізъівъ. Вже то йде небі невыненъ. Оглядуется св. Петро, бачыть, а у вовка на морді піръе.

— А що ты, каже, зробывъ, на що ты зъівъ гуску?

— А на що жъ вона на апостола сычала? я ії за те саме и зъівъ.

— Э, колы такъ, то не можете вы, вовче, буты апостоломъ, ідіте собі одъ насъ.

„И св. Петро прогнавъ вовка“.

Святый Николай. [*Ушицкій уѣздъ*]. Волки находятся подъ покровительствомъ св. Николая. Одинъ человѣкъ ѣхалъ лѣсомъ, гдѣ захватила его ночь, и онъ остановился ночевать. Вдругъ прибѣгаетъ стадо волковъ и между ними является старичокъ. Этотъ старичокъ приказываетъ тому человѣку отрѣзать у своихъ лошадей ляшки и дать волкамъ. Человѣкъ не согласился, жалѣя, конечно, лошадей. Св. Николай самъ вырѣзалъ и отдалъ волкамъ, потомъ сказалъ имъ, чтобы они пошли и съѣли корову одной вдовы, которая жила въ селѣ Катериновкѣ, — слободѣ раскольниковъ, возлѣ села Сыворогъ, и постоянно пасла свой скотъ по чужимъ травамъ. Человѣкъ, котораго лошади были такъ изуродованы, съ-перепугу лёгъ и разсуждалъ самъ съ собою, что ему дѣлать съ лошадьми. Но поутру увидѣлъ, что лошади его цѣлы, какъ были. Ему лежалъ путь черезъ Катериновку, и онъ, пріѣхавши, какъ разъ увидѣлъ плачущую по своей коровѣ вдову и разсказалъ ей, что видѣлъ въ лѣсу св. Николая, что онъ велѣлъ волкамъ съѣсть ея корову за то, что она дѣлала убытки людямъ.

Св. Миколаю.

[*Городище, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ.*]

1 Большого нѣсть на землі трона,
2 Хто схощеть собі за патрона
3 Забраты Миколая Свята,
4 То вінъ ёму помошникъ — памятай въ разумі!
5 Аще былъ потопалъ на морі,
6 Прибуде Миколай во-скорі;
7 Токмо рцы: «Святой Миколай,
8 Ратуй мя!», заразъ свої руци дає — вамъ на помощъ.
9 Ратує, ходить и у темниці,
10 Дасть и способъ сироті, вдовыці,
11 Та дасть и способъ, якъ на світі жити,
12 Тилькі ёго потреба проситы — на помощъ.
13 Досить є и немало люда,
14 Що дознались присвятого чуда.
15 Тилькі ёму щиро помолимся —
16 Найменьшій члунокъ не заболить — здравъ буде.
17 Изведеть на путь блудящаго,
18 Возслишить молящого,
19 Та й не упадешъ между лютыя волкі
20 Розжене бісовскія полкі — не згибнешъ
21 Аще одъ якоі напасти
22 Не дасть тобі святъ Миколай пропасти
23 Сиротамъ вінъ єсть опекунъ и справа
24 Разныхъ вінъ єсть патронъ Святый Миколай
25 Такъ не уважай, хочъ немає злата,
26 Но тилькі проси Миколая свята — у помощъ.
27 Кормитель вінъ єсть всєму миру
28 То дасть намъ всімъ офіру,
29 То дасть намъ и способъ, якъ у світі жити,
30 Алчущого, речетъ, накормити — завсігда!
31 И мы и всі исклонивши главу:
32 «Прибудь намъ Миколай усімъ явный!»
33 Ще мы ёго будемъ благаты, —
34 Буде, буде намъ во всімъ помагати — святый Миколай.
35 О, святителю Мыколаю оче,
36 Просимо тя во всімъ чудотворче, —
37 Творця за миръ ублагаты,
38 Шобъ мы змогли всігда прославляти — на вікі віковъ.

Б.

[*Берестечко, Дубенскаго уѣзда*].

1 Б=1 А, 2 Б=2 А, 3 Б=3 А, 4 Б=Бо въ нємъ єсть...4 А, 5 Б=Хоць бысь былъ....
5 А, 6 Б=6 А
7 Б=7 А, 8 Б=8 А; 9 Б=... заглянь... 9 А, 10 Б=10 А. 11 Б=11 А,
12 Б=12 А, 13 Б=... и такъ... 13 А
14 Б=Дознали... 14 А, 15 Б=хто... ся помолить 15 А, 16 Б=... щиленъ
буде 16 А
17 Б=17 А, 18 Б=скоро тя услишитъ... 18 А, 19 Б=хоць бысь упавъ
межи... 19 А
20 Б=20А, 21 Б=хоць бысь былъ у... 21 А, 22 Б=22 А.
23 Хоць бысь былъ осужденъ на згубу,
24 Упаде напасникъ въ пагубу вічную!
25 Б=23 А, 26 Б=24 А (безъ Св. М.) 27 Б=25 А, 28 Б=26 А, 29 Б=27 А
30 Хто єму подасть на офіру
31 Б=29 А, 32 Б=... напевно 30 А.
33 А мы къ нєму приклоніми главы
34 Святому отцю Миколаю...
35 Во що мы єго будемъ облачаты?..
36 Б=34 А, 37 Б=35 А. 38 Б=ратуй насъ яко самъ... 36 А, 39 Б=радъ...
37 А, 40 Б=абы мы могли выхвалять.... 38 А.

В.

[*Млыевъ, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губерніи*].

1 Ой хто, это Мыколая любить,
2 Ой хто, это Миколаю служить,
3 То тому святый Миколай
4 На всякий часъ помагає
5 Ой хто, хто къ єму прибуває,
6 На помочъ къ собі призиває,
7 Ой хто, хто живе въ ёго дворі, —
8 Миколай на землі й на морі
9 Сохраняє одъ напасти,
10 Не дає одъ злихъ пропасти — святый Миколай!
11 Пастыру словесного стада!
12 Вызволь насъ одъ вічного гада;
13 Бо хотять же насъ поглотыти,
14 Пічъ огнённу згородити, святый Миколай!
15 Миколай имня знаменито
16 Побіждає всіхъ именитихъ;
17 Побіждаешъ Угаряновъ,

18 Утішай насъ хрістіяновъ,— святый Миколай!
19 Мы тебе всігда прославляємъ,
20 На помочъ къ собі призываємъ.
21 Будь похвальны, Святителю,
22 Мирнокіевські учителю,— святый Миколай!
23 Мы тебе завжды прославляємъ,
24 На помочъ призываємъ,
25 Имня твоє всігда славимо
26 Заступника въ серці міємо,— Миколая на вікі!

Г.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

1 Г=1 В, 2 Г=2 В, 3 Г=3 В, 4 Г=во... 4 В, 6 Г=5 В, 6 Г=на помічъ... 6 В, 7 Г.
7 Той не буде ошуканый
8 Відъ грихівъ душа найде стража, св. Миколай.
9 Г=7 В, 10 Г=8 В, 11 Г=Визьме ёго відъ.. 9 В, 12 Г=10 В, 13 Г=11 В,
14 Г=... варварського ада 12 В, 15 Г=13 В; 16 Г=14 В. 17 Г—15 В.
18 Побіждаєшъ знаменитихъ
19 Г=... Агаряновъ 17 В, 20 Г=18 В
21 Побіждай урагівъ нашихъ усюди
22 Помошникъ до насъ прибуди
23 Г=... будемо прославляты 19 В, 24 Г=25 В
25 Мы тебе будемъ всігда славити; 26 Г=26 В.

Д.

[*Ростовъ-на-Дону*].

1 Д=1 В, 2 Д=2 В, 3 Д=3 В, 4 Д=4 В
5 Маты Мария Сына породила
6 Ангеловъ, Архангеловъ и всіхъ святыхъ собрала.
7 Стала думать и гадать —
8 Яке ёму имя дать.
9 Дали ёму имя святого Петра.
10 Маты Мария не злюбила:
11 Всіхъ ангеловъ роспустила
12 Д=1 В, 13 Д=2 В, 14 Д=3 В, 15 Д=4 В. 16 Д= 5 Д, 17 Д=6 Д, 18 Д= 7 Д, 18 Д=8 Д
20 Д=... Иллі 9 Д. 21 Д=10 Д, 22 Д=11 Д. 23 Д=1 В, 24 Д=2 В, 25 Д=3 В
26 Д=4 В, 27 Д=5 Д, 28 Д=6 Д; 29 Д = 7 Д, 30 Д=8 Д. 31 Д=... самъ Исусъ Христосъ 9 Д, 32 Богородиця излюбила,
33 Всіхъ святыхъ наградила
34 И всіхъ святыхъ роспустила

Е.

[*Берестечко, Дубенскаго уѣзда*].

Днесь взиграйте, язицы,
Прославите отця Миколая-Владико;
И прибігайте всі христиане,
Взиграйте во славі.
Дасть вамъ днесь побіду на враговъ, —
Вінъ же єсть пастиръ добрый словесного стада.
Не дасть пойти овцямъ до вразського ада!
Вінъ заорудить у своя руки,
Да не дасть упасты у тяжкія мукі грішному чоловіку,
Вінъ же єсть намъ орархъ (іерархъ)
Праведному милъ буде,
Вінъ жъ сохраняє одъ бѣдъ вся своя люде,
Алчущихъ кормити буде.
Прибѣгайте жъ къ нему вся люди,
Днесь молитися єму.
Вінъ дорога нашого серця
На путі блудящомъ онъ грѣшнікамъ правца,
Вінъ одъ волковъ оборонить,
Одъ розбойніківъ схоронить,
Днесь помолимся єму.
Сыроты а вдовы плачуть ищуще єго
Калікі, больнні просять на помощъ єго:
Святителя отця Миколая да нехай кажденъ ласкі дознає,
Воля твоя Пресвятая, отче Миколає и святителю,
Надъ врагами нашими отъ днесь побѣдителю,
Во здравіє телєсноє, спасеніє вѣчноє
Просимъ одъ тебе.

Святый Георгій. [*Винницкій уѣздъ*]. „Полісунъ или святый Юрій управляетъ волками. Это видѣлъ одинъ путникъ, ѣхавшій наканунѣ Юрьева дня. Застигла его ночь подъ лѣсомъ. Видитъ онъ, — мерцаетъ въ лѣсу огонёкъ. Онъ подумалъ, что тамъ ночуютъ люди, и въ обществѣ ихъ ему безопаснѣе будетъ провести ночь. Подъѣзжаетъ — и что же? видитъ онъ: сидитъ человѣкъ, убѣлённый сѣдинами, предъ нимъ горитъ свѣча, а вокругъ его волковъ — видимо-не-видимо! Старикъ тотъ былъ св. Юрій. Человѣкъ испугался, но Юрій, ободривъ его, сказалъ:

— Не бойся, волки тебѣ не сдѣлаютъ вреда, но знай, что они собрались сюда съ жалобой на тебя, что ты всегда отбиваешь у нихъ добычу. Берегись же впредь дѣлать это, чтобы и тебѣ не сдѣлаться жертвою ихъ

кровожадности. Вотъ ты теперь кажешься ихъ глазамъ облитымъ кровью; и если бы не я, они растерзали бы тебя на мѣстѣ. Знай-же, что самъ Богъ назначаетъ волкамъ, что имъ ѣсть, и ихъ жертва всегда кажется имъ облитая кровью".

Святый Іоаннъ Воинъ. [*Литинскій и Переяславскій уѣзды*]. Святого Іоанна Воина признаютъ преслѣдователемъ воровъ, и потому-то обращаются къ нему съ молитвою преимущественно пострадавшіе отъ воровства.

Святый мученикъ Антипъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Святаго мученика Антипа признаютъ врачемъ отъ зубной боли, а потому и молятся ему особенно страждущіе зубами.

Ивану Хрестителю.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Памъять твоя праведная єсть (съ) похвалами,
Нема більшого окромъ тебе рожденна жонами,
Тобі бо єсть звычайно правду глаголаты:
«Покайтеся одъ грехівъ» и судомъ устрашаты;
Ты бо єси у чреві матернімъ узыгрався,
Коли Ісусъ у Пречистый Дівы пізнався.
Ты же, святый пророче, відъ старихъ родывся
По рожденьні въ пустку відъ грудей вселився,
А изъ пусткі на річку Ерданъ вселився;
И відъ тебе Царь Царівъ у тий річці хрестився.
Ты жъ, ходивши по містахъ и селахъ, провіщавъ:
«Покайтеся відъ грехівъ!» и судъ Божій возвіщавъ.
Прочувъ царя Ирода бенкєтъ и собравша,
И що жинку собі Пилипову у жинкі понявша,
Сказавъ єси Ироду: «не повинно тобі
Братню жинку поняты; отсе замітъ собі!»
Ироду сеє чувъ и дуже розгнівався:
Звелівъ узяты пророка у темницю потщиться.
Жинка бувши Иродыада дивицю науча:
«Прохай главы пророчої щобъ утнути,» віща.
Дивиця прыйшовши къ царю лестьми рече:
«Дай мені, батьку, чогося мні хоче»..
Ироду царь ій глаголе: «дамъ півъ-царства тобі»
Вона жъ знову сказала: «дай чого треба мині!»
Ироду же ій клявся, що «дамъ тобі,» рече:

«Дамъ тобі, дщи моя, чого ся ты хоче!»
Дивиця у радисті: «даждь мні Ивана Предтечу,
Щобъ утнуты главу пророчу»....
Ироду сему усумнывся, що клявся сильно;
Казавъ узяты пророка обезглавити тіло,
Спекулаторъ видтявъ голову и нісъ изъ темниці,
Честную голову дадє плясовиці;
Плясовыця подала матери-лжиці.
Тоді кривью наповнились блюда и скляниці...
Ученикі прыйшовши узяли тіло и главу
Заховали пророка у церкві во славу...
Ирода черви иззіли, дивицю бісы,
Иродыаду-лжицю укусали псы.
Мощи твоі святыі, яко солнце сіяють,
И хрещенямъ своімъ людей обливають:
Молимъ тя, Хрестителю, пречудная глове,
Славный світе Ивану, пророчесько слово,
Наставы насъ путями благими хождати,
А мы памъять твою святую будемъ у вікі прославляты.

Олексію Божому чоловіку.

А.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Ой що жъ то за батька сила
Ожинила неволею сина?
Та не хотівъ сынъ та и зъ жинкою жити,
Та й пійшовъ же вінъ по кущахъ блудиты?
Та й блудить же вінъ сімъ літъ ще й читири,
Та й блудить же вінъ не пивши не івши.
Ой и ставъ же вінъ одъ земли чорніты,
Та приблудився та до отецького двору
Та и ставъ же вінъ милости прохаты (2).
Велитъ отець слугамъ істи й пити даты
А сынъ-старець та свого не вживає (2)
Та все єго хортамъ оддаває!
Та покажите та й отцю й неньці знаты,
Нехай идуть прощенія браты (2),
Бо я сейчасъ буду умираты!
Та йде батько та зъ шляху зблужаєця,
Та слізоньками та й умываєця,
За нимъ серце побиваєця!
Та й, Олексійку, та мій рожевый квітку,

Та, Олексійку, та звязаный світку! *)
Та чи не можно бо, Олексійку, встаты
Та й отцю, неньці прощенія даты?
Та й накажите та й моєі жынці знаты,
Та нехай иде прощенія браты.
Та й иде жинка, та зъ шляху зблужаєця
Та слізоньками та й умываєця.
Та, Олексійку, та крищатый барвінку!
Олексійку, завязаный світку!...
Та мы съ тобою на рушничку стояли,
Та мы съ тобою й присягу мали (2),
А безъ тебе свій вікъ скалатала!
Та чи неможна, Олексійку, статы,
Хочъ отцю, ненці прощенія даты?

Б.

[*Щасніівка, Козелецкаго уѣзда*].

1 Що на небі великая сила, 2 Б = Женивъ батько... 2 А; 3 Б = 3 А 4 Б = ... по пущахъ... 4 А. 5 Б = Ходивъ, блудивъ... рікъ... 5 А, 6 Б Приблудився къ батьківскому двору, 7 Б Батько сына та вже й не пізнає,
8 Батько сына за старця считає.
9 Звелівъ слугамъ келію зробыти,
10 Звелівъ слугамъ істи приносити.
11 Єго слуги та й не послухали,
12 Сами сіли та й покушали.
13 Прилетіли та два анголі зъ неба,
14 Все Олексію поміраты треба.
15 Дайте, слуги, то батоньці знаты,
16 Нехай идуть сына пізнаваты.
17 Батенько йде та въ листоньку читає,
18 Читаючи то жалибненько ридає:
19 Ой, світе мій, світе! світе мій ясный
20 Олексію, мій сыну прекрасный.
21 Прилетіло та два янголі зъ неба,
22 Вже Олексію поміраты треба,
23 Дайте слуги та до матінки знаты,
24 Нехай иде та сина пізнаваты.
25 Матінка йде, въ листоньку читає,
26 Читаючи та жалибненько ридає:
27 Ой, світе мій, світе, світе мій ясный,

*) Вінъ, бачите, єго силою оженивъ, той не схотівъ жить, пошовъ блудить, то поки умеръ. Вінъ прійшовъ до батьківського двора та й умеръ. *Прим. пѣвца.*

28 Олексію, мій сыну прекрасный.
29 Прилетіло та два янголи зъ неба
30 Вже Олексію поміраты треба.
31 Дайте, слуги, то до братіка знаты.
32 Братічокъ иде, въ листоньку читає,
33 Читаючи та жалибненько ридає:
34 Ой, світе мій, світе, світе мій ясный,
35 Олексію, мій брате прекрасный...

В.

[*Село Войтово, Переяславскаго уѣзда*].

1 Єсть у світі великая сила, 2 В = 2 Б, 3 В казавъ ёму жити, 4 В = А вінъ пойшовъ... 4 Б. 5 В = Блудивъ сімъ рикъ... 6 А, 6 В Прійшовъ до батька якъ земля счорнівши 7 В = 7 Б, 8 В = 8 Б, 9 В = ... зробыти 9 А, 10 В½ Сёго старця до смерти держаты; 11 В = ... доношаты 10 Б;
12 В Єму слуги істи доношали;
13 В А все теє псы пожирали,
14 В Прійшло время старцю умираты,
15 Сівъ старець карту писаты,
16 Пойшли слуги отцю доложили,
17 Що вже старець лігъ умирати.
18 Прийшовъ же отецъ, карту читає,
19 Зъ великого жалю замірає:
20 Ой гіркій мій, ой нудный мій, світе!
21 Олексію, а сыну мій квіте
22 Яжъ тебе, мій сыночку, не пізнавъ,
23 Въ своєму дому за старця прыймавъ;
24 Теперъ тебе, мій сыночку, знаю,
25 Ой яжъ тебе хороше сховаю,
26 И янголі у труби затрублять
27 И мертвыхъ отъ гробовъ пробудять.

Г.

1 Г = 1, Ой Боже мій, що въ оцця за сила! 2 Г = 2 А.
3 Г = ... зъ дружиною... 3 А, 4 Г = 4 В; 5 Г = 5 А, 6 Г = 6 А; 7 Г = 6 В, 8 Прійшовъ же вінъ хотівъ помирати, 9 Не взнавъ ёго ні отець, ні мати;
10 Одсилають у солому спати:
11 Иди, старче, у солому спати,
12 Велю слугамъ лижко збудувати,
13 Велю слугамъ істи приношати.
14 Слуги моі, слуги вірнесенькі

15 = Дайте... 16 А, 16 Г = 14 В
17 Прійшли отець мати у світлицю
18 Ударились объ скамницю:
19 Ой, Боже жъ мій, окрашеный світе,
20 Олексію, Божій чоловіче!
21 Ввійшла и мила и къ ёму въ свитлицѣ
22 Г = 19 Г, 23 Г = 20 Г.
24 Я съ тобою и шлюбъ шлюбовала,
25 Я съ тобою підъ вінцемъ стояла,
26 Я жъ съ тобою и гріха не мала!

Преподобному Онопрею.

А.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

1 О, преподобный и преблаженный,
2 Онопріе святый, благословенный!
3 Ты изъ дытыны
4 У пустыні
5 Много-трудно,
6 Боголюбно
7 Подвызався
8 И плакався,
9 Якъ молився.
10 Царськіі палаты зоставывъ єсы,
11 Густую пустыню злюбывъ єсы;
12 Царськіі троны
13 И іхъ короны,
14 Перлову главу
15 И іхъ славу,
16 И сонъ... О, Боже!..
17 Ни во чтоже
18 Вмінывъ єсы!
19 Шестдесять три годы тамъ живъ,
20 Чоловічого обличчя не бачивъ.
21 Изъ доброі віры
22 Зъ дыкыми звірмы,
23 Зъ розмаітымы птахи
24 У розмаіты часы
25 Тамъ співалы,
26 Выкликалы
27 Изрядныmы гласы

28 Якъ зносывъ єсы мякую одію,
29 Тоді зложивъ єсы на Бога надію.
30 Була молытва
31 Почута,
32 Довга борода
33 Єму дана,
34 Волосся булы
35 По усёму тілу,
36 Сонцемъ закоптілу.
37 Якъ прыйшовъ часъ жизнь скончаты,
38 Тоді прыйшлы ёму звірья услужаты:
39 Два левы
40 Яму єму
41 Копалы,
42 Вырывалы
43 И плакалы,
44 И рыдалы,
45 И гірко волалы.
46 Скитокъ твій той-же часъ роспався
47 И смоковныця нызпроверженна.
48 Водяны потёки
49 Почалы стікаты
50 И съ того часу
51 Сталы высыхаты,
52 И голодныхъ,
53 И прагненныхъ
54 Не напуваты.
55 У той же часъ и гласъ до тебе зъ неба зійшовъ,
56 Котрый тебе у пустыні знайшовъ:
57 Прыйды, слуго
58 Благовірный,
59 Добрыми ділами
60 За живота страту
61 Прыймешъ заплату,
62 Царськую палату.
63 Просимъ тебе, Онопріе, Святійшій Отче,
64 Дай намъ упрохаты чого мы хочемъ:
65 Передъ судъ Божій
66 Честными статы,
67 Облыччя ёго
68 Соглядаты,
69 И зъ янголымы,
70 И арханголымы
71 Завжде царствуваты.

Б.

[*Мльевъ, Черкасскаго уьзда*].

1 Б = 1 А, 2 Б = ... Богу блаженный 2 А, 3 Б = 3 А, 4 Б = Богу... 4 А
5 Трудно-блудно
6 Богу возлюбно,
7 Б = 7 А, 8 Б = 8 А,
9 И всігда вымолявся,
10 Б = 10 А, 11 Б = 11 А, 12 Б = 12 А, 13 Б = Тройны й... 13 А
14 А царськія главы
15 И инныі булавы
16 Оставылъ есы;
17 А густую пустыню
18 Возлюбылъ есы

19 Пятьдесятъ три літі тамъ проживалъ есы, 20 Чоловіка въ образъ не видѣлъ есы, 21 Б = Ипыя... 23 А, 22 Б = 24 А, 23 Б = 25 А, 24 Б = 26 А 25 Б = 27 А

26 Це тобі, Онопрею, се съ небесъ гласъ зійшовъ, 27 Б = 56 А, 28 Б = 39 А, 29 Б = 40 А, 30 Б = 41 А, 31 Б = 42 А, 32 Б = 43 А, 33 Б = ... всігда... 44 А.

34 Покуда живый въ гробі —
35 Чаша не высыхаша;
36 А тера время
37 Ріки повысыхали.

Ивану Богослову.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Ивана Богослова
И ритора сладкословна
Достой не можемъ воспіти
Ані восхвалити.
Чистотою той чистійшій,
Надъ снігъ білійшій,
Надъ лиліі и надъ рожи,—
Избра єго Сынъ Божій!
Премудрості глубина,
Наперсникъ Божія Сина,
Пречистоі Дівы-Маріі сожитель,
Таінъ Божихъ служитель!
Орелъ у неба подлітає

Сонце правды повідає,
Пыше: у началі бє слово —
Євангеліе Христово.
Сто и пъять літъ живъ у мирі,
Умицняючи умы у вірі.
Самъ собі могилу копає,
Жйва самъ себе ховає,
Де мається судъ зачаты,
Туды прыйдуть антихриста облічаты.
Великіхъ святихъ трёхъ:
Иванъ, Илия и Єнохъ.
Предъ Илию, Єноха и Йвана
Божія милость дана;
Божія милость одесную буты
И во вікъ віка хвалити.

Ивану Золотоустому.

Златоскованную сурму (2)
Восхвалимъ днесь дудку пастирську,
Скомпонуємъ піснь мусикійську,
Органъ дивний Духа Святого
Ивана Золотоустаго! (2)
Днесь позлащена сурмо (2),
Квітъ чистый, яко финике ласкавой
Жде у Имперіи коштовноі столиці
Ивана Золотоустого
Архирея Царгородьського (2).
Вічноі славы царъ (2),
Слово предвічне и зъ янгольскимъ чиномъ
Тебе узыває Укоханымъ Синомъ;
Прыйди, чадо моє, укохане,
Чертогъ світа, премудрый Иване! (2)
Янголи дивляться, (2)
Уздривши Йвана у ризы облечена,
Мытра на голові хорувымомъ дана, —
Хрестъ побіды — пастыра славы
У руці єго на зміины главы (2).
Златогранный промінь (2),
Якъ пророкъ у пустині, а ты у Аѳині,
Арменивъ посрамивъ, вірныхъ звеселивъ;
Колодезю глибокій, пастыру высокій,
Світъ просвітливъ, вірныхъ звеселивъ! (2)

Сопилка духовная (2),
Сурмо златая, арфо Єлеоньська,
Тимпанъ золотый, ты церквивъ Сионьська,
Коли засурмить Господь тобою,
Не забуды мене, щобъ статься тобою! (2)

Архидіякону Степану.

[*Изъ рукописнаго сборника Кулиша*].

Страданнѧ мученика
Степана прославляємо;
У тимпані доброгласнимъ
Піснь єму воспіваємо. (2)
Вінъ о віри зъ фарисеі
Почавъ истязаты,
Вони єму не можаху
Противъ мудрості стати. (2)
Узявши єго, ухвативши
Й привели на сонмище,
И ложные тамо свідителі
Стали на соборищи. (2)
Фарисеі, Садукеі
Зглянули на нёго сидяще
И бачучи лице єго
Якъ янголя світяще. (2)
На високімъ місті
Святый Степанъ стоявъ
Відъ Авраама навітъ до Христа
Подробно сповідавъ. (2)
Аще убо разориться
Місто сеє Назорей!
Даждь мі отвітъ, о Степане!
Сказавъ Архирей. (2)
Доколи вы Юдеі
Сліпо во дні ходите?
Бігъ явився воплотився
Вы єго не видите. (2)
Ярахуся яко львове
И уши затикали;
Ниби дивые звіри
Зубами скреготали. (2)

„Чого на мя яритеся?
Теперъ вы вопрошаю:
Небо отверсте моє
Вамъ повідаю“. (2)
Ярахуся яко львове
И зубами скреготали
А окрутнимъ же каменемъ
На Степана метали. (2)
„Відпусти імъ, Боже Отче,
Сказавъ Архидияконъ
Прыйми духъ мій, Цару-Христе,
На вікі вікивъ“. (2)

Св. Варварі.

[*Мліевъ, Черкасскаго уѣзда*].

Покои благодаті тє,
Владычице-Маты....
Мучилася за Христа
Создателя и Творца;
Бога въ Троиці спизнала
И три окна создала.
Отець ii не возлюбывъ —
Звелівъ запретыты
И отъ Отця Небесного
Муками страшиты.
Береть ii за волоса
И у темныцю выруша
На мученія ii.
За волосъ ii взявши,
Къ стовпу привязавши,
А ногтямы тіло сорвавши,
Біяєть ii у ліцо.
„Христова мучиныця,
Христова возлюбленная!“
Сойшовъ той гласъ изъ небесъ
Державъ Варвару у днесь....
Утікала одъ отца,
Якъ одъ вовка овця.
Вы, горы камъяніі,
Яскоръ разступыся,
Мучиныця, скрыйся,
Отець гнівомь не пополнытся....

Паслы пастері — перстомъ указалы
Та й каменемъ сталы,
Которыі мовчалы
То ти святымы сталы.
Де яскоръ проклятый
Буде въ пекло взяты,
Ажъ де грішныі люди.
Стоя на пристолі
Невісто Христова
Царствуй, царствуй облєки
Зъ Сусомъ Христомъ на вэкі
И молы Бога за всіхъ насъ".

Марія Египетская.

„О то, шо співають у церкві на поклонахъ: „Преподобная маты Марія молы Бога о насъ", и „Преподобный отче Андріє молы Бога о насъ",—до то Марія була маты того Андрея, а потімъ стала ёго й жінкою. А то отъ якъ воно зробылось:

„Тая Марія не любыла свого чоловіка, да любыла другого, да взяла да свого чоловіка зтруіла, а Андрей тоді бувъ маленькый, да той іі полюбовныкъ, и каже ій:

— Заріжъ свою дытыну, до я тебе возьму.

„Вона взяла, розрізала Андрею жывота, да думала, шо вінъ не буде больше жыть, да, шобъ ніхто не дознавсь, узяла да скоренько ёго положила въ коробку да й пустыла на річку, тая коробка й поплыла да прыплыла у чужу землю, а тамъ якось огородныка дочка зловыла ту коробочку да прынесла до дому, да зашыла Андрею жывота, да вінъ тамъ и вырісъ. А той огородныкъ павчывъ ёго огородныкувать да хотівъ ёго й оженыть на тій своій дочці, шо ёго знайшла. Да разъ отъ шо зробылось:

„Пішовъ Андрей у лісъ на полюваннье, да якъ угнавсь за зайцемъ да й заблудывъ. Бігавъ, бігавъ по лісу, ажъ до ночы, а проте не найшовъ дорогы, але забравсь у такый лісъ, шо тылько небо да земля. Вінъ ходывъ, ходывъ, да й заснувъ. Вставъ вінъ на другый день и пішовъ куды выдно. Йде та йде, колы ажъ прыйшовъ на край ліса да дывытся, ажъ стоіть якесь село, а то те село, де вінъ родывсь. Вінъ пішовъ у те село, переночувавъ у ідноі бабы и не знае, шо то ёго село и на другый день объявывсь громаді. Отъ та громада ёго прыпысала до свого общества и вінъ нанявсь у своеі матырі, але вінъ не знавъ, шо то ёго маты, а вона не знала шо то іі сынъ. А іі полюбовныкъ, тоді якъ вона Андрея пустыла на воду, сказавъ:

— Колы ты не пожаловала свого дытяты, до ты й мене стратышъ зъ світа.

„И вінъ не схотівъ іі брать. Вона такъ и жыла собі, да якъ наняла до себе Андрія, заразъ ёго й полюбыла, бо вінъ бувъ дуже гарный. Отъ вона ёму и каже:

— Ну, ты мыни будешъ чоловікомъ.

„Вінъ согласывсь. Воны и повінчалысь.

. . . . . .

. . . . . .

„Андрей ій каже:

— Мыні казалы, шо мене найшлы на річці у коробці, да въ мене бувъ розпоротый жывітъ да зашылы мыні.

„Марія тоді якъ заголосыть:

— Ой Боже жъ мій, да це жъ ты мій сынъ!

„Да й розсказала ёму, якъ вона зробыла. Андрей заразъ сказавъ, шобъ ёго спустылы въ старый колодязь, де не було воды, да тамъ и жывъ, нічого не івъ пъятнадцять годъ; а Марія пійшла въ пустыню да тамъ и вмерла, нічого не івшы сімъ годъ. Якъ пійшлы въ той колодязь, де жывъ Андрей, до такъ якъ жывый сыдыть собі надъ проскурочкою, згорнувъ рукы и очи закрывъ, нежывый! Черезъ те ёго й назвалы „Крыцькымъ", шо вінъ у колодязі крывсь пъятнадцять годъ безъ хліба! А Марію черезъ те назвалы Ягыпецкою, шо вона жыла въ Ягыпті у пустыні сімъ годъ, да тамъ и вмерла, да іі левы загреблы".

Черти.

Чортъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Въ простонародьи вѣрятъ, что очень многіе видѣли чертей. По большей части черти являются въ образѣ умершихъ людей, а часто и въ образѣ священниковъ. Всякій, кто только видѣлъ чорта и заговаривалъ съ нимъ, непремѣнно пролежитъ нѣкоторое время больнымъ.

„Одинъ человѣкъ возвращаясь зимою, около десяти часовъ вечера, съ ярмарки, гдѣ продалъ овцу, вдругъ встрѣчаетъ ее на дорогѣ. Думая, что проданная имъ овца какъ-нибудь ушла отъ покупщика, онъ слѣзъ съ санокъ и, поймавъ ее, началъ ласкать, приговаривая: „о, бідна моя овечка, бідна овечка!" Вдругъ мнимая овца вырвалась изъ его рукъ, захохотала и, проговоривъ: „бідна овечка",— исчезла".

„Одинъ человѣкъ, возвращаясь ночью со сватьбы и проходя мельничною плотиною, увидѣлъ стоящаго возлѣ мельницы священника. Онъ рѣшился

подойти къ нему и испросить благословенія; едва онъ задумалъ это, какъ мнимый священникъ захохоталъ и исчезъ".

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, являлся чортъ.

Черти также являются и ходятъ въ образѣ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они мечтаютъ. Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ — въ образѣ богача-человѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ.

Уговоры съ чортомъ производятся на перекрестныхъ дорогахъ и утверждаются кровью изъ мезинца, проколотаго иголкой.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. „Одинъ крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашелъ на дорогѣ чернаго пѣтуха съ связанными ногами. Пріѣхавши домой, посадили пѣтуха на печь и ночью съ нетерпѣніемъ ожидали его пѣнія, но пѣтухъ не пѣлъ. Тогда они зажгли огонь и пошли посмотрѣть, что дѣлается съ пѣтухомъ. Приблизившись къ печкѣ, они увидѣли, что передъ пѣтухомъ насыпаны кучи золота, серебра и разнаго зернового хлѣба. Крестьянинъ догадался, въ чемъ дѣло, какого видитъ передъ собой пѣтуха, и, будучи религіозенъ, взялъ его, отнесъ на мостъ и бросилъ въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка, и поднялся такой вѣтеръ, что едва не сбило крестьянина съ ногъ. Возвратившись домой, крестьянинъ увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежали деньги, одну только смолу".

[*Холмскій уѣздъ*]. Чертей обыкновенно представляютъ въ видѣ чернаго человѣка, съ когтями, хвостомъ и рогами, а мѣстомъ жительства его считаютъ адъ, гдѣ черти мучатъ грѣшниковъ: возятъ на нихъ дрова, смолу и т. п.

[*Луцкій уѣздъ*]. Чорта народъ представляетъ въ видѣ безобразнаго человѣка, съ хвостомъ, рогами и когтями. Онъ является людямъ всегда во фракѣ.

[*Записалъ Ковальчукъ*]. „Люды кажуть, якъ идешъ коло церквы, то не знымай шапкы, потому, же чортъ сыдыть на вікні, вытрыщывъ языкъ и передразнює".

„Єденъ чоловікъ ішовъ коло церквы въ ночі и побачывъ трёхъ панычівъ (панычамы звуть чорта). И зойшлысь воны до купы. Чортъ зробывся чоловікомъ и пытается:

— Куда ты ходывъ, куме?

— У корчмі бувъ.

„Чортъ знову ёму и каже:

— Ходімъ до тебе вечерять.

— Ходімъ.

„Сталы вечерять, — усе поілы. Чортъ зробывся панычемъ и прывівъ

чоловіка до колоды и пхнувъ ёго черезъ тую колоду. Уставъ чоловікъ и пійшлы воны далі (се було зімою). Прывівъ чортъ того чоловіка підъ клуню, издеръ зъ ёго постолы, самъ засміявся и полетівъ".

[*Каневскій уѣздъ*]. „Въ Шендерівці одинъ чоловікъ бачывъ чорта и говорывъ зъ нымъ. Цей чоловікъ бувъ слабый дуже и хотівъ писать завіщанє. День для завіщаня вінъ назначывъ неділю. Въ понеділокъ за пъять день до неділі въ ночі прыйшовъ до ёго чортъ, въ образі маленького паныча, такъ годівъ десяты, або дванадцяты. Було темно, а то стало одъ разу выдно. Ото чортъ розбудывъ чоловіка и каже:

— Ходімъ у ту хату роспыску пысаты.

„А той чоловікъ и каже:

— Чого жъ вамъ такъ до спіху: я въ неділю буду пысаты, да и пысать не вы будете, а мій сынъ.

— Дарма, тамъ уже єсть два панычі: воны будуть пысать.

„Чоловікъ той ажъ тоді догадався, що то чортъ, та и прочытавъ: „Да воскреснетъ Богъ", — вінъ и зчезъ".

[*Винницкій уѣздъ*]. Черти были и прежде сотворенія міра: это видно изъ того, что въ то время, когда ничего не было кромѣ Бога, ходившаго по водамъ, Богъ увидѣлъ въ пѣнѣ чорта, который заинтересовалъ Его на столько, что Онъ началъ распрашивать чорта, кто онъ такой? Узнавши, что то былъ чортъ, Онъ взялъ его съ собою.

[*Винницкій уѣздъ*]. Чорта представляютъ въ видѣ чорного человѣка съ крючковатымъ носомъ, съ двумя рогами и когтями на рукахъ, локтяхъ, колѣнахъ и ногахъ. Жилище чертей — строенія, гдѣ рѣдко бываетъ человѣкъ. Черти слетаются на совѣтъ, что̀ видно изъ слѣдующей легенды:

„Бувъ собі чоловікъ и мавъ вінъ собі два сына. Єдному сыну Богъ давъ щастя, а другому ні. Іхъ батько умеръ, воны осталыся та й поженылыся. Отъ єденъ зробывся багатый, а другый бідный и мавъ вінъ дітей багацько, а у багатого не було не одної дытыны. Прыйшовъ бідный до богатого позычаты хліба.

— Позычъ мыні, брате, мірку жыта. Скоро дасы мыні выбраты свое око, то я тобі дамъ мірку жыта.

— Выберы.

„Зробывъ той шпычку и выбравъ ёму око. Другый разъ прыйшовъ позычаты пъять рублівъ грошей, а той и каже:

— Дай же мыні друге око выбраты, то я тобі позычу пьять рублівъ.

— Выбірай.

„Выбравъ вінъ ёму друге око и давъ пъять рублівъ. Бідный тоді и каже:

— Колы ты мыні повыбіравъ очы, то вывезы мене підъ хрестъ, я тамъ сяду и буду хліба просыты.

„Вывізъ вінъ ёго підъ ту фыгуру, що за селомъ та й покынувъ тамъ. Колы такъ, якъ у пізні вечорі, позліталыся туды чорты и говорять еденъ до другого:

— Ты чувъ, що братъ братові очы повиколювавъ?

„А еденъ чортяка каже:

— Можна ёму порадыты, щобъ вінъ бачывъ, щобъ до східъ сонця росою умывся.

— Ты чувъ, брате, що у одному селі люде за тры мылі по воду ходять?

— Можна такъ зробыты, щобъ імъ воду пустыты: тамъ лежыть насередъ села велыкый камінь и ёго можна изырваты и воду пустыты.

„А той сліпый слухавъ и все зробывъ: очы промывъ росою и пішовъ у те село и той камінь зірвавъ, и воду пустывъ. Ёму далы за те сто рублівъ, и вінъ пішовъ до дому. Прыходыть до брата и віддае ёму пъять рублівъ. А той и каже:

— Хто тобі такъ зробывъ, що ты бачышъ и де ты взявъ грошей?

— Далы мыні люды за те, що я пустывъ воду. Тамъ злітаются чорты и говорять, де яке нещасте и чымъ ёго можна збавытьця. Я почувъ и такъ собі розжывся.

„А той и каже:

— Повыбірай же мыні, то я пійду підъ ту фыгуру.

„Той узявъ, повыбіравъ ёму очы. Позліталыся чорты та й кажуть:

— Чы нема кого на нызу, а ну ходімъ!

„Прыходять, а той сыдыть. Воны взялы,— та й розырвалы ёго“.

Обдумавши все, черти выходятъ изъ своего логовища и нашептываютъ человѣку, которому вздумаютъ повредить, чтобы онъ шолъ воровать, пьянствовать, разбивать, разрисовывая въ его воображеніи все это такими яркими красками, настоящую же жизнь — такою скверною, безобразною, или зовутъ его, особенно пьянаго, въ такое мѣсто, гдѣ онъ можетъ погибнуть. Черти особенно часто привязываются къ музыкантамъ, которые, чаще всего, встрѣчаются съ чертями.

„Случилось, говоритъ одинъ музыкантъ, идти мнѣ со сватьбы часовъ въ двѣнадцать ночи. Выходитъ противъ меня „панычъ“.

— Иды, пожалуста, зо мною граты на балъ.

„Я иду. Подходимъ къ освѣщенному дому; входимъ. Домъ полонъ гостей, меня сажаютъ и велятъ играть. Я играю; даютъ мнѣ водки, закуски. Ѣшь, ѣшь,— не съѣшь всего и прячешь за пазуху, или въ карманъ. Гости

танцуютъ. Передъ разсвѣтомъ расплачиваются со мной: даютъ кредитные билеты и велятъ продолжать игру. Вдругъ пѣтухъ: „кукуріку“, и гости, и домъ и все — какъ не бывало. Смотришь — разсвѣтаетъ. Осматриваешься вокругъ себя, и съ ужасомъ замѣчаешь, что сидишь на кочкѣ въ болотѣ, или надъ какою нибудь пропастью. Достаешь оставшуюся закуску, оказывается за пазухой или въ карманѣ какой нибудь пометъ, вмѣсто денегъ, и т. п. дрянь“.

Если иногда человѣкъ, забывши Бога, обращается къ чорту за содѣйствіемъ къ достиженію какой нибудь цѣли, услужливый чортъ не заставитъ себя долго ждать, соглашается помочь ему, только за большую сумму: требуетъ, чтобы человѣкъ отдалъ ему по смерти свою душу. Для этого, не довѣряя его слову, требуетъ у него росписки, писанной не чернилами, а кровью изъ мезиннаго пальца. Ножъ для разрѣзыванія пальца, перо и пергаментъ услужливый чортъ всегда даетъ свои, потому что онъ всевѣдущъ и знаетъ, что можетъ случиться и что будетъ нужно.

Человѣкъ призываетъ чорта въ разныхъ случаяхъ: желая быть очень богатымъ, онъ вступаетъ съ чортомъ въ условія.

„Одинъ человѣкъ, желая сдѣлаться богачемъ, выкопалъ большой „лехъ“, оставивъ небольшое отверстіе, въ которомъ могла помѣститься только шапка, въ которой онъ прорвалъ дыру, и, призвавъ чорта, сказалъ ему:

— Насыпъ мыні ото повну шапку золота, то я віддамъ тобі мою душу.

„Много стоила чорту хитрость мужика, однако, за такую важную награду, удовлетворилъ его желанію и получилъ условленную награду“.

Поэтому люди и смотрятъ недружелюбно на всякаго богача-мужика, сдѣлавшагося богатымъ ни-съ-того, ни-съ-сего. Ихъ называютъ „фармазонами“.

Вѣрятъ, что въ пустыхъ, старыхъ, полуразрушенныхъ зданіяхъ непремѣнно живутъ черти и тамъ, по ночамъ, свищутъ. Въ полуразрушенныхъ, недѣйствующихъ мельницахъ черти мелятъ нюхательный табакъ. Мѣсто, куда чортъ заведетъ человѣка, покажется такимъ прекраснымъ, что, какъ говорится, глаза разбѣгаются; тамъ и прислуга для гостя, и гостепріимство, и музыка, и пляски: гость, какъ бы въ какомъ обояніи, проведетъ тамъ ночь. Послѣ ужина, состоящаго изъ богатыхъ яствъ, слуга подноситъ трубку, и гость съ наслажденіемъ предается этому. Наконецъ, его уводятъ въ спальню, на мягкіе пуховики, и тутъ-то онъ отдыхаетъ, какъ никогда еще не отдыхалъ. Пропѣли пѣтухи — все кончено. Гость видитъ себя въ какомъ нибудь пустырѣ, лежащимъ въ грязномъ мѣстѣ, или въ болотѣ, или камышѣ, или же сидящимъ на какомъ нибудь бугрѣ и сосущимъ вмѣсто трубки комокъ засохшей земли или скотскаго помёту. Опомнившись, онъ крестится и плюетъ

во всѣ стороны; а гдѣ-нибудь въ углу, спрятавшійся чертёнокъ, въ круглой соломенной шляпѣ, одѣтый во фракъ, изъ-подъ котораго виднѣется собачій хвостъ,— скалитъ ему зубы и хохочетъ во все свое чортово горло. Ночевавшій въ чортовомъ болотѣ почти всегда заболѣваетъ.

Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шляпой съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чортъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеётъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка“, а онъ повторяетъ: „козочка, козочка“. Путникъ, въ испугѣ, бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козлёнокъ исчезаетъ. Чортъ любитъ искушать людей и дѣлать имъ вредъ.

„Была въ одномъ селѣ примѣрная семья: жила, какъ говорится, душа въ душу; ни одного злого слова члены семейства не слыхали другъ отъ друга. Но чортъ ненавидитъ добра. Въ этой семьѣ была беременная невѣстка. Однажды она повѣсила на колышкѣ возлѣ порога свои коралы, которые, будучи задѣты кочергой во время стряпни, упали въ помои. Этого никто не замѣтилъ. Помои были вынесены коровѣ, и коралы перешли въ ея утробу. Спустя нѣсколько времени, спохватились кораловъ, но слѣдъ уже пропалъ. Ѣдетъ свёкоръ къ ворожеѣ и беретъ съ собою меньшого сына - хлопца. По обыкновенію привозитъ ворожеѣ подарки: хлѣбъ, яйца и водку. Баба - „ворожка“ съ притворною ласкою цѣлуетъ гостей, усаживая ихъ на почотномъ мѣстѣ. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, она объявила, что имъ нужно остаться ночевать, потому что ей, для гаданья, слѣдуетъ смотрѣть на звѣзды. Согласились. Послѣ ужина свёкоръ пошелъ спать на дворъ къ лошадямъ, а хлопецъ, незамѣченный „ворожкою“, забрался на печь. Ночь. Вдругъ изъ-подъ полу выскакиваетъ бѣлый „хортъ“ и передними лапами оперся „ворожкѣ“ на грудь, глаза его горятъ, какъ два раскалённые угля. Баба и спрашиваетъ его:

— Что сказать пріѣхавшимъ о коралахъ?

„Хортъ“ говоритъ о нихъ все какъ было; но запрещаетъ „ворожкѣ“ сказать правду и велитъ сказать ей, что коралы украла невѣстка, продала ихъ и деньги пропила.

— Если ты такъ скажешь, то свёкоръ и вся семья возненавидятъ невѣстку и будутъ постоянно укорять ее, а та, съ-горя, совершитъ самоубійство, а такъ какъ она также и беременна, то я буду имѣть вмѣсто одной души — двѣ.

„Хлопецъ не спалъ, все это видѣлъ, все слышалъ. Поутру ворожка

объявляетъ, что она смотрѣла на звѣзды и тамъ показано ей, что коралы проданы его невѣсткой, а деньги пропиты.

„Возвращаясь домой, свёкоръ уже сердился на невѣстку и везъ въ сердцѣ своемъ готовый уже раздоръ въ семью, но хлопецъ разсказалъ дома все видѣнное и слышанное и посовѣтывалъ, для вѣрности, зарѣзать корову, въ желудкѣ которой и были найдены коралы.“

„Человѣкъ, сгоравшій желаніемъ разбогатѣть, рѣшился погубить свою душу и пошолъ въ полночь на перекрёстную дорогу, тамъ троекратнымъ свистомъ вызвалъ чорта. Сатана не замедлилъ явиться къ нему и спрашиваетъ его:

— Чего ты хочешь?

— Богатства.

— Хорошо. Запиши же мнѣ свою душу.

„Человѣкъ въ испугѣ отговаривается неимѣніемъ чернилъ; но чортъ, подавъ ему ножикъ, посовѣтывалъ разрѣзать мезинный палецъ руки и на поданной бумажкѣ принудилъ его записать собственною кровью свою душу. По возвращеніи домой, онъ видитъ у себя дома несмѣтное богатство и живетъ, не боясь растратить его.“

[*Сосницкій уѣздъ*]. Чорта называетъ народъ „старшимъ“, а прочихъ— его помощниками, не имѣющими ни отца, ни матери, ни семьи.

Вѣруютъ, что они низвергнуты Богомъ съ неба за то, что поставили себѣ престолъ на небѣ выше Божьяго, возгордились и не захотѣли повиноваться Богу.

Народъ не желаетъ не только говорить о чертяхъ, но и вспоминать ихъ. Вспоминая же чорта, онъ спѣшитъ оградить себя крестнымъ знаменіемъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Чорта народъ представляетъ въ видѣ человѣка небольшаго роста, чернаго, ноги у него собачьи или куриныя, хвостъ короткій, морда широкая, носъ длинный, глаза какъ раскаленные уголья, волосы чорные, длинные и жосткіе, руки длинныя, съ длинными когтями, роги бараньи или козьи, одежда на немъ нѣмецкая, шляпа высокая. Мѣстопребываніе его: мельницы, пустыя строенія, глубокіе овраги; но чаще всего онъ проживаетъ въ человѣкѣ съ лѣвой стороны. Онъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ полудня до полуночи. Христіанамъ они мало опасны: стоитъ только перекрестить чорта, и онъ бросится бѣжать безъ оглядки, но къ еврею чортъ подходитъ смѣло. Одинъ разъ въ году, именно въ судный день, чортъ до такой степени бываетъ смѣлъ въ обращеніи съ евреями, что схватываетъ одного изъ нихъ, безъ разбора, и, какъ ни въ чемъ не бывало, живого уноситъ на мѣсто своего жительства. И это продѣлывается совершенно безнаказанно.

Видѣть чорта очень трудно, такъ какъ онъ ходитъ въ шапкѣ-невидимкѣ. Утверждаютъ, однако, что слѣдующее средство довольно вѣрное: въ праздникъ Пасхи, когда крестьяне приносятъ священнику въ подарокъ „крашанки“, взять одну изъ нихъ, просверлить насквозь и черезъ эту дырочку можно увидѣть чорта въ шапкѣ-невидимкѣ, которою можно тутъ же завладѣть.

Происхожденіе чертей. [*Литинскій уѣздъ*]. Черти происходятъ другъ отъ друга. Они, подобно людямъ, родятся, женятся, но не умираютъ. Нѣкоторымъ людямъ даже приходилось присутствовать при сватьбѣ чорта.

„Два извѣстныхъ въ окрестностяхъ музыканта-крестьянина возвращались ночью изъ г. Хмельника, гдѣ они играли на сватьбѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Хмельника, они встрѣтили нѣсколько щегольскихъ экипажей, въ которыхъ ѣхали какіе-то господа. Ѣхавшіе въ послѣднемъ экипажѣ остановили упомянутыхъ музыкантовъ и предложили имъ ѣхать съ ними играть на сватьбѣ, объяснивъ, что во всѣхъ проѣхавшихъ экипажахъ поѣхали сватебные гости, и что сватьба будетъ въ сосѣднемъ городскомъ домѣ. Музыканты согласились и, сѣвши въ экипажъ, вдругъ очутились въ какомъ-то огромномъ и красивомъ домѣ, гдѣ и начали играть за условленную плату. Поигравши нѣсколько времени, одинъ изъ музыкантовъ вышелъ освѣжиться на чистомъ воздухѣ и, проходя возлѣ конюшни, завелъ разговоръ съ однимъ кучеромъ, отъ котораго по секрету узналъ, что они играютъ сватьбу у чорта, и что кучеръ тотъ — утонувшій человѣкъ, обреченный теперь на службу чертямъ. Кучеръ этотъ присовѣтовалъ музыканту идти въ комнату и помочить правый глазъ водою, находящеюся въ сосудѣ, стоящемъ возлѣ окошка, говоря, что въ то время онъ увидитъ все, но предупредилъ, впрочемъ, его ничему не удивляться и казаться ничего не видящимъ. Исполнивъ все это, музыкантъ увидѣлъ, что они играютъ въ камышѣ, на топкомъ мѣстѣ, возлѣ м. Уланова, что всѣ гости не люди, а черти, и что видѣннаго имъ прежде дворца не существуетъ. Перевязавъ затѣмъ помоченный глазъ, подъ предлогомъ болѣзни, музыкантъ продолжалъ играть. Сватьба скоро кончилась, и музыканты, получивъ условленную плату, вдругъ очутились на описанномъ уже островѣ, откуда были перевезены на лодкахъ рыбаками. Все же видѣнное ими исчезло въ одно мгновеніе, по окончаніи сватьбы и, вмѣсто полученныхъ ими денегъ, оказались черепки изъ побитой глиняной посуды. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, одинъ изъ тѣхъ музыкантовъ, мочившій себя правый глазъ чертовскою водою, бывши на ярмаркѣ въ м. Улановѣ, вдругъ увидѣлъ правымъ глазомъ того самаго чорта, который уговаривался съ нимъ играть сватьбу. Подойдя къ нему, онъ началъ требовать условленной платы деньгами, а не черепками. Чортъ сейчасъ пригласилъ его въ ближайшій домъ и, отдавая ему условленныя деньги, просилъ разсказать ему, какъ онъ его можетъ видѣть. Музыкантъ, по неопытности, разсказалъ ему все происходившее. Чортъ, услыхавъ это, ударилъ музыканта пальцемъ въ правый глазъ такъ, что тотъ сейчасъ же ослѣпъ, а чортъ исчезъ.

„Многіе лично знаютъ поясненнаго музыканта и утверждаютъ, что описанный разсказъ — неоспоримая истина.“

[*Холмская Русь*]. „Богъ сказалъ чорту, чтобы онъ омочилъ палецъ въ морѣ и бросилъ бы каплю воды за себя, не осматриваясь назадъ. Чортъ это сдѣлалъ, но не вытерпѣлъ: посмотрѣлъ, и увидѣлъ подобнаго себѣ чорта. Сталъ онъ дальше продолжать этотъ опытъ и чертей явилось безчисленное множество.“

Говорятъ, что у каждаго человѣка находится по правую сторону ангелъ, а по лѣвую чортъ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. О происхожденіи чертей народъ разсказываетъ такъ:

„Когда небо было готово, но не было еще земли, а только вода въ видѣ пѣны, — „сатана-люцыперъ“ пищалъ въ этой пѣнѣ. Богъ освободилъ его оттуда, взялъ съ собою на небо и позволилъ сѣять камни, а Самъ сѣялъ землю. Когда позволено было чорту сѣять камни, то онъ такъ много ихъ насѣялъ, и такъ они скоро росли, что чуть не доставали своими вершинами до неба. Чортъ выдумалъ себѣ такой способъ: умывалъ руки и трясъ ими позадъ себя: отъ этого народилось множество чертей“.

Названія чертей. [*Винницкій уѣздъ*]. „Однажды самый старый чортъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертямъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда, чтобы полюбоваться своими работами, но Богъ разрушилъ это зданіе, и черти летѣли оттуда сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ, тамъ находится и до настоящаго времени, получивъ отъ того мѣста, въ которое упалъ, свое названіе: который упалъ въ воду — „водянык“, въ лѣсъ — „лісовык“, въ болото — „болотянык“, на поле — „полевой“, въ очеретъ — „очеретянык“, и т. д.

[*Городъ Холмъ*]. Народъ называетъ чертей слѣдующими именами: „кадукъ, дідько, болотянык, морокъ, мара, дыво, лыхо, біда, бісъ, чортъ, дыяволъ, недоля и облудъ“. Всѣхъ этихъ чертей народъ представляетъ въ различныхъ видахъ. Нѣкоторые изъ чертей любятъ жить преимущественно въ камышахъ, въ болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, пустыхъ домахъ и сараяхъ. Они постоянно стараются приносить людямъ вредъ и несчастія. Говорятъ, что въ каждомъ городѣ, въ судный еврейскій день, чортъ похищаетъ одного изъ толпы евреевъ, въ то время, когда они молятся въ синагогѣ, и уноситъ его

въ пропасть. Поэтому всегда, послѣ каждаго суднаго дня, евреи замѣчаютъ что между ними не достаетъ одного изъ собратовъ.

Домовой. [*Винницкій уѣздъ*]. Есть повѣріе, что богатые простолюдины непремѣнно имѣютъ при себѣ домовика и пріобрѣтаютъ его слѣдующимъ образомъ: когда вихрь подвѣетъ курицу, то она снесетъ „зносокъ“ — маленькое яичко, которое желающій имѣть домовика своимъ помощникомъ долженъ только положить себѣ подъ-мышку и носить впродолженіе девяти дней; по истеченіи этого времени изъ яичка выродится домовой-чортикъ.

[*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Чортъ, що сыдыть коло будынківъ, у ночі йде у хлівъ и іздыть на коняхъ, грыву імъ позаплітає. Но разъ чоловікъ пошовъ до хліва у ночі и побачывъ, же щось седыть на коневі біле. Чоловікъ догадався, же то чортъ. На другый день узявъ, забывъ сороку и повісывъ іі надъ конемъ, и чортъ переставъ іздыть на коняхъ, а почавъ уже на сороці“.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Ишовъ Богъ, святый Петро и чортъ. Отъ чортъ и каже Богу:

— А, Господы! у тебе слуга єсть, а у мене не має.

— Хыба й ты, каже Богъ, хочешъ слугы?

— Хочу, Господы!

— Йды жъ ты до річкы, умочы палець у воду та й трепны.

„Умочывъ вуынъ палець, трепнувъ; оглянется позадъ себе, ажъ стоіть такый куцый, якъ и вуынъ. Вуынъ якъ узявъ трепать, якъ узявъ трепать, дакъ такого ихъ натрепавъ, що лышечко! Колы Богъ оглянется, ажъ тамъ іхъ така пропасть! „А будьте, каже, вы всі прокляты!“ да й проклявъ іхъ. Пошлы воны всі домовыками, по хатахъ да по горныцяхъ. Дакъ и теперь ихъ можна бачыть, хто хоче. Туылькы треба стоять на страсті у церкві и неоглядатьця и ні съ кимъ не говорыть, и до дому, йдучы не оглядатьця. А прыйшовшы до дому полізты на хату зъ тымъ огнемъ, що зъ церквы прыносять, то вуынъ буде лежать на хаті. Якъ буде той хозяінъ богатый, то вуынъ буде въ шерсті, а якъ бідный, то голый буде лежать“.

Лѣсовой. [*Записалъ Ковальчукъ*]. „Лісовымъ чортомъ называется той, що завсіды жыве въ лісі. Якъ йде чоловікъ, до лісовый чортъ зныме зъ нёго шапку, або колеса познымає зъ воза, то водыть чоловіка цілу нічъ по лісу. Самъ чортъ каже: „хто люлькы не курить, то той ніколы не одурыть чорта“.

[*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Лісовый чортъ — той, що сыдыть въ лісі. Вінъ боітся чоловіка. Хто ёго не боітся, то вінъ тому является.

Єдна баба ёго бачыла, же вінъ у чоботяхъ и чорный суртукъ на ёму. Сыдыть вінъ на пеньку, бъє молоточкомъ клынкы зъ дерева и свыстыть.“

Перелестникъ. [*Житомирскій уѣздъ*]. „Перелестникъ“ — злой духъ, являющійся кому нибудь въ образѣ любимой умершей особы. „Перелестникъ“ бываетъ видимъ большею частью молодыми людьми, тоскующими по умершихъ своихъ любовницахъ или любовникахъ. Такимъ неопытнымъ людямъ очень часто они являются, ведутъ съ ними любовный разговоръ, цѣлуются, удовлетворяютъ страсти. Но — горе такому человѣку: онъ начинаетъ сохнуть, чахнуть и потомъ умираетъ.

Лизунъ. [*Литинскій уѣздъ*] „Лизунъ“ — чортъ — въ образѣ большаго звѣря, онъ живетъ исключительно въ лѣсахъ и тамъ пожираетъ людей.

Полевой. „Полёвый чортъ той, що завсіды сыдыть на поляхъ“.

„Болотяныкъ“. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Болотяныкъ, то — той, що жыве въ болоті. Вінъ у ночі, якъ колы хто грає на сопілку, затягує до себе въ болото проізжого, або прохожого“.

„Очеретяныкъ“. „Єденъ чоловікъ іхавъ коло очерету и побачывъ такого скопа (барана) білого и зъ ныхтямы, и крычыть. Чоловікъ взявъ ёго на візъ, а коні не можуть ёго підвезты, тогді чоловікъ хотівъ ёго скынуть зъ воза. Скыдавъ, скыдавъ, — не скыне, а якъ заспівалы півні, вінъ самъ, той баранъ, изскочывъ, засміявсь и пішовъ“.

„Скарбныкъ“. [*Винницкій уѣздъ*]. „Скарбныкъ“ — чортъ. При попыткѣ украсть что-нибудь у того богача, у котораго живетъ „скарбныкъ“, невѣдомая сила ставитъ вора столбнякомъ у украденнаго предмета — и держитъ его тамъ до тѣхъ поръ, пока явится самъ хозяинъ. „Скарбныкъ“ во всемъ помогаетъ своему кліенту при его жизни. Страшна только смерть такого человѣка. Сатана налетаетъ на его хату съ сонмомъ своихъ слугъ, въ видѣ чорныхъ галокъ, принося его кровную запись на душу, которую и вырываетъ у него съ адскою радостью. Взрывъ потолка и вылетъ оконъ при смерти такого покойника — суть непремѣнныя явленія, какъ слѣдствія унесенія души сатаною.

„Одмінокъ“. [*Ушицкій уѣздъ*]. „У одной женщины черти подмѣнили дитя; она не знала и кормила его, какъ свое. Оно не росло, а только много жрало. Вотъ у дитяти начали появляться на головѣ рога; тогда женщина

начала усердно молиться, но ничего не помогало. Разъ, возвращаясь откуда-то съ богомолья, она шла черезъ село, гдѣ былъ большой камышъ. Когда она шла по плотинѣ съ другими женщинами, услышала изъ камыша голосъ, который говорилъ:

— Имбересъ! гдѣ ты былъ?

— У бабы, отвѣчало дитя.

— Что ты тамъ дѣлалъ?

— Ѣлъ и пилъ.

„Какая-то женщина, шедшая вмѣстѣ, сказала:

— Брось къ чорту его, это не твое дитя. И когда женщина бросила дитя, то оно начало свистать, плясать и пошло вихремъ ломать камышъ“.

„Одна бабка-акушерка была у беременной женщины и вечеромъ возвращалась къ себѣ домой. Вдругъ, на дорогѣ, попадается ей лягушка огромнѣйшаго объема. Въ испугѣ она сказала:

— Бый тя болото, и тобі, якъ я бачу, незабавкомъ треба бабы.

„Въ полночь прилетаетъ къ ней чортъ и настойчиво требуетъ, чтобы баба отправилась къ его женѣ, которая лежитъ больна. Баба сначала отнѣкивалась. Сатана взялъ ее и понесъ въ лѣсъ. Баба, сдѣлавши свое дѣло, вдругъ узнаетъ, что дитя уже не чортово, а подмѣненное у той женщины, отъ которой она, возвращаясь домой, встрѣтила лягушку. Узнавши дитя, баба воткнула въ голову его булавку и дитя начало сильно кричать. Кричитъ одну ночь, кричитъ другую. Чертовка не знаетъ, что ей дѣлать, наконецъ она сказала чорту:

— Возьми это дитя и отнеси, оно не даетъ мнѣ покоя.

„Чортъ взялъ и тотчасъ отнесъ, а свое принесъ. Когда чортъ отпускалъ бабку домой, то чертовка сказала ей, чтобы она не брала за труды денегъ, а брала бы кирпичъ и угли. Насыпавъ въ мѣшокъ бабкѣ углей, чортъ самъ отнесъ ее домой. Когда бабка дома развязала мѣшокъ, то увидѣла, что тамъ полно серебра. Бабка тотчасъ отправилась къ первой родильницѣ и вынула изъ головы дитяти иголку, послѣ чего дитя болѣе не кричало и его тотчасъ крестили“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если родившая женщина, вмѣстѣ съ ребенкомъ, не вложетъ въ „колыску“ роговаго ножа и не будетъ поддерживать въ комнатѣ, гдѣ лежитъ ребенокъ, постояннаго огня, то рискуетъ тѣмъ, что „богиня“, т. е. чертовка возьметъ изъ „колыски“ ребенка и на его мѣсто положитъ своего, который отъ этого замѣна и получилъ названіе „одмінника“ или „відминника“.

„Одмінокъ“ имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: маленькую голову, уши длинныя, тонкія ноги, большое брюхо, постоянно болѣетъ, не хо-

дитъ до семи лѣтъ и весьма обжорливъ, такъ что его нельзя никогда накормить, и если оставить въ горшкѣ какую нибудь пищу и выйти изъ хаты, то „одмінокъ“ пожретъ все и побьетъ горшки. За послѣднее его часто сѣкутъ розгами и выбрасываютъ на то мѣсто, куда выметаютъ соръ.

Мать „одмінника“ — „богиня“, увидѣвъ, что съ ея дитятей обращаются такъ не хорошо, приноситъ взятое и говоритъ: „на тобі твою дитину: ты надъ моею збыткуешся, а я твоій ніцъ не кажу, дивись яка вона гарна та чиста“.

Антихристъ. [*Винницкій уѣздъ*]. Будетъ время, когда существованіе человѣка на землѣ прекратится. Передъ этимъ родится антихристъ, онъ будетъ страшнымъ образомъ мучить христіанъ. Поставитъ сначала большую пику: кто ее перескочитъ, тотъ пойдетъ въ рай, а кто не перескочитъ — въ адъ. Перескочившихъ черезъ пику возьметъ и, положивши на сковороды, прикуетъ къ нимъ и будетъ жечь, спрашивая: „до кого прыстанешъ, чы до мене, чы до Хрыста“. Кто пристанетъ къ нему, того пуститъ; ктоже будетъ терпѣть, того будетъ опредѣленное время печь, а потомъ уже тотъ пойдетъ въ рай. Все это онъ будетъ дѣлать съ людьми воскресшими. Для умерщвленія же людей живущихъ слетятъ находящіяся до сихъ поръ на небѣ птицы съ длинными желѣзными клювами.

Рай. [*Ушицкій уѣздъ*]. Рай — прекрасный садъ, изобилующій всѣмъ, чего только въ состояніи человѣкъ пожелать. Въ раю никто изъ живыхъ людей никогда не былъ.

Адъ. [*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Якъ тылько начався свѣтъ, то чорты сталы ставыть пекло на людей, и — отъ, началы воны ёго ставыть и ніякъ не моглы ёго кончыты. Якъ скажуть на велыкдень „Хрыстосъ воскресъ“, то пекло заразъ и розсыпется. Зробылы воны таке залізо на Хрыста и разъ ішовъ Хрыстосъ дорогою и зайшовъ до пекла. Старый чортъ и просыть ёго, щобъ надівъ на себе те залізо. Хрыстосъ загадавъ ёму попереду надіты. Чортъ якъ улізъ, то Хрыстосъ такъ и заклявъ ёго до страшного суду. Чортъ и теперъ грызе те залізо, и якъ уже перегрызае, то тутъ и скажуть „Хрыстосъ воскресе“, а залізо зновъ зробыться таке, якъ и було“.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Богъ, увидя приготовленныя чортомъ оковы, спросилъ чорта:

— Что это ты сдѣлалъ?

— Оковы.

— Для кого?

— Для людей.

— Что же ты сдѣлаешь съ ними?

— Закую по рукамъ и ногамъ и, такимъ образомъ, лишу ихъ свободы.

— Какъ же ты это сдѣлаешь, покажи-ка мнѣ?

— А вотъ какъ. И чортъ надѣлъ на себя оковы. Тогда Богъ взялъ его, привелъ въ адъ и тамъ приковалъ. Стоитъ онъ тамъ прикованнымъ и по сей день, на самой серединѣ ада, что̀ и видно на картинѣ, изображающей страшный судъ".

„Адъ у землі. Тамъ дуже страшный огонь. У котлахъ тамъ кыплять грішны душы, а чорты ще дрова підкладують".

Мара. [*Луцкій уѣздъ*]. „Мара" покрываетъ невидимою сѣтью глаза у людей и затемняетъ разсудокъ, чтобы завести человѣка въ опасное мѣсто.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. „Мара сдѣлалась изъ обыкновеннаго человѣка. Одна женщина была воспріемницею родившагося дитяти у своей сосѣдки. Когда, по совершеніи обряда крещенія, она возвращалась домой, позабыла имя дитяти и назвала по собственному произволу Марой. Съ тѣхъ поръ душа этого дитяти и начала ходить по міру и пугать людей".

Морокъ. [*Винницкій уѣздъ*]. „Морокъ", это — чортъ. Онъ дѣлаетъ людямъ много зла: заколдовываетъ умъ, и человѣкъ ходитъ, какъ сумасшедшій.

Манія. [*Винницкій уѣздъ*]. „Манія" — духъ, навязывающійся людямъ и выводящій ихъ изъ терпѣнія; говорятъ поэтому: „прычыпився якъ тая манія".

Вова. [*Холмская Русь*]. „Вовою" называютъ все страшное, могущее дѣлать вредъ. Указывая дѣтямъ на что-нибудь, могущее ихъ напугать, обыкновенно говорятъ такъ: „хро, вова!"

Духо-человѣки.

Вѣдьмы. [*Литинскій уѣздъ*]. Вѣдьма — женщина, связавшаяся съ дьяволомъ. Она дѣлаетъ людямъ одно только зло. Вѣдьмы бываютъ: или природныя, или наученныя. У первой всегда выростаетъ сзади хвостъ, величиною въ палецъ, который, если вѣдьма занимается чародѣйствомъ, выростаетъ

до такихъ размѣровъ, какъ хвосты у собакъ. Кромѣ способностей, принадлежащихъ „чаровникамъ", вѣдьмы также владѣютъ способностью перекидываться въ собакъ, кошекъ и птицъ, отнимать у коровъ молоко, сосать у людей кровь, задерживать дождь, управлять градовыми тучами и проч. Какимъ образомъ вѣдьмы выдѣлываютъ всѣ эти вещи — ни кому не извѣстно, потому что изъ подстерегающаго ихъ тайны онѣ высасываютъ кровь, и такой любопытный всегда оканчиваетъ смертью. Говорятъ, что вѣдьма, желая отправиться на промыселъ, снимаетъ съ себя рубашку, намазываетъ все свое тѣло какою-то мазью, ставитъ послѣ этого въ печку горшокъ съ какою-то жидкостью, разогрѣваетъ ее и, когда жидкость начинаетъ испаряться, въ то время вѣдьма схватываетъ кочергу или помело, садится верхомъ, какъ на лошадь, и улетаетъ вмѣстѣ съ парами жидкости въ трубу. Въ это время вѣдьма обладаетъ способностію перекидываться въ собакъ, кошекъ и птицъ, летать подъ облаками, давать, по своему желанію, извѣстное направленіе тучамъ, задерживать дождевыя тучи и проч. Вѣдьмы дѣлаютъ зло, по предварительному совѣщанію ихъ въ назначенномъ ими сборномъ мѣстѣ, гдѣ уже постоянно предсѣдательствуетъ „вѣдьмакъ". Во время этихъ собраній, вѣдьмы затѣваютъ игры, въ родѣ войны на мечахъ, и потому, отправляясь на такія собранія, вмѣсто кочерги и помела, захватываютъ мечикъ отъ „терницы" (шестъ, которымъ мнутъ стебли конопли). Согласно съ такими понятіями, разсказываютъ слѣдующую легенду:

„Когда-то, въ домѣ извѣстной вѣдьмы, поставленъ былъ на постой молодой солдатъ. Солдатъ этотъ скоро завелъ съ своею хозяйкой-вѣдьмой любовную связь, но при этомъ началъ подозрѣвать ее въ чемъ-то недобромъ. Всегда бывало хозяйка его ложится съ нимъ спать; но лишь только солдатъ заснетъ, хозяйка куда-то исчезаетъ и является уже по-утру истощенная, измученная. Это заинтересовало солдата, и онъ, въ одну ночь, притворившись спящимъ, сталъ слѣдить за своею хозяйкой. Тутъ онъ замѣтилъ, что та сняла съ себя рубаху, намазала свое тѣло какою-то мазью, вскипятила горшокъ съ жидкостью, и схвативши мечикъ, улетѣла въ трубу. Солдата все это такъ подстрекнуло, что онъ рѣшился испытать все это на себѣ. Исполнить это было не трудно, потому что онъ хорошо замѣтилъ, гдѣ были запрятаны мазь и горшокъ. Когда горшокъ началъ кипѣть, солдатъ почувствовалъ, что его какъ будто подноситъ; желая во всемъ подражать своей хозяйкѣ, онъ началъ осматриваться, не найдетъ ли гдѣ мечика; но не найдя таковаго, схватилъ въ торопяхъ свой тесакъ и съ нимъ улетѣлъ въ трубу. Въ одно почти мгновеніе онъ очутился въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, среди многочисленнаго собранія вѣдьмъ. Испугавшись, онъ спрятался за первый попавшійся ему камень и началъ наблюдать. Вѣдьмы начали примѣрный бой на мечахъ, при-

говаривая: „втну, та не дотну“. Игры эти до-того подзадорили солдата, что онъ выскочилъ изъ-за камня и тоже пустился драться съ вѣдьмами своимъ тесакомъ, приговаривая: „я втну, та и перетну“. Случилось такъ, что онъ дрался съ своею хозяйкой и отрубилъ ей палецъ. Затѣмъ вѣдьмы разлетѣлись по домамъ, а съ ними улетѣлъ и солдатъ. Тутъ хозяйка начала упрекать солдата за его любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣть о немъ, говоря, что какъ она его ни любитъ, а все-таки за свою вину онъ долженъ пострадать. Дѣйствительно, она высосала изъ него кровь, и тотъ солдатъ умеръ“.

Говорятъ, что если вѣдьма пожелаетъ отобрать у коровы молоко, то старается корову эту выдоить или на Благовѣщеніе, или въ день св. Юрія, или въ первый день Свѣтлаго праздника. Такая корова своимъ хозяевамъ уже не дастъ молока: оно принадлежитъ уже исключительно одной вѣдьмѣ. Вѣдьма не имѣетъ уже надобности постоянно доить такую корову, она только, послѣ перваго доенія ея, пробуравливаетъ въ одномъ изъ столбовъ своего дома или кладовой дырку, затыкаетъ ее, при извѣстныхъ ей приговорахъ, колышкомъ и, когда нужно доить корову, вынимаетъ колышекъ, и молоко коровы течетъ оттуда, какъ изъ крана.

Если вѣдьму, во время доенія коровы, замѣтитъ хозяинъ, и если есть у него собака-„первакъ“, то вѣдьмѣ приходится въ то время плохо и жутко. Собака-„первакъ“ можетъ ее разорвать, если только она не успѣетъ перекинуться птицей и улетѣть.

Вѣдьмъ чаще всего можно видѣть на перекрестныхъ дорогахъ, около крестовъ, куда онѣ собираются для снятія звѣздъ съ неба, взлѣзая для этого на крестъ вверхъ ногами.

Вѣдьму можно видѣть въ церкви, во время страстнóго богослуженія; въ послѣднемъ случаѣ, желающій видѣть вѣдьмъ, долженъ поступать такъ: въ „запусты“, предъ великимъ постомъ, онъ долженъ взять подъ языкъ немного сыра и такъ держать его цѣлую ночь. На другой день сыръ этотъ нужно завязать въ поясъ, который и носить впродолженіе цѣлаго поста; въ этомъ же поясѣ идти и на страстнóе богослуженіе, гдѣ онъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ, которыя будутъ просить его и даже грозить, чтобы онъ выбросилъ сыръ, спрятанный въ поясѣ.

Вѣдьма природная, желая кого-нибудь научить своему искусству, прежде всего, дѣлаетъ надъ своею ученицею испытаніе. Оно совершается такъ: вѣдьма беретъ кусокъ своего сыра и предлагаетъ взять часть его и своей ученицѣ и отправляется съ нею къ колодцу или рѣчкѣ. Тутъ вѣдьма предлагаетъ своей ученицѣ раздробить принесенный ею сыръ на мелкіе кусочки и бросить въ воду, приказывая ей смотрѣть въ воду и сказать, что она тамъ увидитъ?

Та, конечно, отвѣчаетъ, что ничего не видитъ. Затѣмъ вѣдьма раздробляетъ свой сыръ и бросаетъ его тоже въ воду; тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ это своей ученицѣ, говоритъ: „Такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы“. Если ученица не устрашится этого и приметъся учиться, тогда вѣдьма начинаетъ давать ей уроки.

[*Луцкій уѣздъ*]. Вѣдьмами называютъ тѣхъ женщинъ, которыя перекидываются въ кошекъ или другихъ животныхъ и отбираютъ молоко у чужихъ коровъ. Какимъ образомъ они перекидываются — невѣдомо. Вѣдьмы знаются съ чертями. Народъ боится ихъ и старается избѣгать всякихъ непріятныхъ съ ними столкновеній. Вѣдьмы, въ ночь на Ивана Купалу, отправляются „на Лысу гору“, въ Кіевъ, на помелѣ или на кочергѣ.

[*Холмская Русь*]. Вѣдьмы исключительно занимаются доеніемъ коровъ и могутъ превращаться въ собаку, а въ крайне-затруднительныхъ случаяхъ дѣлаются невидимыми. Въ опредѣленное время собираются на „Лысу гору“, у Кіева, и тамъ тѣшатся вмѣстѣ съ чертями. Вѣдьма имѣетъ хвостъ.

[*Острожскій уѣздъ*]. „Відьмы бувають родымі и учені, але родымі не такъ шкодять, якъ учені: ці молока одбірають, жыто перетынають“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Разъ йшла відьма коло Семенцёвого ставку, въ Шендерівці. Вона була въ довгій білый сорочці, несла дойницю въ рукахъ и молоко хлюпалось“.

[*Село Хорово. Записалъ И. Мулевичъ*]. „Люды кажуть, що відьмы ходять у загонъ коровъ доіть; але вона выдоіть корову и йде. А чоловікъ шовъ на тікъ спаты, побачывъ ії и злякався, а вона взяла, перекынулась и зробылась котыкомъ и полізла на шопу (на верхъ клуни), а чоловікъ хутко пошовъ до хаты и казавъ своій жінці:

— Ой, жінко, шо я бачывъ на току: шось доіло корову, я злякався, а воно побачыло мене, перекынулось котыкомъ и полізло.

— То відьма, почкай, Максыме, я зловлю ії.

„Чоловікъ попросывъ свого сусіда:

— Ходімъ, Пілыпе! Я йшовъ на тікъ спаты, ажъ дывлюся, відьма корову доіть.

„Пылыпъ и пішовъ зъ нымъ ловыть відьму. Тылько що воны полягалы спаты, ажъ дывлятся: прыходыть сучка и перекынулась жинкою. Тоді тыі накынулы на єі верёвку, звязалы єі и судятся: шо ій зробыты? А далі — взяли и одрубалы ій пальця. Переночувалы и пійшлы шукаты на село відьмы. Прыйшлы до єдноі — нема, до другоі — нема. Идуть воны на выгонъ, а люды пытаются:

— Куды вы йдете?

— Йдемъ шукаты відьмы: мы вчора изловыли. Она якъ стала рватыся, мы взялы ій одрубалы пальця, и теперъ йдемо шукаты. Якъ найдемо, то побачымо, хто то такый бувъ коло нашіхъ коровъ.

„И таки найшлы, а то була Максымова кума. Та й оддячыла жъ вона Максыму. Прыйшовъ вінъ разъ изъ млына и сівъ зъ жінкою обідать, та тылько шо зъівъ ложку молошної кашы, заразъ вмеръ".

[*Винницкій уѣздъ*]. „Въ єднымъ селі не мігъ ны єденъ дячокъ довго жыты: поступыть на прыходъ, послужыть місяцівъ пъять — и умре. Прычыною тому було то, що у єдного хозяіна була дуже гарна дочка, котора була дуже велыка відьма, вона управляла всімы околышнімы відьмамы, могла зробыты все те, що ій захочется. Особенно, вона мучыла дяківъ свого прыхода, которі не моглы выносыть ій напастівъ и уміралы. Єденъ молодый дячокъ поступывъ на той прыходъ; мавъ вінъ не більше, якъ роківъ вісімнадцять. Не мавъ ні жінки, ні дітей и найшовъ собі кватыру у єдної бабы, котора була также подвласна тій дівці-відьмі. Баба, якъ забачыла того молодого дяка, и зачала ёму говорыты:

— Тебе шкода, небоже, що ты такый молодый и гарный, но ты довго тутъ не будешъ.

— Чомъ же я, бабко, не буду тутъ довго?

— Я бъ тобі сказала, но не моя річъ говорыты, а такъ, якъ мыні, тебе шкода, щобъ ты въ такімъ молодымъ віку не уміравъ, то хыба и скажу, тылько чыкай прычыны.

— А якъ бы вы, бабко, булы такі ласкаві и добрі для мене, щобъ вы мыні сказалы.

— Ой, не встережесся, небоже!

— Чомъ, бабко, ні.

— Я тобі кажу, що не встережесся; я бъ тобі сказала, якъ бы ты бувъ добрый та не выдавъ мене.

— Ні, бабко, не выдамъ.

„Тоді баба почынае ёму розсказуваты, й говорыть:

— Ото якъ будешъ иты у неділю до церквы, то ты здыбаешъ дівчыну, дуже гарну, вона буде ністы воду и скаже тобі: „добры день вамъ, дяче!" Ты шапкы на те ій прывітання не скыдай и нічого не відказуй, а якъ відкажешъ, то біду напытаешъ.

„Йде дякъ, дочекавшы неділі, у церкву и здыбае такъ, якъ ёму баба розсказувала, и все выповнывъ такъ, янъ вона ёго навчыла. Прыйшовъ у церкву, відслужывъ службу, прыйшовъ до дому, пообідавъ и лігъ спочываты. Пытается баба:

— А що, здыбавъ такъ, якъ я тобі казала.

— Здыбавъ, бабко, и все зробывъ и теперъ буду вірыты, що все то правда, що тылько вы мыні казалы.

— Чекай, небоже, я ще тобі більше скажу. Ты выйдешъ такъ, якъ буде сонечко спочываты, и якъ будешъ іты, то візмы собі обротьку въ сіняхъ, за моімы двермы, выйдешъ за ворота и підъ плотомъ перша підпора стоіть. Ты кыдай на ню оброть и заразъ сідай на ню, бо то та сама, которую ты здыбавъ, мае на тебе за зле, за то, що ты зъ нею не поздоровався. Якъ сядешъ на нюю, то вона тебе буде дуже носыты и по-верхъ воды и по-верхъ ліса. Вона схоче тебе скынуты, а ты держыся и бый ій, скілько зможешъ и куда попадешъ.

„Прыйшла та пора. Дякъ выйшовъ, взявъ оброть, накынувъ ту оброть на першу підпору и сівъ на нюю. Та підпора зробылась відъ нымъ гарнымъ конемъ и стала ёго носыты. Вінъ бывъ, бывъ, такъ бывъ, що уже й сылы не стало. Прыіхавъ до дому, скынувъ оброть и тылько зачувъ:

— Добре тебе хтось навчывъ, вражый сыну, але на цёму не кінець.

„Отъ прыходыть вінъ до хаты, а бабка и пытается:

— А не вбывъ ты ій?

— Ні, бабко; якъ оброть скынувъ, то ще заговорыла: „добре тебе хтось навчывъ, вражый сыну, але цёму не кінець.

— Ще будешъ зъ нею прычыну маты, але послухай мене, що я тобі буду казаты, то те й робы.

„Другого вечора зновъ баба ёму говорыть:

— Беры жъ тую саму оброть, беры доброго кыя, накынь оброть на ту саму підпору и сядь, тылько такъ бый, щобъ уже й жывої не пустыты зъ рукъ.

„Сівъ вінъ на ню, то вона ёго ще втрое гірше носыла, якъ перше, але вінъ запасъ ще больше кывъ, якъ ёму баба казала, и бывъ такъ, що до дому вже пішки прыйшовъ, а вона не знать, де й ділась зъ-підъ ёго, и нічого вже ёму не сказала. Прыходыть дякъ до дому и пытается ёго баба:

— А що, небоже, бачывъ, де вона поділась?

— Ні, бабко, не бачывъ, вже нічого и не говорила, але я такъ бывъ ій, що ледві до дому прыйшовъ.

— Ой, небоже, ще мало ій, а тымъ часомъ буде зъ неі, якъ це вытрімае, але стрівай, що то ще зъ цёго выйде? Хочъ вона и вмре, то ты будешъ маты хлопотъ, бо не знаю, чы й ты выкрутыся?

„Отъ на третій день та дівка заслабла, полежала дві неділі та й умерла. Але якъ умірала, то батька просыла:

— Якъ я вмру, до візмішъ мене на тры добі до церквы и дякъ не-

хай тры ночы чытає надо мною псавтыру, и що вінъ схоче, те ёму й дайте.

„Батько зробывъ такъ, якъ вона хотіла: завезлы ії на тры добі до церквы. Батько йде просыты дяка, щобъ ішовъ на тры ночы псавтыру чытаты. Дякъ иде радытысь до бабы: що робыты? Баба ёму й каже:

— Біда, небоже, але вона тобі нічого не зможе; иды — годыся, тылько за добру ціну. Візмы хочъ за дві тысячы.

„Дякъ пійшовъ, згодывся за ту ціну. Наступыла нічъ. Але баба навчыла ёго, що ёму робыты:

— Візмы собі свяченый роговый ніжъ и, якъ тылько трісне труна, ты чытай, а другый разъ якъ трісне, то майся на осторожносты, а якъ трісне третій разъ, то скоро падай на землю и обцірклюйся тымъ ножемъ.

„Пішовъ вінъ чытаты. Чытає, чытає, ажъ тутъ тріснуло труна разъ, вынъ чыта; другый разъ, — вінъ уже стережется; а третій разъ якъ тріснуло, вінъ упавъ на підлогу и зробывъ такъ, якъ ёму баба казала. Умерша встала. Що жъ вона выробляла надъ нымъ! И воды лила, и стреляла, але нічого не могла ёму зробыты. На другу нічъ баба и каже:

— Иды чытаты, дяче, тылько будешъ въ гіршимъ страху, якъ перше. Першій разъ и другый якъ трісне, то ты чытай, а третій разъ якъ трісне, то ты закрывай скоро труну и лягай на нюю навзничъ и обыймайся зъ нюю рукамы.

„Вінъ пішовъ, а якъ третій разъ тріснуло труна, положывся на нюю и обыймався рукамы. Вона вставала, вставала, но не могла встаты. Зослала на нёго своіхъ підвласныхъ; воны на ёго и вогонь сыпалы, и воду лылы, и горячымъ залізомъ пеклы, и різалы ёго, а якъ запілы курі, воны й порозбігалыся.

„На третю нічъ дякъ уже не хоче йты, но баба ёму каже:

— Нічого тобі не поможе, треба йты, бо и гроши твоі пропадуть и самъ умрешъ, якъ не пійдешъ, и такъ не знаю — чы выкрутыся, бо вже и я тамъ буду. Якъ тылько трісне першій разъ труна, то майся вже на сторожі, другый разъ якъ трісне, то чімъ дужъ тікай у вівтаръ и ховайся у тую шафу, въ которій вісять рызы; накрыйся чорнымы рызамы и замкныся зъ середыны. Не знаю, чы дасть тобі Богъ вытріматы цю нічъ.

„Иде дякъ знову чытаты до церквы. Чытає вінъ, чытає, тріснуло разъ труна, а вінъ хутко зірвався та въ шафу, вона за нымъ та й утратыла: тутъ бувъ та не ма. Шукала, шукала, а далі и пійшла за товарышкамы:

— Глядіть ёго: знередъ моіхъ очей утікъ.

„Гляділы, гляділы,— нема.

— Васъ выдно нема всіхъ. Нема ще староі: підіть за нею, прышліть ії сюды.

„Отъ прынеслы тую саму бабу, у которої дякъ має квартыру.

— Вона добре знає, де вінъ подівся, тылько ій ёго жалко, бо гарный хлопець: шукайте, повыненъ буты.

„Шукалы, шукалы, не знайшлы.

— Пійдіть мыні за тою, що тылько що вродылася, вона знайде.

„Прынеслы й тую, а вона імъ и каже:

— Які вы дурні, вінъ онде, въ шафі, але ёго відтыль трудно намъ достаты. Пійдіть но вы, назбірайте зілля и прынесіть мішечка кузнецького, та скоріже, бо пора зіходыть.

„Якъ посыпалы того зільля, та сталы чадіты и тымъ мішечкомъ поддуваты и тею діркою, що ключъ входыть, дымъ пускаты, то вінъ, сіромаха, трохы не вдушывся, сыдючы тамъ и ковтаючы той дымъ. Але тутъ на ёго щастя курі запілы.

— Ну, маешъ щастя, вражый сыну, що такый розумный уродывся въ світъ, ще на світі довго будешъ жыты.

„Сама вона знову положылася въ труну, а решта тежъ счезла“.

[*Винницкій уѣздъ*]. Есть вѣдьмы „родимыя“ и есть ученыя. Первыя изъ нихъ не такъ вредны. „Родимыя“ родятся такими еще въ утробѣ матери, заклятыя кѣмъ-нибудь въ несчастный часъ. Вслѣдствіе этого „родимая“ вѣдьма какъ-бы невинна.

„Разъ, въ отсутствіе вѣдьмы, служанка ея захотѣла полюбопытствовать, какъ вѣдьма прячетъ молоко. Уходя на село, вѣдьма оставила дома ключъ отъ кладовой. Отперши кладовую, служанка, къ удивленію своему, не нашла и слѣдовъ молока. Она уже хотѣла уходить, какъ замѣтила въ углу кладовой столбъ и въ немъ воткнутый „чопъ“. Попробовавъ „чопъ“, она увидѣла просачивающееся молоко, она выдернула чопъ весь и вдругъ оттуда полилось молоко струею. Въ замѣшательствѣ, она оставила кладовую и пошла къ сосѣдямъ отыскивать хозяйку.

„Возвратясь домой, она вошла, вмѣстѣ съ вѣдьмой, въ кладовую и увидѣла, что изъ отверстія столба вытекло все молоко и уже вмѣсто молока течетъ кровь. Хозяйка-вѣдьма заткнула „чопъ“; но слѣдствіемъ этого происшествія былъ недостатокъ во всемъ селѣ молока у коровъ, овецъ и т. д.“

Такъ, посредствомъ волшебнаго столба, доятъ млекопитающихъ ученыя вѣдьмы. „Родимыя“ же доятъ обычно, приходя съ доенками. Такихъ вѣдьмъ можетъ видѣть человѣкъ - „первакъ“. Есть повѣрье, что человѣкъ-„первакъ“, спрятавшись за бороною, можетъ увидѣть вѣдьму, можетъ даже поймать ее на тотъ „очкуръ“, которымъ опоясываютъ его, когда онъ первый разъ на-

дѣваетъ штаны. Пойманная вѣдьма будетъ проситься; тогда — не пускай ее только съ „очкура“ и вали ее дубиною, гдѣ попало. Она будетъ превращаться въ разныя животныя, но ты не обращай на это вниманія и бей ее. Послѣ такой свалки, въ какой хатѣ отыщется побитая женщина, та и есть приходившая вѣдьма. „Первакъ“ - человѣкъ можетъ проучить и провесть ученую вѣдьму, и даже исправить ее.

„Жила ученая вѣдьма: у мужа ея служилъ „наймытъ-первакъ“; онъ все видѣлъ, что дѣлается въ домѣ. Вотъ разъ собрались подруги-вѣдьмы въ ея домъ для совмѣстнаго ночного высасыванія крови у людей (высасыванію этому подвергаются всѣ спящіе „горілыцею“, т. е. лицомъ вверхъ). Мужъ хозяйки, полнокровный мужчина, въ то время спалъ. Вѣдьмы, не исключая и хозяйки, прельстившись его полнокровіемъ, вытянули изъ него кровь; запекши ее предварительно на жаровнѣ, надѣлали лепёшекъ и, не ѣвши, покрыли ихъ покрышкой въ тарелкѣ и сами ушли.

„Наймытъ“, какъ „первакъ“, все это видѣлъ и, по уходѣ ихъ, припряталъ лепёшки въ другое мѣсто. Хозяинъ, вставъ по-утру, почувствовалъ себя сильно нездоровымъ и пожелтѣлъ какъ лимонъ. „Наймытъ“ и спрашиваетъ его:

— Чого вы, дядьку, нездоровы?

— Нездоровъ.

— На те іште оці лепешкы, то будете знову здоровісіньки.

„Хозяинъ, съѣвши свою кровь, сдѣлался здоровымъ. На другую ночь хозяйка, улетая, оставила дома свое туловище, наймытъ взялъ и спряталъ его. Когда пропѣли пѣтухи, хозяйка возвращается домой и прямо къ своему туловищу; но, увидѣвъ, что его нѣтъ на своемъ мѣстѣ, выдержала пытку до разсвѣта. Тогда „наймытъ“ отдалъ ей туловище въ присутствіи мужа. Уличонная, она потеряла способность заниматься своимъ ремесломъ.

[*Радомскій уѣздъ*]. „Відьма літає на Осіяньську гору, збірає росу и доіть коровъ“.

[*Ковельскій уѣздъ*]. Вѣдьмою можетъ быть только женщина. Чтобы сдѣлаться вѣдьмою, нужно въ полночь идти на перекрестокъ и тамъ ожидать чорта. Женщина, желающая быть вѣдьмой, должна отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ, въ свою очередь, обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся женщины.

„Разсказываютъ, что одинъ богатый крестьянинъ, имѣвшій много коровъ, замѣтилъ недостатокъ молока и, заподозрѣвъ въ этомъ воровъ, пошолъ подстерегать ихъ. Въ полночь явилась въ хлѣвъ женщина съ кувшиномъ и начала доить корову. Хозяинъ хотѣлъ подойти къ ней, но женщина исчезла, и хозяинъ увидѣлъ только убѣгающую отъ него лягушку. Догадавшись, что

это вѣдьма, хозяинъ началъ бить лягушку и ударилъ ее топоромъ по переднимъ лапамъ. Лягушка закричала, превратилась въ свинью и убѣжала. На другой день всѣмъ было извѣстно, что старшая вѣдьма потеряла нѣсколько ручныхъ пальцевъ“.

Кромѣ этого разсказа существуетъ много другихъ, подобныхъ этому.

[*Городъ Ровно*]. Вѣдьмъ раздѣляютъ на „родимыхъ“ и на ученыхъ. Первыя съ хвостами, а вторыя безъ хвостовъ. Простой народъ вѣритъ, что если нѣтъ дождя и дѣлается засуха, то это означаетъ, что вѣдьмы отворачиваютъ „хмару“ обратно.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Желающій видѣть вѣдьму, долженъ дѣлать такъ:

На великопостныя „заговыны“ оставить немного сыра отъ пирога, на другой день вынуть его, завернуть въ тряпку и спрятать. Въ Воскресеніе Христово, утромъ пойти въ церковь, и тамъ можно видѣть, кто изъ присутствующихъ — вѣдьма, такъ какъ каждая вѣдьма въ это время имѣетъ на головѣ „дойницю“, невидимую для постороннихъ.

Ловятъ вѣдьмъ слѣдующимъ образомъ: изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ берутъ „очкуръ“, святятъ его вмѣстѣ съ пасхой и съ нимъ же подстерегаютъ вѣдьму въ сараѣ. Какъ только она придетъ, нужно забросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

„Вѣдьмакъ“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Вѣдьмакъ“ обладаетъ способностью знать всѣхъ вѣдьмъ и чаровниковъ; онъ ничего злаго не дѣлаетъ, а напротивъ старается быть полезнымъ. Распоряжаясь всѣми вѣдьмами, онъ запрещаетъ имъ дѣлать людямъ зло. Запрещаетъ ходить мертвецамъ, разгоняетъ тучи, всегда первенствуетъ въ засѣданіи вѣдьмъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не уговорились сдѣлать какое нибудь зло. „Вѣдьмакъ“ и по смерти не теряетъ своей власти. Разсказываютъ, что не разъ видѣли его, какъ онъ дерется съ мертвецами на могилахъ и всегда остается побѣдителемъ.

„Упыръ“. [*Луцкій уѣздъ*]. Говорятъ, что упыри имѣютъ только образъ человѣческій, а въ сущности они — черти.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Упырь, это — ходящій по ночамъ мертвецъ; чтобы избавиться отъ его посѣщеній, слѣдуетъ класть на окнѣ кусочекъ желѣза.

[*Ушицкій уѣздъ*]. „Упыръ якъ ходыть, до треба ёго одкопать и, одкопавшы, пробыть осыковимъ колкомъ, то вже більше ніколы не буде хо-

дыть. Упыра можна познаты ще тоді, якъ вінъ жывый. Вінъ на лыці дуже красный“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Упыри, по мнѣнію народа, бываютъ двухъ родовъ: живые и мертвые. Отличительные признаки ихъ тѣ, что у мертваго лице красное, навзничь лежитъ въ гробу и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя бы онъ былъ и старикъ, и чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе.

Мертвый упырь безъ живаго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить, а его носитъ на спинѣ живой.

Если крестьяне подозрѣваютъ, что умершій кто-нибудь изъ нихъ — упырь, ему пробиваютъ осиновымъ коломъ грудь, чтобы онъ не могъ причинить вреда.

Упырь нападаетъ („потыгнае“) на человѣка всегда сзади.

„Вовкулака“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Вовкулаки“, по народному вѣрованію, рождаются отъ женщинъ людьми; но, въ извѣстные часы, мимо воли своей, обращаются въ волковъ, за грѣхи своихъ родителей, которые предъ праздниками и постами имѣли плотскія связи. Волками они бываютъ только нѣкоторое время, а послѣ опять превращаются въ людей. Обратить „вовкулака“ изъ волка въ человѣка никто не можетъ, такъ какъ эти превращенія бываютъ отъ Бога, въ наказаніе.

[*Село Хорово*]. „Вовкулакъ ходыть у лісъ до настоящихъ вовківъ и тамъ воны бігають, щобъ поймать що небудь и зъісты. Світомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ зновъ перекидается въ чоловіка, а жінка ёго вже знае, нічого вже ёму й не каже.

[*Записалъ Мулевичъ*]. „У насъ люде кажуть, що той чоловікъ, который въ свято робыть, матыме сына вовкулаку, вінъ буде дуже понурый, буде ходыть на граныцю и робытьця вовкомъ“.

[*Село Вишеньки, Остерскаго уѣзда*]. „Вовкулакою звется такый чоловікъ, котрый може робытьця вовкомъ. Вінъ, якъ изробыться уже вовкомъ, ходыть по кошаромъ, душыть тамъ овець, абы, бачте, пакость зробыть хозяіну, бо вовкулакъ (быйёго сыла Божа!) тылько подушыть, а не ість.“

Мавки. [*Литинскій и Проскуровскій уѣзды*]. „Мавки“ или „лоскотницы“ не что иное, какъ черти. Онѣ живутъ въ лѣсахъ и являются людямъ въ образѣ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Бѣда тому, кто ихъ встрѣтитъ: онѣ прежде привлекаютъ вниманіе встрѣтившагося своею красотою, заводятъ затѣмъ съ нимъ разговоръ, любезничаютъ и, наконецъ, свою жертву, увлекшуюся сердечными порывами, защекочиваютъ до смерти.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Кромѣ этого, „мавки“ опасны тѣмъ, что иногда отрѣзываютъ встрѣтившемуся голову.

Мавки, это — уворованныя дьяволомъ дѣти.

Русалки. [*Остерскій уѣздъ*]. Русалки, это — утонувшія, во время купанья, дѣвушки. Онѣ живутъ на днѣ рѣки, въ великолѣпныхъ хрустальныхъ чертогахъ. Ночью, когда взойдетъ луна, онѣ всѣ выплываютъ на берегъ рѣки, плещутся и поютъ пѣсни, оглашая окрестность чудными, очаровательными звуками. Звуки эти имѣютъ большую силу: услышавшій ихъ, непремѣнно подойдетъ къ нимъ; если русалки замѣтятъ пришедшаго, то немедленно защекочиваютъ его до смерти.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Неможна купатьця дівчатамъ на зелены святкы, бо якъ пійде котора, та еще не візме зъ собою въ руку полыню, то ій непремінно залоскочуть русалкы“.

[*Записалъ Маркевичъ, 1860 г.*]. Русалки — водяныя красавицы; ночью, при лунѣ, онѣ выходятъ на берега озеръ, рѣкъ, ручьевъ нагія, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ вѣтвей; онѣ садятся на травѣ, расчёсываютъ косы, или водятъ хороводы. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря. На зарѣ дѣвушки идутъ къ рѣкѣ за водой; притаясь за деревьями, русалки ихъ ждутъ; бѣда неосторожной, если она забыла взять полынь или „любистокъ“. Русалка бросается къ ней и спрашиваетъ: „полынь, или петрушка?“ Если та отвѣтитъ: „полынь“ — русалка убѣжитъ; если же: „петрушка“ — русалка защекочиваетъ ее на смерть, и потомъ тащитъ въ рѣку.

„Чаровникъ“. [*Ушицкій уѣздъ*]. „Чаровникъ“ — человѣкъ, родившійся подъ извѣстною планетой — хорошею, или злою. Если онъ родился подъ хорошею планетой, то и дѣлаетъ все хорошее; если же — подъ злою, то и будетъ дѣлать людямъ одно зло.

„Одинъ еврей-„планитникъ“ шилъ у крестьянина свитку. Жена крестьянина, разсердившись на дѣтей, сказала: „а бодай вамъ очи повылазылы“. Еврей помолчалъ, но когда на него нашла планета, то онъ, обратившись къ женщинѣ, проговорилъ: „а ну, скажы ще такъ“. Женщина и сказала, только уже не къ дѣтямъ, а къ еврею: „не хай тобі очи вылезуть“, и у еврея, въ то же мгновеніе, выпали глаза“.

[*Литинскій уѣздъ*]. „Чаровникомъ“ называется человѣкъ, заключившій дружбу съ чортомъ и обрекшій себя дѣлать людямъ единственно одно зло. Чаровникъ, разными зельями и приговорами, можетъ мѣшать и препятствовать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастіе чело-

вѣка, можетъ заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую особу, словомъ, онъ можетъ дѣлать все злое для всякаго человѣка.

[*Луцкій уѣздъ*]. Чаровниками называютъ тѣхъ, которые могутъ сдѣлать что-нибудь вредное для здоровья людей, а также очаровать ихъ на смерть. Они дѣлаютъ вредныя „закрутки“ на хлѣбахъ. „Закрутки“ эти бываютъ двухъ родовъ: однѣ крутятъ на смерть хозяина, а другія — для перехода урожая на свое поле.

„Случилось однажды, что молодой чаровникъ, для опыта, завертѣлъ „закрутку“ на березѣ, и когда, осенью, онъ началъ въ клунѣ молотить рожь, то со всѣхъ сторонъ налетѣло въ клуню множество березовыхъ листьевъ“.

[*Холмская Русь*]. Чаровника считаютъ всемогущимъ, такъ какъ онъ можетъ однимъ словомъ или жестомъ обратить человѣка въ волка, собаку, свинью и т. п.

[*Винницкій уѣздъ*]. Чаровникъ — злой человѣкъ, его избѣгаютъ всѣ, исключая молодыхъ парней и дѣвушекъ. Они обращаются къ нему за совѣтомъ, какъ привлечь любовь извѣстной особы.

„Ворожбытъ“. [*Холмская Русь*]. „Ворожбитъ“ лѣчитъ болѣзни людей и животныхъ. Онъ способенъ отгадывать будущее посредствомъ картъ, бобовъ, руки и т. п. Передача секретовъ между ними можетъ быть только тогда дѣйствительною, когда „ворожбитъ“-новичокъ успѣетъ, ни кѣмъ невидимый, среди глухой полночи, взобраться вверхъ ногами на крестъ и въ такомъ же положеніи спуститься обратно на землю.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Ворожбитъ — человѣкъ безвредный, незлобивый, хотя, судя по его могуществу, могъ бы надѣлать много зла. Съ чертями онъ не имѣетъ ни какихъ сношеній.

[*Винницкій уѣздъ*]. Ворожбитъ, это — мошенникъ.

„Вихованці“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Домъ, въ которомъ живетъ „вихованець“, всегда отличается богатствомъ и зажиточностью, хотя за это хозяинъ дома долженъ, умирая, испытывать страшныя мученія. Благодаря этому свойству „вихованця“, нѣкоторые хозяева, не страшась послѣдствій, пріобрѣтаютъ его себѣ слѣдующимъ образомъ:

Нужно взять куриное яйцо, называемое „зноскомъ“, и, впродолженіе девяти дней, носить его подъ мышкой. На десятый день рождается изъ яйца маленькое существо, совершенно похожее на человѣка и съ маленькими рогами. Кормятъ его пшеничными „паляницями“ и молокомъ.

Любимымъ мѣстопребываніемъ „вихованця“ есть „лежникъ“, на чердакѣ.

„Мемозины“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Увѣряютъ, что въ морѣ находятся странныя существа, полу-рыбы, полу-женщины: голова, руки и брюхо женскія, а вмѣсто ногъ — рыбій хвостъ.

„Мемозины“ эти замѣчательны также пѣніемъ, до такой степени прекраснымъ, что, когда онѣ поютъ, море перестаетъ волноваться и человѣкъ можетъ заслушаться на вѣки.

„Характерникъ“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Это — колдунъ, для котораго не существуетъ ни какой опасности, благодаря множеству заговоровъ, которые онъ знаетъ.

Убить его можно только серебряною пулею, надъ которою, предварительно, прочитано двѣнадцать литургій.

„Вішалникъ“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Повѣсившихся народъ признаетъ дѣтьми дьявола.

Въ домахъ, гдѣ кто повѣсился, не живутъ, а предоставляютъ ихъ разрушенію.

Повѣсившихся не погребаютъ на общемъ кладбищѣ, а закапываютъ на границѣ полей, вложивши въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны и пробивши грудь осиновымъ тупо-затесаннымъ коломъ. Безъ этихъ предосторожностей, погребенный могъ бы надѣлать много вреда, такъ какъ онъ обладаетъ силою, позволяющею ему вставать изъ гроба.

Утопленники. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Каждый мѣсяцъ, на новолунье, утопленники приплываютъ къ тому мѣсту, гдѣ кто утонулъ, и купаются при лунномъ свѣтѣ.

Утопившихся хоронятъ на кладбищѣ, но ихъ опасаются менѣе, чѣмъ повѣсившихся.

Знахарь. [*Луцкій уѣздъ*]. Знахарями называютъ тѣхъ, которые могутъ отгадывать будущее по картамъ или звѣздамъ. Секреты ихъ неизвѣстны. Передача ихъ ограничивается только пересказываніемъ кому нибудь изъ родныхъ. Передъ кончиною, они непремѣнно передаютъ свои знанія кому нибудь изъ родныхъ или друзей. Этимъ они, по ихъ убѣжденію, избавляютъ себя отъ грѣховъ, заслуженныхъ въ жизни посредствомъ чаръ.

[*Литинскій уѣздъ*]. Знахаремъ называется человѣкъ-мошенникъ, предсказывающій будущее изъ своихъ корыстныхъ видовъ. Въ доказательство этого приводятъ поговорку: „навчыть біда ворожыты, якъ нема що въ ротъ вложыты“. Несмотря на такое понятіе о знахарствѣ, многіе вѣрятъ предсказа-

ніямъ, а особенно женщины, уважая знахарей, какъ людей необыкновенныхъ или святыхъ, или знающихся съ чортомъ.

[*Винницкій уѣздъ*]. Знахарь — человѣкъ, запродавшій свою душу чертямъ.

Мясо гада. [*Винницкій уѣздъ*]. О свойствѣ „гадючьяго“ мяса въ простонародьи есть слѣдующій разсказъ:

„Разъ, во время набѣга Крымскихъ Татаръ, случилось одному казаку быть захваченнымъ въ плѣнъ. Онъ попался къ татарскому знахарю. Случилось ему ѣхать съ знахаремъ въ лѣсъ, для собиранія травъ, и здѣсь-то, ночью, казакъ былъ свидѣтелемъ татарскаго ужина, для котораго татаринъ, поймавъ живую гадину, варилъ ее въ десяти водахъ. Татаринъ принялся ѣсть порѣзанную „гадюку“, и казакъ съѣлъ кусочекъ того мяса. На возвратномъ пути, казакъ слышитъ говоръ всѣхъ степныхъ растеній. Чернобыль говоритъ: „я отъ чорной болѣзни“, терлычъ кричитъ: „я талисманъ любви“. Козакъ засмѣялся. Слыша это, татаринъ догадался, что козакъ все уже знаетъ. Считая его соперникомъ, отпустилъ на волю, и тотъ козакъ сталъ знаменитымъ знахаремъ“.

Миѳическія существа.

Змѣй. [*Соснецкій уѣздъ*]. „Колысь змій переівъ бувъ усіхъ людей; дойшла черга до царівны; отъ — вона, злякавшысь, и заховалась у кузню Кузьмы и Демъяна. Змій прылетівъ до кузні и требовавъ, щобъ воны оддалы ёму царівну. Святы Кузьма и Демъянъ сказалы:

— Пролижы за трычы зализны двери, то тоді и отдамо.

„И колы змій пролизавъ двері, Кузьма и Демъянъ взялы ёго за языкъ залізными клещамы, запряглы въ залізну соху и оралы, ажъ покы доорався змій до моря: тамъ напывся вінъ воды стылько, що й лопнувъ. Кузьма и Демъянъ взялы тоді ёго, спалылы и попелъ до купы згорнулы. Тымъ бы й кончылось. Такъ на біду проходылы мымо старці и ударылы пугамы по тому попелу, такъ и полізлы: гадюкы, ужі, ящуркы и друга погань“.

Грифъ. [*Литинскій уѣздъ*]. О грифѣ разсказываютъ, что это — громаднѣйшая птица, заслоняющая крыльями свѣтъ солнца; она можетъ летать безъ отдыха сорокъ сутокъ.

Единорожецъ. [*Литинскій уѣздъ*]. Когда Ной забралъ въ ковчегъ всѣхъ птицъ, то единорожецъ заявилъ, что онъ въ состояніи плавать сорокъ сутокъ, и потому не желаетъ идти въ ковчегъ. Вѣрятъ, что онъ дѣйствительно прожилъ бы, еслибъ не утопили его другія птицы, спасаясь отъ потопленія на его спинѣ.

„Злыдні“. [*Переяславскій уѣздъ*]. „Злыдні“, это — невидимые старики-нищіе, которые гдѣ только поселятся, то тамъ будетъ вѣчно бѣдность.

„Морськи люды“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Морськи люды“ живутъ въ моряхъ. Нижняя половина туловища ихъ подобна хвосту рыбы. Морскія женщины отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсень и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины тѣ подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люды“ опрокидываютъ корабль. Утверждаютъ, что нѣкоторые видѣли морскихъ женщинъ.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. „Морськи люды“ получили свое начало съ того времени, когда Фараонъ гнался за евреями въ Чермное море, а вода и застигла его со всѣмъ войскомъ на самой серединѣ, съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбью, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люды“ сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты.

[*Ушицкій уѣздъ*]. „Морськи люды“ ночью выходятъ изъ моря на берегъ, и кого только встрѣтятъ, — непремѣнно съѣдятъ.

„Лісовы люды“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Лісовы люды“ — роста обыкновеннаго, съ большими сѣдыми бородами и постоянно засморканные. Зимой изъ носа этихъ людей вытекаютъ „смаркли“ (сопли) до самой земли, и такъ замерзаютъ. Въ такомъ положеніи лѣсные люди проводятъ зиму. Увидѣть лѣсного человѣка признается счастіемъ.

„Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика, скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожитъ и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Лѣсные люди — безъ одежи и обуви; они — косматые и ѣдятъ все, даже людей.

„Гдѣ-то возлѣ Москвы, пошелъ въ лѣсъ одинъ охотникъ, взявъ съ

собою жареную курицу, чтобы поѣсть, когда проголодается. Вдругъ явились къ нему два лѣсныхъ человѣка, на подобіе барановъ, въ шерсти, отняли курицу, съѣли, и до самого охотника стали добираться. Но онъ имѣлъ ружье, и тѣ, видя, что ничего не подѣлаютъ вдвоемъ, пошли звать на помощь себѣ товарищей, а охотникъ тѣмъ временемъ ушолъ".

„Сыроіды". [*Ушицкій уѣздъ*]. Есть люди съ одною рукой, ногой и однимъ глазомъ. Эти люди цѣпляются одинъ за другого и бѣгаютъ такъ шибко, что отъ нихъ очень трудно уйти. Если они поймаютъ какого нибудь человѣка изъ обыкновенныхъ людей, то такого рѣжутъ и ѣдятъ. Они называются „сыроіды" и живутъ въ „Туретчині за Дунаемъ".

„Въ селѣ Капустянахъ есть и теперь одинъ солдатъ, который попался было „сыроідамъ". Онъ, попавши къ этимъ людямъ, былъ имъ послушенъ: работалъ усердно, копалъ землю и коренья, такъ что они убѣдились, что солдатъ не уйдетъ. Однажды этотъ солдатъ пошолъ въ лѣсъ съ маленькимъ ребенкомъ своихъ хозяевъ, и ушелъ. Такъ какъ тамъ большіе лѣса, то онъ вынужденъ былъ нѣсколько ночей проводить на деревьяхъ. Нѣсколько сутокъ шолъ онъ, самъ не зная куда, но вдругъ натыкается на своихъ товарищей-солдатъ, и такимъ образомъ спасся".

Пигмеи. [*Луцкій уѣздъ*]. О пигмеяхъ говорятъ, что послѣ страшнаго суда настанутъ такіе люди-крошки, что двѣнадцать человѣкъ будутъ молотить въ нашей обыкновенной печи.

Богатыри. [*Винницкій уѣздъ*]. „Була собі одна жінка, и вона не мала зроду дітей. И шла вона одынъ разъ дорогою и здыбала горошокъ, що качався по дорозі. Вона підняла єго й зъіла и стала важка (беременна). Уродывся у неі хлопчыкъ. Ставъ той хлопчыкъ росты, и рісъ у неі три роки. Якъ вінъ мігъ уже ходыты, то пішовъ разъ на двіръ гратыся и найшовъ три грошы. Прынісъ вінъ іхъ до хаты, відавъ мамі и казавъ, щобъ вона купыла ёму цыганьську голку. Взявъ вінъ ту голку и пішовъ до коваля и казавъ ёму, щобъ зробывъ ёму таку палыцю, щобъ якъ кынуты іі въ гору, и якъ вона буде летіты зъ горы внызъ, підставыть мезынный палець, и щобъ вона, якъ вдарытся въ палець, не переломылася. Коваль узявъ, зробывъ ёму таку палыцю, важыла вона сто пудъ. Коты-Горошокъ взявъ тую палыцю, підкынувъ у гору и підставывъ свій мезынный палець. Вона якъ ударылась, такъ и переломылася. Вінъ тоді и каже ковалеві:

— Зробы мыні таку палыцю, щобъ уже важила двісті пудъ.

„Коваль зробывъ, Коты-Горошокъ узявъ тую палыцю и зновъ підкынувъ іі до горы, а самъ лігъ спаты, наказавшы ковалеві:

— Якъ буде шуміты и гудіты, щобъ ты збудывъ мене.

„Спавъ вінъ тры дні, а коваль стоіть та слухае. Слухае коваль: шумыть, гуде, — Коты-Горошкова палыця летыть.

— Эй, Коты-Горошко! Годі спаты, вставай, будешъ підъ палыцю палець підкладаты.

„Уставъ Коты-Горошокъ, дывытся: летыть палыця. Вінъ підклавъ свій палець, но палыця уже не переломылась. Коты-Горошокъ узявъ тую палыцю и помандрувавъ зъ нею у світь. Иде вінъ, иде та й иде, дывытця: сыдыть Верны-Гора межи горамы и стулює іхъ до купы. Побачывъ Верны-Гора Коты-Горошка и пытается:

— Куды ты йдешъ!

— На мандрівку иду.

— И я пійду зъ тобою.

— Иды.

„Верны-Гора злізъ зъ тыі горы и пішовъ. Идуть воны мылю, идуть другую, дывлятся: сыдыть чоловікъ на верхъ ліса и своімы усамы стынае верхы дерева. И той чоловікъ побачывъ ихъ и зачавъ пытаты:

— Куды вы йдете?

— У світь.

— И я піду зъ вамы.

— Иды.

„Злізъ вінъ и пішовъ за нымы. Идуть воны вже всі тры и зачалы пытатыся єдінъ другого: якъ воны звутьця?

— Я — Коты-Горошокъ, каже одинъ.

— А я — Верны-Гора.

— А я — Пруды-Вусъ.

„И зачалы сміятыся зъ Коты-Горошка, що вінъ недужый: тылько горошокъ перевертае. Дывлятся воны: стоіть хата въ лісі, воны и кажуть одынъ до другого:

— Идемъ мы до тоі хаты: якъ нема тамъ нікого, то будемъ мы сідіты.

„Прыходять воны до тоі хаты: есть въ ній істы й пыты, но ныма нікого. Зачалы воны радытыся:

— Идімъ два на полюванння, а одынъ нехай обідаты варыть.

„Пруды-Вусъ и Коты-Горошокъ пійшлы, а Верны-Гора остався дома. Отъ уже и обідъ звареный, Верны-Гора слухае, крычыть Баба:

— Відчыны.

— Не відчыню.

— Відчыны, бо хату переверну.

„Вінъ узявъ и відчынывъ.

— Пересады черезъ порігъ. Вінъ пересадывъ.

— Высады мене на прыпічокъ. Высадывъ.

— Кажы казкы.

— Не вмію.

— Кажы байкы.

— Не смію.

— Кажы, сякой-такой, небылыці, бо буду пасы дерты відъ нігъ до головыці.

„Взяла Баба здерла зъ нёго пасъ и потерла ёму плечы ячмінною половою, а зъ горшківъ все повыідала и въ горшки понапаскудювала, а сама втікла. Вінъ повымывавъ горшкы и зновъ почавъ обідать варыты, но тыі прыйшлы зъ полювання. Пруды-Вусъ и говорыть:

— Вінъ негоденъ зправлятыся, нехай но я зостанусь завтра.

„А Верны-Гора и не каже, що ёму було одъ Бабы. На другый день уже Пруды-Вусъ остаєтся дома. Якъ тылько вінъ зварывъ обідать, ажъ слухає, крычыть Баба:

— Відчыны.

— Я тобі не відчыню.

— Відчыны, кажу тобі. — Вінъ одчынывъ.

— Пересады черезъ порігъ. Пересадывъ.

— Высады на прыпічокъ. Высадывъ.

— Кажы казкы.

— Не вмію.

— Кажы байкы.

— Не смію.

— Кажы, сякой-такой, небылыці, бо буду драты пасы відъ пъятъ до головыці.

— Не знаю.

„Вона и зъ цімъ зробыла также. Прыйшлы тыі зъ полювання, ажъ и ще обідъ неготовый!

— Эй, закрычавъ Коты-Горошокъ. Негодні вы справлятысь. Нехайно я останусь на завтра обідать готуваты!

„Остаєтся вінъ дома, а ті пійшлы. Зварывъ Коты-Горошокъ обідъ, слухає — крычыть Баба:

— Відчыны.

— Не відчыню, вража Бабо!

— Відчыны, бо хату переверну.

— А ну, ну!

„Нічого робыть, одчыныла сама.

— Пересады черезъ порігъ.

— Сама перелізешъ.

— Высады на прыпечокъ.

— Не маленька, сама злізь.

— Кажы казкы.

— Скажу.

— Кажы байкы.

— Скажу.

— Кажы, сякой-такой, небылыці, бо буду драты пасы одъ нігъ до головыці.

— Я буду казаты, но котре котрому перше скаже: „брешешъ“, съ того пасы драты.

„Почавъ вінъ розсказуваты:

— Отъ якъ я єдного разу ходывъ по лісі та дуже захотівъ істы. Дывлюсь: печені шпаки летять въ дупло. Ставъ я и думаю: якъ бы я тыі шпакы доставъ? Вылізъ я на дуба до самого дупла, стромляю руку — не влізе, стромляю голову — не влізе. Колы я попробувався, та й сямъ улізъ. Зачавъ істы. Якъ наівся, та й не мігъ вылізты. Побігъ я до мельныка, позычывъ бердынкы (маленькій топоръ), прорубавъ дупло та й вылізъ. Иду я и бачу: пасется дядькова кобыла. Я сівъ на нюю та й іду, а бердынку застромывъ за поясъ зъ-заду. Я кобылою „тюпъ-тюпъ“, а бердынка „цюкъ-цюкъ“. Я оглянувся, а задъ ірже за передомъ. Я вставъ, прывівъ задъ до переда та й збывъ вербовымъ клынкомъ, и зновъ сівъ на кобылу та й іду. Оглянувся я, ажъ той кілъ вырісъ до неба: я по тій вербі вылізъ ажъ на небо. Пішовъ я скрізь по небі.... Тамъ не такъ роблять святі, якъ мы робымо: выбирають горохъ изъ половы, я імъ показавъ, якъ ёго віяты, а воны за те далы половы на матузокъ. Я зъ тыі половы зсукавъ матузокъ, щобъ злізты зъ неба. Якъ зачавъ я лізты и короткый матузокъ нессягавъ ажъ до землі, то я візьму, въ горі урву, а внызу доточу, но недалеко до землі я взявъ и скокнувъ та й попавъ въ колобатыну (топкое, болотистое мѣсто). Якъ попавъ я въ колобатыну та й не мігъ вылізты. Прыходыть до мене левъ, я вчепывся ёму за хвістъ и якъ крыкну: „а ты чого тутъ“? Вінъ якъ шарпне та й урвавъ хвістъ, а мене такы не вытягнувъ. Після прыходыть до мене заєць. Я якъ пійму ёго за хвістъ, а вінъ якъ піде зо мною, вывізъ мене такъ далеко, верстовъ за тры, ажъ такъ я вылізъ зъ тыєі колобатыны.

„А та відьма пытается:

— А мій тато що на небі робыть?

„А Покоты-Горошко и каже:

— Твій тато мого тата на двіръ возыть.

— Брешешъ!

„Вінъ тоді взявъ ії за косы, забывъ у пень, а самъ пішовъ у світъ“.

[*Ушицкій уѣздъ*]. О богатыряхъ „Верны-Горѣ“ и „Коты-Горошкѣ“ народъ говоритъ, что они и теперь живутъ въ „Туретчыні“.

[*Грубешовскій уѣздъ*]. О существованіи нѣкогда людей съ огромнѣйшею силою сохранилось непоколебимое вѣрованіе. Разсказываютъ, что когда-то жилъ силачъ Иванъ-Верны-Гора, который, будучи семи лѣтъ отъ роду, переворачивалъ мезиннымъ пальцемъ горы.

„Велытні“. [*Ушицкій, Литинскій, Грубешовскій и Луцкій уѣзды*]. „Велытні“ или великаны существовали только до потопа. Когда начали появляться настоящіе люди, то допотопный человѣкъ, нашедши однажды на полѣ плугъ съ шестью волами и „плугаторомъ“, забралъ все это на свою ладонь, принесъ къ отцу и просилъ его объяснить, что это за червячки? Отецъ объявилъ ему, что послѣ нихъ (т. е. отца съ сыномъ) будутъ на землѣ такіе точно люди.

Баба-Яга. [*Винницкій уѣздъ*]. Народъ представляетъ Бабу-Ягу столѣтнею старухой, ужасно злою.

Олицетворенія.

Доля. [*Винницкій уѣздъ*]. Доля — судьба или счастье человѣка, работающее за него.

„Було собі два браты: єденъ богатый, а другый бідный. Разъ выйшовъ бідный на поле свого брата и бачыть, що по полю ходыть якась жінка, збірае колоскы и втыкае въ снопы. Отъ вінъ и пытается:

— Хто ты така?

— Я доля твого брата.

— Де жъ моя доля?

— Отъ тамъ лежыть підъ грушею.

— Що жъ ій зробыты, щобъ вона була така рабоча, якъ ты?

— Отъ я тебе наражу: візьмы добрый кыёкъ и пійды підъ ту грушу

и, підкравшысь до неі, піймай и бый скылько можешъ и прыговорюй: „оце тобі, лыхая доле, за тее, що не йдешъ у поле робыты на мене, вже зовсімъ біда насіла; помагай мыні, бо вбъю“.

„Вінъ пошовъ та такъ и зробывъ и після того все ёму стало добре и вінъ скоро зробывся ще багаччімъ одъ брата“.

„Пъятныця“. [*Каневскій уѣздъ*]. „У одному селі жинка сіла у пъятныцю ткать полотно. У хаті вона була одна. Колы се прыходыть у хату жінка-Пъятныця: взяла, зідрала тыеі жінкы шкуру и повісыла ії на верстаті; це за те, що вона ткала въ пъятныцю“.

[*Остерскій уѣздъ*]. „Пъятныця, то це така молодыця. Вона ходыть у пъятныцю по хатахъ и дывытся: хто пряде зъ жинокъ. Якъ побачыть що жинка пряде, то вона зробыть такъ, що тій прясі на обохъ рукахъ покорчыть пальці.“

[*Переяславскій уѣздъ*]. „У десяту пъятныцю, послі велыкодня, не можна прясты и шыть.“

Смерть. [*Литинскій уѣздъ*]. Смерть представляютъ женщиною-старухою тощею, съ большими зубами, костлявыми руками и ногами, съ косой и заступомъ. Эта женщина-смерть всегда стоитъ въ головѣ умирающаго человѣка. Она приходитъ къ нему еще во время его болѣзни, и если станетъ у ногъ постели, то больной можетъ еще надѣяться на выздоровленіе; но неизбѣжно нужно разстаться съ жизнію тому больному, у постели котораго смерть станетъ въ изголовьи; стараются, поэтому, за изголовьемъ больнаго ставить крестъ или икону и святую воду, думая тѣмъ занять тамъ мѣсто смерти и заставить ее стать въ ногахъ больнаго.

[*Винницкій уѣздъ*]. Смерть - женщина — въ бѣлой рубашкѣ, съ распущенными волосами. Она невидимо вынимаетъ изъ человѣка душу; избавиться отъ нея невозможно, что̀ доказывается слѣдующей пѣсней:

Смерте жъ моя, смерте,
Та не дай мыні вмерты;
Зожды жъ мыні хочъ годыну:
Нехай зберу всю родыну.

Какъ смерть ни хитра, но бываетъ иногда обманываема людьми, а особенно солдатами, что̀ доказываетъ слѣдующая сказка:

„Бувъ собі москаль, прослужывъ вінъ на службі двадцать пъять літъ царю земному. Отъ и дума:

— Дежъ я теперь дінусь? Піду ще двадцять пъять літъ служыть царю небесному.

„Добывся вінъ до раю и стоіть у Бога на часахъ. Ажъ ось иде смерть, а вінъ говорыть до неі:

— Куда, паршивая?

— До Бога.

— Зачѣмъ?

— Якіхъ мыні Богъ людей позволить душыть.

— Стой здѣсь, безребрая, я самъ пойду, доложу и спрошу.

„Получывъ москаль одъ Бога позволення для смерты сімъ літъ душыть старіхъ людей. Прыйшовши до смерты, вінъ, не сказавъ правды, але:

— Велѣлъ тебѣ Богъ семъ лѣтъ старые дубы грызть.

„Самъ бувъ чоловікъ немолодый, то може и злякався, щобъ и ёго не задушыла. Пішла смерть, грызла сімъ літъ дубы и зновъ иде до Бога.

— Куда, паршивая?

— До Бога.

— Зачѣмъ?

— Щобъ сказавъ якіхъ мыні людей морыты.

— Стой здѣсь, безребрая, я самъ пойду, доложу и спрошу.

„Получывъ москаль для смерты позволення сімъ літъ маленькихъ людей морыты.

— Велѣлъ тебѣ Богъ семь лѣтъ молоденькіе дубки грызть.

„Пійшла смерть и грызла сімъ літъ молоденькы дубкы. Прыходыть зновъ до Бога, зновъ москаль не пускае ії: пішовъ самъ и, одыбравшы позволення сімъ літъ середніхъ грызты людей, зновъ не сказавъ правды.

— Велѣлъ тебѣ Богъ семь лѣтъ молодые, средніе дубы грызть.

„Смутно, чуть-чуть пійшла смерть и грызла сімъ літъ середні дубы и прыйшла зновъ до Бога. Богъ, якъ забачивъ ії, то ажъ злякався и пытается:

— Чого ты така худа стала?

— А де жъ, колы ты мыні казавъ двадцать одинъ годъ дубы грызты.

— Якъ? що? колы? Я завше прыказувавъ черезъ москаля якіхъ маешъ людей грызты, то то вінъ тебе обманювавъ.

„За таку провыну москаля Богъ велівъ ёму сімъ літъ на плечахъ смерть носыты, куды вона ёму скаже. Нема що: Богъ казавъ, то треба сповняты: бере и носыть ії два роквы. Але одного розу сівъ вінъ и начавъ нюхаты табаку, а смерть, сыдячы у нёго на плечахъ, и пытается:

— Що ты робышъ?

— Табакъ нюхаю.

— Дай же й мыні.

„Смерть перекынулась мухою и влетила въ табатерку, а москаль на-

крывкою „хлопъ“ и замкнувъ смерть! Носывъ ії тамъ решта пъять роківъ. Бачыть Богъ, що москаль таки штукы доказуе надъ смертю, велівъ ёму иты куда хоче:

— Иды собі, москалю, або въ пекло, або въ рай.

— Ну, ты играй, я буду танцовать.

„Пішовъ москаль въ рай и пытается ангелівъ:

— Что, дѣвка есть?

— Нѣтъ.

— Водка есть?

— Нѣтъ.

— Трубка есть?

— Нѣтъ.

— Вотъ тебѣ-на! ничего хорошаго нѣтъ; да-ка я запалю свою трубку.

„Якъ запалывъ, всі янголы повтікалы изъ раю. Послявъ Богъ москаля въ пекло. Якъ тылько вінъ прыйшовъ туды, заразъ и пытается у чортівъ:

— Что это такое?

— Пекло.

— А, значитъ, тутъ тепло!

„Обходывъ москаль свою квартиру и бачыть, що грішны душы кыплять у котлі и пытается:

— Что это переворачивается?

— Грішны душы.

— А, галушки, ну, давай, будемъ есть.

„Зачавъ вінъ забываты цвяшкы, де вінъ ружжо повісыть, де амуныцію, де ліжко поставыть; чорты перелякалысь и думають:

— Якъ бы такъ прогнаты москаля намъ?

„Забыли молодого чортыка, зідралы зъ нёго шкуру и зробылы барабанъ. Якъ почувъ москаль барабанъ, заразъ зхватывъ всі свої вещі и крычучы: „походъ, походъ“, — выбігъ зъ пекла! Якъ тылько що выбігъ, чорты двері „хлопъ“, и зоставсь москаль на дворі. Що тутъ робыть? Заразъ иде москаль до Бога, а Богъ ёму сказавъ:

— Колы ты такый непокірный, що нігде не можешъ ужытысь, то иды собі зновъ на той світъ“.

[*Ушицкій и Переяславскій уѣзды*]. Смерть приходитъ къ умирающему, въ видѣ скелета человѣческаго, съ косою въ рукахъ, которою и умерщвляетъ.

Хожденіе мертвецовъ. [*Винницкій уѣздъ*]. Злые люди, живя на землѣ, привязываются къ кому нибудь и, по смерти, посѣщаютъ предметы

своей привязанности. Матери навѣщаютъ своихъ дѣтей, вымываютъ и вычесываютъ ихъ, даютъ имъ разныя наставленія. Любовники не перестаютъ любовничать и послѣ смерти.

Рахманы. [*Литинскій уѣздъ*]. „Рахманы“ — христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, и потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ „Рахманамъ“ черезъ три съ половиною недѣли, и „Рахманы“ тогда только празднуютъ пасху.

[*Ушиц., Луцк. и Остерск. уѣзды*]. „Рахманы“ живутъ подъ землею и, когда къ нимъ доплыветъ скорлупа изъ „крашанки“, тогда они празднуютъ пасху. Эта скорлупа приплываетъ къ нимъ на преполовеніе и называется „рахманьскимъ великоднемъ“.

Пѣснь о страшномъ судѣ.

(*Стецкій, Wolyń, т. I*).

Когда часъ прыходыть, же треба умираты,
Хоть яке богатство треба покидаты,
Часъ-годына уплываѣ,
Страшный судъ ся приближаѣ,
Готуймося всі!
Якъ покаже Хрыстосъ небо,
Же праведнымъ ясно,
То той часъ всімъ грішнымъ дывытыся страшно,
Очи будуть закрываты,
Бо большій страхъ будуть маты.
Якъ зыйде Хрыстосъ,
Огненныі ріки будуть клекотаты
И скверную землю очыщаты,
Піднесутся підъ небеса
Крыжемъ падемъ, острахнемся
Времья Господне.
Ой на штырі часті анголы затрублятъ,
Въ той часъ всіхъ умерлыхъ въ гробахъ збудятъ:
Всі умерши вставайте,
Отвітъ Богу оддавайте
Творцю своєму.
Грішный чоловіче, що маѣшъ діяты,
Въ той часъ не одкупыть ні отець, ні маты.

Волівъ бы я не родытьця,
Ніжъ въ пеклі смажытьця
За гріхі своі.
На Сафатовой долині зыйдутся люде,
То тамъ прыятельство вітатыся буде,
Когда крыкнуть всі святыі:
Одыйдіте, проклятыі,
Въ пропасть огненную.
А мы, хрыстыяне, грішить перестаньмо,
Предъ Сотворытелемъ крыжомъ упадаймо,
Жебъ намъ гріхі живо дароваты,
Лице ёго оглядаты
Въ небі на вікі!

Страшный судъ. „Якъ буде Страшный Судъ, то тоді уся земля горітыме и вода кипитыме, а небо скотыться у клубочокъ и впаде до долу, на землю. Усі мертві повстають изъ ямъ своіхъ и всі воны стануть трыдцятыліткамы, и старе, и мале, хтобъ якімъ не вмеръ, усі стануть однаковіхъ літъ, трыдцятыліткамы. Чортъ нарядыться Богомъ и ходытыме скрізь по-міжъ людьми съ камнемъ и золою у рукахъ; до жадного, хто крычатыме: „ой, істочки, пыточки“, — вінъ прыставатыме и пытатымется:

— Кому ты віруѣшъ: Богові, чи чортові? Повіруй мыні, ось я дамъ тобі істы й пыты. Якъ скаже та людына: „вірую тобі“, то вінъ возьме іі съ собою и поведе іі у пекло. Той камінь здоватымется людыні хлібомъ, а зола водою. А якъ відкаже ёму людына: „вірую во едыного Бога“, то чортъ и одступыть. И Богъ ходытыме по-міжъ людьмы, носытыме хлібъ и воду, а здоватымутся воны людыні камінемъ и золою. Зъ нымъ ходытыме и святый Петро. И Богъ пытатыме жадного: „кому ты віруѣшъ?“ Якъ одкаже: „вірую во единого Бога“, то тоді вінъ дасть ёму істы й пыты, а якъ скаже: „вірую тобі“, то то значыть повірыла вона чортові. Після того Богъ сяде на весельці и судытыме людей. Передъ нымъ постають усі люде. Тоді, кому Богъ скаже „одесную“, той пійде у рай, а кому скаже „ошую“, той — у пекло. Ті, що попадуть у пекло, будуть кыпіть тамъ у смолі, але ихъ може вырятувать більшъ ніхто, якъ тылько ихъ хрещені діты-хлопці“.

Болѣзни. 1. Лихорадка. [*Литинскій уѣздъ*]. Лихорадку олицетворяютъ въ образѣ молодой и красивой дѣвушки, которая обладаетъ способностью превращаться въ воздухъ. Человѣкъ, проглотившій этотъ воздухъ, вмѣстѣ съ пищею, немедленно заболѣваетъ. Въ подтвержденіе разсказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды мужикъ встрѣтилъ на дорогѣ двухъ дѣвицъ-лихорадокъ, которыя, не замѣчая его, вели между собой такой разговоръ. Одна изъ нихъ говорила „я пойду къ такому-то богатому господину, онъ особенно любитъ пить вино, и постараюсь, чтобы онъ съ виномъ выпилъ и меня“. Другая же отозвалась: „а я пойду къ такому-то бѣдному человѣку“, къ тому самому, который незамѣтно шолъ за ними и слушалъ ихъ разговоръ. Тутъ первая отозвалась: „какъ же ты это сдѣлаешь?“ — „Не безпокойся, отвѣчала вторая; я очень хорошо знаю мысли того мужика: онъ едва только переступитъ порогъ своего дома, какъ закричитъ къ своей женѣ: „жінко, вары галушки, бо дуже мыні іхъ хочется“, и, съ первою галушкой, онъ непремѣнно проглотитъ меня.

„Мужикъ, когда пришелъ домой, то дѣйствительно сильно пожелалъ съѣсть галушекъ. Когда галушки были поданы на столъ, мужикъ взялъ первую галушку, бросилъ въ заранѣе приготовленный мѣшокъ и завязалъ его веревкою. Вмѣстѣ съ галушкою, мужикъ поймалъ лихорадку и повѣсилъ ее въ трубѣ, чтобы она окоптилась дымомъ. Долго висѣла тамъ лихорадка и долго поэтому не было ее между людьми; но мужикъ, побуждаемый любопытствомъ увидѣть, что̀ сдѣлалось съ лихорадкой, неосторожно развязалъ мѣшокъ и упустилъ лихорадку. Отсюда повѣрье, что всѣ прихоти больнаго лихорадкою есть дѣло овладѣвшей имъ дѣвицы-лихорадки.

2. Холера. [*Грубешовскій и Литинскій уѣзды*]. Холеру представляютъ въ образѣ женщины, расхаживающей по селеньямъ и городамъ, въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами. Она постоянно плачетъ, и тамъ, гдѣ услышатъ ея вой, неизбѣжно слѣдуетъ смертность.

3. Чума. [*Литинскій уѣздъ*]. Чуму олицетворяютъ въ образѣ богатой госпожи, разъѣзжающей въ экипажѣ, запряженномъ шестью бѣлыми лошадьми, за которыми всегда бѣгутъ борзыя собаки. Подъѣзжая къ какому нибудь дому, чума предварительно спрашиваетъ подъ окошкомъ: „а чы єсть чума въ домі?“ И если живущіе имѣютъ неосторожность отвѣтить, что нѣтъ, то сейчасъ же заболѣваютъ и умираютъ. Для отвлеченія вниманія чумы, вынимаютъ во всѣхъ домахъ оконныя рамы, желая тѣмъ выразить, что въ тѣхъ домахъ не живетъ никто и чумѣ нѣтъ надобности быть тамъ. Чума очень богата и хитра. Она разбрасываетъ по дорогѣ и по улицамъ различныя цѣнныя вещи и даже деньги и, если кто рѣшится поднять хотя одну изъ такихъ вещей, тотъ умираетъ.

Превращенія.

[*Ушицкій уѣздъ*]. Превращенія совершаются посредствомъ волшебной веревки, которую превращенному навязываютъ на шею, и до тѣхъ поръ онъ будетъ въ превращенномъ видѣ, пока кто не сниметъ этой веревки, или она сама не порвется.

„Одинъ шляхтичъ любилъ дѣвушку, но, по какимъ-то причинамъ, не могъ на ней жениться, а женился на другой. Когда онъ ѣхалъ уже къ вѣнцу, возлѣ дома первой своей возлюбленной, то, вспомнивъ, что онъ не разъ тамъ ѣлъ и пилъ, зашелъ попросить у матери ея благословенія и вмѣстѣ просить на сватьбу. Мать той дѣвушки была волшебница, и когда онъ наклонился испрашивать благословенія, она навязала ему на шею веревку, конечно волшебную, и женихъ, вышедши изъ ея дома, тотчасъ превратился въ волка и убѣжалъ въ лѣсъ. Въ этомъ видѣ онъ пробылъ полтора года. Когда же, по повелѣнію св. Николая, ему велѣно было залѣзть въ хлѣвъ и взять указанную ему овцу, а онъ не захотѣлъ той овцы, а выбиралъ, которая показистѣе, овцы начали биться въ хлѣвѣ, и хозяева пришли посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Онъ хотѣлъ уйти, но какъ-то зацѣпился этою веревкою и оборвалъ ее. Онъ тотчасъ сдѣлался опять человѣкомъ, разсказалъ все тѣмъ хозяевамъ, и они накормили и напоили его“.

[*Литинскій уѣздъ*]. Говорятъ, что когда-то были такіе люди, что могли превращать другихъ людей въ скалы, камни и проч., но теперь такіе люди уже не существуютъ и о нихъ остались только преданія въ сказкахъ.

Въ настоящее время, по народному вѣрованію, превращенія людей въ скалы, камни и проч. могутъ быть только вслѣдствіе наказанія Божія, при проклятіи дѣтей родителями.

[*Холмская Русь*]. Есть люди, которые, по своей волѣ или по волѣ знающихся съ нечистою силой, превращаются въ разныя животныя и въ неодушевленные предметы. Секретъ превращеній неизвѣстенъ.

[*Луцкій уѣздъ*]. Колдуны, посредствомъ кувырканья нѣсколько разъ, превращаются въ „вовкулаковъ“, бѣгаютъ и дѣлаютъ большой вредъ, вызываемые особенною местью къ кому либо, а потомъ опять перекидываются и становятся опять людьми. О превращеніи людей въ волковъ разсказываютъ такъ:

„Одна крестьянка хотѣла выйти замужъ за извѣстнаго ей парня и онъ уже приготовился къ сватьбѣ; между тѣмъ она измѣнила ему и дала слово другому и чрезъ нѣсколько времени повѣнчалась съ нимъ. Тогда сторона

перваго парня сдѣлала такъ, что всѣ бывшіе на сватьбѣ превратились въ волковъ и побѣжали въ лѣсъ“.

Говорятъ, что у одного человѣка видѣли израненныя руки и ноги отъ того, что когда онъ былъ превращенъ въ волка, то бѣгалъ на рукахъ и ногахъ.

Есть люди, могущіе человѣка, превращеннаго въ волка, обратить опять въ человѣка. Для этого у нихъ есть скатерть, которая три раза лежала на столѣ въ праздникъ Пасхи. Берутъ эту скатерть, кладутъ на землѣ и гоняютъ мнимаго волка, чтобы онъ три раза перескочилъ черезъ эту скатерть, послѣ чего онъ превратится опять въ человѣка.

„Одна женщина была недовольна на свою сосѣдку, пришла къ ней ночью, забрала ходившихъ по двору утокъ и, погнавши къ себѣ, заперла ихъ подъ печью. Потомъ опять отправилась къ сосѣдкѣ, чтобы еще уворовать что либо. Между тѣмъ сосѣдка, подсмотрѣвши все это, заперла ее въ сарай, позвала на помощь сосѣда, и они, поймавши уже не женщину, а собаку, отрубили ей на передней ногѣ пальцы. На другой день хозяйка узнала, что ея утокъ нѣтъ дома. Она приходитъ къ сосѣдкѣ и видитъ, что утки ею загнаны подъ печь, а сама сосѣдка лежитъ на печи и стонетъ. На вопросъ пришедшей „что съ ней“, та отвѣчала, что ошпарила себѣ кипяткомъ руку. Но она лгала: у нея были отрублены пальцы“.

„Говорятъ, что одна женщина бросила въ воду родное дитя и сказала: „да будешь ты два года ракомъ“, и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ; но, по прошествіи одного года и шести мѣсяцевъ, одна молодая дѣвушка брала воду, съ водою вытащила и мнимаго рака, заговорившаго къ ней человѣческимъ голосомъ, что онъ обращенъ въ рака своею матерью“.

[*Винницкій уѣздъ*]. „Одна мать послала свою дочь полоть ленъ, съ условіемъ, чтобы и домой не приходила, если не выполетъ его. Дѣвушка, задумавшись, стала надъ урочною работою. Мать, желая удостовѣриться, прилежно ли работаетъ дочь надъ заданною ей работой, пошла посмотрѣть и, къ неудовольствію, увидѣвъ ее совершенно праздною, — сказала: „ото поле! (вотъ какъ полетъ) бодай же ты, доню, полола въ чуді та въ дыві“. Испугавшись этихъ роковыхъ словъ, дѣвушка сказала: „Я то полю, то стою“, какъ бы такъ говоря: „я тополею стою“ (дѣлаюсь), и вдругъ, при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву“, ея дочь-дѣвушка стала выростать въ стройную, красивую тополь. Такъ и не выполола дочь льну, и не пришла домой на-вѣки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: „дочко жъ моя, тополе моя!“